ISSN 2076-7919

ВЕСТНИК

Волжского университета имени В.Н. Татищева

Тольятти
№ 3 (105) 2023
Том 1
Юридические науки

ББК 67

12+

Юридические науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник
Волжского университета
имени В.Н. Татищева
Основан в 1998 году

№ 3 2023
В двух томах

№ 3 (105) - 2023, том 1
Сентябрь 2023 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых журналов и научных изданий, утвержденный президиумом ВАК Министерства образования и науки РФ, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
С аспирантов плата за публикации не взимается

УЧРЕДИТЕЛЬ: Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Волжский университет имени В.Н. Татищева» (институт)
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: к. п. н., доцент Т. Б. Исакова
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: к. п. н., доцент Т. Б. Исакова
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: д. ю. н., профессор А.И. Абдуллин; д. ю. н., доцент А.А. Гогин; д. ю. н., профессор И.Ю. Козлихин; д. ю. н., профессор К.С. Лакбаев (г. Караганды, Казахстан); д. ю. н., профессор С.Ю. Морозов; д. ю. н., профессор С.В. Жильцов; д. ю. н., профессор А.П. Некрасов; д. ю. н., профессор Ф.Р. Сундуров; д. ю. н., профессор В.А. Хохлов; д. ю. н., профессор И.В. Шестерякова; д. ю. н., профессор В.А. Якушин; к. ю. н., доцент С.В. Дубовиченко; к. ю. н. В.П. Карлов; к. ю. н., доцент А.М. Ораздурдыев (г. Ашхабад, Туркменистан).
EDITOR-IN-CHIEF: T. B. Isakova, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor
EDITOR-IN-CHIEF OF SERIES: T. B. Isakova, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor
EDITORIAL BOARDS: Doctor of Law, Professor A.I. Abdullin; Doctor of Law, Associate Professor A.A. Gogin; Doctor of Law, Professor I.Y. Kozlikhin; Doctor of Law, Professor K.S. Lakbaev (Karaganda, Kazkhakhstan); Doctor of Law, Professor S.Yu. Morozov; Doctor of Law, Professor S.V. Zhiltsov; Doctor of Law, Professor A.P. Nekrasov; Doctor of Law, Professor F.R. Sundurov; Doctor of Law, Professor V.A. Hohlov; Doctor of Law, Professor I.V. Shesteryakova; Doctor of Law, Professor V.A. Yakushin; PhD in Law, Associate Professor S.V. Dubovichenko; PhD in Law V.P. Karlov; PhD in Law, Associate Professor A.M. Orazdurdyev (Ashgabat, Turkmenistan).

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотации несут авторы публикаций.

Адрес редакции:
445020, г. Тольятти, ул. Ленинградская, 16, каб. 312
Тел.: 8(8482) 48-73-07
E-Mail: vestnik@vuit.ru
Сайт: www.vuit.ru

Адрес издателя:
445020, г. Тольятти, ул. Ленинградская, 16, каб. 312

ISSN 2076-7919
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-35612 от 12.03.2009 г.

Подписной индекс АО «Почта России» **ПН022**
Свободная цена

Редактор – *Т. Б. Исакова*
Компьютерная верстка – *Т.Б. Исакова*

Подписано к печати 25.09.2023.
Дата выхода в свет: 30.10.2023
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. п.л. 27,44.
Тираж 500 экз. Заказ № 206.
Отпечатано в типографии ВУиТ
445020, г. Тольятти,
ул. Ленинградская, 16

© Авторский коллектив, 2023
© Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ 5

Благов Ю.В.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 5

Гогин А.А., Федорова А.Н.
РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА С СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ 15

Микаэлян Р.С., Травин А.В., Евграфова И.В.
СТАНОВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 26

Панкратова М.Е., Фофанова А.Ю.
РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ, РЕГУЛИРУЮЩЕЙ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЮРИСТОВ У РАБОТОДАТЕЛЕЙ 34

Рашева Н.Ю.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 44

Семенова М.С.
ПРОЦЕСС И ПРИЧИНЫ РАЗРАБОТКИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1956-1964 гг. В РСФСР . 56

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ 69

Кафаров А.Д.
СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН СНГ 69

Косолапов М.Ф.
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ 81

Пестова Т.П.
ДИСТАНЦИОННОЕ (УДАЛЕННОЕ) УЧАСТИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ 91

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ 103

Маштаков И.В.
ЗАМЕЩАЮЩАЯ СДЕЛКА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА .. 103

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ 114

Балафендиев А.М., Мифтахов А.М., Рамадан М. Д.
НАКАЗАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 114

Балафендиев А.М., Хабибуллин Н.Э., Рамадан М. Д.
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ 122

Дубовиченко С.В. Карлов В.П.
КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК ХИЩЕНИЯ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ 132

Мирончуковская В.В., Полтавский Б.С.
МОЛОДЕЖНЫЙ И ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ ..142

Мишин А.В.
ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ КАК МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 153

Некрасов А. П.
ЦИФРОВЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МОБИЛЬНЫХ СВЯЗЯХ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 161

Ораздурдыев А. М.
СОВМЕЩЕННЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА 171

Титов С.Н.
ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ 179

Южиков А.А.
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВАНДАЛИЗМА 189

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ 197

Карлов В.П.
ВОСЬМОЕ МАРТА - ПРАЗДНИК ИЛИ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИНАМИ СВОИХ ПРАВ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, РЕАЛЬНОСТЬ 197

Микаэлян Р.С., Травин А.В., Евграфова И.В.
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПУТИ РЕШЕНИЯ 207

Никитенко С.В.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ 215

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 230

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК: 34.01; 321.011
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_5

Благов Ю.В.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Blagov Yu.V.

THE GLOBALIZATION AND ITS IMPACT ON THE LEGAL POLICY OF THE FOREIGN COUNTRIES

Ключевые слова*: глобализация, суверенитет, мировое сообщество, глобализационные процессы, государство, мировая экономика, национальные границы, глобальные монополии, политика, культура.*

Keywords: *globalization, sovereignty, world community, globalization processes, state, world economy, national borders, global monopolies, politics, culture.*

Аннотация: *статья освещает такое явление как глобализация и показывает её влияние на правовую политику зарубежных стран. Каждая историческая эпоха имеет свою специфику и свои особенности, которые определяются соответствующим типом общественного развития. Одним из таких типов, регламентирующим современные условия жизнедеятельности человечества, выступает глобализация. Именно она привнесла в новый мир такие тенденции, которые стали определяющими в жизнедеятельности развития человечества в конце XX в. начале XXI в. и привели к интенсификации процессов интеграции на цивилизационном и общемировом уровне развития. Это, в свою очередь, обусловило возникновение новых форм взаимодействия как цивилизаций, так и отдельных обществ в частности.*

Современный вариант глобализации сопровождается гомогенизацией мира, которая обусловливает появление новых субъектов мирового пространства, так называемых транснациональных управленческих структур, с которых и начинается отсчет новой формы самоорганизации мировой. Общенациональные структуры как субъекты формирования нового типа общественного развития занимают разные позиции: от наивысшей активности до самой высокой инертности. Некоторые из них являются первопроходцами, другие следуют за ними с определенным временным интервалом, третьи вообще пытаются остаться в стороне, приобщаясь к процессу глобализации лишь под давлением обстоятельств.

Современная же система мировых взаимоотношений, сложившаяся за последние десятилетия, столь сложна и нестандартная, что предугадать особенности ее развития практически невозможно. Ведь она подтверждает переход от относительной автономности в пределах определенной юрисдикции с соответствующим преобладанием некоторых элементов в ней, указывает на полисистемность такого постмодернистского типа общественного развития, как глобализация, что сопровождается появлением новых социальных рисков в развитии некоторых обществ. Это фактически приводит к появлению новых неожиданных вариантов общественного развития, которые не всегда заданы новыми

исходными условиями глобализации и новых субъектов и контрсубъектов глобализационного развития.

Abstract: *the article highlights such a phenomenon as globalization and shows its impact on the legal policy of foreign countries. Each historical epoch has its own specificity and its peculiarities, which are determined by the corresponding type of social development. One of these types, regulating the modern conditions of life of mankind, is globalization. It is it that brought to the new world such tendencies that became determinant in the life activity of human development in the late twentieth century and early twentieth century and led to the intensification of integration processes at the civilizational and global level of development. This, in turn, led to the emergence of new forms of interaction between civilizations and individual societies in*

The modern version of globalization is accompanied by the homogenization of the world, which causes the emergence of new subjects of the world space, the so-called transnational management structures, from which the countdown of a new form of self-organization of the world begins. Nationwide structures as subjects of formation of a new type of social development occupy different positions: from the highest activity to the highest inertness. Some of them are pioneers, others follow them with a certain time interval, and others try to stay aside, joining the process of globalization only under the pressure of circumstances.

The modern system of world relations, which has developed over the past decades, is so complex and non-standard that it is almost impossible to predict the features of its development. After all, it confirms the transition from relative autonomy within a certain jurisdiction with the corresponding predominance of some elements in it, indicates the polysystemic nature of such a postmodern type of social development as globalization, which is accompanied by the emergence of new social risks in the development of some societies. This actually leads to the emergence of new unexpected variants of social development, which are not always set by the new initial conditions of globalization and new subjects and counter-subjects of globalization development.

Глобализационные процессы проникают во внутригосударственную сферу через экономические, информационные, международно-правовые и другие каналы. Государство вынуждено брать на себя не свойственные ей ранее функции (информационная безопасность, инновационная деятельность), а также модернизировать предыдущие, присущие ей функции[1]. С середины XX в. под влиянием различных международных процессов, в частности, интеграции многих государств в мировое экономическое и политическое пространство, которые сегодня получили особое усиление, существенной трансформации подвергается государственный суверенитет, который с момента своего возникновения и правового закрепления в рамках Вестфальской международной системы тесно связан с государством. Считают, что проблему кризиса суверенитета национального государства обусловили события 90-х годов конца XX-начала XXI в.

Процессы глобализации приводят к радикальному изменению позиций национальных государств. Растет количество негосударственных субъектов (глобальных межгосударственных и международных объединений), которым государство передает часть своих функций. Ограничивается власть национального правительства, государство в целом как совокупность органов становится вовсе не обязательным, соответственно правительства имеют все меньше

[1] Володенков С.В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. - С. 148-160.

возможностей управлять своими корпорациями. И в результате этого государства теряют свою национальную идентичность. Ослабление национального суверенитета и в дальнейшем будет продолжаться и потребует создания и расширения возможностей политического действия на наднациональном уровне.

Тем самым, последствия влияния глобализации проявляются в трансформации государственного суверенитета, системы органов государства, правовых средств. Такие тенденции глобального развития обусловливают особую значимость исследования статуса и роли современного государства и формирования сценария функционирования государства и международных социальных институтов в социально-политической системе. Это позволит оценить реалии настоящего и предотвратить негативные тенденции в будущем.

Понятие, проблемы и свойства суверенитета рассматривались в трудах таких ученых юридических наук как А. Л. Бредихин в совместной работе с Е.Д. Проценко «Принципы и свойства государственного суверенитета» в Академическом юридическом журнале, Т. А. Васильева в научной статье «Концепция суверенитета в условиях глобализации и европейской интеграции» в журнале «Конституционное и муниципальное право», В. В. Гончаров в научной статье «Государственный суверенитет и глобальный конституционализм: вопросы соотношения» в журнале «Юридическая наука», А. С. Морозова в совместной работе с А. Т. Карасевым «Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета» в журнале «История государства и права», и многих других.

О том, как влияют проблемы суверенитета в условиях глобализации можно найти в трудах ученых юридических наук А. А. Ковалева в научной статье «Глобализация и вопрос трансформации государственного суверенитета» в Евразийском юридическом журнале, С. М. Кукушкиной в научной статье «Влияние глобализации на государственный суверенитет: положительные и отрицательные моменты» в журнале «Пробелы в российском законодательстве», Л. В. Терентьевой в научной статье «Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов» в Журнале Высшей школы экономики, подраздел «Право», В. И. Червонюк в научной статье «Глобализация, государство, право» в журнале «Государство и право», Н. Н. Юрченко в научной работе «Современные политические процессы и кризис глобализации» в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» и других.

Глобализация как новый тип общественного развития приводит к тому, что стираются границы между внутренней и внешней политикой государства, в результате этого появляются глобальные инструменты управления и институты обеспечения реализации такого управления. Такие институты трансформируют суверенитет национальных государств, а в соответствии с этим меняют структуру национальных границ. В соответствии с этим традиционные инструменты общественного развития теряют свою силу и значимость, ведь разрушаются национальные экономические и политические структуры, выводится из научно-практического обращения понятие государственного суверенитета, внедряются новые правовые критерии стабилизации общественного развития в общемировом контексте. Зато появляются новые инструменты, построенные на принципах геостратегического партнерства, которые довольно часто могут приводить к так называемой «социальной деформации», которая усиливает противоречия между национальными и геополитическими стратегиями развития.

Глобализация как новый тип общественного развития выполняет соответствующие функции. К таким функциям це-

лесообразно отнести содействие, стимулирование, трансформацию, порождение и приведение к единому знаменателю различных аспектов мировых связей. Это, в частности, свидетельствует о том, что глобализация приводит к возникновению нового качества в развитии современного мира. Символическими характеристиками возникновения такого качества являются заимствование и гомогенность в налаживании мировых связей, которые обеспечивают целостность в функционировании современного мира.

Современные ученые-правоведы под глобализацией понимают процесс планетарного единения различных сфер человеческой деятельности, который охватывает производство, технологию, финансы, торговлю, культуру, политические и государственные институты.

В условиях глобализации суверенитет сужается: мировое сообщество оказывает свое влияние, иногда жесткое, в отношении стран-нарушителей международного права и договоренностей, а прочные мировые экономические наднациональные силы также влияют на трансформацию государственного суверенитета. Иногда наблюдается тенденция добровольного делегирования полномочий государства мировым, региональным и международным организациям и объединениям, то есть внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальным правом и обычаями, сужаются путем добровольного отказа от суверенов своих суверенных прав, а международное право или право определенного сообщества, в свою очередь, расширяется.

Также глобализацию можно определить как углубляющуюся международную интеграцию, которая охватывает информационный обмен, распространение мировой культуры и политики, а также взаимозависимость торговли и производства, а также то, как эти отношения развиваются и разворачиваются внутри национальных государств.

Обосновывая концепцию глобализации как нового типа общественно развития Бауман рассматривает ее как важный параметр современного бытия человечества, который является универсальным ключом в достижении всех современных реалий. С его точки зрения Главной особенностью общественного развития в современных условиях глобализации является возникновение новых форм неравенства между людьми. Такие формы неравенства, по мнению ученого, принципиально отличаются от периода пролетаризации XIX-XX вв. и указывают на новый эффект, который получит мир в результате влияния глобализации. Каким будет этот эффект положительным или отрицательным пока ученый не описывает, однако указывает на то, что он будет принципиально отличать современную модель развития мира от существования всех предыдущих. Это свидетельствует об определенной амбивалентности в исследовательском подходе, что тем самым не позволяет в полной мере раскрыть новые качества, которые будут характеризовать развитие мира в условиях глобализации.

В основном процесс глобализации как новый тип общественного развития целесообразно рассматривать только в том контексте, если он является средством стимулирования трансформационных условий развития общества, чтобы те соответствовали общемировым критериям развития.

Таким образом, глобализация как новый тип общественного развития приводит к возникновению на едином мировом рынке глобальных монополий, которые почти не поддаются регулированию государствами и международной бюрократией (международной бюрократии сегодня противостоят во многом неформальные финансово-информационные группы, которые в принципе не поддаются традиционному представлению). То есть глобализация как но-

вый тип общественного развития свидетельствует о том, что настало время перейти к решению основных проблем, которые сегодня стоят перед человечеством. Это, в свою очередь, подтверждает исчерпаемость традиционных механизмов развития человечества и необходимость изменения прошлой его парадигмы[1].

Важно отметить, что существуют положительные и отрицательные стороны процессов глобализации. А значит, развитие научно-технического прогресса, уменьшение скачков в экономике, а, следовательно, и снижение цен; повышение производительности труда; возможность стран третьего мира сравняться или опередить передовые государства, чтобы улучшить экономическое положение — все это относится к преимуществам глобализации[2].

Исследуя институт глобализации необходимо обратить внимание на политические конфликты как сопутствующие процессы.

Полагаем, существующий конфликт постоянно сопутствует человечеству и проявляется в разных формах, а именно, от споров, дискуссий, необоснованной пропаганды до таких крайних форм, как революция, война, терроризм[3].

Несмотря на положительный эффект, который несут процессы глобализации, население большинства государств не смогли правильно ее воспринять. Однако, глобализация сегодня не контролируется развитыми государствами и международными организациями, что повлекло за собой огромное число конфликтов и вооруженных столкновений в странах «третьего мира», а, следовательно, огромное число региональных и международных конфликтов. Таким образом, появляется еще одна проблема — это проблема миграции в современном мире.

Так, в XXI веке мобилизация общественного движения все чаще обусловливается глобальными факторами, такими как изменение климата, универсальные модели экономической либерализации и международная миграция. Часто глобальные условия опосредуются национальными и местными условиями с точки зрения вероятности возникновения коллективных действий и формы, которую они принимают. Действительно, значительная часть исследований общественного движения фокусируется на непосредственных местных и национальных контекстах, формирующих рост коллективных действий, особенно на политических возможностях, угрозах, инфраструктуре ресурсов и способности превращать жалобы в сильные мобилизующие призывы. Модели политического процесса и политического посредничества преобладают в исследованиях социальных движений и в основном сосредоточены на коллективных действиях внутри национальных государств.

Сравнительные и исторические исследования, использующие такие рамки, также демонстрируют, как социальные движения развивались в тандеме с развитием национального государства - от местных и региональных движений, нацеленных на близлежащие власти и элиты, до акцента на предъявлении претензий, направленных на национальные правительства и парламенты, которые становятся все более распространенными к концу девятнадцатого века. Эти национальные структурные перспективы оказали особое влияние на объяснение сроков возникновения местных и национальных движений, но реже применялись для

---

[1] Кефели И. Ф. Глобалистика. Экополитология: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Издательство Юрайт, 2018. - С.102.

[2] Дробот Г. А. Мировая политика: учебник для академического бакалавриат. - 2-е изд., пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. - С.215.

[3] Смирнов Г. Н. Политология. Россия в мировом политическом процессе: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Г. Н. Смирнов, А. В. Бурсов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. - С.173.

увязки глобальных условий со вспышками в коллективных действиях.

Несмотря на этот акцент на динамике социальных движений внутри национальных государств, также растет признание того, что экономические и культурные процессы, охватившие весь мир, сформировали движения. По мере роста глобальной интеграции и осведомленности о глобализации, как представляется, наблюдается большая синхронность и взаимосвязанность действий гражданского общества. Эти коллективные реакции включают мобилизации, связанные с глобальным потеплением, жесткой экономией и финансовым кризисом, правами иммигрантов, а также ответные мобилизации, основанные на этнонационализме и религиозном фундаментализме[1]. Последние теоретические подходы и эмпирические исследования изучают влияние глобальных процессов изменений в долгосрочной перспективе и на местные, национальные и транснациональные социальные движения.

Долгосрочные исследования глобализации и социальных движений выявляют структурные особенности и основные сдвиги в мировой экономике и структурах управления на протяжении нескольких десятилетий (или даже столетий) и эмпирически связывают эти изменения с конкретными формами и группами народных разногласий по всему миру. Эти сдвиги варьируются от абсолютного территориального расширения глобальной экономики и колониальной экспансии до циклов экономического роста и сокращения, а также качественных изменений в формах капитала и средствах коммуникации. Историки-компаративисты считают, что экономическая интеграция произошла в ходе нескольких волн глобализации и деглобализации за последние 500 лет с важными последствиями для коллективных действий.

Классическое исследование Поланьи 1944 года о трансформации позднефеодальной Европы в зарождающееся городско-индустриальное общество за 400 лет показывает, как угрозы существованию сообщества и социальному воспроизводству порождали контрдвижения для защиты уязвимых групп, когда они были лишены традиционных источников социального обеспечения и защиты. Пивен и Клоуард приводят аналогичные аргументы в отношении долгосрочного расширения и сокращения социального обеспечения, формирующего коллективные действия.

Расширение и углубление капитализма происходило в контексте подъема и падения основных держав-гегемонов; волн колонизации, в ходе которых европейские державы подчинили и захватили большую часть Азии, Америки и Африки; и волн деколонизации, которые распространили европейскую систему формально суверенных государств на глобальную периферия. Интенсификация капиталистического производства и увеличение размеров национальных государств, игравших роль гегемонов, были вызваны движениями сопротивления, которые располагались как внутри основных государств, так и, что важно, на периферии и полупериферии. В то время как геополитическая структура глобальной системы всегда была многополярной, поскольку ядро состоит из множества конкурирующих и объединяющихся государств, система в целом меняется по степени иерархии из-за возвышения и падения гегемонов. Каждая из гегемоний (Голландия в семнадцатом веке, Великобритания в девятнадцатом веке и Соединенные Штаты в двадцатом веке) ранее были полупериферальными государствами, которые поднялись до статуса ядра и гегемонии в борьбе с соперничающими великими державами. Их успехи были частично основаны на их спо-

[1] Юрченко Н.Н. Современные политические процессы и кризис глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. 2015. № 8. - С. 127-130.

собности управлять сопротивлением снизу более эффективно, чем их конкуренты.

Можно выделить следующие десять групп мировых революций между 1492 и 1992 годами: крестьянские восстания и начало протестантской реформации (1522-1525); религиозные войны по всей Центральной Европе (1556-1581); многочисленные восстания и движения за независимость в Европе (1640-1648); североамериканская, Французская и Гаитянская революции, а также латиноамериканские движения за независимость (1776-1820); Европейские восстания (1848); падение Австро-Венгерской и Османской империй и Мексиканская, Китайская и Российская революции (1910-1919); Бандунгская конференция и движения за деколонизацию в Азии и Африке (1944-1954); кубинская революция и борьба за деколонизацию в Африке (1959-1969); студенческие восстания в Китае, Европе и Соединенных Штатах (1964-1970); и революции в Восточной Европе (1989-1992). Эти группы коллективного бунта за последние 500 лет были сильнее в периоды между длительной экономической стагнацией и возобновлением экономического роста. Распад империй, межгосударственные войны и вызовы слабым государствам снизу также способствовали возникновению революционных ситуаций в тот же период времени.

Идея мировой революции - это широкое понятие, которое охватывает все виды актов сопротивления иерархии, независимо от того, координируются ли они, которые происходят относительно близко друг к другу во времени. Местные повстанцы обычно не знали друг о друге и не были связаны друг с другом, но они были косвенно связаны через иерархические сети колониальных империй и иностранные службы гегемонов. Исследователи массового восстания обычно концептуализируют идею революции как серию событий, происходящих внутри национального общества, в которых новые социальные силы приходят к государственной власти и перестраивают социальные отношения. Нет глобального государства (пока), которое могло бы взять власть в свои руки. Однако существует глобальная политика, мировой порядок, который эволюционировал в ответ на эти группы восстаний. Именно это мировое государство или мировой порядок является ареной борьбы, в рамках которой происходили мировые революции, и которые мировые революции перестраивали.

Заметим, что требования, выдвигаемые в ходе мировой революции, обычно не становятся институционализированными до тех пор, пока не произойдет более позднее консолидирующее восстание. Следовательно, революционеры, казалось, проиграли, не сумев добиться своих самых радикальных требований, но просвещенные консерваторы, которые пытались управлять гегемонией, в конечном итоге включили реформы, которые ранее были радикальными требованиями, в нынешний мировой порядок, чтобы ослабить сопротивление снизу. Важно, чтобы историки-социологи указывали на сходства и различия между группами межрегиональных восстаний, чтобы иметь возможность точно оценивать современные движения, движимые процессами глобального уровня. И контекст, и действующие лица менялись от одной мировой революции к другой.

Несколько исторических исследований между восемнадцатым и двадцатым веками связывают расширение глобальной капиталистической экономики с возникновением групп общественного движения сопротивления. Колониальная экспансия вызвала серию восстаний различного характера - от восстаний против рабства до религиозных и националистических мобилизаций. Стремительный рост мировой экономики в течение так называемого долгого восемнадцатого века (1750-1850) подгото-

вил почву для моралистических движений, восстаний рабов и мессианских мобилизаций в Азии, Африке и Латинской Америке. Каждое движение изначально было вызвано расширением мирового рынка, но формировалось под влиянием местных условий. Ученые попытались продемонстрировать соответствие конкретных фаз экономических циклов Кондратьева за последние 200 лет совокупности движений за мир, избирательное право женщин, борьбу в сельской местности, национальное освобождение и экологию.

Таким образом, глобальная политическая экономия и перспективы мировых систем подчеркивают долгосрочные волны глобализации через расширяющуюся (а иногда и сокращающуюся) мировую экономику, важность глобального неравенства и взлет, и падение гегемонов. Эти крупномасштабные макропроцессы формируют условия для сгруппированных во времени групп коллективных действий и революций.

Уделяя особое внимание экономическим структурам и взаимозависимости национальных государств, подходы глобальной политической экономии подчеркивают материальные интересы и мотивы, стоящие за современными движениями против свободной торговли и приватизации и движениями против жесткой экономии. Эти подходы также сосредоточены на артикуляции борьбы по всему миру в рамках процесса Всемирного социального форума. Такие макроисследования выиграют от более точного определения промежуточных механизмов, стимулирующих коллективные действия на местном и национальном уровнях в рамках групп движений, вызванных глобально. Это включает в себя определение предполагаемых угроз и сбоев в глобальной экономической экспансии и классификацию имеющихся организационных инфраструктур, которые поддерживают и распространяют оппозиционные движения.

Долгосрочные последствия социальных движений, вызванных глобальными изменениями, являются, возможно, наиболее важным аспектом для эмпирического документирования. Долгосрочные исследования глобализации подчеркивают результаты исторических волн активности общественных движений. Считается, что эти кластеры массовой мобилизации изменили идеологические рамки, организационные структуры и отношения власти в глобальном масштабе.

Борьба, которая лишь частично успешна, иногда меняет политический дискурс, вводя новые способы мышления и организации на мировой арене. Политика элиты часто является реакцией на предполагаемую силу популярных общественных движений, охватывающих несколько стран. Они могут принимать форму репрессий, но иногда просвещенные консерваторы проводят реформы, направленные на то, чтобы принять более радикальные вызовы со стороны популистских общественных движений, включая отмену рабства и демократизацию. «В эпоху возрастающих глобальных рисков социальные движения обеспечивают пути к институциональным изменениям, которые решают проблемы глобального уровня, оказывая давление на государства, экономические элиты и международные организации, чтобы они рассмотрели альтернативные способы действий. На нынешней фазе неолиберализма эти институциональные изменения, которых требуют международные движения, часто представляют собой транснациональные соглашения между неправительственными организациями (НПО) и частным сектором, поскольку правила свободной торговли ослабляют регулирующую власть национальных государств, особенно в организационных областях экологических и трудовых стандартов»[1].

[1] Иванов О. Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации / О. Б. Иванов // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2018. - № 1. - С. 7-30.

В Европе созданные оппозиционные партии в Испании и Греции установили симбиотические отношения с гражданскими движениями, выступающими против политики жесткой экономии после Великой рецессии. В Португалии в 2013 году вспыхнула волна протеста против жесткой экономии и внешнего долга, при этом основная оппозиционная инфраструктура была создана профсоюзами государственного сектора и левыми оппозиционными партиями в союзе с так называемыми новыми общественными движениями молодежи, мобилизующимися в основном с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)[1].

Социальные движения и коллективное поведение долгое время были важными стимулами социальных изменений, и по мере того, как человеческие общества становились все больше и больше связанными друг с другом, социальные движения проявлялись в глобальном масштабе: они вызваны глобальными процессами и способствуют эволюции глобальных институтов и глобальной культуры. Глобальные социальные изменения были и остаются противоречивым процессом, в котором местные, национальные и транснациональные группы людей сотрудничают, конкурируют и конфликтуют друг с другом. Местные и национальные движения по-разному реагируют на процессы глобализации в зависимости от инфраструктуры ресурсов, политических условий и их способности адаптировать шаблоны мирового общества к институтам коренных народов. По сравнению с левыми движениями мы гораздо меньше знаем о мобилизации правых и ответной реакции на местном и национальном уровнях. Транснациональные движения, вероятно, будут продолжать набирать силу по мере продвижения столетия, учитывая растущую плотность организационных и коммуникационных связей. Такие движения, как "Климатическая справедливость", играют все более важную роль, используя инструменты цифровой эры для привлечения внимания и оказания давления на национальных и международных политиков в кампаниях планетарной мобилизации[2]. Эти события создают благодатную почву для изучения движения, чтобы разрабатывать и использовать новые методы сбора данных из обилия новых данных социальных сетей, генерируемых активистами. Двадцать первый век обещает стать продолжением этих процессов, но, надеюсь, человечество уже научилось избегать разрушений и катастроф, которые произошли в первой половине двадцатого века.

Таким образом, процессы глобализации представляют собой возможность тесных контактов между государствами и культурами. Поскольку глобализация носит общемировой характер, она является и основанием коренных преобразований важных сфер человеческой жизни, а именно, экономических, политических, социально-культурных и идеологических сфер. Поэтому в настоящее время должно формироваться субъективное цивилизационное содержание глобализационных процессов, а также нужно правильно задать вектор общечеловеческого развития для того, чтобы произошли необходимые трансформации геополитической карты мира.

[1] Кутюр, С., Тоупин, С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С.48-66.

[2] Ефремов, А. А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. 2019. №1. С.47-61.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Благов, Ю.В. Актуальные проблемы суверенитета в условиях глобализации: различные аспекты / Ю.В. Благов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 3 (102). - С. 5-11.
2. Благов, Ю.В. Проблемы суверенитета в современном мире / Ю.В. Благов // В сборнике: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся школ. Материалы конференции. Тольятти, 2021. - С. 7-9.
3. Бредихин, А. Л., Проценко, Е. Д. Принципы и свойства государственного суверенитета / А. Л. Бредихин, Е.Д. Проценко // Академический юридический журнал. - 2016. - № 3. - С. 4-12.
4. Васильева, Т.А. Концепция суверенитета в условиях глобализации и европейской интеграции / Т. А. Васильева // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. - С. 7-9.
5. Володенков, С.В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики / С.В. Володенков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. - С. 148-160.
6. Гончаров, В.В. Государственный суверенитет и глобальный конституционализм: вопросы соотношения / В. В. Гончаров // Юридическая наука. 2017. № 3. - С. 37 – 44.
7. Дробот, Г. А. Мировая политика: учебник для академического бакалавриата / Г.А. Дробот. -. 2-е изд., пер.и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. – 393 с.
8. Ефремов, А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации / А.А. Ефремов // Правоведение. 2019. - №1. - С.47-61.
9. Иванов, О.Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации / О.Б. Иванов // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2018. - № 1. - С. 7-30.
10. Кефели, И.Ф. Глобалистика. Экополитология: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / И.Ф. Кефели. - М. : Издательство Юрайт, 2018. – 165 с.
11. Ковалев, А.А. Глобализация и вопрос трансформации государственного суверенитета / А. А. Ковалев // Евразийский юридический журнал. 2012. № 11 (54). - С. 8-9.
12. Кукушкина, С. М. Влияние глобализации на государственный суверенитет: положительные и отрицательные моменты / С. М. Кукушкина // Пробелы в российском законодательстве. М., 2011. - № 1. – С. 84- 86.
13. Кутюр, С., Тоупин, С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? / С. Кутюр, С. Тоупин // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С.48-66.
14. Смирнов, Г.Н. Политология. Россия в мировом политическом процессе: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Г.Н. Смирнов, А. В. Бурсов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. – 255 с.
15. Терентьева, Л.В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов / Л. В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. - №. 1. - С. 187-200.
16. Юрченко, Н.Н. Современные политические процессы и кризис глобализации / Н. Н. Юрченко // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. 2015. № 8. С. 127-130.
17. Resolution of the Sejm of the Republic of Poland of 11 April 2003 regarding sovereignty of Polish legislation in the area of morality and culture // Yearbook of Polish European Studies. –Warsaw, 2003. P. 199.

Дата поступления: 31.08.2023

УДК 340.0
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_15

Гогин А.А., Федорова А.Н.

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА С СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Gogin A.A., Fedorova A.N.

DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS FROM THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY TO THE PRESENT

Ключевые слова: *государство, общество, реформы, принципы, гражданский процесс, гласность, открытость, культура судопроизводства, традиции, преемственность.*

Key words: *state, society, reforms, principles, civil procedure, publicity, openness, culture of legal proceedings, traditions, continuity.*

Аннотация: *в данной публикации предметом проведенного исследования выступают принципы Устава гражданского судопроизводства, утвержденного 20 ноября 1864 г. указом императора Александра II. Этот законодательный акт наравне с такими документами, как: Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, назначаемых мировыми судьями, явились фундаментальной базой судебной реформы Российской империи.*

Названные директивы имели определенные изъяны и спорные формулировки. Однако это не снижает общего позитивного восприятия правовых принципов и других прогрессивных начинаний, впервые пришедших в жизнь российского общества и государства.

Многие положения дореволюционных установлений сохранили свою ценность, как в советский период отечественной истории, так и в настоящее время. В частности, об этом говорит содержание ряда статей ГПК РСФСР 1923 и 1964 гг. В известной степени, они также отражены и в ныне действующем ГПК РФ 2002 г.

Все принципы права (общие, отраслевые, межотраслевые) призваны определять пути совершенствования правил самого широкого спектра, исходящих от государства: законов, подзаконных актов, иных установлений, имеющих нормативно-правовой характер.

Принципы являются связующей нитью между главными путями развития цивилизованного общества и правовой системой страны. На основе принципов, данная система объективно приспосабливается к запросам социума и становится совместимой с ними.

По своей сущности, роль принципов гражданского судопроизводства состоит не только в том, чтобы способствовать четкому исполнению законов и принятию справедливых решений. В известной мере, принципы призваны стимулировать элементы правовой культуры.

Abstract: *in this publication, the subject of the study is the principles of the Charter of civil proceedings, approved on November 20, 1864 by decree of Emperor Alexander II. This legislative act is on a par with such documents as: Establishment of court rulings; The Charter of Criminal Proceedings and the Charter on Punishments Administered by Justices of the Peace were the fundamental basis for the judicial reform of the Russian Empire.*

These directives had certain flaws and controversial wording. However, this does not reduce the general positive perception of legal principles and other progressive undertakings that first came into the life of Russian society and the state.

Many provisions of pre-revolutionary institutions have retained their value, both in the Soviet period of national history and at the present time. In particular, this is evidenced by the content of a number of articles of the Code of Civil Procedure of the RSFSR of 1923 and 1964. To a certain extent, they are also reflected in the current Code of Civil Procedure of the Russian Federation of 2002.

All principles of law (general, sectoral, intersectoral) are called upon to determine ways to improve the widest range of rules emanating from the state: laws, by-laws, other regulations of a regulatory nature.

The principles are the connecting thread between the main ways of development of a civilized society and the legal system of the country. Based on the principles, this system objectively adapts to the demands of society and becomes compatible with them.

By its very nature, the role of the principles of civil justice is not only to promote the precise execution of laws and the adoption of fair decisions. To a certain extent, the principles are designed to stimulate elements of the legal culture of all participants in a particular process.

Введение

Прежде чем рассматривать основные вопросы, являющиеся темой публикации, необходимо изложить краткую характеристику гражданского процесса. По своему предназначению, он является одним из важнейших правовых инструментов, призванных разрешать спорные ситуации, возникающие во взаимосвязях между членами социального общества. Термин «процесс» образован от лат. processus – течение, ход, последовательная смена определенных явлений или состояний[1].

Ведущим свойством гражданского процесса выступает его сугубо юридический характер. Это означает точное и детальное правовое регулирование системы соответствующих судебных действий и связанных с ними разнообразных социальных отношений.

При этом не допускается наличие каких-либо элементов хаотичности и самодеятельности в поведении участников процесса. В силу названных обстоятельств, гражданский процесс состоит из нескольких обязательных и последовательных стадий, четко установленных законом и не подлежащих произвольному толкованию.

Цивилизованный характер отечественный гражданский процесс стал приобретать в середине XIX века. Тогда, после отмены крепостного права, наступила эпоха так называемых «великих реформ», затронувших практически все стороны жизни российского общества и государства.

20 ноября 1864 г. император Александр II подписал Указ правительствующему Сенату об утверждении четырех базовых законодательных актов, посредством которых самым коренным образом реформировалась судебная система нашей страны того времени. Означенные директивы носили следующие наименования:

- Учреждение судебных установлений;
- Устав уголовного судопроизводства;
- Устав гражданского судопроизводства;
- Устав о наказаниях, назначаемых мировыми судьями[2].

Авторами утверждается, что вне зависимости от властных деклараций, отрицающих преемственность с прошлыми норма-

[1] Словарь иностранных слов в русском языке. М. – ЮНВЕС. – 1996. – С. 572.

[2] Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/.

тивными правилами, в советском гражданском процессуальном законодательстве нашли отражение многие ведущие принципы права, увидевшие свет в эпоху «великих реформ».

Фундаментальность УГС также заключается в том, что даже через многие десятилетия после его обнародования, наблюдается наличие глубоких корней между его положениями и принципами современного ГПК РФ, вступившего в действие в 2002 г.

Эти особенности авторы постарались отразить в предлагаемой статье, ибо качественные научные достижения прошлого и поныне не утратили своего ценностного значения. Они могут служить примером оптимальной разработки законодательных требований, отвечающих социальным и государственным потребностям, запросам физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций).

Методологической основой проведенного изыскания являются общенаучные способы познания: диалектический метод и историко-правовой подход; классические приемы анализа и синтеза, а также частноправовой, формально-логический метод. Это объясняется несколькими знаковыми обстоятельствами:

а) материалистическая диалектика представляет собой основу, на которую опирается подавляющее большинство отечественных исследователей, ставящих главной целью всестороннее и непредвзятое изучение искомого объекта.

С позиции материалистической диалектики любые социально значимые события или явления, исследуются в движении, развитии, в постоянных или временных контактах с другими, не только многочисленными, но и единичными факторами, имеющими существенный гражданский резонанс;

б) историко-правовой подход позволяет сравнить и сопоставить непосредственные юридические построения, руководствуясь которыми в разные периоды жизни российского общества и государства регулировались, как наиболее существенные, так и рутинные вопросы повседневного бытия.

При осмыслении исследуемого объекта с историко-правовых позиций наиболее четко раскрывается уровень законотворческой культуры представителей высших звеньев государственной власти определенной эпохи; адекватность нормативных дозволений, запретов и ограничений насущным потребностям различных классов. социальных слоев и групп населения.

«Назначение и роль каждого отдельного правового явления, как и закономерность его развития, находятся в прямой связи и зависимости от сущности того исторического типа права, составной частью которого оно является», - говорил Д.А. Керимов[1];

в) анализ находится в неразрывном взаимодействии с законом материалистической диалектики движения от общего к частному. В такой ситуации властные установления, закрепленные в рассматриваемых юридических конструкциях, подлежат разделению на определенные составные элементы, каждый из которых оценивается обособленно. Это позволяет учесть специфические черты и индивидуальные особенности исследуемого предмета;

г) в свою очередь, посредством синтеза, означенные части объединяются в единое целое, представляющее собой конечный результат проведенной научно-исследовательской работы. В подобном случае главная роль отводится закону материалистической диалектики движения от частного к общему. В соответствии со сложившейся практикой, синтезированные итоги находят свое отражение в конечных выводах и предложениях, представленных авторами изыскания;

д) в ходе подготовки публикации обращение к частноправовому, формально-логическому методу познания дало воз-

[1] Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 5-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – с. 222.

можность взвешенно оценить конкретные нормативные материалы; рассмотреть правила юридической техники; уяснить и сопоставить смысл и содержание сходных правовых норм разных исторических периодов, пройденных нашим обществом и государством.

«Формально-логический метод справедливо считается частноправовым, несмотря на то, что в его основе лежат общие, логические и специальные грамматические методы», - констатирует В.М. Сырых[1].

Актуальность представленной статьи обусловлена тем, что, несмотря на многочисленные изменения и дополнения, внесенные в ГПК РФ за прошедшие годы, некоторые элементы его содержания остаются спорными. Сравнительный анализ и сопоставление с другими актами, позволяет утверждать, что они нуждаются в определенных коррективах и поправках. Личная авторская позиция сформулированы в заключительной части работы.

Проведенное исследование преследует следующие цели:

1) осмыслить исторический путь становления и развития принципов гражданского процессуального законодательства в период с 1864 г. по текущий момент;

2) взвешенно и непредвзято оценить современный уровень ведущих принципов гражданского процессуального права РФ. При этом для объективности соответствующих результатов, необходимо учитывать мнение и различные позиции российских ученых, исследующих существующие реалии;

3) сформулировать собственные рекомендации, направленные на совершенствование отдельных положений ГПК РФ. В частности, нами предлагается четко и обстоятельно переработать нормы, в которых в должной последовательности, закрепить ведущие принципы гражданского процессуального законодательства.

Невозможно сразу комментировать судебную реформу 1864 г. без предварительного обращения к предшествующим, драматическим событиям, которые пережила наша Родина в середине XIX века. Это Крымская война 1853-1856 гг.

Она ярко, без прикрас и лакировок раскрыла крайне печальное общее состояние дел, сложившихся в Российской империи. Поэтому в отечественном общественном сознании, надолго утвердилось мнение, что тогда мы потерпели весьма тяжелое поражение. Однако фактические результаты того противостояния с коалицией противника в составе Великобритании, Франции, Сардинии и Турции требуется воспринимать и анализировать в двух проекциях.

С одной стороны, в реальности, несмотря на огромные испытания, трудности и безвозвратные потери, никакого катастрофического разгрома русской армии не произошло. С другой стороны, главные результаты войны заключались в том, что «ее итоги вскрыли огромные негативные аспекты в политической, экономической, социальной и культурной жизни Российской империи, которые копились многие десятилетия и не находили должного разрешения»[2].

Среди них одно из ведущих мест, бесспорно, занимало архаичное законодательство, носящее в себе многие элементы средневекового права. Оно являлось огромным тормозом на пути прогрессивных начинаний в любой области общественных отношений.

Поэтому правовые новации 1864 г. самым коренным образом изменили всю систему существовавших в России процессуальных процедур, которые своими корнями уходили в эпоху Петра I. Достаточно вспомнить, что на протяжении жизни ряда

[1] Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т 1. Элементарный состав. – 2-е изд., стер. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – с. 367.

[2] Гогин А.А., Федорова А.Н. Эволюция договора подряда от реформ Петра до настоящего времени // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, № 2 (104). Т. 1. 2023. С. 5-15.

поколений российских подданных основным документом, закреплявшим процессуальные начала являлось «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб», разработанное еще на этапе правления самодержца Петра I и обнародованное в марте 1715 г.

Изучение его положений ясно показывает, что главным приоритетом в порядке рассмотрения дел различной категории, в том числе имевших сугубо гражданский характер, выступал жесткий, обвинительный уклон. При этом пытка считалась практически самым эффективным средством для получения нужных доказательств вины определенного субъекта.

Здесь достаточно обратиться к содержанию п. 3 гл. VI вышепоименованного акта «О допросе с пристрастием и о пытке», где выделяются два момента, типичных для судопроизводства той эпохи.

Прежде всего, тут прямо подчеркивается, что «пытка употребляется в делах видимых, в которых есть преступление». Вместе с тем, норма гласит, что «в гражданских делах прежде пытать не мочно, пока в самом деле злое действо наруже не объявится, разве когда свидетель в больших и важных гражданских делах в скаске своей обробеет или смутится, или в лице изменится, то пытан бывает» (курсив авторский)[1].

Таким образом, при разрешении частных споров, не содержащих в себе состава преступления, столь жестокие и безоговорочные меры воздействия могли быть применены не только по отношению к истцу и ответчику, но и к свидетелям или другим лицам, участвующим в деле.

Однако, по мнению Г.А. Могилевского, кроме вышеназванного акта, несмотря на многие его недостатки, существенное значение в становлении порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел также сыграл Именной Указ «О форме суда», принятый в 1723 г. и достаточно четко, для своего времени, отрегулировавшего внешние элементы процесса[2].

Конечно, при судебных разбирательствах в первой половине XIX века физическое воздействие к участникам гражданских споров не применялось. В 1801 г., после восшествия на престол императора Александра I, была ликвидирована так называемая «Тайная экспедиция», в ведении которой находился политический сыск и официально запрещалось использование пыток при допросах. Однако все остальные требования «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» продолжали действовать на протяжении многих последующих лет.

Произвол судебных чиновников и неравенство сторон в гражданских конфликтах того времени наиболее ярко отразил наш знаменитый поэт и драматург А.С. Пушкин в повести «Дубровский». Нелицеприятная критика судебной системы времен царствования государя Николая I, также нашла отражение в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» и его романе «Мертвые души».

Мы не будем останавливаться на всех нюансах административной и творческой деятельности, осуществленной разработчиками перспективных нормативно-правовых актов. Лишь отметим, что за период с 1857-1864 гг. Второе отделение личной императорской канцелярии подготовило и направило в Государственный совет четырнадцать законопроектов, в которых предлагались различные варианты будущего российского судоустройства.

Помимо служащих министерства юстиции и иных властных структур, значительный вклад в разработку требуемых документов, внесли известные юристы того времени: И.Е. Андреевский, И.Д. Беляев, С.И. Зарудный, А.В. Лохвицкий, А.Н. Плавский, К.П. Победоносцев, Н.И. Стояновский, В.Д. Спасович,

[1] Российское законодательство X-XX веков / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 408- 425

[2] Могилевский Г.А. Подготовка дела к судебному разбирательству // Журнал гуманитарных и естественных наук, 2021. № 11-4 (62). С. 70-72.

И.Е. Энгельман и многие другие специалисты-правоведы.

В конечном итоге, новаторский подход российских правоведов и чиновников к реформированию судебной системы позволил им сформулировать и закрепить в отечественном гражданском законодательстве фундаментальные постулаты, понимаемые как принципы права. Отметим, что дефиниция «принцип» производна от лат. principium – основа, первоначало, руководящая идея[1].

Принципы права представляют собой «исходные, нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание; основы и закрепленные в нем закономерности общественной жизни», - полагают А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцына[2].

С нашей точки зрения, все принципы права (общие, отраслевые, межотраслевые) призваны определять пути совершенствования правил самого широкого спектра, закрепленных во властных директивах, исходящих от государства (законы, подзаконные акты, иные установления, имеющие нормативный характер).

По своей глубинной сущности, принципы являются связующей нитью между главными путями развития цивилизованного общества и правовой системой страны. На основе принципов, данная система объективно приспосабливается к запросам социума и становится совместимой с ними реальностью.

К числу общих руководящих начал, утвержденных судебной реформой 1864 г., относились следующие требования, совершенно неизвестные прежнему, архаичному законодательству:

- равенство всех подданных Российской империи перед законом;

- несменяемость судей и их независимость от административного аппарата;

- гласность судопроизводства и его состязательность;

- создание адвокатуры (присяжных поверенных);

- учреждение института присяжных заседателей для рассмотрения сложных дел уголовного характера.

В свою очередь, в целях практической реализации указанных принципов, для разрешения частных споров, непосредственно в гражданском судопроизводстве нашли свое воплощение такие правовые механизмы, как:

- создание института присяжных поверенных и самостоятельного исполнительного производства;

- формулировались четкие правила о подведомственности и подсудности дел различной категории;

- был установлен порядок (виды) гражданского судопроизводства;

- УГС ввел подробные условия, характеризующие смысл и содержание доказательств и определили процедуры постановки судебных решений;

- помимо того, на базе правил данного Устава сложились институты апелляции и кассации, представляющие собой правовые формы обжалования судебных актов;

- весьма важный момент также заключался в том, что впервые в отечественной судебной системе был учрежден прокурорский надзор в гражданском процессе.

«Судебная реформа 1864 года даровала «суд скорый, правый и милостивый», равный для всех сословий. Характерной чертой русского суда являлась его неподкупность и редкая независимость, столь отличавшие его от продажной западноевропейской магистратуры, целиком находящейся в руках политических партий, финансовых кружков и политической полиции», - утверждал незаслуженно забытый русский историк, эмигрант первой послереволюционной волны А.А. Керсновский[3].

---

[1] Словарь иностранных слов в русском языке. М. – ЮНВЕС. – 1996. – С. 561.

[2] Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов. М.: Эксмо, 2008. С. 292.

[3] Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т. 2 . – М.: Голос, 1993. – С. 169.

Необходимо подчеркнуть, что в советский период тщательный и глубокий, научный анализ УГС и других сопутствующих директив, не проводился, ибо сразу после прихода большевиков к власти, было полностью отвергнуто все законодательство свергнутой монархии.

Нигилистическое отношение к минувшей эпохе и предшествующей юридической мысли распространялось буквально на все. Ю.С. Ващенко констатировал, что кроме слома государственной машины в жернова революции попал и 30-томный свод законов Российской империи.

В качестве примеров, названный автор указывал, что на первоначальном этапе революции «термин «преступление» был заменен термином «социально опасное (или вредное) действие», термин «наказание» - термином «мера социальной защиты», был устранен термин «преступник».

В сфере гражданских отношений острой критике подвергались другие определения, не отвечающие новым требованиям, такие как: собственность, купля-продажа, аренда. Кроме того, из нормативных актов были вообще исключены понятие «вина» и «вменяемость», хотя наличие умысла формально признавалось как основание юридической ответственности»[1].

Со своей стороны отметим, что в сфере гражданских отношений, практически на весь советский период отечественной истории, полному забвению был придан институт возмещения морального вреда. Считалось, что если действие и унижает человеческое достоинство, оно не может иметь денежного выражения.

Положительно, что данный феномен, хорошо известный дореволюционному судопроизводству, получил всестороннее возрождение в ныне действующем гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве. В настоящее время он представляет собой весьма существенный элемент в вопросах защиты прав и интересов человека и гражданина.

Тем не менее, несмотря уже через короткий период времени по вполне объективным причинам, связанным с необходимостью стабилизации экономики, началось весьма существенное отступление от революционных псевдоправовых перегибов. Хотя и в завуалированной форме прошлые идеи и концепции получили отражение в советских актах гражданского характера.

Так, в ст. 94 ГПК РСФСР 1923 г. констатировалось, что «судебное разбирательство происходит публично и устно». По нашему мнению, означенное утверждение полностью соотносится с принципом гласности, присутствующим в нормах УГС 1864 г.

В этом же кодексе получили легальное восстановление не только прежние юридическая терминология: понятия собственности, купли-продажи, аренды, займа и иных ранее существовавших, объективно сложившихся гражданско-правовых взаимосвязей между физическими и юридическими лицами. Означенный закон достаточно подробно закрепил условия реализации подобных соглашений, с учетом взаимных прав и обязанностей заинтересованных сторон.

В дальнейшем, в ст. 5 ГПК РСФСР 1964 г. говорилось следующее: «правосудие по гражданским делам осуществляется только судом и на началах равенства перед законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания».

Эта норма в развернутом виде раскрывала сущность принципа равенства граждан перед законом и судом и, в известной степени, выступала преемницей тех положений УГС, где содержались сходные условия.

В целом, серьезный научный интерес к осмыслению УГС проявился только за последние десятилетия, когда были опуб-

[1] Ващенко Ю.С. Филологическое толкование норм права: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Тольятти, Изд-во Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2002. С. 27.

ликованы многочисленные работы, посвященные данной тематике. Показательно, что большинство авторов признает высокий уровень российских судебных законов 1864 г., которые уже мало в чем уступали европейскому нормотворчеству. Назовем только несколько точек зрения отечественных специалистов.

«Судебная реформа считается наиболее прогрессивной из всех «великих реформ, которые стали первым шагом на пути превращения России из самодержавной в буржуазную монархию», - пишет А.Ю. Климанов [1].

По оценке Г.А. Филонова и В.С. Черныха, судебная реформа 1864 г. занимает особое место в истории развития российского судоустройства и судопроизводства. «В ее основе лежат серьезные экономические, и политические изменения, произошедшие в стране во второй половине XIX в. и приспособившие ее к условиям буржуазного, капиталистического развития»[2].

Позиции, сходные с выводами вышеназванных исследователей, также занимают М.А. Фокина[3]; Е.С. Любовенко[4]; М.И. Биюшкина[5]; А.А. Демичев[6] и пр.

В своей обширной статье о судебной реформе 1864 г. В.А. Томсинов подчеркнул весьма существенный момент, способствующий качественному повышению уровня правосудия в Российской империи. Это обязательное наличие высшего юридического образования у представителей судебных органов всех инстанций.

Указанное требование естественным образом усиливало связь практиков с правовой наукой, поскольку многие из них стремились изложить собственное видение проблем в различных юридических изданиях [7].

Среди изысканий, непосредственно касающихся вопросов сформулированных в УГС, заслуживает внимания кандидатская диссертация В.Н. Тарасова: «Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 гг.: историко-правовое исследование». Указанный автор выделяет два важных критерия, которые нашли фиксацию в нормах вышепоименованного акта.

Прежде всего, все положения УГС носили директивный и неоспоримый характер. В отличие от дореформенных лет это привело к тому, что гражданское процессуальное законодательство применялось единообразно на всей территории Российской империи без каких-либо региональных вариантов и местной правоприменительной практики.

Помимо того, в целях унификации принимаемых решений, Сенат, как высший судебный орган, регулярно издавал документы кассационных департаментов, что, в известной мере, также служило реализации принципов законности, гласности и справедливости[8].

---

[1] Климанов А.Ю. Из истории реформирования судебной системы: Судебная реформа 1864 года // Вестник Международного института экономики и права, 2017. № 1. С. 123-130.

[2] Филонов Г.А., Черных В.С. Судебная реформа Александра II // Территория науки, 2015. № 4. С. 26-43.

[3] Фокина М.А. К 150-летию Судебных уставов Российской им пери и 1864 г.: историко-правовой очерк гражданского судопроизводства в России. С. 68-79.

[4] Любовенко Е.С. Устав гражданского судопроизводства Российской империи и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: опыт диахронного анализа // Вестник ТвГУ. Серия «Право», 2019. № 4 (60). С. 145-152.

[5] Биюшкина М.И. Проблемные аспекты введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Право и политика, 2014. № 5. С. 701-707.

[6] Демичев А.А. О тенденциях изучения Судебной реформы 1864 года // История государства и права, 2012. № 5. С. 2-5.

[7] Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право, 2015. № 2. С. 22-40.

[8] Тарасов В.Н. Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 г.г.: историко-правовое исследование // Автореф. дис….канд. юрид. наук. Н/ Новгород, 2015. 32 с.

Отметим, что в публикациях Л.И. Носенко[1]; И.Г. Домрачева[2]; В.А. Илюхиной[3], как в историческом ракурсе, так и в современном восприятии, даны объективные оценки принципов гражданского процессуального права. В особенности подчеркивается их значимость и бесспорная роль в становлении и развитии означенной отрасли российского законодательства. Отмечается неразрывная взаимосвязь прошлых правовых концепций с проблемами современной действительности.

Авторы данной статьи согласны с положительными оценками судебной реформы 1864 г., представленными современными российскими исследователями. В особенности это касается вопросов, раскрывающих роль и значение принципов права, как стимулов для последующего совершенствования отраслевого законодательства и деятельности правоприменительных органов.

Во всяком случае, при анализе рациональных элементов судебной реформы 1864 г., нельзя оставить без внимания определенные негативные факторы, которые оказали отрицательное воздействие на авторитет судебных органов и, в известной степени, приводили к утрате доверия к ним со стороны представителей передовой российской общественности.

Во-первых, провозглашенная независимость судей, в реальности, представляла собой относительное явление, но не абсолютное. Это объясняется тем, что на соответствующую должность определенный кандидат назначался исключительно по личному усмотрению министра юстиции Российской империи.

Поскольку все министры царского правительства придерживались сугубо консервативных политических взглядов, то избежать субъективного подхода в такой ситуации, практически невозможно. В подавляющем большинстве случаев на судейские должности назначались люди целиком и полностью разделявшие позиции высших имперских властей.

Поэтому те юристы, которые придерживались иных убеждений и были оппонентами бюрократических препон, предпочитали осуществлять свое социальное служение в роли присяжных поверенных. Именно во второй половине XIX века в России сложилась плеяда блестящих адвокатов, чьи имена вошли в историю отечественного правоведения. Кроме того, их опубликованные труды и судебные речи и поныне являются примером высокоинтеллектуальной правовой мысли.

В частности, назовем такие имена, как: С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, П.А. Александров, В.Н. Герард, Н.П. Карабчевский, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, А.И. Урусов. Им и многим другим специалистам приходилось участвовать в судебных процессах не только по уголовным, но и по гражданским делам.

Во-вторых, принцип равенства перед законом всех подданных Российской империи фактически являлся декларативным и не подкреплялся четкими, нормативными условиями. Для рассмотрения некоторых категорий дел в стране официально существовали сословные суды: для крестьян, лиц духовного звания, представителей высшего чиновничества и военнослужащих. Несмотря на обоснованную критику, указанное деление просуществовало до начала революционных событий 1917 г.

Во всяком случае, названные изъяны не снижают общего позитивного восприятия принципов судебной реформы и других

---

[1] Носенко Л.И. Принципы гражданского процесса: от теории к законодательному закреплению и реализации // Известия Оренбургского аграрного университета, 2010. Т. 4. № 28-1. С. 299-301.

[2] Домрачев И.Г. Принцип гласности судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве в России в начале XX - XXI века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс, 2017. № 2. С. 117-125.

[3] Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 года и ГПК РСФСР 1964 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс, 2019. № 2. С. 55-59.

прогрессивных начинаний. Подтверждением этого факта выступают созвучные им руководящие начала, заложенные в ныне действующем ГПК РФ и ином российском отраслевом законодательстве.

Так, если обратиться к содержанию ГПК РФ 2002 г., то мы видим, что в гл. 1 «Основные положения» зафиксирован ряд базовых правил, сопоставимых с концепциями прежних нормативно-правовых актов.

К их числу относятся: ст. 6 «Равенство всех перед законом и судом»; ст. 10 «Гласность судебного разбирательства»; ст. 12 «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправие сторон».

Все же сравнивая отечественные кодексы можно утверждать, что в указанном плане более удачной и предпочтительной выступает юридическая конструкция УПК РФ. Здесь в шестнадцати статьях гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства», полно и всесторонне представлены основные директивно утвержденные начала.

Например, в п. 4 ст. 7 «Законность при производстве по уголовному делу» перечислены все должностные лица компетентных правоприменительных и правоохранительных структур, действия которых должны быть законными, обоснованными и мотивированными. К их числу относятся суд и прокурор; следователь и орган дознания; начальник органа дознания и начальник подразделения дознания, дознаватель.

На наш взгляд, существенным упущением разработчиков ГПК РФ является то обстоятельство, что принцип законности, который красной нитью обязан присутствовать в в первых статьях кодифицированного акта в реальности оказался на второстепенном уровне. Он нашел весьма краткое отражение лишь в ст. 195 ГПК РФ «Законность и обоснованность решения суда».

Между тем, в настоящее время основополагающие принципы приобретают особое значение в деятельности правоприменительных органов, ибо в идеале и по природе своей, они обязаны подавать пример точного и безукоризненного соблюдения российских законов.

В связи с этим, нами предлагается четко и обстоятельно переработать нормы, в которых целесообразно, в должной последовательности, закрепить ведущие принципы гражданского процессуального законодательства. Необходимым примером может служить вышеупомянутый УПК РФ. Подобная тождественность построения не повлияет отрицательным образом на общий смысл и содержание руководящих начал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Биюшкина М.И. Проблемные аспекты введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Право и политика, 2014. № 5. С. 701-707.
2. Ващенко Ю.С. Филологическое толкование норм права: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Тольятти, Изд-во Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2002. 132 с.
3. Гогин А.А., Федорова А.Н. Эволюция договора подряда от реформ Петра до настоящего времени // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, № 2 (104). Т. 1. 2023. С. 5-15.
4. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов. М.: Эксмо, 2008. 448 с.
5. Демичев А.А. О тенденциях изучения Судебной реформы 1864 года // История государства и права, 2012. № 5. С. 2-5.
6. Домрачев И.Г. Принцип гласности судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве в России в начале XX - XXI века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс, 2017. № 2. С. 117-125.

7. Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 года и ГПК РСФСР 1964 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс, 2019. № 2. С. 55-59.
8. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 5-е изд.. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.
9. Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т. 2 . – М.: Голос, 1993. – 336 с.
10. Климанов А.Ю. Из истории реформирования судебной системы: Судебная реформа 1864 года // Вестник Международного института экономики и права, 2017. № 1. С. 123-130.
11. Любовенко Е.С. Устав гражданского судопроизводства Российской империи и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: опыт диахронного анализа // Вестник ТвГУ. Серия «Право», 2019. № 4 (60). С. 145-152.
12. Могилевский Г.А. Подготовка дела к судебному разбирательству // Журнал гуманитарных и естественных наук, 2021. № 11-4 (62). С. 70-72.
13. Носенко Л.И. Принципы гражданского процесса: от теории к законодательному закреплению и реализации // Известия Оренбургского аграрного университета, 2010. Т. 4. № 28-1. С. 299-301.
14. Российское законодательство X-XX веков / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. 511 с.
15. Словарь иностранных слов в русском языке. М. – ЮНВЕС. – 1996. – 832 с.
16. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.acadevia.edu/
17. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т 1. Элементарный состав. – 2-е изд., стер. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – 528 с.
18. Тарасов В.Н. Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 гг.: историко-правовое исследование // Автореф. дис….канд. юрид. наук. Н/ Новгород, 2015. 32 с.
19. Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право, 2015. № 2. С. 22-40.
20. Филонов Г.А., Черных В.С. Судебная реформа Александра II // Территория науки, 2015. № 4. С. 26-43.
21. Фокина М.А. К 150-летию Судебных уставов Российской им пери и 1864 г.: историко-правовой очерк гражданского судопроизводства в России. С. 68-79.

Дата поступления: 01.08.2023

УДК: 341.1/8
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_26

Микаэлян Р.С., Травин А.В., Евграфова И.В.

СТАНОВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Mikaelyan R. S., Travin A.V., Evgrafova I.V.

ESTABLISHMENT OF COOPERATION BETWEEN STATES IN THE FIELD OF MARITIME ACTIVITIES IN THE EUROPEAN UNION: HISTORICAL, LEGAL AND THEORETICAL ASPECTS

Ключевые слова: *сотрудничество, государства, морская деятельность, Европейский Союз, историко-правовые аспекты, теоретические аспекты, морская экономика, морская сфера, интеграция, международные правовые инструменты.*

Keywords: *cooperation, States, maritime activities, the European Union, historical and legal aspects, theoretical aspects, maritime economy, maritime sphere, integration, international legal instruments.*

Аннотация: *Данная статья исследует процесс становления сотрудничества государств в сфере морской деятельности в контексте Европейского Союза. Изучение историко-правовых и теоретических аспектов этого процесса позволяет более глубоко понять его развитие, достижения и вызовы. Статья начинается с рассмотрения исторического фона и причин, приведших к необходимости сотрудничества государств в морской сфере. Рассматриваются ключевые этапы развития европейского морского сотрудничества, включая создание международных организаций, заключение договоров и соглашений. Особое внимание уделяется правовым аспектам сотрудничества в морской сфере. Рассматриваются основные международные правовые инструменты, которые регулируют морскую деятельность в Европейском Союзе, такие как Международная конвенция по морскому праву, региональные соглашения и договоры. Далее статья переходит к теоретическим аспектам сотрудничества в морской сфере. Рассматриваются различные концепции и подходы к сотрудничеству, такие как интеграция, координация и гармонизация. Анализируются преимущества и недостатки каждого подхода и их применимость в контексте морской деятельности. В заключение статьи подводятся итоги и делается прогноз будущего развития сотрудничества государств в сфере морской деятельности в Европейском Союзе. Основываясь на историко-правовых и теоретических аспектах, авторы выявляют потенциал для углубления и расширения сотрудничества, а также указывают на вызовы и препятствия, которые могут возникнуть в решении данной проблемы.*

Abstract: *This article explores the process of formation of cooperation between states in the field of maritime activities in the context of the European Union. The study of historical, legal and theoretical aspects of this process allows a deeper understanding of its development, achievements and challenges. The article begins with a review of the historical background and the reasons that led to the need for cooperation between States in the maritime sphere. The key stages of the development of European maritime cooperation, including the creation of international organizations, the conclusion of treaties and agreements, are considered. Particular attention is*

paid to the legal aspects of cooperation in the maritime sphere. The main international legal instruments that regulate maritime activities in the European Union, such as the International Convention on the Law of the Sea, regional agreements and treaties, are considered. The article then proceeds to the theoretical aspects of cooperation in the maritime sphere. Various concepts and approaches to cooperation, such as integration, coordination and harmonization, are considered. The advantages and disadvantages of each approach and their applicability in the context of maritime activities are analyzed. In conclusion, the article summarizes the results and makes a forecast of the future development of cooperation between states in the field of maritime activities in the European Union. Based on historical, legal and theoretical aspects, the authors identify the potential for deepening and expanding cooperation, as well as indicate the challenges and obstacles that may arise in solving this problem.

В настоящее время Европейский союз является уникальным сообществом, объединившим суверенитет государств в областях политики, а также по ряду других значимых вопросов. Становление сотрудничества Европейских государств было обусловлено осознанием необходимости установления длительного мира и развитием экономических связей тех стран, в которых царила послевоенная разруха.

Целью данного исследования является рассмотрение историко-правовых и теоретических аспектов становления сотрудничества государств ЕС в сфере морской деятельности.

Первый шаг к становлению сотрудничества был сделан во Франции 18 апреля 1951 г., когда был подписан Договор о Европейском объединении угля и стали на 50 лет между ФРГ, Нидерландами, Люксембургом, Бельгией, Францией и Италией[1]. Затем, уже в 1957 году, этими же странами было учреждено Европейское экономическое сообщество, целью которого являлось свободное перемещение товаров, капитала, а также людей через границы, вступивших в данный союз стран.

Само Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) учреждено 1 января 1958 года Римским договором[2]. Уже в 1990- е годы ЕЭС стали называть упрощенно – Европейским сообществом. Процесс становления данного сообщества в современный Европейский Союз претерпел множество изменений, начиная от состава членов - государств и институциональных изменений и придя, в конечном итоге, к сплоченному объединению стран с общей миссией. За весь период существования ЕЭС, а затем и ЕС, увеличилось количество участников Европейского союза с шести до двадцати семи к настоящему времени. Так, в 1973 году к ЕС присоединяется Дания, Ирландия и Великобритания, что дало первые движения к обсуждению вопросов ускорения сближения государств в морской деятельности. Следующим государством, вступившим в ЕС, стала Греция в 1981 году. В 1986 году сообщество пополнилось новыми членами – Португалией и Испанией, а, спустя 9 лет, в 1995 году – Швецией, Австрией и Финляндией. Наибольшее количество новых участников вступило в 2004 году, ими стали Мальта, Кипр, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Венгрия, Словакия, Чехия, Словения. В начале XXI членами ЕС

[1] Договор о Европейском объединении угля и стали 1951 г. Treaty establishing the European Coal and Steel Community (Paris, 18 April 1951). URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_coal_and_steel_community_paris_18_april_1951-en-11a21305-941e-49d7-a171-ed5be548cd58.html (дата обращения: 20.07.2023).

[2] Договор, учреждающий Европейское сообщество (г. Рим, 1957 г.). URL: https:// european-union.europa.eu /principles-countries-history/principles-and-values/ founding agreements_en (дата обращения: 21.07.2023).

стали Румыния и Болгария (2007 год), Хорватия (2013 год).

Вместе с тем 2016 год стал знаковым для состава ЕС, так как впервые за всю историю существования, из союза решил уйти участник. 31 января 2020 года Великобритания вышла из состава ЕС после 47 лет членства в нем.

Сейчас Европейский союз – это объединение двадцати семи государств, созданное на основе ранее существовавшего ЕЭС и утвержденное Маастрихтским договором в 1992 году[1].

Что касается сотрудничества членов ЕС в сфере морской деятельности, то оно зародилось еще в конце 1950-х годов. Затрагивало оно только одно направление деятельности – рыболовство. Данная отрасль, согласно положениям Римского договора, относилась к аграрной сфере. Помимо этого, в указанном Договоре были прописаны основные пункты, касающиеся транспортной политики, согласно которым перевозки ограничивались только железнодорожным, автомобильным и внутренним водным транспортом. Таким образом, выходило так, что перевозки морским транспортом и судоходство не были включены в утвержденную транспортную политику.

С другой стороны, в том же Договоре были прописаны условия, по которым положения транспортной политики могли бы распространиться на морской транспорт.

По мере того как крепло сотрудничество государств ЕЭС, становилось ясно, что для дальнейшей интеграции не обойтись без разработки положений совместной морской политики, особенно это важно было по части отрасли судоходства.

Вступление в сообщество Великобритании, которая несколько веков носила звание морской владычицы, послужило стимулом для ускорения сближения государств в морской деятельности.

В 1962 году было образовано объединение, целью которого являлось отстаивание интересов ЕЭС в морской сфере. Сдерживающим фактором для ускоренной интеграции являлось то, что данное объединение не давало руководству ЕЭС слишком сильно вмешиваться в сферу морской деятельности.

Еще одним сдерживающим фактором являлось то, что по признаку деятельности морской транспорт относили к международному, а по принадлежности капитала он оставался национальным. Вместе с тем в то время отсутствовало сближение компаний стран – членов ЕЭС, не наблюдалось развития специализации и кооперации.

Последствия валютного и энергетического кризиса привели к тому, что Европа была вынуждена ужесточить условия существования морского транспорта и его деятельности.

В связи с чем, были приняты важные решения, касающиеся сферы морской деятельности, в частности судоходства, а именно были проведены меры укрепления интеграции государств, являющихся членами ЕС, по отношению к другим государствам.

Вступление Дании и Ирландии в ЕЭС явилось мотиватором к более активному обсуждению морской политики. Предложением было включить судоходство в процесс интеграции, но много сложностей возникало с юридической стороны, поэтому споры не умолкали очень много времени.

Исходя из данных предложений, в 1974 году Европейский суд установил, что условия для морского транспорта также соответствуют положениям Римского договора, как и для остальных видов транспорта. Поэтому исключать судоходство из интеграционного процесса не нужно, а, наоборот, стоит способствовать этому.

Данное решение Европейского суда послужило основанием для дальнейших обсуждений существующих проблем интеграции морского транспорта. На первоначальных обсуждениях не было принято никаких

[1] Договор о Европейском Союзе (г. Маастрихт 1992 г.). URL: https://eur-lex.europa.eu/collection/eu-law/treaties/treaties-overview.html (дата обращения: 20.07.2023).

решений, так как возникли разногласия и противоречия среди членов сообщества.

Комиссия Европейского сообщества разработала и опубликовала в 1984 году Меморандум о транспортной политике[1]. В данном документе была часть, касающаяся именно морского транспорта. Данное событие вызвало противоречивую реакцию у членов ЕЭС. Большинство государств все же поддерживали расширение сферы морской деятельности.

В свою очередь ФРГ утверждала, что акции ЕЭС должны касаться морского транспорта только по части комплектования и технической оснащенности судов, а также оказанию помощи отрасли при возникшей необходимости.

Дания соглашалась только за ведение морской статистики, а Франция была категорически не согласна во вмешательство в морскую деятельность и голосовала против данной интеграции.

В итоге ФРГ выступила за принятие морской деятельности, но с оговорками, Франция осталась при своем мнении, а остальные страны выступили за поддержание сферы морской деятельности.

Вместе с тем во времена существования ЕЭС, более двух десятков лет не было разработано подхода к единой судоходной политики, однако, сами интеграционные процессы в морской деятельности приобрели огромное значение. Подкреплением являлись учредительные договоры.

В том же 1974 году правила Римского договора, по решению Суда Европейских сообществ, были распространены и на морскую деятельность. Начинают активно обсуждаться вопросы, касающиеся формирования и утверждения политики в сфере морской деятельности. Членами ЕЭС разрабатываются и принимаются общие единые правила по морской деятельности для всех участников.

Такие изменения в сфере морской деятельности рассматривались ЕС как возможность реализации имеющегося морского потенциала, касающегося, по большей части, хозяйственной деятельности. Данная реформа предусматривала более высокие темпы экономического роста, повышение качества жизни людей, а также конкурентоспособности на мировой арене.

Для того чтобы данная реформа была реализована и привела к намеченным целям, в первую очередь, нужно было остановить процесс деградации и уничтожения морской среды.

В связи с чем, начинают разрабатываться документы, благоприятно воздействующие на сферу морской деятельности и на морскую среду, в частности. Так, в 2006 году Европейской комиссией была опубликована Зеленая книга, которая носила название «К будущей морской политике Союза. Европейский взгляд на моря и океаны»[2]. Этим было положено начало формирования будущей морской политики ЕС.

В основу Зеленой книги было заложены инициативы ЕС по вопросам устойчивого развития, а также имеющийся положительный опыт приморских государств, в частности США, Японии и Норвегии.

В 2007 году в свет вышла Синяя книга, в которой Европейская комиссия отразила основные аспекты морской политики ЕС. К данному документу был представлен План действий Союза, который приведет к достижению предложенных мероприятий. Согласно Плану, были разработаны документы, способствующие успешной реализации морской политики[3].

---

[1] Меморандум о транспортной политике Европейского союза 1984 г. URL: https://eur-lex.europa.eu/collection/eu-law/treaties/treaties-overview.html (дата обращения: 20.07.2023).

[2] Green Paper (2006), Towards a future Maritime Policy for the Union: a European vision for the oceans and seas. Volume II. SEC (2006) 689, 7.6.2006. URL: https://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com_2006_0275_en_part2.pdf (дата обращения: 19.08.2023).

[3] Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - An Integrated Maritime Policy for the European. COM (2007) 0575 final, 10.10.2007. URL: https://eur-

В озвученной выше книге были описаны основные сферы деятельности ЕС – от экономической до информационной. Ключевым содержанием морской политики являлось обеспечение координации морской деятельности, основанное на методах управления, в зависимости от комплексного подхода ко всем уровням. При реализации аспектов морской политики предполагалось использовать средства планирования, связанные с морской деятельностью, для более успешной совместной реализации морской политики.

Одним из самых значимых проектов, составленных в 2007 году в соответствии с Синей книгой, был «Европейское морское транспортное пространство без барьеров».

Синюю книгу называют основным законодательным актом в сфере морской деятельности ЕС, так как реализация морской политики позволила расширить направления морской деятельности, а многие проекты, входящие в Синюю книгу, приобрели самостоятельность.

В данный период начало расти количество инициатив ЕС в сфере морской деятельности, началось активное освоение ресурсов Мирового океана.

Основным документом, который бы создал безопасность и эффективность морских перевозок внутри территорий ЕС и повысил конкурентоспособность морской отрасли на мировом рынке, стал опубликованный Европейской комиссией в 2009 году проект «Стратегические цели и рекомендации для морской транспортной политики ЕС до 2018 г.».

В 2011 году была принята Белая книга, в которой нашли отражение и морские аспекты, затрагивающие транспортную систему ЕС[1]. Отметим, что непосредственно морская деятельность развивается в контексте общей транспортной политики ЕС.

Значительное внимание уделяется морской деятельности в документе, принятом Европейским парламентом в 2013 году, который назван «Руководящие принципы развития трансъевропейских сетей»[2]. В данном Регламенте описаны подходы, разработанные на основе концепции морской политики ЕС, по развитию морских портов.

Обозначенные принципы, вследствие их соблюдения, должны были привести к развитию всех направлений в сфере морской деятельности. Помимо этого, Европейская комиссия озвучила в 2012 году свой доклад, посвященный прогрессу морской политики, и отметила, что прослеживаются положительные темпы в развитии экономики и морского транспорта стран – членов ЕС.

Целесообразно более подробно рассмотреть концепцию морской политики, разработанную ЕС, как основу для обеспечения морской деятельности.

Разработчиками морской политики были поставлены задачи обеспечения благосостояния людей, защиты окружающей среды и обеспечение устойчивого роста сотрудничества заинтересованных сторон. Морская политика должна была способствовать благополучию ЕС в сфере морской деятельности с упором на географические и исторические особенности, например, к увеличению протяженности береговой линии, к выходу к нескольким морям или двум океанам, улучшение ресурсов для жизнедеятельности людей.

---

lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2007:0575:FIN:EN:PDF (дата обращения: 19.08.2023).

[1] White paper Roadmap to a Single European Transport Area – Towards a competitive and resource efficient transport system SEC(2011) 359 final SEC(2011) 358 final SEC(2011) 391 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0144 (дата обращения: 19.08.2023).

[2] Регламент (ЕС) 1315/2013 Европейского Парламента и Совета ЕС от 11 декабря 2013 г. о руководящих принципах Союза для развития трансъевропейской транспортной сети, а также об отмене Решения 661/2010/ЕС. URL:https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=celex:32013R1315 (дата обращения: 21.07.2023).

Основным направлением в сфере морской деятельности в начале XXI века являлось создание новых рабочих мест вследствие роста конкурентоспособности морской экономики.

ЕС занял основные позиции в сфере морской деятельности по части многих морских отраслей – от перевозок, судостроения до рыболовства. На первый план начинают выходить отрасль морских биотехнологий, аквакультуры, морской туризм.

В транспортную отрасль ЕС начинают включать меры по совершенствованию морской деятельности, касающиеся инфраструктуры морских портов и транспорта. В связи с этим, морской транспорт стали относить к системе транспортной сети ЕС, равнозначно, как железнодорожный, воздушный и автомобильный транспорт.

Под развитием судоходства ЕС подразумевает рост количества морских перевозок, как пассажирских, так и грузовых, обозначенных комплексной транспортной системой.

Рост пассажиров и перевезенных грузов при коротких по расстоянию морских перевозках сократит имеющуюся нагрузку на морскую среду, а также благоприятно скажется на инфраструктуре всей транспортной сети ЕС.

Как таковой термин «морская политика» можно встретить в различных документах ЕС, средствах массовой информации, а также научных трудах зарубежных и российских ученых. Вместе с тем не обозначено его четкое толкование и определение. Я считаю, что его необходимо понимать, как решения, принимаемые в сфере морской деятельности и базирующиеся на принципах безопасности и эффективности морской среды.

В современных условиях, с 2007 года, ЕС использует термин «комплексная морская политика». Вместе с тем даже несмотря на активное ее применение, она не входит в перечень компетенций ЕС, которые прописаны в Договоре учреждения Союза.

Отметим, что под компетенции ЕС подпадают следующие направления морской деятельности, включенные в ведение морской политики:

- рыболовство;
- мониторинг экологической безопасности;
- морские перевозки, судоходство;
- обеспечение морской безопасности.

Таким образом, большинство направлений, включенных в морскую политику, все же попадает под реализацию компетенций Европейского союза.

В настоящее время в сфере морской деятельности ЕС реализует несколько направлений.

Например, совместные компетенции государств - членов ЕС в сфере рыболовства, окружающей среды, морского транспорта. Исключительной компетенцией ЕС является сохранение морских биологических ресурсов.

К мерам поддержки и координации включены туризм и образование, касающиеся морской деятельности, а также относящиеся к ведению морской политики.

Сейчас ЕС, в результате установленного сотрудничества, имеет множество стратегических интересов в сфере морской деятельности. В основном, они связаны с обеспечением своей безопасности. Реализация морской политики с каждым годом приобретает все большее значение для ЕС. Морская деятельность начинает тесно пересекаться с другими сферами, такими как экономика, политика.

Сейчас правовое регулирование в сфере морских перевозок в странах ЕС реализуется на международно-правовом и национально - правовом уровне. Вместе с тем соблюдаются условия полного соответствия по причине общих характеристик международного и морского национального права, что можно проследить во взаимодействии их правовых систем.

Подведем итог и перечислим основные инициативы, разработанные ЕС, связанные с морской деятельностью:

- 2007 год – Комплексная морская политика;
- 2008 год – Европейская стратегия по морским исследованиям;
- 2012 год – Стратегия «синего роста»;
- 2014 год – морская стратегия ЕС по безопасности;
- 2016 – Глобальная стратегия ЕС в области внешней политики и политики безопасности;
- 2019 год – «Зеленая сделка».

Помимо вышеперечисленных, есть и другие инициативы, касающиеся определенных регионов. Например, Арктика, Антарктика, морские регионы и бассейны.

Основной целью Брюсселя в сфере морской деятельности, в настоящее время, является достижение соответствия принципов устойчивого развития посредством соблюдения экологических требований в морской сфере, а также постоянный контроль за соблюдением требований. Наблюдается сосредоточение на реализации нескольких направлений в сфере морской деятельности, в основном акцент на устойчивое развитие рыболовства и аквакультуры.

Основными аспектами морской деятельности ЕС в современных условиях являются:

- мониторинг за состоянием морской среды;
- планирование основных направлений в сфере морской деятельности;
- тщательный контроль и управление прибрежными территориями.

Реализация указанных направлений положительно влияет на развитие и эффективность сферы морской деятельности ЕС, благодаря реализации разработанной морской политики.

Подводя итог, отметим, что все изученные аспекты становления сотрудничества государств в сфере морской деятельности в ЕС говорят о том, что потенциал развития еще имеется, его раскрытие способствует росту доли результатов хозяйственной деятельности стран ЕС в общей структуре экономики. Также данный фактор позволит повысить конкурентоспособность многих отраслей ЕС и способствует благоприятной экологической обстановке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калпин, А.Г. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской перевозке грузов (Роттердамские правила) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 89.
2. Международное право в 2 Ч. Часть 1: Учебник / А. Н. Вылегжанин, Ю. Н. Малеев, Ю. М. Колосов, К. Г. Геворгян. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 1 с. – (Высшее образование).
3. Международное право: Учебник для вузов в 2 частях / А. Х. Абашидзе, Е. Е. Андреева, А. А. Баталов [и др.]. – 4-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Юрайт, 2021. – 329 с. – (Высшее образование).
4. Алексеев, Г. В. Правовая основа интегрированной морской политики Европейского союза / Г. В. Алексеев // Актуальные вопросы международного и морского права: история, современность и перспективы развития: сборник по итогам международной научно- практической конференции, Санкт-Петербург, 16 февраля 2017 года / ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова», Институт Международного транспортного менеджмента. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, 2017. – С. 6-12.
5. Вопиловский, С. С. Зарубежные экономические партнёры России в Арктической зоне / С. С. Вопиловский // Арктика и Север. – 2022. – № 46. – С. 33-50. – DOI 10.37482/issn2221-2698.2022.46.33.

6. Вылегжанин, А. Н. Правовые аспекты достижения целей национальной морской политики / А. Н. Вылегжанин, Б. П. Шаповалов // Комплексные пространственные исследования: Коллективная монография / Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Совет по изучению производительных сил. – Москва: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2019. – С. 318-321.

7. Международное право в 2 Ч. Часть 1: Учебник / А. Н. Вылегжанин, Ю. Н. Малеев, Ю. М. Колосов, К. Г. Геворгян. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 1 с. – (Высшее образование).

8. Колесникова, М. Л. Морская политика Европейского союза и её экономические аспекты / М. Л. Колесникова // Современная Европа. – 2017. – № 4 (76). – С. 78-86.

9. Колесникова, М. Л. Некоторые итоги реализации морской политики ЕС в 2021 году / М. Л. Колесникова // Международная жизнь. – 2021. – № 12. – С. 92-99. Научный журнал «Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева»

10. Кольцов, Е. О. Тенденции в развитии морских грузовых перевозок ЕС / Е. О. Кольцов // Память сердца: Сборник трудов молодых ученых экономического факультета СПбГУ, посвященный 15-летию межкафедрального аспирантско-докторантского семинара кафедры мировой экономики и кафедры управления рисками и страхования. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2019. – С. 142-160.

11. Проблемы международных отношений и глобального развития / Б. Р. Асадов, Р. Т. Базаров, Э. И. Басырова [и др.]. – 2-е издание, расширенное и дополненное. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. – 337 с.

12. Севостьянова, Е.С. Экономические аспекты сотрудничества РФ и ЕС в области морского права // Экономика устойчивого развития. 2018. №2. С. 40-45.

13. Семенова, К.А. Сотрудничество Российской Федерации и Европейского Союза: история, современность и перспективы // Проблемы права в современной России: сб. ст. междунар. межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2017. С. 93-97.

14. Солодченко, В. С. Интегрированная морская политика Европейского союза / В. С. Солодченко, Г. В. Алексеев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2017. – № 1(21). – С. 43-47.

Дата поступления: 20.06.2023

УДК: 34.08
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_34

Панкратова М.Е., Фофанова А.Ю.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ, РЕГУЛИРУЮЩЕЙ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЮРИСТОВ У РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Pankratova M.E., Fofanova A.Yu.

DEVELOPMENT OF THE LEGISLATIVE FRAMEWORK REGULATING MENTORING AS A MANDATORY FACTOR ENSURING THE DEMAND OF LAWYERS AMONG EMPLOYERS

Ключевые слова: *наставничество, указ Президента, федеральный закон, юрист, модели наставничества, понятие, развитие, законодательство.*
Key words: *mentoring, presidential decree, federal law, lawyer, models of mentoring, concept, development, legislation.*

Аннотация: *актуальность заявленной в статье проблемы обусловлена быстро меняющимся миром, что требует от современного человека навыков, соответствующих запросу, да ещё и в режиме «здесь и сейчас». Каждый, кто заинтересован в собственном карьерном росте и увеличении дохода, неизбежно сталкивается с необходимостью стать востребованным экспертом в профессиональной сфере. На сегодняшний день для достижения этой цели есть большое количество вариантов. Однако, как правило, люди знают лишь о малой части доступных им возможностей – это или онлайн-курсы, или повышение квалификации через переподготовку, или получение высшего образования. С последним особенно часто сталкиваются будущие юристы. В связи с этим развитие законодательной базы, регулирующей наставничество как обязательный фактор, обеспечивающий востребованность юристов у работодателей, относится к числу важнейших направлений для исследования в современной науке.*

От реализации этих направлений зависит развитие системы высшего юридического образования, углубленное изучение всех отраслей права, судьба выпускников юридических факультетов.

Весьма важными проблемами являются: необходимость нормативного закрепления института наставничества на государственном уровне, отдельные аспекты функционирования наставничества в министерствах и ведомствах РФ, анализ ведомственных нормативных актов государственных органов, регламентирующих данное направление кадровой работы, этапы данного процесса, факторы, влияющие на развитие наставничества.

Цель статьи заключается в выработке мероприятий, направленных на повышение эффективности наставничества как обязательного фактора, обеспечивающего востребованность юристов у работодателей.

Ведущий метод, заложенный в основу решения проблемы – метод анализа, позволяющий на основе системного толкования имеющихся нормативных актов сделать вывод об основных направлениях развития законодательной базы, регулирующей наставничество как обязательного фактора, обеспечивающего востребованность юристов у работодателей.

Выявлено и доказано, что должен быть принят федеральный закон, регулирующий отношения в сфере наставничества.

Результаты исследования могут применяться в теоретических исследованиях, посвященных анализу и разработке научно обоснованных предложений и практических рекомендаций по совершенствованию нормативной правовой базы в сфере наставничества.

Abstract: *the relevance of the problem stated in the article is due to a rapidly changing world, which requires a modern person to have the skills to meet the request, and even in the "here and now" mode. Anyone interested in their own career growth and increasing income inevitably faces the need to become a sought-after expert in the professional field. To date, there are a large number of options to achieve this goal. However, as a rule, people know about only a small part of the opportunities available to them: these are either online courses, or advanced training through retraining, or obtaining higher education. The latter is especially often encountered by future lawyers. In this regard, the development of the legislative framework regulating mentoring, as a mandatory factor ensuring the demand of lawyers from employers, is one of the most important areas for research in modern science.*

The development of the system of higher legal education, an in-depth study of all branches of law, and the fate of law graduates depend on its decision.

Very important problems are the need for normative consolidation of the institution of mentoring at the state level, certain aspects of the functioning of mentoring in the ministries and departments of the Russian Federation, analysis of departmental regulations of state bodies regulating this direction of personnel work, stages of this process, factors affecting the development of mentoring.

The purpose of the article is to develop measures aimed at increasing the effectiveness of mentoring as a mandatory factor ensuring the demand of lawyers from employers.

The leading method behind the solution of the problem is the analysis method, which allows, based on the systematic interpretation of existing regulations, to conclude on the main directions of development of the legislative framework regulating mentoring as a mandatory factor that ensures the demand of lawyers from employers.

It has been identified and proven that a federal law governing mentoring relationships should be adopted.

The results of the study can be applied in theoretical studies devoted to the analysis and development of scientifically based proposals and practical recommendations for improving the regulatory legal framework in the field of mentoring.

Наставничество как один из общественных институтов появилось в России еще в XIX в. на производственных предприятиях – с целью «передачи передовых методов труда» новичкам[1]. Впервые в мировой практике, в 1860 г., система наставничества производственного обучения (в современном понимании) была представлена группой инженеров-механиков под руководством Д. К. Советкина в Московском техническом училище, которая обеспечивала индивидуальный учет знаний, умений и навыков учащихся. Данная система обучения демонстрировалась на международных выставках (Вена 1873, Филадельфия 1876, Париж 1900) и получила признание, где отмечалось, что у русских

[1] Головнев А.В. О подготовке наставников студентов – практикантов (технический профиль) // Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 63. URL: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf

обучение ручному труду превратилось в науку [1].

В 30-х годах прошлого века наставничество положительно зарекомендовало себя. Так, согласно статистическим данным, количество рабочих и служащих с 1924 по 1939 гг. возросло с 14,8 % до 50,2 % от всего трудоспособного населения[2]. Возникшая проблема в профессиональной подготовке специалистов была решена путем наставничества.

Значимость наставничества неоднократно отмечалась Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Неслучайно им был учрежден знак отличия «За наставничество» в начале марта 2018 года для награждения лучших наставников молодежи из числа высококвалифицированных специалистов всех сфер жизнедеятельности общества за личные заслуги на протяжении не менее пяти лет[3].

При этом как инструмент образовательного процесса наставничество должно трансформироваться в рамках всей системы высшего образования[4]. Такой подход к профессиональному формированию специалистов определен массовостью получения высшего образования в стране. Однако качество подготовки специалистов носит, в большей мере, теоретический характер, выпускники не имеют подготовленности к реалиям выбранной профессии, а, следовательно, можно говорить о низком уровне готовности к реализации трудовых функций.

Согласимся с позицией К. Кнобель, что в настоящее время вся система образования нуждается в пересмотре и правовом корректировании, путем определения новых методов обучения. Таким методом может выступить наставничество как потенциальный институт практической подготовки будущего специалиста.

Отметим, что Указом Президента РФ от 27.06.2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» таковым был объявлен 2023 год[5].

Президент Российской Федерации отмечал, что у него тоже были наставники – «очень мудрые, грамотные, очень порядочные люди», он благодарен им и вспоминает их с уважением.

Выступая на встрече с молодежью в марте 2018 года, он не исключил возможность принятия закона о наставничестве, чтобы «законодательно прописать в нем государственную поддержку» этого вида деятельности[6].

По нашему мнению, время принятия такого закона настало.

Развитие института наставничества в рамках системы высшего юридического образования является значительным преимуществом учебного заведения, образова-

---

[1] Бондалетов В.В., Бондалетов Е.В. Становление и развитие наставничества как формы корпоративного обучения персонала в России и за рубежом. Современные технологии управления персоналом. Библиотека Киберленинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-nastavnichestva-kak-formy-korporativnogo-obucheniya-personala-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer

[2] Путин впервые наградил россиян «За наставничество». – 16.03.2018. URL: https://smotrim.ru/article/1439050

[3] Об утверждении знака отличия «За наставничество» (вместе с «Положением о знаке отличия «За наставничество») : указ Президента РФ от 02.03.2018 № 94 (в ред. от 19.11.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_292180/

[4] Коробова А.П. К вопросу о подготовке профессиональных юридических кадров в условиях цифровой трансформации образования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (101), том 1, 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-podgotovke-professionalnyh-yuridicheskih-kadrov-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-obrazovaniya/viewer

[5] О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника : указ Президента РФ от 27.06.2022 № 401. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404793479/

[6] Путин не исключил принятия закона о наставничестве. Тасс. - 06.03.2018. URL: https://tass.ru/politika/5012173

тельная программа которого позволит подготовить специалистов в условиях формирования практических навыков через опыт специалистов в области юриспруденции[1]. Именно через наставничество раскрывается потенциал обучающегося в сфере выбранной профессии.

Практическая составляющая в современном образовательном процессе должна формироваться через институт наставничества как системы воспитательной и учебной деятельности. Считаем, что наставничество должно стать важнейшим элементом именно в образовательной среде, так как это позволит сократить адаптационный период молодых сотрудников[2].

Подчеркнем, что молодые специалисты, которые впервые поступили на службу в государственные органы, а также перевелись на новую должность, при расширении либо изменении функциональной их составляющей в настоящее время проходят обучение в рамках института наставничества согласно внутренним документам органа государственной власти.

Целью такого наставничества является подготовка профессионального работника государственных и муниципальных органов высокого уровня, а также оказание адаптационной помощи при формировании специалиста (с учетом специфики трудовых функций), и – как результат – формирование работоспособного коллектива[3].

При этом, анализируя систему наставничества в целом[4], отметим, что в настоящее время имеет место проблема понимания сущности данного института.

Так в порядке эксперимента, в ходе написания статьи, мы предложили сформулировать понятие «наставничество» двадцати гражданам в возрасте от 19 до 65 лет. Было удивительно, что каждым оно формулировалось по-разному, но более конкретно – людьми старшего возраста. Кроме того, некоторые из опрошенных определяли наставничество как педагогическую деятельность, что, по нашему мнению, не совсем соответствует действительности, так как понятие «наставничество» очень широкое по своему значению.

Таким образом, необходимо рассмотреть сущность наставничества, с учетом реализации понятийного аппарата в рамках проекта федерального закона «О наставничестве».

В первую очередь, следует выделить научные подходы к таким терминам, как «наставник» и «наставничество». Особый интерес представлен позицией А. Денисова, в которой указанный механизм системы образования реализуется в рамках взаимоотношений между обучающимся, преподавателем и специалистом в области получаемых знаний.

В «Педагогической энциклопедии» понятие «наставничество» рассматривается с различных позиций и объединяет энциклопедические данные в следующую трактовку: «оказание помощи молодым преподавателям в период их вхождения в профес-

[1] Панкратова М.Е., Смирнова Ю.С., Сшипик С.Ю. Правовое регулирование системы целевой подготовки студентов по направлению «Юриспруденция» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (101), том 1, 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-tselevoy-podgotovki-studentov-po-napravleniyu-yurisprudentsiya/viewer

[2] Славова Н.А. Правовое воспитание как основной элемент механизма правовой социализации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 3 (99), том 1, 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vospitanie-kak-osnovnoy-element-mehanizma-pravovoy-sotsializatsii/viewer

[3] Фролова С.В. Наставничество и менторинг : анализ понятий // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61–2. – С. 213.

[4] Снегирёва М.В. Правовые ценности и сотрудничество педагогов в области непрерывного образования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (98), том 1, 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-tsennosti-i-sotrudnichestvo-pedagogov-v-oblasti-nepreryvnogo-obrazovaniya/viewer

сиональную деятельность. Этот период включает адаптацию к реальным условиям и овладение мастерством...»[1].

При этом наставник характеризуется такими требованиями, как: опытность, высокая квалификация, профессионализм. В процессе взаимодействия с молодыми специалистами, а также студентами, наставник передает свой опыт и знания в форме поддержки, наставлений, обучающих механизмов, выраженных в практической реализации.

Исходя из того факта, что наставничество является наиболее эффективной формой профессиональной адаптации (через повышение компетентности молодых специалистов), следует определить кадрово-педагогический потенциал высших учебных заведений, а также предприятий.

Являясь процессом взаимодействия, передачи опыта и знаний от наставника к наставляемому, институт наставничества становится способом передачи профессиональных качеств будущему поколению[2], при этом объединяя в себе теоретические и практические методики образовательного процесса.

При отражении сущности наставничества в рамках деятельности организации, можно определить данный институт как элемент корпоративной культуры, который формирует степень подготовки специалиста для более успешной и качественной реализации им трудовых функций.

С позиции этико-культурного восприятия профессиональной деятельности наставничество должно включать в себя процесс формирования личности юриста, в частности адаптация к трудовому процессу, коллективу, этическому и культурному поведению, принятому в профессиональной сфере[3].

Исходя из данного подхода, можно отметить, что наставничество формирует профессиональный потенциал молодых юристов через призму адаптационных методов работы всех субъектов трудовых правоотношений.

Отметим, что наставничество должно быть применимо не только в рамках адаптационного периода на предприятии, но и как институт образовательной программы в высших учебных заведениях при подготовке будущего юриста.

Институт наставничества позволяет скорректировать методы обучения в программе вуза, повысить уровень подготовки будущего специалиста, а также способствует подготовке кадров в рамках отдельно взятого предприятия с учетом особенностей экономико-правовой деятельности.

Например, при обучении на факультете «Юриспруденция» группе студентов выделяется наставник – практикующий юрист в отрасли нефтегазового дела, либо добычи рыбных ресурсов. Таким образом, студенты, кроме теоретической основы по гражданско-правовой специализации, дополняют свое образование практическими навыками отдельной подотрасли[4], а

---

[1] Наставничество : национальная энциклопедическая служба. URL: https://didacts.ru/termin/nastavnichestvo.html

[2] Кустов Ю.А., Кизилов Д.С., Стацук С.В. Профессионально-личностное самоопределение учащихся старших классов средней школы как педагогическая проблема. // Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 101. URL: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf

[3] Лодкин А.Е., Углицких Д.В. Нормативно-правовое обеспечение подготовки кадров для правоохранительной деятельности // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 3 (96), том 1, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-obespechenie-podgotovki-kadrov-dlya-pravoohranitelnoy-deyatelnosti.pdf

[4] Макарова Т.П., Таховская Е.Н. Предметные недели как средство мотивации учебной деятельности студентов // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти :

предприятия получают подготовленного специалиста.

Выделим обязательные признаки наставника, которые, по нашему мнению, должны быть отражены в принимаемом законе «О наставничестве». В частности, это:

- гибкость в организации трудового процесса;
- педагогическая расположенность к обучению;
- умение параллельного взаимодействия;
- ориентированность на передачу опыта.

Субъектами правоотношений в сфере наставничества являются:

наставник – лицо, обладающее качествами, способствующими профессиональному становлению и развитию подопечного;

подопечный – лицо, в отношении которого осуществляется наставничество. В данную категорию лиц следует отнести студентов 4–5 курсов, молодых специалистов, впервые принятых на работу, специалистов, сменивших правовую область трудовой деятельности;

предприятие, а также высшее учебное заведение как субъекты наставнических отношений носят косвенный характер, при этом именно в рамках реализации взаимоотношений на их базе формируются методы и модели обучающего процесса[1].

При этом, кроме базовых профессиональных трудностей, молодой юрист в процессе начала карьеры может столкнуться с отсутствием времени при нерациональном планировании дел, проблемами коммуникационного характера[2] и т. д.

Именно поэтому в наставничестве важно выделять индивидуальность методов организации, исходя из профессиональных знаний студента либо специалиста, его уровня подготовки, организационной составляющей. Данные характеристики обуславливают форму наставничества: индивидуальную либо групповую.

Под индивидуальной формой следует понимать закрепление наставника за отдельным субъектом. При индивидуальном наставничестве происходит личный контакт между подопечным и наставником, в случае групповой формы во внимание берется группа студентов, либо молодых специалистов со схожими трудностями. При этом групповая форма, как правило, применима в рамках образовательного процесса либо на крупных предприятиях.

Для адаптации наставляемого к трудовой деятельности наставник показывает алгоритм действий на основе собственного опыта, проводит разъяснительную работу, в которой объясняет смысл каждого действия предлагаемого алгоритма.

Важно исключить машинальное копирование шагов при реализации задачи у подопечного, он должен действовать осмысленно. Наставник осуществляет контроль над выполнением выданного задания, при этом изучая потенциал будущего сотрудника.

В связи с вышеуказанными взаимоотношениями наставника и подопечного, считаем, что должен быть принят федеральный закон, регулирующий отношения в сфере наставничества, закрепляющий в правовом поле ряд понятий, часто используемых современными исследователями, а также принципы и модели наставничества.

Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 117. URL: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf

[1] Бачин Д.А. Наставничество как метод обучения и развития персонала // NDRAM. 17.03.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ndram.ru/bachin-d-a-nastavnichestvo-kak-metod-obucheniya-i-razvitiya-personala.html

[2] Магиярова З.М. Подросток: проблемы ориентации в современном ценностном пространстве // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 296. URL: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf

Понятия, требующие правового закрепления, такие: наставничество, наставник, профессиональная адаптация, профессиональное развитие, модель наставничества, востребованность юриста, готовность к профессиональной деятельности, эффективность как свойство профессионала и прочие.

К принципам наставничества относятся: добровольность, активность, инициативность, целесообразность, открытость, ответственность и прочие.

К уже имеющимся и активно развивающимся моделям наставничества относятся следующие:

а) традиционное наставничество – самая распространенная модель, когда опытный и достигший успеха эффективный профессионал, работая с закрепленным за ним подопечным, делится своим опытом практической деятельности, раскрывая особенности в работе;

б) партнерское наставничество – основанное на принципе «равный – равному», когда наставник – опытный сотрудник – относится к подопечному, как к равному по уровню, и в каждодневной совместной работе передает ему свои знания в предметной области;

в) групповое наставничество – получение группой подопечных практических навыков в работе под руководством опытного наставника;

г) флэш наставничество основано на разовых встречах, обсуждениях. Считаем, что применение этой модели активизируется в связи с тем, что 31.01.2023 г. Президент страны Владимир Путин поручил Правительству разработать программы наставничества с участием Героев России[1];

д) скоростное наставничество – это многоуровневый подход к организации сети профессионалов;

е) реверсивное (обратное) наставничество – начинающий сотрудник выступает в роли наставника более опытного коллеги, который по служебной лестнице находится выше него и помогает ему развить новые компетенции. С позиции субординации, в данной модели идет передача опыта не сверху вниз, а, наоборот, снизу-вверх;

ж) виртуальное наставничество – в режиме онлайн подопечный получает советы и рекомендации от наставника и др[2].

Отметим, что данный перечень моделей должен быть открытым, так как развивающееся общество и отношения в нем со временем повлияют на появление новых моделей наставничества.

В федеральном законе, регулирующем отношения в сфере наставничества, необходимо обязать органы исполнительной власти РФ и органы местного самоуправления поддерживать инициативы профессиональных учебных заведений страны в вопросах организации, реализации и совершенствования профессионального наставничества, и совместно реализовывать их с привлечением широкого круга работодателей.

Службе занятости населения совместно с учебным заведением было бы целесообразно поручить формирование банка выпускающихся специалистов с информацией о месте их стажировки и личных качествах.

К примеру, к формированию подобной базы привлекать работодателей, представляющих учреждения и организации, имеющие места для прохождения практик будущих юристов, с учетом специализации и с последующим их трудоустройством.

В регионах (органами исполнительной власти) должна широко распространяться информация о положительном опыте по практическому наставничеству в государственных органах, организациях, учреждениях, предприятиях и выражаться благодарность конкретным учреждениям за каче-

[1] Путин поручил привлечь участников СВО к наставничеству молодёжи. - 31.01.2023. URL: https://regnum.ru/news/polit/3776055.html

[2] Селиверстова, М.В. Сравнительный анализ моделей наставничества в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 3-2. – С. 110-116

ственную подготовку специалистов и прочее.

Заслуживают внимания исследования экспертов из консалтинговой группы BTI, составивших список американских юридических фирм, с представителями которых не очень приятно иметь дело в судебных и арбитражных спорах. Кроме собственно ранжирования, сделанного на основании опроса клиентов, BTI выделила качества, которые характеризуют «самые страшные» команды судебных адвокатов. По версии BTI, в топ-4 самых некомфортных противников в правовом споре входят: Quinn Emanuel, Kirkland & Ellis, Jones Day и Skadden. Именно эти фирмы никто не хотел бы видеть в качестве противника в досудебных процедурах, арбитражных или судебных разбирательствах.

Исследователи выделили пять принципиальных качеств, которые и сформировали репутацию фирм при сопровождении споров. К таковым были отнесены:

–доблесть, проявление стойкости в условиях высокого риска и неопределенности;

–сообразительность, под которой понимается суперинтеллектуальная практика, умение перестраивать по ходу дела применяемые стратегии, построение сложных схем и готовность меняться по мере развития ситуации;

–энергия, которая только возрастает при повышении ставок и рисков;

–оперативность, решительность и быстрота действий, основанная на ресурсах, достаточных для выполнения запланированного;

–представители «самых страшных» фирм никогда не сдаются[1].

Достичь подобных качеств юристу возможно только с помощью опытного наставника. Специфика юридической деятельности делает такие программы наставнических практик актуальными, обучая будущих специалистов в юридических фирмах и прочее.

Считаем, что наибольший практический эффект наставничества в совместной работе вуза – студента – организации проявляется во время практики, соответствующей будущей специальности обучающегося.

Итак, отметим, что институт наставничества достаточно эффективный механизм профессиональной подготовки, что обусловлено соотношением следующих элементов: опытно-практической деятельности и педагогического подхода[2]. Важной его составляющей является адресность взаимоотношений, при которых учитывается не только профессионализм и опыт субъектов, но и их индивидуальные, личностные характеристики.

Принципы института наставничества соответствуют принципам государственной образовательной системы подготовки кадров. Основополагающим направлением выступает формирование личностной зрелости специалиста.

В процессе наставничества у молодого специалиста формируется начальная профессиональная база, способствующая повышению уверенности в сфере профессиональной деятельности. При правильном подходе к методам наставничества адаптация выпускников вузов к трудовой деятельности происходит быстрее, а, следовательно, это способствует формированию кадрового потенциала страны на более высоком уровне.

Таким образом, вопрос наставничества в связи с его актуальностью нуждается в правовом регулировании.

---

[1] Рейтинг «самых страшных». Исследователи определили 46 юридических фирм, которых никто не любит // Юридический бизнес. 29.11.2022. URL: https://legal-business.ru/monitor/praktika/3379-issledovateli-opredelili-46-yuridicheskikh-firm-kotorye-nikto-ne-lyubit

[2] Пуговкина Н.А. Воспитание основ толерантности у учащихся // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 310. URL: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бондалетов, В.В., Бондалетов, Е.В. Становление и развитие наставничества как формы корпоративного обучения персонала в России и за рубежом. Современные технологии управления персоналом. Библиотека Киберленинка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-nastavnichestva-kak-formy-korporativnogo-obucheniya-personala-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer (Дата обращения 03.02.2023).
2. Головнев, А.В. О подготовке наставников студентов – практикантов (технический профиль) // Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 63-68. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf (Дата обращения 03.09.2023).
3. Коробова, А.П. К вопросу о подготовке профессиональных юридических кадров в условиях цифровой трансформации образования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (101), том 1, 2022. – С. 5-13. Библиотека Киберленинка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-podgotovke-professionalnyh-yuridicheskih-kadrov-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-obrazovaniya/viewer (Дата обращения 03.09.2023).
4. Кустов, Ю.А., Кизилов, Д.С., Стацук, С.В. Профессионально-личностное самоопределение учащихся старших классов средней школы как педагогическая проблема. // Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 101-107. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf (Дата обращения 02.09.2023).
5. Лодкин, А.Е., Углицких, Д.В. Нормативно-правовое обеспечение подготовки кадров для правоохранительной деятельности // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 3 (96), том 1, 2020. – С. 17-28. Библиотека Киберленинка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-obespechenie-podgotovki-kadrov-dlya-pravoohranitelnoy-deyatelnosti.pdf (Дата обращения 02.09.2023).
6. Магиярова, З.М. Подросток: проблемы ориентации в современном ценностном пространстве // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 296-303. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf (Дата обращения 06.09.2023).
7. Макарова, Т.П., Таховская, Е.Н. Предметные недели как средство мотивации учебной деятельности студентов // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 117-120. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf (Дата обращения 05.09.2023).
8. Наставничество : национальная энциклопедическая служба. Электронный ресурс] – Режим доступа: https://didacts.ru/termin/nastavnichestvo.html (Дата обращения 12.08.2023).
9. О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника : указ Президента РФ от 27.06.2022 № 401 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404793479/ (Дата обращения 04.02.2023).
10. Бачин, Д.А. Наставничество как метод обучения и развития персонала // NDRAM. 17.03.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ndram.ru/bachin-d-a-nastavnichestvo-kak-metod-obucheniya-i-razvitiya-personala.html

11. Об утверждении знака отличия «За наставничество» (вместе с «Положением о знаке отличия «За наставничество») : указ Президента РФ от 02.03.2018 № 94 (в ред. от 19.11.2021). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_292180/ (Дата обращения 03.02.2023).

12. Панкратова, М.Е., Смирнова, Ю.С., Сшипик, С.Ю. Правовое регулирование системы целевой подготовки студентов по направлению «Юриспруденция» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (101), том 1, 2022. – С. 14-23. Библиотека Киберленинка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-tselevoy-podgotovki-studentov-po-napravleniyu-yurisprudentsiya/viewer (Дата обращения 05.09.2023).

13. Пуговкина, Н.А. Воспитание основ толерантности у учащихся // Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 310-312. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vuit.ru/science/sborniki/Tom%203.pdf (Дата обращения 02.09.2023).

14. Путин впервые наградил россиян «За наставничество». – 16.03.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://smotrim.ru/article/1439050 (Дата обращения 03.02.2023).

15. Путин не исключил принятия закона о наставничестве. Тасс. – 06.03.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tass.ru/politika/5012173 (Дата обращения 04.02.2023).

16. Путин поручил привлечь участников СВО к наставничеству молодёжи. – 31.01.2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/3776055.html (Дата обращения 04.02.2023).

17. Рейтинг «самых страшных». Исследователи определили 46 юридических фирм, которых никто не любит // Юридический бизнес. 29.11.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal-business.ru/monitor/praktika/3379-issledovateli-opredelili-46-yuridicheskikh-firm-kotorye-nikto-ne-lyubit (Дата обращения 04.02.2023).

18. Селиверстова, М.В. Сравнительный анализ моделей наставничества в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 3-2. – С. 110-116.

19. Славова, Н.А. Правовое воспитание как основной элемент механизма правовой социализации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 3 (99), том 1, 2021. – С. 24-30. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vospitanie-kak-osnovnoy-element-mehanizma-pravovoy-sotsializatsii/viewer (Дата обращения 02.09.2023).

20. Снегирёва, М.В. Правовые ценности и сотрудничество педагогов в области непрерывного образования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (98), том 1, 2021. – С. 96-109. Библиотека Киберленинка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-tsennosti-i-sotrudnichestvo-pedagogov-v-oblasti-nepreryvnogo-obrazovaniya/viewer (Дата обращения 03.09.2023).

21. Фролова, С.В. Наставничество и менторинг : анализ понятий // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - № 61-2. - С. 213-216.

Дата поступления: 22.08.2023

УДК: 343.35; 342.4; 342.9; 342.518.5; 328.185,
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_44

Рашева Н.Ю.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Rasheva N.Yu.

LEGAL FOUNDATIONS OF ANTI-CORRUPTION EDUCATION IN RUSSIA: AREAS OF IMPROVEMENT

Ключевые слова: *правовое просвещение; коррупция; антикоррупционное просвещение; противодействие коррупции; борьба с коррупцией; правопросветительское воздействие; гражданское общество; просветительские программы по противодействию коррупции; нетерпимое отношение к коррупционному поведению; антикоррупционное мировоззрение; антикоррупционное образование; борьба с коррупцией; образование; молодежь; гражданское общество; Мурманский арктический университет.*

Keywords: *legal education; corruption; anti-corruption education; anti-corruption; fight against corruption; law enforcement impact; civil society; anti-corruption education programs; intolerant attitude towards corrupt behavior; anti-corruption outlook; anti-corruption; fight against corruption; education; the youth; civil society; Murmansk Arctic University.*

Аннотация: *Исследование посвящено правовому анализу подходов реализации просветительской деятельности при реализации антикоррупционных мероприятий, направленных на профилактику коррупционного поведения. В работе проанализированы мероприятия и ожидаемые результаты программного документа по антикоррупционному просвещению на период 2021-2024 годы; выявлены отдельные особенности и недостатки плановых документов о противодействия коррупции в исполнительны органах, осуществляющих политику в сфере образования в рамках анализируемого периода; сформулированы рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в исследуемой области.*

Цель статьи – правовой анализ подходов реализации просветительской деятельности при реализации антикоррупционных мероприятий, направленных на профилактику коррупционного поведения, выявление особенностей планируемых антикоррупционных мероприятий и ожидаемых результатов программного документа по антикоррупционному просвещению на период 2021-2024 годы, сформулировать рекомендации по результатам работы.

Ведущий метод, заложенный в основу решения поставленной проблемы, – метод анализа действующих антикоррупционного планов, органов, реализующих государственную образовательную политику, направленных на профилактику коррупционного поведения. Кроме того, в работе применен сравнительно-правовой метод научного исследования.

О необходимости повышения эффективности мероприятий по правовому просвещению в нашей стране, в частности, о разработке и реализации государственной программы пра-

вового просвещения граждан России уже давно шла речь в публикациях автора [1], в том числе, имели место исследования и об антикоррупционном просвещении [2]. В данной работе проведен правовой анализ подходов реализации просветительской деятельности при реализации антикоррупционных мероприятий, направленных на профилактику коррупционного поведения.

Отдельные результаты исследования взяты из Отчета об исполнении Плана основных мероприятий по противодействию коррупции в Мурманской области в 2022 году, размещенного на сайте Управления по реализации антикоррупционной политики Мурманской области [3] и из очного присутствия на Заседании Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Мурманской области [4], членом которой является автор данной статьи.

Abstract: *The study is devoted to the legal analysis of approaches to the implementation of educational activities in the implementation of anti-corruption measures aimed at preventing corrupt behavior. The paper analyzes the activities and expected results of the program document on anti-corruption education for the period 2021-2024; certain features and shortcomings of planning documents on combating corruption in the executive bodies implementing the policy in the field of education within the analyzed period were identified; recommendations for improving the current legislation in the area under study are formulated.*

The purpose of the article is a legal analysis of approaches to the implementation of educational activities in the implementation of anti-corruption measures aimed at preventing corrupt behavior, identifying the features of the planned anti-corruption measures and the expected results of the program document on anti-corruption education for the period 2021-2024, formulate recommendations for improving the current legislation in the area under study.

The leading method underlying the solution of the problem posed is the method of analyzing existing anti-corruption plans, bodies implementing the state educational policy aimed at preventing corrupt behavior. In addition, the comparative legal method of scientific research is applied in the work.

The need to improve the effectiveness of measures for legal education in our country, in particular, the development and implementation of the state program of legal education of Russian citizens as an integral part of the formation of the rule of law has long been discussed in the author's publications[1], including studies on anti-corruption education[2]. In this paper, a legal analysis of approaches to the implementation of educational activities in the implementation of anti-corruption measures aimed at preventing corrupt behavior is carried out.

Separate results of the study are taken from the Report on the implementation of the Plan of Main Anti-Corruption Actions in the Murmansk Region in 2022, posted on the website of the Department for the Implementation of Anti-Corruption Policy of the Murmansk Region[3] and from in-person attendance at the Meeting of the Commission for the Coordination of Anti-Corruption Work in the Murmansk Region, a member of which is the author of this article[4].

[1] Рашева, Н.Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Соврем. гуманит. акад. – М., 2006. - 23 с.

[2] Рашева, Н.Ю. Правовые особенности и перспективы развития участия общественности в противодействии коррупции / Н.Ю. Рашева // Современное право. – 2020. – № 10. – С. 25-39; Рашева, Н.Ю. Законодательство о противодействии коррупции: региональный опыт (на примере Мурманской области) / Н.Ю. Рашева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3(96). – С. 186-202; Рашева, Н.Ю. Направления по противодействию коррупции в деятельности образовательной организации (опыт Мурманского арктического государственного университета) / Н.Ю. Рашева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3(96). – С. 203-215.

[3] Официальный сайт Управления по реализации антикоррупционной политики Мурманской области / Отчет об исполнении Плана основных мероприятий по противодействию коррупции в Мурманской области в 2022 году : [Электронный ресурс] : https://anticorrmo.gov-murman.ru/about/results/ (дата обращения 03.08.2023)

[4] Протоколы заседания Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Мурманской области : [Электронный ресурс] : https://anticorrmo.gov-murman.ru/activities/commissions/c_coord_mo/ (дата обращения 03.08.2023).

Государственная политика в сфере антикоррупционного просвещения

Важной проблемой российской государственности, создающей реальную угрозу уровню законности и правопорядка в стране, выступает проблема коррупции. Наиболее эффективной формой борьбы с коррупцией выступает предупреждение возможности ее появления либо ликвидация предпосылок для ее развития.

Национальная антикоррупционная стратегия – это долгосрочный государственный план мероприятий, предполагающий систематическое использование государственных, материальных, финансовых, информационных и других ресурсов для достижения социально значимых результатов в области противодействия коррупции.

«Российская Федерация проходит период законодательных реформ, динамика конституционных процессов пока не даёт возможности говорить о результатах» [1].

Государство, в стремлении сформировать и реализовать государственную национальную антикоррупционную политику, находится в поиске новых форм воздействия на своих граждан через сформированные в обществе антикоррупционные инструменты [2]. Одним из таких инструментов следует назвать правовое просвещение.

Ключевым документом в анализируемой нами сфере правоотношений являются Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [3] (далее – Основы). В документе определены ключевые моменты, оказывающие влияние на уровень правовой грамотности и правосознания населения; базовые цели и направления политики государства в указанной сфере правоотношений; предпринимаемые публичными субъектами направления совершенствования законодательства РФ и правоприменения в данной области и др.

Базовые цели политики государства в анализируемой сфере правоотношений названы в п. 14 Основ: развитие устойчивого уважения к закону; повышение правовой культуры населения, включая уровень правовой осведомленности; формирование системы стимулов к законопослушной модели поведения в обществе; внедрение в общественное сознание правил о необходимости добросовестного подхода к соблюдению правовых норм.

Основные положения данного документа можно принять за основу формирования правовой просвещенности в сфере противодействия коррупции.

Правовое просвещение на современном этапе возможно рассматривать в виде направления деятельности государства (государственной политики), получающего достаточно серьезную законодательную поддержку. Антикоррупционное просвещение граждан – это эффективное средство предупреждения коррупции, способное оказать положительное воздействие на состояние законности и правопорядка в обществе.

Важное значение имеет обеспечение единообразного понимания норм права и их неукоснительное исполнения.

Общая характеристика нормативных актов, направленных на антикоррупционное просвещение в России

В современном обществе проблема противодействия коррупции и развитие просветительских программ по противодействию коррупции длительное время находятся в центре внимания представителей органов публичной власти и ученых всех областей знаний.

---

[1] Снегирева, М. В. Использование общественных ресурсов в правовом просвещении: путь к диалогу и реализации прав граждан / М. В. Снегирева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1, № 2(104). – С. 46.

[2] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 266, 30.12.2008.

[3] Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета, № 151, 14.07.2011.

Общественным институтом, где необходима антикоррупционная профилактическая работа, является образовательная среда. Принимая во внимание необходимость противодействия коррупции, федеральным законодателем большое внимание уделено вопросам нормативно-правового обеспечения деятельности по противодействию коррупции в РФ [1].

Для надлежащей реализации подп. «г» п. 36 Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы [2], и подп. 4 п. 20 поручения Правительства РФ от 6 сентября 2021 г. № ММ-П17-12165 [3] Распоряжением Минобрнауки России утверждена программа по антикоррупционному просвещению на 2021-2024 годы [4] (далее - программа).

К числу ожидаемых результатов программы отнесены 16 мероприятий, вот некоторые из них:

1. Формирование у обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению и повышение уровня правосознания у граждан. Например, для получения данного результата запланировано: реализация в вузах системы антикоррупционных мероприятий разъяснительного характера и организация общественных акций.

2. Антикоррупционное просвещение несовершеннолетних. Например, для получения данного результата запланировано: проведение Всероссийского дня правовой помощи детям.

3. Повышение информационной, финансовой и правовой грамотности молодого поколения. Например, на достижение данного результата запланировано: проведение Международной олимпиады по финансовой безопасности.

Молодежь должна глубоко осознавать проблему коррупции сейчас и необходимость противодействия ей, молодому поколению важно занимать активную гражданскую позицию, не оставаться равнодушным в деле противодействия коррупции, уметь отстаивать свою точку зрения.

Ответственные исполнители программы: Минобрнауки России, Минпросвещения России; по отдельным мероприятиям - Минтруд России, Минюст России, Росфинмониторинг.

Соответствующие положения, направленные на реализацию программных мероприятий включены в Приказы исполнительных органов власти, в сфере реализации государственной образовательной политики [5].

В частности, в Плане противодействия коррупции Минобрнауки на период 2021-2024 годы, раздел IV посвящен мероприятиям по повышению эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов. Данным разделом предусмотрено, например:

---

[1] Рашева, Н.Ю. Необходимость формирования Концепции антикоррупционного просвещения в Мурманской области / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

[2] Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.

[3] Поручение Правительства РФ от 06.09.2021 г. № ММ-П17-12165 [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: http://government.ru/orders/all/ (дата обращения: 03.08.2023).

[4] Распоряжение Минобрнауки России от 14.12.2021 № 475-р «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023).

[5] Приказ Минобрнауки России от 27.09.2021 № 885 (ред. от 01.06.2022) «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства науки и высшего образования РФ на 2021 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023); Приказ Минпросвещения России от 16.02.2022 № 81 «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства просвещения РФ на 2022 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023).

1. Проведение международных и всероссийских студенческих антикоррупционных мероприятий.

Ожидаемый результат: формирование в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе направленной на повышение эффективности антикоррупционного просвещения у молодежи.

2. Проведение научно-практической конференции работников образовательных и научных организаций «Противодействие коррупции в образовательных и научных организациях».

Ожидаемый результат: обеспечение формирования у работников образовательных и научных организаций нетерпимости к коррупционному поведению и формирования модели поведения, соответствующей требованиям закона и ожиданиям общества.

В Плане противодействия коррупции Минпросвещения РФ на период 2022-2024 годы в рамках рассматриваемого нами вопроса, предусмотрен раздела IV, где сформулированы мероприятия, направленные на противодействие коррупции:

1. Подготовка предложений по вопросам организации и проведения работы по антикоррупционному просвещению и популяризации антикоррупционных стандартов.

Ожидаемый результат: направление предложений по указанным выше вопросам в Минтруд России.

2. Реализация программы по антикоррупционному просвещению на период 2021-2024 годы [1].

Ожидаемый результат: доклад в Минобрнауки России о ходе реализации указанной программы.

Проведенный анализ «ожидаемых результатов» в деятельности федерльных органов исполнительной власти вызывает «определенные сомнения» в их объективности и возможности осуществления контроля за их исполнением, результативности конечных результатов, на которые они направлены.

В частности, вызывают «опасения» такие «ожидаемые результаты» как:

- доклад о результатах мониторинга;
- доклад о внесении в федеральные государственные образовательные стандарты изменений;
- доклад о результатах проведения общероссийского конкурса;
- доклад о проведении международных и всероссийских студенческих антикоррупционных мероприятий;
- согласовать участие и направить предложения;
- доклад о ходе реализации программы.

Полагаем, что предложенные органами исполнительной власти отдельные «ожидаемые результаты» в рассматриваемой сфере правоотношений не содержат в себе конкретики и носят характер «докладов».

Поддерживаем точку зрения, согласно которой не документы должны стать целью антикоррупционных просветительских мероприятий, направленных на формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям, а формирование антикоррупционной устойчивости личности обучающихся (причем, на всех уровнях образования) [2].

Кроме того, приветствует позиция о необходимости создания действенной и эффективной системы противодействия коррупции в деятельности образовательных

[1] Распоряжение Минобрнауки России от 14.12.2021 № 475-р «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023).

[2] Ильяш, А. В. Формирование антикоррупционной устойчивости личности студентов в рамках антикоррупционного воспитания и просвещения / А. В. Ильяш, Д. В. Белоусова // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 3(87). – С. 192. – С. 188-194.

учреждений, которая позволит решить следующие задачи: [1]

1. Создавать и на постоянной основе совершенствовать механизмы противодействия коррупции в сфере образования.

2. Формировать и реализовывать антикоррупционную политику в сфере образования.

3. Используя институциональный метод исследования, анализировать состояние противодействия коррупции в сфере образования, давать оценку его эффективности.

4. Организовывать взаимодействие с институтами гражданского общества, включая студенческие советы вузов, студенческие общественные объединения, профсоюзы образовательных учреждений и институты общественного контроля, в частности, с Общественной палатой России, региональными и муниципальными общественными палатами, общественными советами при органах публичной власти всех уровней по вопросам противодействия коррупции в сфере образования [2].

5. Проводить информационное обеспечение антикоррупционного процесса в системе обучения и воспитания молодого поколения.

Опыт Мурманской области в антикоррупционном просвещении молодежи

Интересной формой противодействия коррупции, применяемой в ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет» следует назвать квиз «Знание-сила!», посвященный борьбе с коррупцией. В квизе задействовано 8 команд. Студенты прошли 5 раундов, ответили на более 30 вопросов разного уровня сложности (с предварительной подготовкой с помощью своих педагогов) [3].

Антикоррупционный батл - в командном интеллектуальном турнире сразились мурманские студенты и школьники. Цель – сформировать у молодежи антикоррупционное сознание, ориентированное на неприятие коррупции как социального явления. Участникам предстояло пройти 4 этапа.

Первый - «Народная мудрость». Участники соревновались в знании пословиц, афоризмов и крылатых выражений. Второе испытание позволило показать ораторские способности. Команды готовили речь на тему «Шоколадка - тоже взятка. Что делать, если Вам намекнули?».

Блиц: «Большая коррупция начинается с малого. Сегодня мы рассмотрим вид мелкого взяточничества, как шоколадка. Что же делать в таких случаях? Такое деяние необходимо пресекать на корню, нужно обращаться к родителям студентов, чтобы они проявили разъяснительную работу. Ведь даже маленькая «шоколадка» - это начало больших проблем взрослой жизни».

---

[1] Мельков, С.А. Институциональные аспекты противодействия коррупции в сфере образования: участие ФОИВ России / С. А. Мельков, А. Н. Перенджиев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2020. – № 3(84). – С. 112-113. – С. 110-121.

[2] Рашева, Н. Ю. Особенности противодействия коррупции в деятельности общественных Советов при органах исполнительной власти / Н. Ю. Рашева, С. А. Емельянова // Теоретические и практические проблемы современного правопонимания : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции Юридического факультета МАГУ, Мурманск, 28–30 ноября 2022 года / Ответственный редактор А.Ю. Фофанова. – Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2023. – С. 295-301; Рашева, Н. Ю. Роль общественного контроля как меры противодействия коррупции / Н. Ю. Рашева // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 266-283; Рашева, Н. Ю. Правовые особенности и перспективы развития участия общественности в противодействии коррупции / Н. Ю. Рашева // Современное право. – 2020. – № 10. – С. 25-39; Рашева, Н. Ю. Направления по противодействию коррупции в деятельности образовательной организации (опыт Мурманского арктического государственного университета) / Н. Ю. Рашева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3(96). – С. 203-215.

[3] Рашева, Н.Ю. Организация системы антикоррупционного просвещения через потенциал образовательных учреждений / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

Заключительные этап - «антикоррупционный биатлон». В игре 6 разделов. Команды по очереди выбирали тему и количество баллов. В случае неправильного ответа, возможность вырваться вперед предоставлялась сопернику.

Совместно с Уполномоченным по правам человека в Мурманской области, Комитетом молодежной политики Мурманской области и Управлением антикоррупционной политики Мурманской области организован проведен ряд профилактических лекционных мероприятий, где представители органов публичной власти в игровой форме рассказывали о мерах профилактики коррупционных проявлений в образовательной среде.

В целях организации антикоррупционного просвещения, обучающихся в государственных профессиональных образовательных организаций Мурманской области, Управлением по реализации антикоррупционной политики Мурманской области организованы 4 конкурса антикоррупционной тематики, 11 интеллектуальных игр, принято участие в научно-практической конференции и заседаниях круглых столов.

В течение 2022-2023 учебного года в общеобразовательных учреждениях Мурманской области на регулярной основе проводились тематические классные часы, направленные на формирование правовой культуры, в том числе с участием сотрудников правоохранительных органов. Классные часы проводились с 1 по 11 класс, содержание выстраивалось с учетом возрастных категорий обучающихся.

В ноябре 2022 г. в общеобразовательных учреждениях Мурманской области проведена Неделя правовых знаний, в течение которой школьники приняли участие в классных часах, лекториях, круглых столах. Кроме этого были организованы встречи учащихся 9-11 классов с сотрудниками отделов экономической безопасности и противодействия коррупции, прокуратуры, МВД.

Мероприятия Недели правовых знаний были направлены на повышение гражданской активности обучающихся, формирование правосознания, в том числе антикоррупционного сознания у школьников, и включали в себя помимо лекционной части творческую составляющую. Так, старшеклассники принимали участие в конкурсе информационных презентаций («Права гражданина», «Коррупция и основные методы борьбы с ней»), обучающиеся с 5 по 9 класс участвовали в конкурсе творческих работ («Будущее моей страны – в моих руках»), конкурсе рисунков на антикоррупционную тематику [1].

В целях повышения эффективности мероприятий многие были организованы в том числе с использованием Интернет-пространства (видеоуроки-лекции, дискуссии с использованием мультипликационных видеороликов антикоррупционной направленности).

В течение 2022-2023 учебного года в школах города Мурманска ежеквартально проводились Недели профилактики «Высокая ответственность перед законом», в ходе проведения которых рассматривалась антикоррупционная тематика.

В целях формирования у обучающихся общеобразовательных учреждений города Мурманска положительного контента антикоррупционной политики функционирует школа правового просвещения для обучающихся 8-11 классов. Кроме того, в общеобразовательных организациях регулярно в игровой форме проводятся внеклассные мероприятия («Скажем «нет» коррупции!»), оформляются тематические книжные выставки («Наши права - наши обязанности», «Права человека», «Закон в твоей жизни»).

9 декабря 2022 в образовательных учреждениях Мурманской области прошли

[1] Рашева, Н.Ю. Особенности реализации Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы на территории Мурманской области / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

мероприятия, приуроченные к Международному дню борьбы с коррупцией. В рамках мероприятий обучающиеся приняли участие в онлайн-челлендже «Разорви сеть коррупции!», проводившемся по инициативе Управления по реализации антикоррупционной политики Мурманской области. Были созданы и размещены на страницах социальных сетей учреждений видеоролики, участники акции отмечены сертификатами [1].

На базе профессиональных образовательных организаций регулярно проводятся дискуссии в формате круглых столов («Нет коррупции!»), в ходе которых обучающимся дается общее представление о сущности коррупции, ее формах, особенностях проявления в различных сферах жизни общества, причинах и опасных последствиях. В процессе дискуссии студенты знакомятся с нормативно-правовыми документами и решают тематические кейсы.

В рамках мероприятий противодействия коррупции на официальных сайтах образовательных организаций в сети Интернет в актуальном состоянии поддерживаются разделы «Антикоррупционная деятельность», «Противодействие коррупции».

1. Реализация дополнительных профессиональных программ повышения квалификации.

Институтом развития образования Мурманской области реализуются программы повышения квалификации для работников дошкольных и общеобразовательных организаций Мурманской области с включением блоков по темам антикоррупционной направленности.

2. Конкурсные мероприятия по формированию антикоррупционного мировоззрения молодежи.

Обучающиеся принимают участие в конкурсах антикоррупционной направленности различного уровня. Например, в 2022-2023 годах они задействованы во Всероссийском антикоррупционном диктанте, направленном на просвещение граждан в области противодействия коррупции.

Учащиеся общеобразовательных организаций приняли участие в областном конкурсе рисунков «Мир без коррупции», проводимом совместно с молодежным культурно-досуговым центром «Библиодвиж»; проведены мероприятия муниципального уровня (конкурс детского творчества «Если хочешь быть честным, будь им!», квест-игра «Знатоки финансовой грамотности»).

Государственным областным бюджетным учреждением молодежной политики «Региональный центр патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи» в 2022-2023 гг. на территории Мурманской области в рамках соглашения с Уполномоченным по правам человека в Мурманской области реализуется социально-просветительский проект «Конституция и молодежь», который направлен на повышение правовой грамотности молодежи, формирование интереса к изучению правовых основ РФ и навыков применения знаний Конституции РФ на практике.

Для успешной реализации проекта сформирована постоянно действующая, инициативная группа молодежи в возрасте от 18 до 35 лет в количестве 20 человек. Проект реализуется по следующим направлениям:

– интерактивные лекции с закреплением знаний в конце мероприятия в виде правовой игры «Правовая азбука». Участниками лекций стали обучающиеся образовательных организаций Мурманской области (г. Мурманск, ЗАТО г. Заозерск, ЗАТО Александровск, г. Апатиты, г. Мончегорск, г. Оленегорск, г. Полярные Зори, г. Кандалакша, п. Ревда, гп. Никель, г. Кола, ЗАТО г. Североморск, г. Ковдор, всего – 683 чел.);

– правовые квесты, в рамках которых молодежь знакомится с деятельностью региональных органов государственной власти (квест «Координаты власти 18+»,

[1] Там же

квест «Территория права 18+», Квест «Сила права», всего – 168 чел.);

– правовые игры, которые направлены на интерактивное просвещение молодежи в правовой сфере, ознакомление с компетенциями федеральных и региональных государственных структур, а также органов местного самоуправления (Правовая игра «На страже прав», Ситуационная игра «События в городе N», Правовая игра «В мире права», Правовая игра «Правовой разум» Квиз «Правовой интеллект», всего – 157 чел.).

С 2023 года сотрудниками Учреждения на территории Мурманской области проводится региональная правовая игра, посвященная 30-летию Конституции России. По состоянию на 01.06.2023 года муниципальные этапы указанной игры проведены в следующих населенных пунктах: г. Апатиты (27.02.2023 г.), г. Ковдор (27.03.2023 г.), ЗАТО г. Заозерск (18.04.2023 г.), ЗАТО Видяево (12.05.2023 г.). Финал указанной игры состоится 12 декабря 2023 года в г. Мурманске.

Правовое просвещение способствует формированию ответственного поведения гражданина Российской Федерации, что в последствии влияет на устойчиво сформированные антикоррупционные мнения в молодежной среде.

Государственным областным бюджетным учреждением молодежной политики «Региональный центр развития добровольчества и поддержки молодежных движений» были проведены следующие просветительские мероприятия, в том числе направленные на повышение уровня антикоррупционного образования и популяризации антикоррупционных стандартов среди молодежи: [1]

1. Всероссийский проект «Молодежное предпринимательство» (4 мероприятия). В рамках реализации мероприятий поднималась тема значимость исследований влияния антикоррупционных стандартов на развитие сферы предпринимательства. Также прошла деловая игра на определение возможных направлений развития указанных стандартов в рамках реализации антикоррупционной политики.

2. Флешмоб #НаСевереКадры.

3. Встреча молодежи Мурманской области с министром государственного, жилищного и строительного надзора Мурманской области Аленой Кузнецовой в культурном хабе «Контейнер-холл». На мероприятии звучали вопросы о работе УК через призму наличия в их деятельности коррупционных «схем». Министр дала ответы, развенчав существующие мифы.

4. Содействие в проведении «Антикоррупционного батла» в ФГБОУ ВО «Мурманский государственный арктический университет» (с 01.06.2023 г. - ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»).

Мурманская область в 2022 г. впервые стала призером второго этапа конкурса, организованного Федеральным казначейством в номинации антикоррупционных буклетов, плакатов и социальных роликов, а также приняла участие в федеральном общественном образовательном проекте «Всероссийский антикоррупционный диктант», направленном на просвещение граждан в области противодействия коррупции.

Рекомендации по совершенствованию мероприятий при осуществлении просветительской деятельности при реализации антикоррупционных мероприятий

Полагаем, что «ожидаемые результаты» в исследуемой сфере должны быть в первую очередь, направлены на достижение тех «ожидаемых результатов», которые нашли свое отражение в программных документах исполнительных органов, реализующих государственную политику в сфере образования, в частности, программы по антикоррупционному просвещению на пе-

[1] Рашева, Н.Ю. Организация системы антикоррупционного просвещения через потенциал образовательных учреждений / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

риод 2021-2024 годов, данные результаты должны иметь согласованный характер.

В частности, «ожидаемые антикоррупционные результаты» могут звучать следующим образом:

1. Формирование нетерпимого отношения к коррупционному поведению и повышение уровня правосознания, внедрение образцов антикоррупционного поведения.

2. Просвещение несовершеннолетних.

3. Создание альтернативного просветительского информационного источника.

4. Подготовка и повышение квалификации педагогических кадров, способных осуществлять свою профессиональную деятельность в исследуемом направлении.

5. Популяризация действенных методик осуществления антикоррупционных образовательных мероприятий (в части повышения квалификации работников сферы образования).

В противном случае программа по антикоррупционному просвещению на период 2021-2024 годы и антикоррупционные планы органов исполнительной власти, ответственных за их реализацию (Минпросвещения России и Минобрнауки России) следует признать рассогласованными.

Считаем, что конечным результатом реализации антикоррупционного просвещения должно стать вовлечение в предлагаемые мероприятия максимально возможного числа граждан и формирование у них нетерпимого отношения к коррупционному поведению и повышение уровня правосознания.

Кроме того, необходимо: [1]

1. Комитету молодежной политики Мурманской области целесообразно:

- рассмотреть возможность включения в 2024 г. в конкурс на соискание грантов в форме субсидий из областного бюджета на реализацию молодежных социально значимых проектов и программ отдельного направления «Антикоррупционное просвещение молодежи»;

- организовать участие студенческой молодежи в региональных и федеральных молодежных конкурсах антикоррупционной направленности.

2. Министерству образования и науки Мурманской области целесообразно:

- обеспечить реализацию в образовательных организациях общего и среднего профессионального образования комплекса мероприятий для обучающихся по формированию негативного отношения к коррупционным правонарушениям;

- обобщить и распространить лучшие практики организации работы по антикоррупционному просвещению среди работников образования Мурманской области.

3. ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет» при взаимодействии с Управлением по реализации антикоррупционной политики Мурманской области целесообразно:

- организовать и реализовать мероприятия по антикоррупционному просвещению обучающихся на площадках Российского общества «Знание»;

- организовать и провести при участии научно-исследовательской лаборатории социологических исследований ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет» и студентов, социологическое исследование, с целью выявления представлений о коррупции и мер противодействия в системе высшего образования.

Заключение

Реформирование законодательства о противодействии коррупции должно быть связано, в первую очередь, с мобилизацией сил и средств всех без исключения субъектов, а также с комплексным осуществлением экономических, правовых, организационных, информационных, воспитательных, социальных и моральных методов воздействия, которые будут направлены на развитие необходимых механизмов, реали-

[1] Рашева, Н.Ю. Особенности реализации Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы на территории Мурманской области / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

зуя которые получится серьезно уменьшить уровень коррупции в стране.

В целях достижения повышения эффективности антикоррупционных мер и совершенствования системы организационных, правовых, политических, социальных, экономических, политических и иных механизмов противодействия коррупции, целесообразно формирование полного и объективного представления о коррупции как препятствии на пути России как демократического правового государства, а также провести всестороннюю оценку текущего состояния и тенденций развития национальной антикоррупционной политики, в том числе, в области антикоррупционного просвещения.

Реальность диктует необходимость реализации наиболее действенных мер применения превентивных направлений государственной антикоррупционной политики – применение мер антикоррупционного просвещения в совокупности с развитой системой антикоррупционного образования и обучения.

Решение проблем противодействия коррупции требует применения системного, комплексного подхода с учетом приоритета профилактических мер, определяющих основы стратегии государственной антикоррупционной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 266, 30.12.2008.
2. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.
3. Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета, № 151, 14.07.2011.
4. Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета, № 151, 14.07.2011.
5. Поручение Правительства РФ от 06.09.2021 г. № ММ-П17-12165 [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: http://government.ru/orders/all/ (дата обращения: 03.08.2023).
6. Приказ Минпросвещения России от 16.02.2022 № 81 «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства просвещения РФ на 2022 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023).
7. Распоряжение Минобрнауки России от 14.12.2021 № 475-р «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023).
8. Приказ Минобрнауки России от 27.09.2021 № 885 (ред. от 01.06.2022) «Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства науки и высшего образования РФ на 2021 - 2024 годы» : [Электронный ресурс] : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.08.2023).
9. Дамм, И.А., Акунченко, Е. А. О системе антикоррупционных компетенций в сфере общего и профессионального образования / И.А. Дамм // Юридическое образование и наука. – 2020. – № 4. – С. 34-40.

10. Ильяш, А. В. Формирование антикоррупционной устойчивости личности студентов в рамках антикоррупционного воспитания и просвещения / А. В. Ильяш, Д. В. Белоусова // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 3(87). – С. 188-194.

11. Макарова, М.Н., Вахрушев, Р.В. Коррупция в высшем образовании и академическая этика / М.Н. Макарова // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 55–63.

12. Мельков, С.А. Институциональные аспекты противодействия коррупции в сфере образования: участие ФОИВ России / С. А. Мельков, А. Н. Переңджиев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2020. – № 3(84). – С. 110-121.

13. Официальный сайт Управления по реализации антикоррупционной политики Мурманской области / Отчет об исполнении Плана основных мероприятий по противодействию коррупции в Мурманской области в 2022 году : [Электронный ресурс] : https://anticorrmo.gov-murman.ru/about/results/ (дата обращения 03.08.2023).

14. Протоколы заседания Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Мурманской области : [Электронный ресурс] : https://anticorrmo.gov-murman.ru/activities/commissions/c_coord_mo/ (дата обращения 03.08.2023).

15. Рашева, Н.Ю. Законодательство о противодействии коррупции: региональный опыт (на примере Мурманской области) / Н.Ю. Рашева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3(96). – С. 186-202.

16. Рашева, Н.Ю. Необходимость формирования Концепции антикоррупционного просвещения в Мурманской области / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

17. Рашева, Н.Ю. Направления по противодействию коррупции в деятельности образовательной организации (опыт Мурманского арктического государственного университета) / Н.Ю. Рашева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 3(96). – С. 203-215.

18. Рашева, Н.Ю. Организация системы антикоррупционного просвещения через потенциал образовательных учреждений / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

19. Рашева, Н.Ю. Особенности реализации Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы на территории Мурманской области / Н. Ю. Рашева // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 3 (в печати).

20. Рашева, Н.Ю. Правовые особенности и перспективы развития участия общественности в противодействии коррупции / Н.Ю. Рашева // Современное право. – 2020. – № 10. – С. 25-39.

21. Рашева, Н.Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Соврем. гуманит. акад. – М., 2006. - 23 с.

22. Снегирева, М. В. Использование общественных ресурсов в правовом просвещении: путь к диалогу и реализации прав граждан / М. В. Снегирева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1. – № 2(104). – С. 36-48.

Дата поступления: 03.08.2023

УДК 34.09
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_56

Семенова М.С.

ПРОЦЕСС И ПРИЧИНЫ РАЗРАБОТКИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1956-1964 гг. В РСФСР

Semenova M.S.

THE PROCESS AND REASONS FOR THE DEVELOPMENT OF JUDICIAL REFORM 1956-1964 IN THE RSFSR

Ключевые слова: *СССР, РСФСР, судоустройство, судопроизводство, статус судей, судебная реформа 1956-1964 гг., причины судебной реформы, суд, судья.*
Keywords: *USSR, RSFSR, judiciary, legal proceedings, status of judges, judicial reform in 1956-1964, reasons for judicial reform, court, judge.*

Аннотация: *Данная статья посвящена анализу причин и процесса разработки судебной реформы 1956-1964 гг. в РСФСР. Отмечена важность обращения к историческому опыту развития судебной власти и правосудия с целью выработки научной концепции их совершенствования сегодня. Автор обозначает хронологические рамки проведенной в середине XX в. судебной реформы (1956-1964 гг.), дается обоснование нижней и верхней границы указанных преобразований. На основании архивных материалов Государственного архива РФ (фонды истории СССР и РСФСР) сформулирован вывод о причинах необходимости проведения масштабных преобразований судоустройства и судопроизводства. Описан процесс разработки и принятия Основ законодательства о судоустройстве Союза Советских Социалистических Республик, союзных и автономных республик 1958 г., Закона о судоустройстве РСФСР 1960 г., Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г., УПК РСФСР 1960 г., ГПК РСФСР 1964 г. Дается характеристика основных новелл законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, на основании которой формируется вывод о масштабности и комплексности преобразований и необходимости их обозначения термином «судебная реформа».*
Abstract: *This article is devoted to the analysis of the causes and the process of developing the judicial reform in 1956-1964. in the RSFSR. The importance of referring to the historical experience of the development of the judiciary and justice in order to develop a scientific concept for their improvement today is noted. The author indicates the chronological framework of the work carried out in the middle of the 20th century. judicial reform (1956-1964), the substantiation of the lower and upper limits of these transformations is given. On the basis of archival materials of the State Archives of the Russian Federation (funds of the history of the USSR and the RSFSR), a conclusion was drawn about the reasons for the need for large-scale transformations of the judiciary and legal proceedings. The process of development and adoption of the Fundamentals of the legislation on the judiciary of the USSR, union and autonomous republics of 1958, the Law on the judiciary of the RSFSR of 1960, the Fundamentals of criminal proceedings of the USSR and the union republics of 1958, the Fundamentals of civil proceedings of the USSR and the union republics of 1961 are described. ., Code of Criminal Procedure of the RSFSR 1960, Code of Civil Procedure of the RSFSR 1964. Characteristics of the main novelties of the legislation on the*

judiciary and legal proceedings are given, on the basis of which a conclusion is drawn about the scale and complexity of the transformations and the need to designate them with the term "judicial reform".

Сегодня российская правовая наука активно занимается изучением феноменов судебной власти и правосудия, все чаще обращаясь к историческому опыту развития, тем самым вырабатывая научные концепции совершенствования судебной власти и правосудия. Анализ судебных реформ, в том числе проектов планируемых преобразований, причин и процесса их проведения, приводит к пониманию закономерностей развития суда, которые позволяют создать оптимальную стратегию совершенствования российской судебной системы и правосудия.

Существуют разные подходы к определению количества судебных реформ, проведенных в истории развития государства и права России. Говоря о XX в., учеными в основном выделяются известная судебная реформа 1922 г.[1] и судебная реформа 1990-х гг.[2] Однако, учитывая изменения в общественной и политической жизни, принятие большого количества законов на союзном и республиканском уровнях в области судоустройства и судопроизводства, мы можем констатировать, что в 50-60-е гг. XX в. была проведена еще одна судебная реформа. Судебная реформа носила масштабный характер, преобразования затрагивали конституционные основы организации судебной власти, судоустройство, статус судей, гражданское и уголовное судопроизводство. Но данный комплекс преобразований по-прежнему не является признанным судебной реформой. Современники также не идентифицировали их в качестве судебной реформы. Нам удалось установить наличие нескольких работ по данной проблематике, в их фрагментах можно увидеть лишь некоторые косвенные упоминания. Говорится о периоде с 1958 г. по 1961 г. и проводимой в рамках него процессуальной реформе[3]. Однако существует две иностранные научные работы по данной проблематике: Gorgone G. «Soviet Jurists in the Legislative Arena: The Reform of Criminal Procedure, 1956–1958»[4] и Ginsburgs G. «Soviet Court Reform, 1956–1958»[5].

Интересна позиция Д.О. Серова по данному вопросу. Он полагает, что изменения середины XX в., которые затронули, как судоустройство, так и судопроизводство следует рассматривать в качестве судебной реформы[6]. Выражая согласие с Д.О. Серовым, отметим, что сложность в восприятии данных изменений в качестве судебной реформы вполне обоснована, поскольку в официальных документах, к которым относятся, например, стенограммы заседаний органов законодательной власти СССР и РСФСР, отсутствуют упоминания именно о судебной реформе, фиксируется процесс обсуждения какого-либо закона без

[1] Чекунов Н. А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде–Ленинграде: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2004

[2] Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть i) // Журнал российского права. 2018. №10 (262). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-reforma-2018-goda-v-rossiyskoy-federatsii-kontseptsiya-tseli-soderzhanie-chast-i (дата обращения: 01.06.2023). С.136.

[3] Кобликов А. С. Об основных направлениях судебно-правовой реформы // Социалистическая законность. 1988. № 6. С.8.

[4] Дж. Горгон «Советские юристы на законодательном поприще: реформа уголовного судопроизводства 1956–1958 гг.» /Gorgone G. Soviet Jurists in the Legislative Arena: The Reform of Criminal Procedure, 1956–1958 // Soviet Union, 3. Pittsburgh, 1976. № 1.

[5] Дж. Гинзбургс «Советская судебная реформа 1956–1958 гг.»/ Ginsburgs G. Soviet Court Reform, 1956–1958 // Soviet Law after Stalin. 2-nd ed. Hague, 1984. Part 1.

[6] Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 гг. // Вестник Новосибирского университета, 2006. Т. 2. Вып. 2. С. 45.

соотнесения его с общей концепцией масштабных преобразований судебной сферы. Помимо этого, правовой проблемой выступает вопрос о хронологических рамках судебной реформы середины XX в. И.Л. Петрухин считает - с 1958 по 1960 гг.[1], Дж. Гинзбургс - с 1956 г. по 1958 г.[2] Д.О. Серов настаивает на периоде 1956-1964 гг.

Полагаем, что хронологическими рамками данной судебной реформы выступает именно период 1956-1964 гг. Нам удалось установить путем анализа архивных материалов, что причины к проведению масштабных преобразований судебной сферы окончательно сложились в 1953-1955 гг. Принятыми в данное время Указами Президиума Верховного Совета СССР изменялись положения Закона СССР о судоустройстве 1938 г. Так, например, Указом от 1953 года изменена система судов и органов прокуратуры на транспорте[3]. Указами, принятыми в 1954 г.[4] и 1955 г.[5] установлена новая судебная инстанция – президиумы судов, определен порядок рассмотрения ими протестов на судебные решения. Вытекающие из этих указов изменения в Закон о судоустройстве не вносились, в связи с чем он значительно устарел.

Из письма заведующего юридическим отделом Президиума Верховного Совета СССР П. Архипов в адрес Президиума, направленного 9 января 1956 г. следует, что «Для приведения Закона о судоустройстве 1938 г. в соответствие с действующим законодательством потребовалось бы изменить более 30 статей (ст.16, 32, 33, 40, 41, 48, 51, 55, 56, 60 и др.), а также дополнить Закон рядом новых статей. Таким образом, серьезной переработки требовало более половины текста Закона»[6]. В связи с этим П. Архипов предложил образовать комиссию по разработке проекта нового Закона о судоустройстве СССР, в которую планировалось включить К.П. Горшенина (председатель), Р.А. Руденко, А.М. Волина, А.Ф. Горкина, А.Т. Рубичева, С.П. Битюкова, Ф.К. Глуха, Д.Х. Панасюка, И.Д. Ветрова, Н.Ш. Шералиева, М.Е. Топуридзе, и Я.П. Ридзинь. Перед комиссией предполагалось поставить достаточно сложную задачу – в двухмесячный срок подготовить проект нового Закона о судоустройстве[7]. Помимо предложений относительно состава комиссии П. Архипов составил перечень нормативно-правовых актов СССР, согласно которым имела место необходимость обновления Закона о судоустройстве 1938 г. Указанный перечень содержал десять позиций, включая в себя законодательные акты с конца 1940-х гг., например, Закон от 15 марта 1946 г. «О преобразовании СНК СССР в Совет Министров СССР и СНК союзных и автономных республик – в Советы Министров союзных и автономных республик»). Завершали перечень Указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1955 г. «О порядке назначения судебных исполнителей» и от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Поло-

[1] Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991. С.38.

[2] Там же.

[3] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1953 года «Об объединении линейных судов железнодорожного и водного транспорта, прокуратур железнодорожного и водного транспорта, а также Железнодорожной коллегии и Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 108.

[4] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» // доступ из СПС Консультант Плюс.

[5] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 года «О порядке рассмотрения дел президиумами судов» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 109-111.

[6] ГА РФ. Ф. Р7523 Оп. 58 Д. 782 л.д.53.

[7] Там же.

жения о прокурорском надзоре в СССР»[1]. Необходимость учета изменений правового положения судебных исполнителей и прокуратуры подчеркивает масштабность планируемых преобразований.

26 января 1956 г. П. Архипов направил еще одно письмо, в котором были описаны причины, в соответствии с которыми требовалось принятие нового Закона СССР о судоустройстве и содержалась краткая концепция планируемых преобразований. Относительно причин, подчеркивалось, что «Закон о судоустройстве в своих основных положениях находится в противоречии с последующими законодательными актами и, в связи с этим нуждается в коренной переработке»[2]. Предлагалось создать Закон о судоустройстве СССР, который бы учел все изменения. Важно было определить правовой статус новой судебной инстанции - президиумов судов, закрепить в законе их компетенцию, четко обозначить круг лиц, имеющих право принесения протестов на вступившие в законную силу приговоры, решения и определения судов. Острой необходимостью было изменение терминологии, которая все еще существовала в Законе о судоустройстве 1938 г.: Совет Министров по-прежнему именовался СНК, Генеральный Прокурор СССР – Прокурором СССР и др.

В дополнение к этому, требовалось решить правовую проблему определения компетенции Верховного Суда СССР, о которой П. Архипов в письмах ничего не указывал, видимо, потому что инициатива по ее разрешению шла уже с первой половины 1956 г. от самого Верховного Суда СССР. В частности, из обращения члена Верховного Суда СССР А. Романовой в адрес Секретаря Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Пегова следовало, что «огромная масса жалоб приносится по делам, которые рассматривались только в народных судах и судебных коллегиях областных (краевых) судов и которые не были на рассмотрении президиумов этих судов или судебных коллегий Верховных судов союзных республик. Из этого можно сделать вывод что почти вся эта работа могла бы быть выполнена другими нижестоящими судебными надзорными инстанциями»[3]. Было предложено закрепить в новом законе о судоустройстве положение о том, что «заявления о принесении протестов в Верховный Суд СССР могут быть поданы только по тем делам, по которым имеются постановления президиума Верховного суда союзной республики или определение соответствующей судебной коллегии Верховного Суда СССР»[4].

Основываясь на вышеизложенном, с января по начало июня 1956 г. была осознана необходимость принятия нового закона о судоустройстве СССР. Архивные документы свидетельствуют о выделении вопросов, которые требовали закрепления в новом законодательстве, создании «дорожной карты» реформы. Однако к интенсификации работ по оформлению новой модели организации судебной власти привело упразднение в конце мая 1956 г. Минюста СССР. Это является отправной точкой судебной реформы середины XX в., поскольку изменился сам подход к осуществлению судебного управления, оно постепенно передавалось самим судебным органам, начиная с областных и равных им судов.

В начале 1957 г. меняется подход к ведению законотворческих работ, если в 1956 г. планировалось принятие на союзном уровне Закона СССР о судоустройстве, то в соответствии с Законом от 11 февраля 1957 г. «к ведению Союза ССР теперь относилось установление основ законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, а к ведению союзных республик - законодательства об устройстве судов союзных республик,

[1] Там же. л.д.55-56.
[2] Там же. л.д.57-58.
[3] ГА РФ. Ф. Р7523 Оп. 58 Д. 782 л.д.63-65.
[4] Там же.

судопроизводстве»[1]. Указанное означало окончание работ по разработке Закона СССР о судоустройстве, кодексов СССР и начало работ над соответствующими Основами законодательства.

В 1957-1958 гг. активно велась разработка проекта Основ законодательства о судоустройстве. Согласно архивной справке о ходе подготовки проекта Основ работы осуществлялись Комиссиями законодательных предположений при участии Прокуратуры СССР, а также Верховного Суда СССР. Необходимость детальной работы над проектом Основ привела к образованию подкомиссии. Согласно архивной справке, «работой руководил председатель – К.П. Горшенин – директор ВИЮН, членами комиссии являлись: Г.З. Анашкин – заместитель председателя Верховного Суда РСФСР, Ю.А. Каленов – заместитель министра юстиции РСФСР, Д.С. Карев – декан Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, В.Е. Панюгин – член Верховного Суда СССР, И.Д. Перлов– старший научный сотрудник ВИЮН, С.В. Тихомиров – старший консультант Юридической комиссии при Совете Министров СССР, И.Е. Савельев – начальник Отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры СССР»[2]. В мае 1957 г. Комиссии законодательных предположений с участием представителей прокуратуры и суда обсудили и одобрили проект Основ законодательства о судоустройстве и 25 мая внесли его на рассмотрение ЦК КПСС. 15 февраля 1958 г. проект Основ законодательства о судоустройстве по решению Секретариата ЦК КПСС был разослан на отзыв в ЦК компартий союзных республик, а также обкомам и крайкомам КПСС. С учетом замечаний партийных органов Комиссии законодательных предположений внесли ряд изменений в проект и 6 августа 1958 г. представили его на рассмотрение ЦК КПСС. В сентябре 1958 г. Секретариат ЦК КПСС рассмотрел проект Основ законодательства о судоустройстве и поручил Комиссиям законодательных предположений окончательно отредактировать проект Основ с учетом замечаний, высказанных на заседании Секретариата ЦК и внести его на рассмотрение Верховного Совета СССР. 19 сентября Комиссии законодательных предположений рассмотрели законопроект и поправки к нему и приняли решение о внесении его на утверждение Верховного Совета СССР[3]. Проект Основ был одобрен и принят 25 декабря 1958 г.[4] Основы стали первым основополагающим документом в реализации анализируемой нами судебной реформы. Принятием Основ в декабре 1958 г. судебная реформа не завершилась.

Расширение прав союзных республик и децентрализация повлияли на разработку республиканских законов о судоустройстве. Она велась еще до принятия Основ, одновременно с ними. Работы велись под руководством Министерства юстиции РСФСР. В январе 1959 г. проект Закона о судоустройстве РСФСР был внесен в Совет Министров РСФСР после обсуждения замечаний и предложений. Об этом письмом от 16.01.1959 г. министр юстиции РСФСР В. Болдырев уведомил председателя Президиума Верховного Совета РСФСР М.П. Тарасова[5].

14 февраля 1959 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР получено письмо Председателя Совета министров РСФСР Д. Полянского об одобрении ранее направленного проекта закона о судоустройстве. Совет Министров РСФСР

[1] Закон СССР от 11.02.1957 «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов»// доступ из СПС Консультант Плюс.

[2] ГА РФ Ф. Р7523 Оп. 45а Д. 69 л.д.193.

[3] Там же. л.д.193, 300-302.

[4] Основы законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, утв. Законом СССР от 25.12.1958//доступ из СПС Консультант Плюс.

[5] ГА РФ Ф. А385 Оп. 26 Д. 139 л.д.1.

полагал необходимым передать проект на рассмотрение Комиссии законодательных предположений с тем, чтобы потом его внести в Верховный Совет РСФСР для утверждения[1].

В марте 1959 г. проект был передан для его рассмотрения Комиссии законодательных предположений Верховного Совета РСФСР. Была образована подкомиссия, которая занималась рассмотрением проекта Закона о судоустройстве РСФСР. В ее состав вошли высококвалифицированные специалисты в области права: Д.С. Карев, М.В. Кожевников, Н.А. Горшенева, А.С. Лазарев, Г.Н. Агеева, Н.И. Савицкий, Н.Ю. Сергеева, Ю.А. Каленов, В.Т. Михайлов, С.П. Битюков, С.В. Бородин, Р.Г. Шабанов, Л.Н. Стариков, А.С. Ярцев, руководителем работ был К.П. Горшенин[2]. Первое заседание состоялось 25 марта 1959 г., график работы подкомиссии был достаточно интенсивным. К.П. Горшенин определил: «В связи с сжатыми сроками есть предложение – заседать через день. Нужно приблизительно к 5 апреля иметь более или менее отработанный проект. После разговоров здесь с депутатами, которые примут участие в работе по рассмотрению проекта, нужно к 7-8 апреля подытожить высказанное»[3]. В итоге было проведено 8 заседаний, последнее заседание по обсуждению проекта объяснительной записки состоялось 29 мая 1959 г. Впоследствии Закон о судоустройстве РСФСР был утвержден 27.10.1960 г. Верховным Советом РСФСР[4].

Закон о судоустройстве РСФСР был разработан на основании п. Ш ст.19 Конституции РСФСР и в соответствии со ст.39 Основ законодательства о судоустройстве. Проект был обсужден на совещаниях работников органов суда, прокуратуры, МВД, научных работников-юристов, организованных Советами Министров автономных республик, исполкомами краевых, областных Советов депутатов трудящихся. Опубликование проекта в печати в марте 1959 г. вызвало оживленное обсуждение его широкими кругами советской общественности, результатом чего явились многочисленные предложения, поступившие с мест. Широкое обсуждение проекта позволило учесть и отразить в нем опыт работы судов РСФСР, а также то ценное, что достигнуто советской юридической наукой.

Таким образом, Основы и Закон заложили новые начала построения судебной системы, как на союзном, так и на республиканском уровнях. Обозначим тезисно новое в правовом регулировании построения и функционирования судебной системы, исходя из анализа Основ:

1) Расширение прав союзных республик. Было установлено четкое разграничение компетенции Союза и республик в области судоустройства. Основы устанавливали «каркас» судебной системы СССР, детальная регламентация структуры судебной системы республик была отнесена к компетенции их законодательных органов.

2) Изменения в области судоустройства и правового статуса судей, народных заседателей:

- отказ от терминологии «специальные суды», ликвидация транспортных судов; реорганизация участковой системы народных судов и создание районных (городских) народных судов;
- изменен порядок наделения полномочиями народных судей и народных заседателей. Произошло увеличение возраста с 23 до 25 лет для кандидатов в судьи, аналогичные изменения коснулись народных заседателей; в целях стабилизации судебной практики был установлен срок полномочий 5 лет для народных судей; срок полномочий народных заседателей был сокращен до двух лет в целях предоставления населению более широкой возможности участия в отправлении правосудия; процесс избрания народных заседателей происходил на общих собраниях

[1] Там же. л.д.47.
[2] ГА РФ Ф. А385 Оп. 26 Д.141 л.д.1.
[3] Там же. л.д.2.
[4] Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судоустройстве РСФСР»// доступ из СПС «Консультант Плюс».

рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, военнослужащих – по воинским частям, что давало возможность избирателям в достаточной мере изучить личность каждого из кандидатов. К числу важных предлагаемых изменений относится установление двухнедельного срока, на который народные заседатели призываются к исполнению обязанностей в суде, вместо десятидневного в году. Указанное получило нормативное закрепление при принятии Основ;

- включение в проект Основ изменений по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14.08.1954 г. «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей». Проект основывался на этом указе, однако оживленные споры вызвал вопрос образования президиумов в судах национальных округов и автономных областей. Было принято решение о необходимости появления в их внутренней структуре такого элемента. Это уравняло статус судов национальных округов с областными, краевыми судам и судами автономных областей и способствовало единству судебной системы.
- создание Пленума суда в Верховных судах союзных республик. Решение о создании в данной структурной единицы связано с необходимостью повышения роли и самостоятельности союзных республик в осуществлении ими правосудия. Члены подкомиссии отметили необходимость отнесения к компетенции Пленума дачи судам соответствующей союзной республики руководящих разъяснений по вопросам применения республиканского законодательства при разрешении судебных дел.

3) Изменение подхода к определению задач правосудия. Произошло выдвижение на первое место по значимости воспитательных задач суда, относящиеся к рассмотрению всех судебных дел, а затем уже были сформулированы задачи, относящиеся только к рассмотрению уголовных дел.

4) Изменение подхода к содержанию принципов правосудия. Получил закрепление «принцип равенства граждан перед судом, независимо от их социального имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности и вероисповедания»[1]. Ранее данный принцип был обозначен как «единый и равный для всех граждан суд». Новая формулировка точнее выражает сущность вопроса. Основы зафиксировали принцип законности, в соответствии с ним «правосудие в СССР осуществляется в точном соответствии с законодательством Союза ССР и законодательством союзных и автономных республик»[2]. Принцип языка судопроизводства был конкретизирован, определялось, что «в случаях, предусмотренных конституциями союзных и автономных республик, возможно проведение процесса на языке национального округа или на языке большинства населения района»[3]. Таким образом, часть принципов была изменена.

5) Закрепление в Основах законодательства о судоустройстве правового статуса коллегий адвокатов и определения форм участия прокурора в рассмотрении дел судами. Была определена юридическая природа коллегии адвокатов, раскрывались цели ее деятельности. Получило закрепление толкование термина «коллегия адвокатов — это добровольное объединение лиц, занимающихся адвокатской деятельностью»[4]. Это положило конец бесплодным спорам по данному вопросу в науке. Исходя из той большой роли прокурора, которую он имеет в судебной деятельности, было признано необходимым включить статью об участии прокурора в

[1] Основы законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, утв. Законом СССР от 25.12.1958//доступ из СПС Консультант Плюс. Ст.5.
[2] Там же. Ст.6.
[3] Там же. Ст.10.
[4] Там же. Ст.13.

суде и в Основы законодательства о судоустройстве.

6) Определение процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности судей. Изначально планировалось сохранить действовавший порядок привлечения к ответственности, в соответствии с которым Положение о дисциплинарной ответственности принимается высшим органом власти СССР. В ходе обсуждения было предложено передать решение этих вопросов в отношении республиканских судов. Президиумам Верховных Советов союзных республик. По окончании обсуждения статьей 37 Основ было закреплено, что «Судьи несут дисциплинарную ответственность в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР для судей судов Союза ССР и законодательством союзных республик для судей судов союзных республик»[1].

Закон о судоустройстве РСФСР воспроизводил положения Основ и был принят в полном им соответствии. Но, признавая широкие права союзных республик, предполагалось, что некоторые вопросы в нем будут изложены подробнее. Например, в нем были отражены изменения содержания взаимоотношений судов и Министерства юстиции РСФСР. В закон было решено включить положения о том, что руководство и контроль за республиканскими судами осуществляется Министерством юстиции РСФСР. Было принято решение уполномочить Министерство юстиции «проводить ревизии судов и принимать меры к исправлению допущенных судами ошибок и нарушений закона, а также осуществлять изучение и обобщение судебной практики, издавать приказы и инструкции, ставить перед Пленумом Верховного Суда РСФСР вопросы о даче руководящих указаний судам»[2].

Основы фиксировали образование единого районного (городского) народного суда. Помимо этого, закон РСФСР наделил Совет Министров РСФСР правом образования одного народного суда на город либо район. Это положение было предназначено для тех случаев, когда объем работы народного суда сельского района, административный центр которого расположен в городе, не создает необходимости образования отдельного народного суда сельского района. Помимо этого, в целях расширения прав местных советов предусматривалась передача в ведение их исполкомов решения вопроса о количестве народных судей для каждого районного (городского) народного суда. При реорганизации системы народных судов необходимо было решить вопрос замещения народных судей при их временном вынужденном отсутствии. Раньше этот вопрос решался привлечением народных заседателей. На момент принятия закона был признан рациональным подход замещения народного судьи (если он был один в районе/городе) - народным судьей соседнего района. Как следует из объяснительной записки, «в качестве исключения для отдаленных районов или городов Кировским облисполкомом был предложен прежний порядок привлечения народных заседателей на основании решения исполкома районного (городского) Совета. Члены подкомиссии выразили согласие с данным предложением. Помимо этого, был определен правовой статус председателя районного (городского) народного суда»[3].

В Закон были включены изменения правового статуса Верховного суда РСФСР. По-прежнему закрепляя статус высшего судебного органа РСФСР, закон наделяет его правом законодательной инициативы и предусматривает образование Пленума, как органа, дающего руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства республики. С целью повышения роли председателей судебных коллегий в работе

[1] Там же. Ст.37.

[2] Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судоустройстве РСФСР»// доступ из СПС «Консультант Плюс». Ст.26.

[3] ГА РФ Ф. А385 Оп. 26 Д. 139 л.д.71-78.

Верховного Суда РСФСР, было принято вполне обоснованное решение включить в закон статью об их компетенции и порядке их утверждения в должности.

Помимо этого, при разработке закона была воспринята ст. 36 Основ о порядке привлечения к уголовной ответственности судей и народных заседателей. Относительно дисциплинарной ответственности члены подкомиссии не были едины во мнении при начале разработки проекта, например, в январе 1959 г. обсуждался вариант о включении в проект закона главы 7 «Ответственность судей», которая состояла из 9 статей, в основном посвященных дисциплинарному производству. В итоге подкомиссия сочла необходимым оставить в проекте Закона только одну статью, поскольку для более полного описания порядка лучшим вариантом было издание соответствующего Положения.

Таким образом, Основы и Закон заложили новые начала построения судебной системы, как на союзном, так и на республиканском уровнях. Но судебная реформа не заключается лишь в изменении судоустройства. Мы полагаем, что судебная реформа — это совокупность целенаправленных, коренных, нормативно-закрепленных (преимущественно в кодифицированных нормативно-правовых актах) преобразований как в области судоустройства и статуса судей, так и судопроизводства. Поэтому важной частью подготовки и проведения данной реформы является процесс разработки Основ уголовного судопроизводства и УПК РСФСР, Основ гражданского судопроизводства и ГПК РСФСР.

Разработкой Основ занималась Юридическая комиссия при Совете Министров СССР. В 1956 г. перед ней была поставлена задача подготовить Основы уголовного судопроизводства к 1 февраля 1957 г., Основы гражданского судопроизводства к 1 декабря 1957 г. На основании данных нормативно-правовых актов следовало разработать республиканские кодексы – УПК и ГПК. Причины, которые вызвали необходимость столь масштабного обновления процессуального права, носили комплексный характер. Большинство норм устарело и не отвечало задачам правосудия по уголовным и гражданским делам. Процесс рассмотрения уголовных дел регулировался Основами уголовного судопроизводства 1924 г. и республиканскими кодексами 1923-1925-х гг. В законодательстве не были надлежащим образом определены задачи уголовного судопроизводства, отсутствовал ряд основных принципов. Ситуация с гражданским судопроизводством осложнялась отсутствием систематизации норм гражданского процессуального права на союзном уровне, при этом в республиках действовали процессуальные кодексы, принятые еще до Конституции СССР 1924 г., например, ГПК РСФСР 1922 г. По мнению профессора К.С. Юдельсона перед законодательными органами СССР и союзных республик в области гражданского процессуального законодательства на тот момент были поставлены следующие задачи: «а) построение Основ гражданского судопроизводства, имеющих цель обеспечить единство советского гражданского процессуального права и построение ГПК союзных республик; б) изменение ряда положений и институтов действующего гражданского процессуального права; в) устранение различий между гражданскими процессуальными кодексами союзных республик, не определяемых национальными особенностями»[1]. В законодательстве о гражданском судопроизводстве необходимо было отразить усиление демократических гарантий прав граждан, расширение полномочий судебных органов, усиление прокурорского надзора в отношении судебных актов.

Разработка проектов Основ носила системный и тщательный характер, привлекались ученые, юристы-практики. Например, при подготовке проекта Основ уголовного судопроизводства «принимал участие член-

[1] ГА РФ Ф. Р7523 Оп. 45 Д. 317 л.д.26-53.

корреспондент Академии наук СССР профессора Строгович, доктора юридических наук Перлов и Рахунов и кандидат юридических наук Калашникова, представлявшие Институт права Академии наук СССР, Институт юридических наук при Министерстве юстиции РСФСР и МГУ. Проект персонально рассылался на отзыв центральным ведомствам и министерствам СССР, а также персонально профессорам Гродзинскому, Полянскому и Чельцову»[1]. В подготовке проекта Основ гражданского судопроизводства имел место аналогичный подход, из архивной справки следует, что были приглашены «П.И. Бардин – председатель Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, Е.Н. Бендерова – помощник прокурора Советского района г. Москвы, А.Ф. Клейман – заведующий кафедрой гражданского процесса юридического факультета МГУ, доктор юридических наук, профессор и иные»[2]. 25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[3], Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик[4] - 8 декабря 1961 г.

Как заметил Д.О. Серов, «по мере вступления в силу общесоюзных Основ наступил черед законодателя республиканского»[5]. Процесс разработки в РСФСР УПК и ГПК шел практически одновременно с разработкой союзных Основ, были использованы аналогичные методы, разработка велась тщательно, детальному обсуждению была подвергнута каждая статья. Кодексы текстуально воспроизводили нормы Основ, но, руководствуясь правительственной линией по расширению прав союзных республик, регулировали те вопросы, которые были отнесены к компетенции последних. УПК РСФСР принят 27 октября 1960 г.[6], 14 июня 1964 г. - ГПК РСФСР[7].

К новеллам уголовного судопроизводства можно отнести детальное закрепление основных демократических принципов уголовного судопроизводства; были расширены права участников уголовного судопроизводства со стороны защиты (защитник был допущен к участию в деле с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления обвиняемому для ознакомления всего производства по делу, регламентированы права защитника, детализированы права обвиняемого - давать объяснения по предъявленному ему обвинению, знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, а также отводы, приносить жалобы и иные); детально регламентирован процесс применения мер пресечения. Таким образом, была установлена единая процессуальная форма, на основании принципа коллегиальности определен единый состав суда – это судья и два народных заседателя. Все стадии уголовного судопроизводства были детально регламентированы. Допускалось кассационное обжалование и опротестование приговора, а также пересмотр его в порядке надзора. Немаловажным является закрепленное право участников со стороны обвинения и защиты приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда. Принятые законы в области уголовного судопроизводства отличались стабильностью правового регулирования, высоким уровнем законодательной техники.

Принятием Основ гражданского судопроизводства и ГПК РСФСР было обеспе-

[1] ГА РФ Ф. 7523 Оп. 75 Д. 841 л.д.25

[2] ГА РФ Ф. Р7523 Оп. 45 Д. 317 л.д.22-24.

[3] Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР от 25.12.1958// доступ из СПС «Консультант Плюс».

[4] Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР от 08.12.1961// доступ из СПС «Консультант Плюс».

[5] Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 гг. // Вестник Новосибирского университета, 2006. Т. 2. Вып. 2. С. 50.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960// доступ из СПС «Консультант Плюс».

[7] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964// доступ из СПС «Консультант Плюс».

чено единство системы гражданского судопроизводства. Основываясь на апробированном при разработке ГПК РСФСР 1923 г. подходе к построению закона от поступления заявления и возбуждения дела в суде до исполнения решения и иных судебных актов по гражданскому делу, Основы и ГПК РСФСР вносили новое в правовое регулирование рассмотрения гражданских дел в суде. В частности, был восполнен пробел действовавшего процессуального законодательства, установлены общие правила, регулирующие подведомственность гражданских дел судам. Помимо этого, определялись и четко регламентировались виды судопроизводства: «исковое производство, производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, особое производство»[1]. В республиканских кодексах отражена специфика разрешения процессуальных вопросов в применении к отдельным видам судопроизводства. Более полно по сравнению с действовавшим законодательством сформулированы основные положения доказательственного права: дается определение доказательств, указываются средства, которые могут быть использованы для выяснения обстоятельств дела, устанавливаются принципы оценки доказательств. Специальный раздел Основ и отдельная глава ГПК РСФСР посвящена правам и обязанностям лиц, участвующих в деле. Как указывает Т.Ф. Ящук «в Основах и в ГПК РСФСР 1964 г. четко определялось процессуальное положение суда»[2]. Предусматривалось, что отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения возможно только под контролем суда, который следит, чтобы они не противоречили закону и при этом не нарушали чьи-либо интересы. Более полно регламентировано производство в кассационной и надзорной инстанции, установлены правила исполнения судебных актов.

Нами ранее отмечалось, что преобразования затронули правовую связь между Верховным Судом СССР и Верховными судами союзных республик: «Верховный Суд СССР стал управомочен рассматривать только те дела, которые были разрешены верховными судами союзных республик, если при этом было допущено нарушение общесоюзного законодательства или если принятое решение затрагивало интересы другой союзной республики. Указанное подняло авторитет высших судебных органов республик»[3].

Следует подчеркнуть, что в Основах и ГПК РСФСР получил свое глубокое выражение принцип диспозитивности, произошло усиление правового обеспечения процессуальных гарантий прав граждан и юридических лиц.

В 1964 г. принятием ГПК РСФСР окончательно завершилось построение правовой основы существования судебной системы РСФСР. В этой связи мы полагаем, что судебная реформа середины XX в. была закончена в 1964 г. Сложность в определении хронологических рамок преобразований, в том числе верхней границы реформы, связана с тем, что аналогично проекту судебной реформы, ее итоги не были подведены органами государственной власти СССР или РСФСР.

На основании изложенного, можно констатировать, что основной причиной проведения обозначенной нами судебной реформы стало устаревание законодательства, регулирующего вопросы судоустрой-

[1] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964// доступ из СПС «Консультант Плюс». Раздел 2.

[2] Систематизация российского законодательства в советский период : монография / Т. Ф. Ящук. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. С.356.

[3] Семенова М. С. К вопросу об изменении правового статуса Верховного Суда СССР и верховных судов республик СССР в ходе судебной реформы1950-1960-х гг. / М. С. Семенова // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР) : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 20–22 октября 2022 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. – С. 264-269.

ства и судопроизводства, что приводило к снижению эффективности механизма судебной защиты прав граждан и организаций. Многие принятые еще в начале XX в. законы вступали в противоречие с последующими законодательными актами и требовали коренной переработки. Необходимость отражения в действующем законодательстве тенденций по расширению прав союзных республик, децентрализации государственного аппарата, идей гуманизма, обеспечения прав человека, демократизации общественных отношений привели к началу масштабных работ по созданию новой законодательной базы правосудия. Уровень законодательной техники принятых Основ, закона о судоустройстве и процессуальных кодексов был высок, они сохранили свое действие до начала XXI в. и требуют дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1953 года «Об объединении линейных судов железнодорожного и водного транспорта, прокуратур железнодорожного и водного транспорта, а также Железнодорожной коллегии и Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 108.

2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» // доступ из СПС Консультант Плюс.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 года «О порядке рассмотрения дел президиумами судов» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 109-111.

4. Закон СССР от 11.02.1957 «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов»// доступ из СПС Консультант Плюс.

5. Основы законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, утв. Законом СССР от 25.12.1958//доступ из СПС Консультант Плюс.

6. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР от 25.12.1958// доступ из СПС «Консультант Плюс».

7. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утв. Законом СССР от 08.12.1961// доступ из СПС «Консультант Плюс».

8. Закон РСФСР от 27.10.1960 «О судоустройстве РСФСР»// доступ из СПС «Консультант Плюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960// доступ из СПС «Консультант Плюс».

10. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964// доступ из СПС «Консультант Плюс».

11. Кобликов, А. С. Об основных направлениях судебно-правовой реформы // Социалистическая законность. 1988. № 6.

12. Момотов, В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть i) // Журнал российского права. 2018. №10 (262). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-reforma-2018-goda-v-rossiyskoy-federatsii-kontseptsiya-tseli-soderzhanie-chast-i (дата обращения: 01.06.2023).

13. Петрухин, И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991.
14. Семенова, М. С. К вопросу об изменении правового статуса Верховного Суда СССР и верховных судов республик СССР в ходе судебной реформы1950-1960-х гг. // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР) : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 20–22 октября 2022 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022.
15. Серов, Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 гг. // Вестник Новосибирского университета, 2006. Т. 2. Вып. 2.
16. Чекунов, Н. А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде–Ленинграде: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2004
17. Систематизация российского законодательства в советский период: монография / Т. Ф. Ящук. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021.
18. Ginsburgs G. Soviet Court Reform, 1956–1958 // Soviet Law after Stalin. 2-nd ed. Hague, 1984. Part 1.
19. Gorgone G. Soviet Jurists in the Legislative Arena: The Reform of Criminal Procedure, 1956–1958 // Soviet Union, 3. Pittsburgh, 1976. № 1.
20. ГА РФ. Ф. Р 7523 Оп. 58 Д. 782.
21. ГА РФ Ф. Р 7523 Оп. 45а Д. 69.
22. ГА РФ Ф. А 385 Оп. 26 Д. 139.
23. ГА РФ Ф. А 385 Оп. 26 Д.141.
24. ГА РФ Ф. Р 7523 Оп. 45 Д. 317.
25. ГА РФ Ф. Р 7523 Оп. 75 Д. 841.

Дата поступления: 15.08.2023

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК: 342.922; 342.8
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_69

Кафаров А.Д.

СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН СНГ

Kafarov A.D.

SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE SPHERE OF ELECTORAL LAW: A CASE STUDY OF RUSSIA AND SELECTED CIS COUNTRIES

Ключевые слова: *административное законодательство, юридическая ответственность, субъекты административных правонарушений, выборы, референдумы, избирательные права физических и юридических лиц, административное наказание, штраф, должностные лица, избирательная комиссия.*

Keywords: *administrative legislation, legal liability, subjects of administrative violations, elections, referendums, voting rights of individuals and legal entities, administrative punishment, fine, officials, election commission.*

Аннотация*: Проблематика административной ответственности в сфере избирательного права, в контексте субъектов административных правонарушений, является актуальной и важной областью изучения административного права. Существует недостаток научных исследований, посвященных сравнительному анализу субъектов ответственности за нарушения избирательного права между странами СНГ, включая Россию, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Беларусь.*

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа субъектов административных правонарушений в области избирательного права, а также исследование примеров нарушений, предусмотренных законодательством изучаемых стран.

Основные методологические инструменты, применяемые в рамках настоящего исследования, включают анализ национального законодательства, в частности Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, а также его аналогов в выбранных странах СНГ, регулирующие административные правоотношения в контексте избирательного права. Дополнительно применяется формально-юридический метод для анализа соответствующей юридической литературы.

На основании проведенного анализа в исследовании выявлено ключевое направление для усовершенствования избирательного законодательства: необходимость систематизации и дифференциации ответственности нарушителей избирательного права, включая должностных лиц, физических и юридических лиц. Эти выводы и рекомендации служат важным вкладом в существующую научную литературу по данной теме и указывают пути для улучшения ситуации с соблюдением избирательных прав в рассмотренных странах. Результаты исследования могут быть полезны для теоретических научных работ по теме административного и избирательного права.

Abstract*: The issue of administrative responsibility in the field of electoral law, in the context of subjects of administrative offenses, represents a relevant and important area of administrative*

law study. There is a lack of scientific research dedicated to the comparative analysis of subjects responsible for violations of electoral law among CIS countries, including Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, and Belarus.

The aim of this article is to conduct a comparative legal analysis of the subjects of administrative offenses in the field of electoral law, as well as to study examples of violations provided by the legislation of the studied countries.

The main methodological tools used in this research include the analysis of national legislation, specifically the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and its equivalents in selected CIS countries regulating administrative relations in the context of electoral law. Additionally, the formal-legal method is applied for the analysis of relevant legal literature.

Based on the conducted analysis, the research identifies a key direction for improving electoral legislation: the need for systematization and differentiation of responsibility for violators of electoral rights, including officials, individuals, and legal entities. These conclusions and recommendations constitute an important contribution to the existing scientific literature on this topic and indicate ways to improve the situation with the observance of electoral rights in the considered countries. The results of the research may be useful for theoretical scientific work on the topic of administrative and electoral law.

Вопросы административной ответственности в сфере избирательного права и, в частности, проблематика субъектов административных правонарушений, представляют собой одну из ключевых и актуальных областей изучения административного право. В существующей научной литературе отмечается недостаток исследований, посвященных сравнительному анализу субъектов ответственности за нарушения избирательного права между Россией, Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Беларусью и ряд других стран СНГ. Эта особенность научного поля дополнительно подчеркивается тем фактом, что помимо диссертационного исследования, выполненного Зограбяном Г.М., остальных работ, нацеленных на изучение субъектов административных правонарушений в сфере избирательного права на примере стран СНГ, в литературе представлено недостаточно. Этот аспект заслуживает пристального внимания исследователей, чтобы определить сходства и различия в законодательных нормах и практике привлечения к ответственности в этих странах, что позволит сформулировать оптимальные рекомендации по совершенствованию законодательства и улучшению ситуации с соблюдением избирательных прав.

Также, внимательное изучение этой темы в контексте различных стран СНГ, включая Россию, позволит не только понять и сравнить особенности субъектов административных правонарушений в этих странах, но и внести значимый вклад в существующую научную литературу по данной теме. Кроме того, несмотря на общие принципы и нормы избирательного права, каждая страна имеет свои особенности и нюансы, которые также влияют на характер и формы административных правонарушений в этой сфере.

Цель настоящего исследования – выполнить сравнительно-правовой анализ субъектов административных правонарушений в области избирательного права, а также разобраться в нюансах и различиях, которые отражены в правовом регулировании этих вопросов в законодательстве Российской Федерации и определенных государств СНГ, включая Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Беларусь. В рамках исследования рассматривается классификация субъектов административных правонарушений, а также примеры нарушений,

предусмотренных законодательством отобранных стран.

Основные методологические инструменты, применяемые в рамках настоящего исследования, включают анализ национального законодательства, в частности Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, а также его аналогов в выбранных странах СНГ, регулирующие административные правоотношения в контексте избирательного права. Дополнительно применяется формально-юридический метод для анализа соответствующей юридической литературы.

Предметом исследования данной научной статьи является сравнительно-правовой анализ субъектов административных правонарушений в сфере избирательного права. В частности, исследование фокусируется на определении и классификации субъектов, совершающих административные правонарушения в избирательном процессе, и анализе различий и особенностей законодательства разных стран по этому вопросу.

Административное правонарушение в сфере избирательного права представляет собой общественно опасное, противоправное деяние, которое проявляется в действии или бездействии гражданина или организации. Это деяние может заключаться в нарушении установленных законом норм и правил, связанных с проведением избирательных кампаний, голосованием, подсчетом голосов и другими аспектами избирательного процесса, за которые предусмотрена административная ответственность в соответствии с законодательными нормами Российской Федерации или ее субъектов.

В зависимости от степени тяжести каждое правонарушение в области избирательного процесса может повлечь за собой различные формы ответственности, включая административную, уголовную или дисциплинарную. Уголовная ответственность наступает в ситуациях, когда незаконное действие представляет собой угрозу для общества, значительно нарушает права и свободы граждан. В контексте избирательных процессов уголовные правонарушения, например, могут быть связаны с воспрепятствованием осуществления избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 Уголовного кодекса РФ) или фальсификация итогов голосования (ст. 142.1 Уголовного кодекса РФ).

Дисциплинарная ответственность за нарушение норм избирательного законодательства представляет собой отдельный тип юридической ответственности, который наступает в результате совершения дисциплинарного нарушения в процессе организации выборов. Важно отметить, что в отличие от уголовной и административной ответственности, для которых условия применения четко установлены в единых нормативных документах - Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации, правовые нормы, связанные с дисциплинарной ответственности, не является кодифицированными. Гражданин может подвергнуться дисциплинарной ответственности согласно статье 192 Трудового кодекса Российской Федерации, которая регулирует правила и условия привлечения к такому виду ответственности. Более того, при осуществлении государственной гражданской службы, гражданин также может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в соответствии с № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Этот закон устанавливает особые условия и нормы поведения для государственных служащих, нарушение которых может повлечь дисциплинарные санкции.

Административные правонарушения характеризуются менее серьезным характером нарушений и предусматривают меры административной ответственности, такие как предупреждения, штрафы или иные санкции. Например, О. К. Тургунов в своей работе пишет следующее: «Административная ответственность устанавливается в соответствии правовыми нормами, применяется за правонарушения, совершенные

физическим лицом, и выражается в процессуальных санкциях, налагаемых компетентными государственными органами (должностными лицами)»[1].

В России составы административных правонарушений, связанных с нарушением законодательства о выборах и референдумах, предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ).[2] Статьи КоАП РФ, посвященные вопросам привлечения к ответственности за нарушения процедуры проведения выборов, имеют во многом правозащитный характер. Они направлены, прежде всего, на охрану конституционно-правовых отношений, являясь, по сути, одной из гарантий реализации избирательных прав граждан[3].

В международной практике административные правонарушения в сфере избирательного права, как правило, регулируются национальными законами. Исключения могут составлять случаи, когда страна является членом какой-либо международной организации, которая устанавливает общие стандарты для проведения выборов, как, например, Европейский Союз. Однако, даже в этих случаях основная регуляция обычно осуществляется на уровне национального законодательства. Дело в том, что проведение выборов – это важная составляющая суверенитета каждой страны, и поэтому национальные законы играют ключевую роль в определении правил и процедур выборов. Международные стандарты и рекомендации, такие как руководящие принципы ОБСЕ по проведению демократических выборов, обычно действуют как общие рамки, которые страны могут использовать для разработки или усовершенствования своих национальных законов об выборах. Они также могут использоваться международными наблюдателями для оценки свободы и честности выборов. В странах Европейского Союза административные правонарушения могут быть связаны с нарушением правил проведения выборов, нарушением принципа равенства голосов и злоупотреблением политическими партиями своим статусом.

В странах Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) административные правонарушения в сфере избирательного права регулируются национальными законами и подчиняются общим принципам, сходным с российским законодательством.

В некоторых странах, таких как Армения, Азербайджан, Беларусь, Молдова, действует специальный кодифицированный акт – Избирательный кодекс[4]. В пределах этих кодексов, помимо прочего, подробно регламентируются права и обязанности избирательных комиссий, создавая таким образом четкую юридическую основу для работы этих ключевых структур. Так Грыу-Панцуряк М.В. пишет: «… избирательные органы и их члены в Республике Молдова состоят из: Центральной избирательной комиссии, Избирательных Советов и избирательного бюро. Их основные задачи описаны в положениях Кодекса о выборах Республики Молдова»[5].

---

[1] Turgunov O. Administrative liability for violations of electoral legislation and its features // EPRA International Journal of Research and Development (IJRD). 2020. №. 2. 435 p.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.07. 2023).

[3] Абезин Д. А., Сорокина Н. В. Административная ответственность за нарушения избирательного законодательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 1 (38). С. 204.

[4] Калачникова С. А. Конституционное закрепление основ избирательного права в странах СНГ / С. А. Калачникова // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 30.

[5] Grâu-Panţureac M. V. Conditions and subjects of electoral liability // Наука молодых - будущее России. – 2017. Т. 3. №. 11. С. 13.

В странах СНГ защита избирательных прав граждан обеспечивается Кодексами об административных правонарушениях: в Азербайджане действует Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (далее – КоАП АР), в Казахстане – Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП РК), в Беларуси – Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ), в Узбекистане – Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (далее –КоАП РУ).

В данных кодексах прописаны правила и нормы проведения избирательных процессов, а также установлены меры административной ответственности за их нарушение.

Следовательно, вопрос о том, кто совершил правонарушение, становится крайне важным при определении субъекта административного правонарушения.

В сфере административного права и административного надзора существуют разные типы субъектов, которые могут нести ответственность за нарушения в сфере избирательного процесса. Например, административная ответственность граждан регламентирована статьей 5.5 КоАП РФ, а юридических лиц - статьей 5.13 КоАП РФ.

Однако, законодательство также предусматривает определенные категории субъектов, которые имеют специфический статус, исходя из их роли и положения в контексте избирательного процесса.

Среди специальных субъектов следует выделить две основные подкатегории: индивидуальные и коллективные субъекты. К индивидуальным относятся, например, кандидаты (ст.5.9, ст.5.10, ст.5.17-5.19 КоАП РФ и т. д.), должностные лица (ст.5.3-5.6, ст.5.13, ст.5.15, ст.5.20 КоАП РФ и т.д.), председатели избирательных комиссий (ст.5.6 ч.2, ст.5.17 ч.2 КоАП РФ и т.д.). Эти субъекты обладают дополнительными признаками, которые учитываются при определении их административной ответственности.

К коллективным субъектам относятся органы местного самоуправления (ст.5.21, ст. 5.47 КоАП РФ), избирательные комиссии (ст. 5.15 КоАП РФ), средства массовой информации (ст. 5.5. КоАП РФ) и другие.

Правильное определение субъекта административного правонарушения в избирательном процессе играет ключевую роль для установления рамок ответственности и определения круга лиц, которые могут быть к ней привлечены. Оно выступает как основа для дальнейшего анализа и принятия решений о применении санкций.

Одним из примеров стран, где определены субъекты административной ответственности за нарушения избирательного права, является Азербайджан. В соответствии с КоАП АР значительная часть составов административных правонарушений предусматривает ответственность как для физических лиц (ст. 170), так и для юридических лиц (ст. 164.2). Однако, среди физических лиц особое внимание уделяется членам избирательных комиссий (ст. 167), кандидатам на выборах (ст. 166), агитаторам (ст. 164) и наблюдателям (ст. 167)[1], так как именно они в большей степени вовлечены в процесс избирательной кампании и имеют более широкие полномочия в этом вопросе. Кроме того, к ответственности могут быть привлечены также лица, которые совершили нарушения в период подготовки и проведения выборов, включая нарушения порядка регистрации кандидатов, предоставления избирательных бюллетеней, проведения агитации, организации голосования и подсчета голосов.

[1] Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.12.2022 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&doc_id2=36865427#pos=5;-98&pos2=2156;-48/ (дата обращения: 20.07. 2023).

При анализе лиц, подлежащих административной ответственности за нарушения избирательного законодательства в Азербайджане и России, следует отметить, что в обоих государствах сфера применения наказания охватывает как физических, так и юридических лиц, участвующие в предвыборной агитации или агитации, связанной с референдумом. Помимо этого, ответственность также распространяется на официальных представителей власти, при этом их идентификация как субъектов административных правонарушений производится до уровня конкретных индивидуальных должностных лиц. Так, субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 5.25 КоАП РФ может быть один конкретный человек председатель Центральной избирательной комиссии в Российской Федерации, а в соответствии со ст. 179 КоАП АР таковым лицом является председатель избирательной комиссии в Азербайджане.

Кроме того, граждане, совершившие правонарушения, связанные с уничтожением или порчей агитационных материалов, распространением ложных сведений о кандидатах, также будут нести административную ответственность в соответствии со ст. 5.14 КоАП РФ и ст.165. КоАП АР. Как в России, так и в Азербайджане существует возможность привлечения органов исполнительной власти к административной ответственности за предоставление недостоверных, неполных или несвоевременных сведений об избирателях.

В соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Азербайджанской Республики, основным видом административного взыскания за нарушение норм избирательного права служит штраф. Размер этого штрафа существенно варьируется и определяется в зависимости от субъекта, совершившего административное правонарушение - будь то физическое лицо, юридическое лицо или должностное лицо. Это подчеркивается в статьях 164-180 КоАП АР.

Однако, стоит заметить, что применение административных взысканий не ограничивается только КоАП АР. Избирательный кодекс Азербайджанской Республики также содержит правовые нормы, нарушение которых может повлечь за собой административную ответственность. В частности, это относится к статьям 2.7, 5.2, 17.3, 22.7, 47.10, 87.9, где прописаны соответствующие административные санкции для нарушителей[1].

Важно помнить, что наличие подобных статей в Избирательном кодексе не исключает применения КоАП для пресечения административных правонарушений. Оба документа дополняют друг друга в обеспечении соблюдения законности и порядка в Азербайджане.

Согласно законодательству Азербайджанской Республики, в отношении определенных субъектов, включая кандидатов, представителей политических партий и представителей блоков политических партий, может быть применена административная санкция в виде предупреждения, помимо штрафа. Однако важно отметить, что вид административного взыскания в виде «предупреждения» не закреплен и не определен в Кодексе об административных правонарушениях Азербайджанской Республики, в частности, в разделе «Глава 21. Административные проступки, посягающие на политические, социальные и трудовые права». Это может создать определенные проблемы в его применении и толковании, так как отсутствует формальное юридическое описание этого вида санкции и его последствий для нарушителей.

В Беларуси к субъектам административной ответственности за нарушения избирательного права, согласно КоАП РБ,

[1] Избирательный кодекс Азербайджанской Республики от 27 мая 2003 г. № 461-IIQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2020 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420183 (дата обращения: 20.07.2023).

относятся граждане и юридические лица, незаконно привлекающие или использующие денежные средства или материальные ресурсы в процессе подготовки и проведения референдума. Их ответственность, включая возможность наложения административного штрафа, определена ст. 10.9 КоАП РБ[1]. Эта статья конкретизирует виды нарушений, которые могут быть совершены участниками избирательного процесса, и устанавливает административные санкции за совершение таких нарушений.

В дополнение к штрафам, в Республике Беларусь к субъектам, нарушающим избирательное законодательство, могут быть применены и другие меры воздействия. Согласно ст. 49 Избирательного кодекса Республики Беларусь в случае нарушения избирательного процесса, возможны такие меры как предупреждение, отмена решения о регистрации кандидата, отмена регистрации инициативной группы граждан по сбору подписей избирателей в поддержку лица, а также отказ в регистрации кандидата в Президенты Республики Беларусь и т. д.[2].

Однако, несмотря на то что регулирование административной ответственности за нарушение избирательного законодательства Беларуси охватывает различные категории лиц, возникают определенные проблемы при практическом применении ст. 10.9 КоАП РБ. В частности, проблема касается отнесения субъектов избирательного процесса к административной ответственности в виде штрафа. Все упомянутые категории лиц - физические и юридические - перечислены в одной статье, и санкция в виде штрафа применяется без учета специфики статуса правонарушителя.

В свою очередь в КоАП РФ имеется разграничение административной ответственности по степени вины и категории лиц. Например, статья 5.11 КоАП РФ предусматривает разные степени ответственности для граждан, должностных и юридических лиц. Таким образом, тяжесть наказания в зависимости от категории лица может существенно различаться, что делает систему наказания более сбалансированной.

Подобный подход применяется и в КоАП Республики Узбекистана. В главе V-1 КоАП РУ устанавливается, что размер штрафа для лиц, нарушивших административное законодательство, может варьироваться в зависимости от их статуса. Так, должностные лица могут подвергаться более серьёзным санкциям по сравнению с гражданами. Это отражает особую степень ответственности, которую несут лица, использующие свои служебные полномочия (например, ст. 51-8)[3].

Несмотря на схожесть подходов в России и в Узбекистане к дифференциации административной ответственности в зависимости от статуса нарушителя, КоАП Республики Узбекистан отдает предпочтение в определении ответственности в основном для должностных лиц (ст. 51-2, 51-3, 51-4, 51-6, 51-8, 51-9) и граждан (ст. 51-6, 51-8). Отсутствует, однако, детальное раскрытие специфики ответственности для юридических лиц. Тем не менее, стоит отметить, что юридические лица имеют право на прямое участие в ходе избирательного процесса.

---

[1] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.12.2022 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38043824 (дата обращения: 20.07. 2023).

[2] Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 года № 370-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.02.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414797 (дата обращения: 20.07.2023).

[3] Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 20.07. 2023).

Также, в рамках своих прав и возможностей, юридические лица могут принимать участие в подаче жалоб на потенциальных правонарушителей. Это особенно актуально при проведении деятельности, связанной с предвыборной агитацией, финансированием политических кампаний и предоставлением мест для проведения избирательных мероприятий. Вся эта деятельность требует строгого соблюдения законодательства, и нарушения могут привести к юридической ответственности. В случае выявления подобных нарушений юридические лица имеют право обратиться с жалобой в уполномоченные органы для принятия соответствующих мер. Так, в соответствии со ст. 101 Избирательного Кодекса Республики Узбекистан, избирательная комиссия обладает правом рассматривать обращения как физических, так и юридических лиц[1]. Однако, узбекское законодательство не предоставляет чёткого понимания о том, какую ответственность будут нести юридические лица в случае удовлетворения жалоб, поданных против них.

Кроме того, в соответствии со ст. 102 Избирательного Кодекса Республики Узбекистана, решения избирательных комиссий могут быть обжалованы в Верховном суде Республики Узбекистан. В этом контексте, Б.Д. Ахраров и Ш.Х. Ализизаев пишут: «Невыполнение решений избирательных комиссий в пределах их компетенции влечет административную ответственность для должностных лиц»[2]. Однако, законодательство не разъясняет, какой правовой статус имеют эти избирательные комиссии, и какую ответственность – административную, уголовную или дисциплинарную – будут нести члены этих комиссий. Сравнивая административно-правовое регулирование субъектов, участвующих в избирательном процессе, в различных странах, прослеживается более четко обозначенные рамки в Российской Федерации. Так в ст. 23 п. 2 федерального закона № 67 (ред. от 28.04.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» говорится, что избирательные комиссии субъектов Российской Федерации являются юридическими лицами[3]. В то же время статья 5.24 КоАП РФ устанавливает административную ответственность для председателя или члена избирательной комиссии, включая наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей. Так А.П. Демин в своей работе пишет: «Следует также отметить, что ответственность юридических лиц за нарушение избирательного законодательства, наряду с ответственностью физических лиц, установлена КоАП Российской Федерации в 13 случаях, например: неисполнение решения избирательной комиссии (статья 5.3); за нарушение установленного порядка опубликования документов, связанных с подготовкой и проведением выборов (статья 5.5); за нарушение условий предвыборной агитации через средства массовой СМИ (статья 5.8) и другие»[4]. В результате такого подхода российское законодательство предлагает более детализированный и ясный юридический статус субъектов, участвующих в избирательном процессе, и четко

[1] Избирательный Кодекс Республики Узбекистан от 25 июня 2019 г. № ЗРУ-544 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.05.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37713998 (дата обращения: 20.07.2023).

[2] Akhrarov B.D., Alirizaev Sh.X. Uzbek Laws Provide Responsibility For Violation Of Democratic Election Principles // The American Journal of Political Science Law and Criminology. 2021. № 3(05). 74 p.

[3] Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 05 декабря 2022 г. № 498-ФЗ) // Информационно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 20.07.2023).

[4] Demin A.P. Classification of the basic kinds of legal responsibility in electoral process. Pravoprimenenie // Law Enforcement Review. 2020. № 2. 53 p.

определяет их ответственность в случае совершения административных правонарушений.

Стоит отметить, что по аналогии с российским законодательством, законодательство Казахстана также предполагает дифференциацию субъектов административной ответственности. В соответствии с Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях, определены такие категории субъектов как физические лица (ст. 109), должностные лица (ст. 104) и юридические лица (ст. 112). Отличительной особенностью является то, что дополнительно к этим категориям в законодательстве выделены субъекты малого, среднего и крупного предпринимательства (ст. 102, 103, 104), а также некоммерческие организации (ст. 102)[1]. Это расширяет перечень возможных субъектов административной ответственности и усиливает правовую регуляцию в контексте избирательного процесса.

Также следует обратить внимание на характер наказаний, установленных для этих субъектов. Основной вид ответственности, предусмотренный для данных лиц, выражается в форме штрафа. Однако статья 106 КоАП РК представляет особый интерес, поскольку в ней предусмотрены не только штрафы, но и предупреждения за нарушение права граждан на ознакомление со списком избирателей. Этот вариант санкции позволяет осуществить более дифференцированный подход при применении мер ответственности, что может повысить эффективность административного контроля за избирательным процессом.

Основываясь на проведенном анализе и изученной соответствующей литературы, необходимо сделать вывод о том, что в каждой из рассмотренных стран присутствуют уникальные особенности правового регулирования избирательного процесса.

Таким образом, на основе проведённого исследования и полученных результатов можно прийти к ряду выводов.

Прежде всего, необходимо отметить, что процесс правового регулирования избирательного процесса в каждой из рассмотренных стран имеет свои уникальные особенности, что отражается в деталях кодификации избирательных прав, определении субъектов административной ответственности, а также в способах и механизмах обеспечения соблюдения этих прав. В частности, это касается таких стран как Россия и Узбекистан, законодательство которых применяет дифференцированный подход к определению административной ответственности в зависимости от статуса нарушителя. Однако в Узбекистане нет четкой спецификации ответственности для юридических лиц, что ставит под сомнение эффективность правоприменительной практики.

В Беларуси, помимо штрафа, к нарушителям избирательного законодательства могут быть применены и другие виды административных санкций, включая предупреждение, отмену решения о регистрации кандидата и другие меры, предусмотренные статьей 49 Избирательного кодекса Республики Беларусь.

В КоАП РБ встречаются трудности при практическом применении ст. 10.9, так как все категории лиц - физические и юридические - перечислены в одной статье, и санкции применяются без учета специфики статуса правонарушителя.

В отличие от Беларуси, в России в КоАП РФ присутствует разграничение административной ответственности по степени вины и категории лиц. Это делает систему наказания более сбалансированной, учитывающей различия в статусе нарушителей.

Сравнение законодательства Азербайджана и России показывает, что в обеих

[1] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 20.07. 2023).

странах сфера ответственности за нарушения избирательного права охватывает физических и юридических лиц, включая официальных представителей власти. Это позволяет гарантировать соблюдение избирательных норм на всех уровнях. Также в Азербайджане основным видом административного взыскания за нарушение избирательного права является штраф, размер которого может существенно варьироваться в зависимости от субъекта, совершившего нарушение. Кроме того, в отношении некоторых субъектов, включая кандидатов и представителей политических партий, может быть применена административная санкция в виде предупреждения, помимо штрафа. Это позволяет использовать более гибкий подход к нарушениям и может служить эффективной мерой предотвращения. Однако, несмотря на наличие возможности применения административной санкции в виде «предупреждения», ее формальное юридическое описание и последствия для нарушителей не закреплены в Кодексе об административных правонарушениях. Это может вызывать трудности при толковании и применении данной санкции.

Также в Азербайджане используется кодифицированный подход, при котором основные правила и нормы собраны в одном документе - Избирательном кодексе. Применение Избирательного кодекса в Азербайджане позволяет системно регулировать избирательный процесс, то есть предоставляет целостное и всестороннее представление обо всех нормах, правилах и процедурах, которые следует соблюдать во время выборов. Это включает в себя такие вопросы как организация и проведение выборов, регистрация кандидатов, голосование, подсчет голосов и многое другое.

При изучении административной ответственности в контексте избирательного процесса в Казахстане, следует отметить специфическую особенность. В КоАП этой страны осуществляется разграничение субъектов административной ответственности на малый, средний и крупный бизнес. Такого разделения, обращающего внимание на специфику предпринимательской деятельности в различных категориях, не обнаружено в КоАП других стран СНГ. Это подчеркивает уникальный подход Казахстана к регулированию административной ответственности в сфере избирательного права.

Важной задачей для улучшения правового регулирования избирательного процесса в рассматриваемых странах является решение вопроса о систематизации и дифференциации ответственности нарушителей избирательного права. Это включает в себя разработку эффективных механизмов для привлечения к ответственности всех участников избирательного процесса, включая должностных, физических и юридических лиц.

Таким образом, результаты данного исследования служат основой для дальнейшей работы над усовершенствованием правового регулирования избирательного процесса в странах СНГ и разработкой рекомендаций по улучшению механизмов привлечения к ответственности за нарушения избирательных прав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абезин, Д. А., Сорокина, Н. В. Административная ответственность за нарушения избирательного законодательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 1 (38). С. 201–205.

2. Берлявский, Л.Г. Эволюция административной ответственности за избирательные правонарушения в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2016. № 4. С. 28–31.

3. Зограбян, Г.М. Административная ответственность за нарушение избирательных прав в Российской Федерации и Республики Армения: сравнительно-правовое исследование: дисс. канд. юрид. наук. М., 2011. 193 с.

4. Избирательный Кодекс Республики Узбекистан от 25 июня 2019 г. № ЗРУ-544 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.05.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37713998 (дата обращения: 20.07.2023).

5. Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 года № 370-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.02.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414797 (дата обращения: 20.07.2023).

6. Избирательный кодекс Азербайджанской Республики от 27 мая 2003 г. № 461-IIQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2020 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420183 (дата обращения: 20.07.2023).

7. Калачникова, С. А. Конституционное закрепление основ избирательного права в странах СНГ // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 27–31.

8. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.12.2022 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&doc_id2=36865427#pos=5;-98&pos2=2156;-48/ (дата обращения: 20.07. 2023).

9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.12.2022 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38043824 (дата обращения: 20.07. 2023).

10. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 20.07. 2023).

11. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023 г.) // Информационно-правовой портал «Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 20.07. 2023).

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.07. 2023).

13. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37402/ (дата обращения: 20.07. 2023).

14. Штанько, В. В. Правовое регулирование избирательного процесса в странах СНГ // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 34–38.

15. Akhrarov, B.D., Alirizaev, Sh.X. Uzbek Laws Provide Responsibility For Violation Of Democratic Election Principles // The American Journal of Political Science Law and Criminology. 2021. № 3(05). Pp. 72–78.

16. Bokov Y. Transformation of electoral right to electoral responsibility: opportunity or necessity // The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019). 2019. № 1. 115 p.

17. Demin, A.P. Classification of the basic kinds of legal responsibility in electoral process. Pravoprimenenie // Law Enforcement Review. 2020. № 2. Pp. 49– 57.

18. Grâu-Panţureac, M. V. Conditions and subjects of electoral liability // Наука молодых - будущее России. 2017. Т. 3. №. 11. С. 8-13.

19. Turgunov O. Administrative liability for violations of electoral legislation and its features // EPRA International Journal of Research and Development (IJRD). 2020. №. 2. 435 p.

Дата поступления 03.08.2023

УДК: 341.231.14
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_81

Косолапов М.Ф.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Kosolapov M.F.

LEGAL POSITIONS OF INTERNATIONAL BODIES IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM: FORMATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Ключевые слова: *правовая позиция, международный орган в области прав человека, правоприменительная практика, Конституция РФ, комитет по правам человека, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, национальная правовая система.*

Keywords: *legal position, international human rights body, law enforcement practice, Constitution of the Russian Federation, Human Rights Committee, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, national legal system.*

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению категории «правовая позиция» в российской правовой доктрине и правоприменительной практике. Предпринимается попытка проанализировать предпосылки и цели обращения национальных судебных органов к актам международных органов и судов в области прав человека при реализации ими своей компетенции. На основе анализа актов высших судебных органов рассматриваются основные подходы к формированию необходимого правового отклика со стороны судебных органов на вынесение решения международного органа (суда). Рассматриваются проблемные аспекты имплементации правовых позиций международных органов.*

В работе делается вывод, что термин «правовая позиция» это общеродовое понятие, характерное для деятельности всех судебных органов. Судебные органы РФ с момента учреждения Конституционного Суда РФ выработали определенный механизм применения правовых позиций последнего, поэтому вполне закономерно, что правоприменительная практика при появлении нового источника правовой информации в виде решений международных органов, распространила этот подход и на эти акты, выделяя и руководствуясь их выводами, интерпретацией положений международного договора.

Abstract: *The article is devoted to the consideration of the category «legal position» in the Russian legal doctrine and law enforcement practice. An attempt is made to analyze the prerequisites and objectives of the appeal of national judicial authorities to the acts of international bodies and courts in the field of human rights in the exercise of their competence. Based on the analysis of the acts of the supreme judicial authorities, the main approaches to the formation of the necessary legal response from the judicial authorities to the decision of an international body (court) are considered. The problematic aspects of the implementation of the legal positions of international bodies are considered.*

The paper concludes that the term «legal position» is a generic concept characteristic of the activities of all judicial bodies. Since the establishment of the Constitutional Court of the Russian Federation, the judicial authorities of the Russian Federation have developed a certain mechanism for applying the legal positions of the latter, so it is quite natural that law enforcement practice,

when a new source of legal information appeared in the form of decisions of international bodies, extended this approach to these acts, highlighting and guided by their conclusions, interpretation of the provisions of an international treaty.

Термин «правовые позиции» был изначально введен в законодательство России ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 73). Следовательно, тот смысл, который вкладывал в данное понятие законодатель, был характерен исключительно для конституционного судопроизводства, и это определяет специфику актов, принимаемых в рамках деятельности данного органа конституционного контроля. Однако, исходя из существующей российской практики, можно констатировать, что использование термина «правовая позиция» уже давно вышло за первоначально обозначенные Законом рамки. Правовые позиции стали выделяться в актах других судебных органов[1], даже тех, которые функционируют на международном уровне[2].

В связи с этим, возникает целый ряд вопросов: во-первых, насколько устойчиво изначальное содержание, которое было заложено в данное понятие; во-вторых, что лежит в основе широкого использования данного понятия за рамками конституционного правосудия.

Ответить на данные вопросы достаточно сложно в связи с тем, что четкой законодательной дефиниции термина «правовая позиция» к сожалению нет. В указанном ФКЗ данный термин используется дважды (ст. 29 и 73), но не сопровождается определением, хотя при анализе статей, содержащих данный термин, можно составить общее представление о его правовой природе. На наш взгляд наиболее удачное определение термина «правовая позиция» сформулировал Н.В. Витрук.

С его точки зрения «правовые позиции представляют собой правовые представления (выводы) общего характера Конституционного Суда России как результат толкования и выявления им конституционного смысла положений законов и других нормативных актов, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием постановлений Конституционного Суда Российской Федерации»[3].

Исходя из этого, можно выявить следующие особенности такого явления, как правовая позиция: правовые позиции носят общий и обязательный характер. Кроме того, они формируются при рассмотрении Судом конкретных жалоб на основе исследования материалов дела и содержат судебную интерпретацию конституционно-правовой действительности (принципов, институтов, понятий).

Именно такой подход к определению правовых позиций позволяет их выявить в постановлениях Верховного и Высшего Арбитражного судов. Это касается тех случаев, когда высшие суды РФ в своих актах излагают правовые выводы как результат толкования и интерпретации ими смысла положений федерального законодательства с целью формирования единообразной правоприменительной практики. Эти постановления обладают высоким авторитетом и безоговорочно принимаются судами и не только ими[4].

Правоприменительная судебная практика России последних лет демонстрирует

---

[1] См.: Власенко Н.А., Гринева А.В. Судебные правовые позиции (основы теории). М., 2009. С. 57.

[2] См.: Власов Д.С. Правовая позиция Международного Суда ООН: понятие, природа и варианты проявления. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2006.; Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.,2001. С. 106.

[3] См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 годы). Очерки теории и практики. М., 2001. С. 111.

[4] См.: Лифшиц Р.З. Судебная практика как источник права//Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 9.

рост интереса правоприменителя к правовым позициям, сформировавшимся в международных судебных (квазисудебных) органах, т.е. действующих в рамках иных юрисдикций. Данная практика в принципе характерна для большинства государств, причем традиционные подходы к характеристике правовых систем (англосаксонская, континентальная и т.д.) или признание соответствующей юрисдикции международного органа (организации) в данном случае не имеют принципиального значения.

Необходимость обращения к правовым позициям, сформированным вне рамок национальной правовой системы, логически следует из ряда положений Конституции РФ, закрепляющей включение элементов международного права в правовую систему Российской Федерации (ч. 4 ст. 15), предусматривающей право для лиц, находящихся под ее юрисдикцией, обращаться в международные правозащитные органы (ст. 46), гарантирующей реализацию прав и свобод человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст.ст. 17, 69). Помимо этого, ст. 3 ФКЗ «О судебной системе РФ»[1] предусматривается, что единство судебной системы обеспечивается, помимо прочего, «применением всеми судами…общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Таким образом, руководствуясь в первую очередь положениями Конституции РФ, российские суды должны применять указанные элементы международного права при разрешении любой категории дел.

С точки зрения международного права предпосылками для обобщения правовых позиций системы международных органов являются международные обязательства Российской Федерации по конкретному договору и положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (ст.ст. 3-33). В первом случае речь идет о признании государством юрисдикции соответствующего международного органа, предполагающим право физических лиц обращаться в международные органы по защите своих прав и свобод в случае предполагаемого нарушения прав, закрепленных в договоре. Членство государства в международной организации (участие в договоре) предполагает обязательство участника должным образом реагировать и имплементировать принимаемые международными органами решения на национальном уровне. Во втором случае необходимость учета правовых позиций связана с тем, что при внутригосударственном применении договорных положений должна учитываться последующая практика применения договора, включая толкование договора международными органами.

В связи с этим, можно сказать, что категория «правовая позиция международного органа» схожа по содержанию с понятием, которое используется на внутригосударственном уровне. Под ней следует понимать авторитетное мнение международного органа (суда) о том, как необходимо истолковывать положения международного договора для его эффективной реализации, т.е. является прецедентом толкования[2].

При этом необходимо отметить, что ни Конституция РФ, ни федеральное законодательство не содержит понятия «правовая позиция международного органа (суда)», практика их учета во внутригосударственной сфере подразумевается исходя из содержания общепризнанного принципа международного права - добросовестного выполнения обязательств. Единственным правовым ориентиром в данной области является практика Конституционного и Верховного суда РФ в данной области.

---

[1] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[2] Зимненко Б.Л. О месте и значении правовых позиций международных органов по защите прав и свобод человека в правовой системе Российской Федерации // Российское правосудие 2016. № S1/ с. 117.

Конституционный Суд РФ одним из первых, опираясь на ст. 17 Конституции РФ при принятии своих решений, стал прибегать к дополнительному элементу в аргументации своих выводов по делу – общепризнанным принципам (нормам) международного права, положениям международных договоров, а также правовым позициям международных судебных органов. При этом на первоначальном этапе Суд ссылался в тексте своих решений на акт международного органа в целом[1], в дальнейших решениях используется понятие «правовая позиция»[2]. В некоторых случаях Конституционный Суд своими решениями содействовал формированию надлежащего правоприменительного отклика на решения международных органов на внутригосударственном уровне[3].

Значительная роль в продвижении правовых позиций международных судебных органов в национальную правоприменительную практику принадлежит Управлению систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ. Им на постоянной основе подготавливаются обзоры правовых позиций и практики Евразийского экономического союза[4], международных судебных и квазисудебных органов в области защиты прав человека (ЕСПЧ, комитеты ООН по правам человека).

Помимо этого подготовленные им Постановления Пленума в определенной степени восполнили законодательный вакуум по данному вопросу. В них он рекомендует нижестоящим судам ориентироваться на решения международных органов, в которых дается толкование международного договора[5]. Более детальным в отношении регламентации использования правовых позиций, содержащихся в решениях международных органов, является Постановление № 21 от 2013 г. В нем Суд помимо решений международного органа использует понятие «правовая позиция». При этом он их подразделяет на два вида: правовые позиции, содержащиеся в решениях, вынесенных против РФ и правовые позиции,

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» // Вестник Конституционного Суда РФ 1999. № 6.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holding Limited» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1; Определение Конституционного Суда РФ от 09 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

[4] «Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // КонсультантПлюс.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003. № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2004. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (в ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2012. № 8; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2003. №12.

содержащиеся в решениях, стороной в которых являются другие государства. Первые являются «обязательными для судов», вторые «должны учитываться» при вынесении решений, в том случае, «если обстоятельства рассматриваемого дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов» международного органа. Основанием такого разграничения является обязательство исполнить решение, вынесенное в отношении РФ и необходимостью предпринять общие и индивидуальные меры по имплементации решения. Необходимость учета иных решений продиктовано главным образом превенцией схожих нарушений, а также тем, что в них дается трактовка (в том числе и эволюционная) применяемых положений договора в целях более эффективной реализации прав и свобод. При этом стоит отметить, что приведенное Постановление Пленума было принято в отношении решений и правовых позиций Европейского Суда по правам человека, однако содержащиеся в нем рекомендации, исходя из сложившейся практики, в полной мере могут быть распространены и на правовые позиции других контрольных органов в области прав человека.

Проводимая Судом выборка и систематизация правовых позиций свидетельствует, что перечень международных органов, формулирующих свои правовые позиции и актов, их закрепляющих, достаточно широк, и не зависит от правовой природы международных органов, уровня их функционирования, специализации, а также от степени обязательств России по исполнению такого рода решений (как вынесенных по жалобам против РФ, так в отношении других стран-участниц соответствующего договора)[1].

Для удобства работы с правовыми позициями нижестоящих судов, Верховный суд систематизирует их по различным основаниям: обобщение позиций конкретного международного органа[2], либо обзор правовых позиций нескольких органов по конкретной тематике[3].

Международные органы универсального уровня, правовые позиции которых подлежат учету судебными органами, представляют собой в основном договорные (конвенционные) органы, осуществляющие контроль за добросовестным выполнением государством своих обязательств по договору. К ним относятся Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка и т.д. По своей природе комитеты — это экспертные органы, которым присущи некоторые признаки, свойственные работе судебных органов, поэтому при отсутствии единого подхода к определению их правовой природы, в рамках данной работы данные органы будут обозначены как квазисудебные. Контрольная деятельность Комитетов специализирована: каждый из них осуществляет свою деятельность в рамках обязательств по конкретному договору (например, Комитет по правам ребенка функционирует на основе Конвенции по правам ребенка 1989 г.), однако протекает в рамках различных направлений. Они могут рассматривать и выносить свои решения по индивидуальным жалобам на нарушение прав, рассматривать и выносить рекомендации на основе периодических докладов государств о выполнении своих обязательств, и еще одним направлением работы, которую достаточно трудно отнести к контрольной деятельности, является принятие общих рекомендаций (без конкретной привязки к конкретному государству члену), в которых комитеты осуществляют обобщение правопри-

[1] «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2022)» (подготовлен Верховным Судом РФ) // КонсультантПлюс.

[2] «Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (в период с декабря 2015г. по март 2022)» // КонсультантПлюс.

[3] «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023) (подготовлен Верховным Судом РФ) // КонсультантПлюс.

менительной практики по реализации одного из закрепленных в договоре прав или какому-либо аспекту реализации договорных положений, включая осуществление толкования (в том числе эволюционного). Ориентируясь на правоприменительную практику Российской Федерации, можно сказать, что правовые позиции, которые подлежат учету, могут содержаться в решениях по индивидуальным жалобам и замечаниях общего порядка. Например, рассматривая аспект соотношения права на жизнь с другими правами Верховный суд с ссылкой на п. 54 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь» 2019 г. приводит следующую правовую позицию Комитета по правам человека: «Пытки и жестокое обращение, которые могут серьезно затрагивать физическое и психическое здоровье подвергшегося им лица,…могут порождать риск лишения жизни»[1]. Более того, сами Комитеты при рассмотрении индивидуальных жалоб обращаются к своим правовым позициям, которые были сформулированы в общих замечаниях и содержат разъяснения по вопросам толкования отдельных статей договоров (Пактов). В Соображении, принятом Комитетом по правам человека 26 октября 2021 г. «Anvar Salikhov v. Russian Federation» (№ 2759/2016)[2] сделана ссылка на правовую позицию, сформулированную им в Замечании общего порядка № 20[3].

Что касается Заключительных замечаний, то в силу ориентированности как на констатацию позитивных, так и на выявление проблемных аспектов реализации договоров конкретной страной, как источник правовых позиций они не рассматривается, хотя содержащиеся в них выводы и рекомендации могут быть учтены как ориентир при осуществлении внутригосударственной политики в конкретной сфере[4].

Практика обращения к правовым позициям международных органов (судов) в целом оказывает положительное влияние на национальную правоприменительную практику, способствует ее правовому обогащению. Вместе с тем, как представляется, имеется ряд проблемных аспектов, которые необходимо учитывать.

Как уже отмечалось, сегодня в мире действует разветвленная система международных органов, чья деятельность в большинстве случаев пересекается. Например, если речь идет об органах в области прав человека, каждый из них организационно действует автономно в рамках конкретного договора, при этом каталог прав, защищаемых договорами прав в некоторых случаях совпадает. В связи с этим может возникнуть проблема фрагментации правовых позиций, когда одно и то же право (свобода) человека посредством формулирования правовых позиций несколькими органами может получить различную трактовку в рамках каждой из правозащитных систем (универсальной, региональной) или в рамках каждого правозащитного механизма (различных комитетов, действующих на универсальном уровне). В связи с тем, что тот или иной договор объединяет различные группы государств, которые могут иметь различия в экономической, политической, религиозной сферах, практика реализации конкретного права на внутригосударственном уровне может различаться, а именно

[1] «Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // КонсультантПлюс.

[2] Соображение Комитета по правам человека от 8 февраля 2022 «Anvar Salikhov v. Russian Federation» (№ 2759/2016) // https://tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 14.06.2023).

[3] Замечание общего порядка № 20 Статья 7 (запрещение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания) // https://tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 18.06.2023).

[4] Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О соблюдении прав детей-инвалидов в Российской Федерации» // Официальные документы в образовании. 2006. № 31.

внутригосударственные тенденции порой выступают в качестве основы для толкования договора (формирования правовой позиции международного органа). Для внутригосударственной реализации правовых позиций международных органов проблема фрагментации может возникнуть в случае участия государства в нескольких международных механизмах.

Решение данной проблемы на международном уровне видится в активном сотрудничестве международных механизмов между собой, изучение и заимствование передового опыта друг друга при осуществлении своих полномочий. Например, Комитет по правам человека как при принятии решений по индивидуальным обращениям, так и при принятии замечаний общего порядка обращается к практике других комитетов по схожим делам, а также к практике европейского, африканского и американского правозащитного механизма[1]. В определенной степени такое обращение к результатам деятельности других органов делается с целью демонстрации того, что решение принято не только на основе собственной правовой позиции, но подтверждается широкой международной практикой, коррелируется с действующим международным консенсусом по данному вопросу, тем самым подтверждая правильность выраженной правовой позиции. Особой формой сотрудничества комитетов по правам человека является подготовка совместных заключений общего порядка, в которые включаются совместные правовые позиции по конкретному вопросу. Например, ряд таких совместных замечаний были приняты Комитетом по правам ребенка, комитетом по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей[2].

Трактовка правовых позиций как мнение международного органа о наиболее эффективном истолковании международного договора с точки зрения его эффективной реализации, порождает еще одну проблему их имплементации в рамках российской правовой системы.

Создание прецедентов толкования (формулировка правовой позиции) договорных норм обусловлено рядом причин: договорное регулирование в силу объективных причин всегда отстает от темпа развития общественных отношений, особенно учитывая, что большинство договоров были приняты десятки лет назад и что порядок внесения изменений в их текст - процесс достаточно сложный и долгий. Эта ситуация негативно сказывается на эффективности реализации договорных положений. Поэтому международный орган, созданный в целях контроля за его реализацией, «должен «привязывать» действующую норму к развивающимся отношениям, формулируя конкретизирующее правило в своей правовой позиции по спорному вопросу»[3]. Практика эволютивного толкования достаточно широко распространена в рассматриваемой системе органов. Например, в рамках деятельности Европейского суда по правам человека закрепилась практика восприятия Конвенции 1950 г. как «живого инструмента», при котором правовые позиции ЕСПЧ и договорные положения представляют собой единое целое. Как отмечал В.А. Туманов, положения Конвенции

[1] Например: Замечание общего порядка № 26 (2022) Комитета по экономическим, социальным и культурным правам «О земле и экономических, социальных и культурных правах» (E/ C 12/GC/26) // https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2FC.12%2FGC%2F26&Lang=ru (дата обращения: 12.06.2023).

[2] Совместное замечание общего порядка № 4 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей и № 23 (2017) Комитета по правам ребенка об обязательствах государств в отношении прав человека детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита и возвращения от 16 ноября 2017 // https://tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 14.06.2023).

[3] Нешатаева Т. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 67.

следует воспринимать в том значении, в котором они интерпретируются Судом[1]. В принципе та же мысль, как представляется, заложена в п. 3 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда 2013 г. Вместе с тем, данная практика «эволюции» договорных норм может привести к появлению новых, не предусмотренных изначальным текстом международного договора обязанностей для государства, что не может не вызывать его негативной оценки. Именно данная ситуация стала причиной разногласия между Российской Федерацией и Европейским Судом по правам человека по ряду его решений, которые привели к установлению конституционных пределов рецепции правовых позиций в правовую систему РФ. Согласно конституционной реформе 2020 г. в ст. 79 Конституции РФ «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в РФ».

Подводя итог, можно сказать, что термин «правовая позиция» это нечто большее, чем феномен конституционного правосудия. В современной российской практике это общеродовое понятие, характерное для всех судов, и правовые позиции Конституционного Суда РФ - это частный случай судебных правовых позиций[2]. Судебные органы Российской Федерации с момента учреждения Конституционного Суда РФ выработали определенный механизм применения правовых позиций последнего, поэтому вполне закономерно, что правоприменительная практика при появлении нового источника правовой информации в виде решений международных органов, распространила этот подход и на их акты, выделяя и руководствуясь их интерпретацией положений международного договора. При этом национальные судебные органы обращаются к правовым позициям международных органов (судов) как в случае применения (толкования) норм международного права, так и интерпретации национального законодательства, а также как к дополнительному аргументу в подтверждение своей позиции по делу.

[1] Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 89.

[2] См.: Гринева А.В. Понятие и виды судебных правовых позиций: вопросы теории. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М. 2008. С. 8-9.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Власенко Н.А., Судебные правовые позиции (основы теории) / Н.А. Власенко, А.В. Гринева. М., 2009. С. 57.
2. Власов, Д.С. Правовая позиция Международного Суда ООН: понятие, природа и варианты проявления. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2006.
3. Туманов, В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.,2001. С. 106.
4. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 годы). Очерки теории и практики. М., 2001. С. 111.
5. Лифшиц, Р.З. Судебная практика как источник права//Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 9.
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
7. Зимненко, Б.Л. О месте и значении правовых позиций международных органов по защите прав и свобод человека в правовой системе Российской Федерации // Российское правосудие 2016. № S1/ с. 117.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» // Вестник Конституционного Суда РФ 1999. № 6.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holding Limited» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1;
11. Определение Конституционного Суда РФ от 09 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс.
12. «Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // КонсультантПлюс.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003. № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2004. № 2.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (в ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2012. № 8.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2003. №12.
16. «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2022)» (подготовлен Верховным Судом РФ) // КонсультантПлюс.

17. «Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (в период с декабря 2015г. по март 2022)» // КонсультантПлюс.
18. «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023) (подготовлен Верховным Судом РФ) // КонсультантПлюс.
19. «Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // КонсультантПлюс.
20. Соображение Комитета по правам человека от 8 февраля 2022 «Anvar Salikhov v. Russian Federation» (№ 2759/2016) // https://tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 14.06.2023).
21. Замечание общего порядка № 20 Статья 7 (запрещение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания) // https://tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 18.06.2023).
22. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О соблюдении прав детей-инвалидов в Российской Федерации» // Официальные документы в образовании. 2006. № 31.
23. Замечание общего порядка № 26 (2022) Комитета по экономическим, социальным и культурным правам «О земле и экономических, социальных и культурных правах» (E/ C 12/GC/26) // https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2FC.12%2FGC%2F26&Lang=ru (дата обращения: 12.06.2023).
24. Совместное замечание общего порядка № 4 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей и № 23 (2017) Комитета по правам ребенка об обязательствах государств в отношении прав человека детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита и возвращения от 16 ноября 2017 // https://tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 14.06.2023).
25. Нешатаева, Т. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 67.
26. Туманов, В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 89.
27. Гринева, А.В. Понятие и виды судебных правовых позиций: вопросы теории. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М. 2008. С. 8-9.

Дата поступления 15.08.2023

УДК 34.096
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_91

Пестова Т.П.

ДИСТАНЦИОННОЕ (УДАЛЕННОЕ) УЧАСТИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Pestova T.P.

REMOTE PARTICIPATION IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Ключевые слова: *производство по делам об административных правонарушениях, субъекты административной юрисдикции, правосудие по делам об административных правонарушениях, дистанционное (удаленное) участие, видеоконференция, видео-конференц-связь, веб-конференция*

Key words: *proceedings in cases of administrative offenses, subjects of administrative jurisdiction, justice in cases of administrative offenses, remote (remote) participation, videoconference, videoconferencing, web conference*

Аннотация: *Данная работа посвящена исследованию особенностей дистанционного (удаленного) участия в производстве по делам об административных правонарушениях как информационной технологии, способствующей повышению качества работы и прозрачности деятельности субъектов административной юрисдикции, повышению уровня открытости и доступности данного вида административно-юрисдикционного производства*

Цель исследования – изучение специфики процессуальных составляющих дистанционного (удаленного) участия в производстве по делам об административных правонарушениях и разработка предложений по усовершенствованию как действующего законодательства в указанной сфере правоотношений, так и правоприменительной деятельности.

В ходе исследования проводится анализ нормативных правовых актов, составляющих правовую основу производства по делам об административных правонарушениях с дистанционным (удаленным) участием, а также материалов судебной практики и доктринальных источников. Приводится характеристика процессуального порядка использования видео-конференц-связи при проведении судебного заседания. Раскрываются содержание правомочий судьи, рассматривающего дело об административном правонарушении в формате «онлайн-заседания», а также судьи и учреждений, осуществляющих организацию видео-конференц-связи. Обозначены проблемы в сфере правового регулирования дистанционного (удаленного) участия в производстве по делам об административных правонарушениях.

В связи с чем, автором вносятся предложения по внесению изменений и дополнений в КоАП РФ в части определения порядка участия в производстве по делам об административных правонарушениях путем использования системы веб-конференции; закрепления процессуальных правомочий иных чем судья субъектов административной юрисдикции, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях; установления предельных сроков заявления ходатайств об участии в рассмотрении дела в онлайн-режиме и предельных сроков рассмотрения указанного ходатайства

уполномоченным на то субъектом административной юрисдикции; установления процессуального порядка присутствия граждан, не являющихся участниками производства по делу об административном правонарушении, в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования систем видео-конференц-связи или веб-конференции.

Abstract: *This work is devoted to the study of remote (remote) participation in proceedings on administrative offenses as an information technology that helps to improve the quality of work and transparency of the activities of subjects of administrative jurisdiction, increase the level of openness and accessibility of this type of administrative jurisdictional proceedings*

The purpose of the study is to study the specifics of the procedural components of remote (remote) participation in proceedings on cases of administrative offenses and develop proposals for improving both the current legislation in this area of legal relations and law enforcement activities.

The study analyzes the normative legal acts that form the legal basis for proceedings in cases of administrative offenses with remote (remote) participation, as well as materials of judicial practice and doctrinal sources. The characteristic of the procedural order of using video-conferencing during the court session is given. The content of the powers of a judge considering a case of an administrative offense in the format of an «online meeting», as well as a judge and institutions organizing videoconferencing are disclosed. The problems in the field of legal regulation of remote (remote) participation in proceedings on cases of administrative offenses are identified.

In this connection, the author makes proposals for making changes and additions to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of determining the procedure for participation in proceedings on cases of administrative offenses by using the web conference system; fixing the procedural powers of subjects of administrative jurisdiction other than a judge authorized to consider cases of administrative offenses; establishing deadlines for filing petitions for participation in the consideration of a case online and deadlines for consideration of the said petition by an authorized subject of administrative jurisdiction; establishing a procedural order for the presence of citizens who are not participants in the proceedings on an administrative offense in the consideration of a case on an administrative offense by using video-conferencing or web-conferencing systems..

Информационные технологии сегодня – важная и неотъемлемая составляющая жизни современного человека, общества и государства. Сегодня практически ни одна публично-правовая сфера не обходится без тех или иных информационных технологий, посредством которых происходит трансформация способов реализации полномочий органов власти и управления и их должностных лиц (оказание госуслуг в электронном виде, совместная и удаленная работа должностных лиц органов власти и управления через веб-интерфейс, принятие управленческих решений на основании первичных данных, доступных в режиме онлайн с использованием искусственного интеллекта и т.д.). Не является исключением и производство по делам об административных правонарушениях, для которого свойственно использование, например, таких информационных технологий, как электронное извещение участников производства, электронные доказательства, электронная жалоба на постановление по делу об административном правонарушении, а также дистанционное (удаленное) участие в рассматриваемом виде административно-юрисдикционного производства.

Вопросам дистанционного (удаленного) участия в производстве по делам об административных правонарушениях в юридической доктрине уделяется не достаточное внимание. Преимущественно авторами затрагивается процессуальный аспект использования технологий дистанционного (удаленного) участия в уголовном судопро-

изводстве (например, М.А. Юркевич, Е.А. Архипова, Х.Х. Рамалданов, Е.В. Селина и др.), административном судопроизводстве (например, Ф.Н. Багаутдинов, В.А. Маратканова, В.И. Решетняк, Е.С. Смагина, С.В. Тетюев и др.), гражданском судопроизводстве (С.Ф. Афанасьев, Е.В. Бегичева, В.Г. Примак, Е.С. Трезубов, А.Х. Хисамов и др.). Предметом научных изысканий являются также вопросы этического, тактического, организационного, технического характера, влияющих на доступность правосудия для онлайн-участников процесса (Е.А. Борисова, Н. Карпунина, А.Н. Миронов, Ю.В. Миронова, В.И. Романов, Е.С. Трезубов, А.А. Ярков и др.).

В какой-то мере процессуальные и организационно-технические составляющие дистанционного (удаленного) участия в производстве по делам об административных правонарушениях схожи с процессуальными и организационно-техническими составляющими уголовного, административного, гражданского судопроизводства, судопроизводства в арбитражных судах. Но, есть и отличительные черты, обусловленные спецификой производства по делам об административных правонарушениях, в том числе, спецификой субъектного состава, спецификой задач рассматриваемого вида административно-юрисдикционного производства, спецификой его стадий и прочее.

Существование ряда проблем в сфере правового регулирования дистанционного (удаленного) участия в производстве по делам об административных правонарушениях объясняет необходимость научного осмысления правовых установлений в указанной сфере правоотношений и практики их реализации с целью разработки предложений по усовершенствованию как действующего законодательства в указанной сфере правоотношений, так и правоприменительной деятельности.

Методологической основой исследования является материалистическая диалектика, с позиции которой производство по делам об административных правонарушениях рассматривается в контексте современного развития общества и государства.

При исследовании использовались общенаучные методы (системный подход, анализ, синтез, дедукция и индукция, моделирование) и такой частноправовой метод, как формально-юридический.

Производство по делам об административных правонарушениях (далее – ПДоАП), выступая «предметом административной юрисдикции»[1], «является центральным структурным элементом административного процесса»[2], и представляет собой «деятельность наделенных полномочиями органов и должностных лиц по пресечению, рассмотрению и назначению справедливого наказания лицу, которое совершило административное правонарушение и исполнению такого наказания»[3].

ПДоАП состоит из нескольких стадий, в том числе:

1) стадии возбуждения дела об административном правонарушении;

2) стадии рассмотрения дела об административном правонарушении;

3) факультативной стадии – стадии пересмотра постановления по делу об административном правонарушении;

4) стадии исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

При этом, рассмотрение дела об административном правонарушении и пересмотр постановления по делу об административном правонарушении по жалобам и протестам на данное постановление, может осуществляться не только судом, но и различными органами публичной власти и управления (например, ОВД (полицией),

---

[1] Шергин А.П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 142.

[2] Максютин М.В. Теория юрисдикционного процесса: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-социал. ин-та, 2004. 200 с.

[3] Алехин А.П. Административное право РФ: учебник. М.: Зерцало-М, 2003. С. 414.

налоговыми, таможенными органами и пр.) и должностными лицами. Что касается деятельности судов и судей как субъектов административной юрисдикции уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушения, то, по мнению О.В. Панковой, такая деятельность является правосудием по делам об административных правонарушениях[1].

Статья 24.1 КоАП РФ устанавливает перечень задач ПДоАП. Одним из возможных способов их решения является обеспечение возможности дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП, что способствует использованию права на личное участие в ПДоАП, когда реализация этого права по объективным причинам затруднительна (например, удаленность места жительства, длительная командировка, содержание под стражей, маломобильность и пр.[2]). Тем не менее, непосредственное участие в процессе – это фундамент справедливого, объективного и всестороннего рассмотрения и разрешения дела, кроме того, это базовая процессуальная гарантия, которую важно должным образом обеспечивать и необходимо соблюдать[3],[4].

Дистанционное (удаленное) участие в ПДоАП способствует повышению качества работы и прозрачности деятельности субъектов административной юрисдикции, повышению уровня открытости и доступности данного вида административно-юрисдикционного производства. При этом, «улучшение доступности судебной системы – ключевая цель судебных инноваций и реформ»[5].

Выделим характерные особенности дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП.

Во-первых, правовую основу ПДоАП с дистанционным (удаленным) участием составляет прежде всего КоАП РФ (ч. 2.1 ст. 24.3, ч. 4 ст. 26.2, ч. 4 ст. 29.4, ст. 29.14).

В систему подзаконных актов, составляющих правовую основу ПДоАП с дистанционным (удаленным) участием в ПДоАП, входят:

1) Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний[6](далее - Регламент);

2) Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации[7];

3) регламенты и инструкции судов общей юрисдикции и арбитражных судов

---

[1] Панкова О.В. Административное правосудие и административная юстиция в контексте соотношения с правосудием по делам об административных правонарушениях и административной юрисдикцией // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 135.

[2] Дерхо Д.С. Видео-конференц-связь в судебном заседании. СПС КонсультантПлюс, 2023. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023)

[3] По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко: постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023).

[4] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 11.11.2015 № 87-АПГ15-10. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023).

[5] Sung H.-C. Can Online Courts Promote Access to Justice? A Case Study of the Internet Courts in China // Computer Law & Security Review. 2020. Volume 39.URL: https://www.sciencedirect.com (дата обращения: 12.05.2023).

[6] Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе.2016. № 3.

[7] Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций): постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) [первоначальный текст документа опубликован не был]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023).

(см., например Инструкцию для участия в судебном онлайн-заседании АС УО https://fasuo.arbitr.ru/node/16134).

Во-вторых, порядок дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП урегулирован нормами КоАП РФ только в части отправления правосудия по делам об административных правонарушениях.

В-третьих, дистанционное (удаленное) участие в ПДоАП обеспечивается посредством видеоконференции. При этом, нормами КоАП РФ урегулировано использование только такой технологии видеоконференции при дистанционном (удаленном) участии в ПДоАП, как видео-конференц-связи (далее – ВКС).

Что такое ВКС? ВКС характеризуется как способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом (в контексте настоящего исследования процессуальные действия предусматриваются нормами КоАП РФ). ВКС предполагает использование ПТС передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами. При этом, в ПДоАП в качестве абонентов выступают суды и учреждения, указанные в ст. 29.14 КоАП РФ, использующие рассматриваемую технологию для проведения судебных заседаний. Отличительной особенностью системы ВКС от иных технологий видеоконференций является ее «закрытость» (т.е. у участника ПДоАП будет возможность принимать дистанционное (удаленное) участие в рассмотрении дела по существу, но посредством ВКС судов по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения такого участника). Если же участник ПДоАП находится в местах содержания под стражей или местах лишения свободы, то закон допускает использование систем ВКС соответствующих учреждений.

Анализируя данные отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2019, 2020 и 2021 годы (http://www.cdep.ru), можно сделать вывод, что использование ВКС в судебных заседаниях при рассмотрении дел об административных правонарушениях и материалов, рассматриваемых судьями в порядке судопроизводства по КоАП РФ, все более активно набирает оборот.

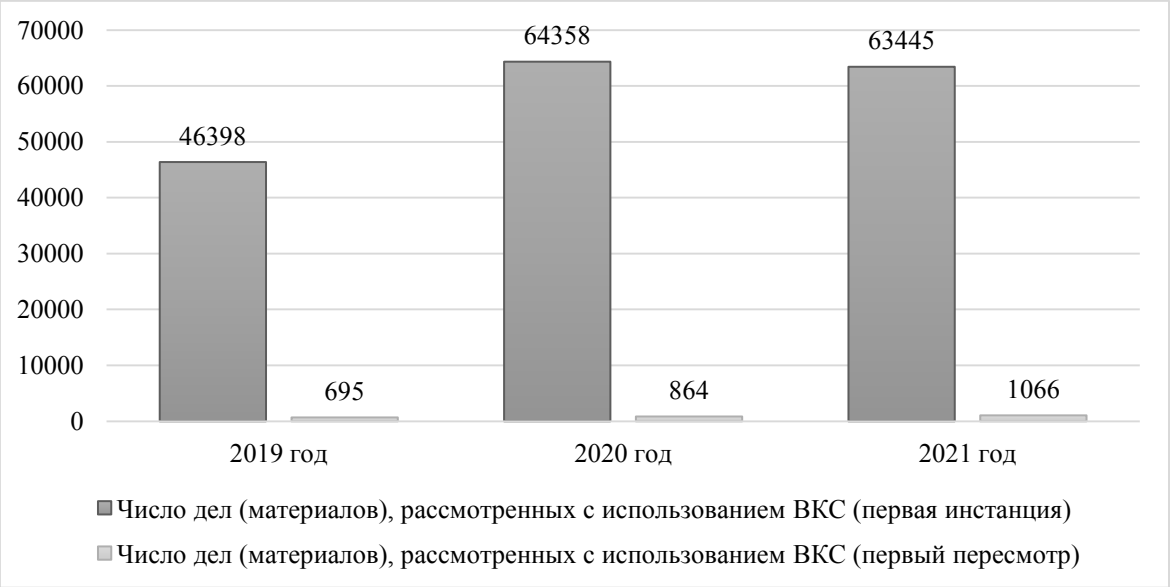

Рисунок 1. *– Использование ВКС в судебных заседаниях при рассмотрении дел об административных правонарушениях и материалов, рассматриваемых судьями в порядке судопроизводства по КоАП РФ в 2019, 2020 и 2021 гг.*

Процессуальный порядок использования ВКС при проведении судебного заседания и правомочия судьи, рассматривающего дело об административном правонарушении в формате «онлайн-заседания», а также судьи и учреждений, осуществляющих организацию видео-конференц-связи, закрепляет ст. 29.14 КоАП РФ.

Так, к правомочиям судьи, рассматривающим дело об административном правонарушении, относятся:

1) признание обязательным присутствие в судебном заседании участника ПДоАП. Данное правомочие также предусмотрено п.2 ч.1 ст. 29.4 КоАП РФ, а перечень участников ПДоАП устанавливают нормы гл. 25 КоАП РФ. Из системного толкования положений гл. 25 КоАП РФ и п.2 ч.1 ст. 29.4 и ч. 1 ст. 29.14 КоАП РФ следует, что рассматриваемое правомочие судьи не может распространяться на прокурора. В то же время, несмотря на то, что в ч.1 ст. 29.14 КоАП РФ акцентируется внимание именно на участников ПДоАП, присутствие которых судья может признать обязательным, тем не менее на практике данная норма интерпретируется расширительно (см., ППВС РФ от 24.03.2005 г. № 5, Определение КС РФ от 29.05. 2007 г. № 346-О-О). Вследствие чего, судьи признают обязательным присутствие в судебном заседании другого субъекта административной юрисдикции – должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, в том числе, как свидетеля (см., например, постановление Шестого КСОЮ от 25.10.2022 № 16-6011/2022);

2) разрешение вопроса об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС участника ПДоАП, присутствие которого в судебном заседании признано обязательным, но который по объективным причинам не имеет возможности прибыть в судебное заседание. Собственная инициатива судьи, либо письменное ходатайство участника ПДоАП – это основания разрешения судьей указанного вопроса. Если судья отказывает в удовлетворении ходатайства, то такой отказ должен быть мотивированным (см., например, решение Мосгорсуда от 19.03.2020 по делу № 7- 3277/2020). Если же судья не разрешает ходатайство, то такое бездействие нарушает право участника ПДоАП на справедливое судебное разбирательство в контексте беспрепятственного доступа к правосудию (см., например, постановление Седьмого КСОЮ от 15.07.2021 № 16-3225/2021, постановление четвертого КСОЮ от 09.09.2022 № П16-2090/2022). Между тем, не требует судебного заседания рассмотрение жалоб и протестов на вступившие в законную силу постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях. В таких случаях основания для удовлетворения ходатайств об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС отсутствуют (см., например, постановление седьмого КСОЮ от 02.03.2022 № 16-590/2022);

3) установление связи с судом и (или) учреждением, в которых используются системы ВКС для обеспечения участия в судебном заседании лица, присутствие которого признано обязательным в судебном заседании. В качестве учреждений, призванных обеспечивать участия в судебном заседании, по смыслу положений, закрепленных в ст. 29.14 КоАП РФ, выступают учреждения, предназначенные для содержания лиц под стражей и учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы. Кроме того, как следует из материалов судебной практики, судья может устанавливать связь и с ЦВСИГ, когда требуется обеспечение участия в судебном заседании участника ПДоАП со статусом иностранного гражданина или лица без гражданства, в отношении которого применена такая мера обеспечения ПДоАП, как содержание в ЦВСИГ (см., например, Постановление Пятого КСОЮ от 09.04.2021 № 16-524/2021). Так как судья, рассматривающий дело об административном правонарушении, должен надлежащим образом организовать проведение судебного заседания с использованием ВКС, то ему следует не только направить заявку об организации проведения судебного заседания в суд и (или) указанные выше учреждения, обеспечивающие ВКС, но и согласовать с ними

дату и время проведения судебного заседания (см., например, Постановление Шестого КСОЮ от 02.03.2022 № 16-1525/2022);

4) вынесение определения об участии в судебном заседании лиц, присутствие которых признано обязательным в судебном заседании, путем использования систем ВКС. В определении должно быть указано, что дело об административном правонарушении подлежит рассмотрению судом с применением системы ВКС, учреждение посредством которого будет организована ВКС и его местонахождение, причины по которым участник ПДоАП не могут явиться для личного участия в рассмотрении дела (см., например, постановление Шестого КСОЮ от 25.10.2022 № 16-6011/2022). Копии такого определения не позднее следующего рабочего дня после дня вынесения определения направляются соответствующим участникам ПДоАП, а также в суд и (или) учреждение, в которых будет организована ВКС. Если указанный порядок не соблюден, то имеет место быть процессуальное нарушение, которое посягает на процессуальные гарантии участников ПДоАП, в связи с чем вынесенный судебный акт не может быть признан законным (см., например, Постановление Пятого КСОЮ от 09.06.2021 № 16-624/2021);

5) вынесение отказа в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС в случаях, если:

– отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании путем использования систем ВКС. Под технической возможностью ВКС понимается «наличие исправного оборудования ВКС, каналов связи достаточной пропускной способности для проведения судебного заседания в режиме ВКС» (абз. 10 п. 1.5 Регламента). Кроме того, согласно п. 1.6 Регламента, техническая возможность проведения судебного заседания в режиме ВКС предполагает оснащенность суда программно-техническими комплексами ВКС и подключение к ведомственной сети передачи данных ГАС «Правосудие»;

– рассмотрение дела об административном правонарушении осуществляется в закрытом судебном заседании. Согласно ч. 2.1 ст. 24.3 КоАП РФ, «использование систем видео-конференц-связи в закрытом судебном заседании не допускается». Из буквального толкования ч. 2.1 ст. 24.3 КоАП РФ следует, что в удовлетворении ходатайства участника ПДоАП об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС может быть отказано только случаях, установленных ч. 6 ст. 29.14 КоАП РФ (см., например, решение Московского городского суда от 20.02.2020 по делу № 7-815/2020). Иные основания отказа нормами КоАП РФ не предусмотрены.

КоАП РФ в ст. 29.14 устанавливает также правомочиям судьи, осуществляющего организацию ВКС:

1) проверка явки и установление личности явившихся для участия в судебном заседании лиц;

2) выполнение иных процессуальных действий (например, берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении их прав и обязанностей; предупреждает данную категорию участников ПДоАП об ответственности за нарушение их обязанностей, предусмотренных КоАП РФ; принимает от участников ПДоАП письменные материалы);

3) направление судье, рассматривающему дело об административном правонарушении, всех документов в установленный КоАП РФ срок (не позднее следующего рабочего дня после дня проведения судебного заседания).

Как уже было отмечено выше, помимо судов, способствующих организации ВКС при проведении судебного заседания, для выполнения аналогичной задачи в ПДоАП могут быть привлечены учреждения, предназначенные для содержания лиц под стражей, либо учреждения, исполняющих наказание в виде лишения свободы в целях обеспечения участия в деле об администра-

тивном правонарушении лиц, находящихся в местах содержания под стражей. Администрации таких учреждений управомочены оказывать техническое содействие судьям, рассматривающим дело об административном правонарушении, в получении подписки у лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы, о разъяснении данной категории лиц их прав и обязанностей, в предупреждении об ответственности за нарушение обязанностей, предписанных КоАП РФ.

Полагаем, что в сфере правового регулирования дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП присутствует ряд проблем, которые ограничивают доступность и открытость данного вида административно-юрисдикционного производства. Выделим некоторые из них.

1. При дистанционном (удаленном) участии в ПДоАП используется такая технология видеоконференции, как ВКС. Процессуальный порядок участия в судебном заседании путем использования систем ВКС законодатель определил, но, за пределами правового установления находятся вопросы использования еще одной технологии видеоконференций – это веб-конференция. Изначально (апрель 2020 года) использование веб-конференции при рассмотрении дел судами стало вынужденной мерой, способствующей противодействию распространения COVID-2019 на территории Российской Федерации. Системы веб-конференции и ВКС использовались при проведении судебных заседаний по делам безотлагательного характера (в том числе, об административных правонарушениях, предусмотренных ч.ч. 3 - 5 ст. 29.6 КоАП РФ) при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства (см. Постановления Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808, от 08.04.2020 № 821 и от 29.042020 № 822). Но, правовые нормы, регулирующие порядок участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, были установлены только в 2021 году Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ, которым были внесены дополнения в такие процессуальные кодексы, как ГПК РФ (ст. 155.2), КАС РФ (ст. 142.1), АПК РФ (ст. 153.2). В КоАП РФ подобная норма введена не была. Кроме того, по сей день в судах не установлен единый порядок применения системы веб-конференции. Технические требования, обеспечивающие участие в судебном заседании с использованием системы веб-конференции суды устанавливают самостоятельно. К таким требованиям можно отнести, например, наличие «рабочего места» участника ПДоАП (компьютер, ноутбук, мобильное устройство или т.п., подключенные к сети Интернет), учетной записи участника ПДоАП, подтвержденной в единой системе идентификации и аутентификации, личного кабинета ЕПГУ, а также иные технические требования (см. например, Рекомендации по организации судебных заседаний с использованием системы веб-конференции во Втором арбитражном апелляционном суде (https://2aas.arbitr.ru) или Справочную информацию Первого кассационного суда общей юрисдикции «Веб-конференция» (https://1kas.sudrf.ru). Полагаем, что в данной ситуации речь идет о реальном пробеле, возникшем по субъективной причине. На законодательном уровне все-таки следовало бы установить правовые нормы, регулирующие порядок участия в ПДоАП путем использования системы веб-конференции, а на уровне подзаконного нормотворчества Судебного департамента при Верховном Суде РФ разработать и принять Регламент организации применения веб-конференции при подготовке и проведении судебных заседаний.

2. Несмотря на отсутствие законодательного дозволения использовать дистанционное (удаленное) участие в ПДоАП иными чем суды субъектами административной юрисдикции, такой способ участия в ПДоАП применяется органами и должностными лицами, причем не только на стадиях рассмотрения дела об административном

правонарушении и стадии пересмотра постановления по делу об административном правонарушении, но и на стадии возбуждения дела об административном правонарушении. При этом суды делают выводы о том, что нарушения положений КоАП РФ в этом случае отсутствуют (см., например, постановление АС Московского округа от 15.02.2023 № А40-91024/2021), что «исходя из анализа ст. 29.14 КоАП РФ не следует запрета на составление протокола административным органом с помощью систем ВКС, как не следует отнесения данного способа рассмотрения дела об административном правонарушении исключительно судами» (см, например, постановление Девятого ААС от 21.03.2022 № 09АП-7011/2022 по делу № А40-207320/2021). Такая интерпретация на наш взгляд не бесспорна. В ст. 29.14 КоАП РФ законодатель определяет порядок дистанционного (удаленного) участия именно в судебном заседании, устанавливает правомочия именно суда, как субъекта административной юрисдикции, рассматривающего дело об административном правонарушении. Полагаем, что расширительное толкование положений, которые в настоящее время закреплены данной статьей, не допустимо. Но, в целях обеспечения должного правового регулирования рассматриваемых правоотношений и устранения реального пробела следует в ст. 29.14 КоАП РФ закрепить процессуальные правомочия иных, чем судья, субъектов административной юрисдикции, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

3. Наличие исправного оборудования ВКС, каналов связи достаточной пропускной способности для проведения судебного заседания в режиме ВКС (т.е. наличие технической возможности), является одним из обязательных условий использования судами систем ВКС (абз. 10 п. 1.5 Регламента). Но, в п. 1.6 Регламента указывается не только на наличие технической, но и организационной возможности проводить судебные заседания в режиме ВКС судами, оснащенными программно-техническими комплексами ВКС и подключенными к ведомственной сети передачи данных ГАС «Правосудие». Вместе с тем, отсутствие у суда организационной возможности проводить судебные заседания в режиме ВКС не является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС, что следует из положений, предусмотренных ч. 6 и 7 ст. 29.14 КоАП РФ. Неверное толкование указанных норм приводит к нарушению процессуальных гарантий участников ПДоАП. Так, например, загруженность залов судебных заседаний оборудованных системами ВКС – это отсутствие у суда организационной возможности проводить судебные заседания в режиме ВКС. Когда суды отказывают в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС, со ссылкой на загруженность залов судебных заседаний оборудованных системами ВКС, такой отказ не может быть признан основанным на правильном применении ч. 6 и 7 ст. 29.14 КоАП РФ и Регламента (см., например, постановление четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 г. по делу № П16-5350/2022). И.М. Шевченко, с позицией которого мы солидарны, предлагает рассматривать отказ в удовлетворении ходатайства в качестве процессуального нарушения, которое может повлечь отмену судебного акта[1]. Полагаем, что решению обозначенной проблемы способствовали бы разъяснения Верховного Суда РФ, как «действенная помощь судам в правильном толковании и применении закона»[2].

[1] Шевченко И.М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы // Российский судья. 2020. № 10. С. 9.

[2] Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/11552/(дата обращения: 12.05.2023).

4. Нормы КоАП РФ не устанавливают предельные сроки подачи ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС. Возникают ситуации, когда участник ПДоАП может заявить ходатайство буквально накануне судебного заседания. При этом, согласно ч.2 ст. 24.4 КоАП РФ, такое ходатайство, равно как и любое другое ходатайство, подлежит немедленному рассмотрению. В силу того, что организация дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП объективно требует определенного времени, а потому судье не всегда удается решить такие вопросы «немедленно», как только поступило данное ходатайство, «суды, утверждая регламенты организации судебных онлайн-заседаний, самостоятельно устанавливают сроки рассмотрения ходатайства, исходя из специфики деятельности каждого»[1]. В данной ситуации речь идет о мнимом пробеле, так как рассматриваемые процессуальные отношения находится вне пределов правового регулирования, обеспечиваемого КоАП РФ, но, в действительности правовое регулирование данных правоотношений осуществляется регламентами судов. Как мы полагаем, в целях обеспечения единства практики применения, именно на законодательном уровне важно установить предельные сроки заявления ходатайства об участии в рассмотрении дела в онлайн-режиме и предельные сроки рассмотрения указанного ходатайства уполномоченным на то субъектом административной юрисдикции.

5. В настоящее время в КоАП РФ остается неурегулированным вопрос о допуске на заседание по делу об административном правонарушении граждан, не являющихся участниками ПДоАП (слушателям), но желающих присутствовать на нем онлайн. Согласно ст. 123 Конституции РФ разбирательство дел во всех судах открытое; слушание в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом. Федеральный закон «Об обеспечения доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» позволяет слушателю присутствовать в открытом судебном заседании (ст. 12). Принцип открытого рассмотрения дел об административных правонарушениях закреплен ст. 24.3 КоАП РФ. Согласно ч. 3 ст. 24.3 КоАП РФ граждане, присутствующие при открытом рассмотрении дела об административном правонарушении, имеют право фиксировать ход рассмотрения дела об административном правонарушении в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи. При этом, как разъясняет Верховный Суд РФ, «допускается осуществление видеотрансляции хода судебного разбирательства в сети Интернет» (п.п. 12, 13 ППВС РФ от 13.12.2012 № 35). Но, руководствуясь ст. 29.14 КоАП РФ и используя буквальный способ толкования правовых норм указанной статьи в части определения круга лиц, которые имеют право на дистанционное (удаленное) участие в ПДоАП, суды отказывают слушателям в удовлетворении ходатайств о предоставлении возможности присутствовать в судебном заседании путем использования системы ВКС, полагая, что оснований для удовлетворения данного ходатайства в соответствии со ст. 29.14 КоАП РФ не имеется, поскольку слушатели не являются участниками ПДоАП (см., например, решение ВС Республики Башкортостан от 02.09.2020 по делу № 21-825/2020). Считаем, что отсутствие в ст. 29.14 КоАП РФ указания на возможность присутствия слушателей в «онлайн-заседаниях», ограничивает реализацию принципа открытого рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Таким образом, если говорить о качестве правового регулирования дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП, то пока оно оставляет желать лучшего. Так, в ходе исследования специфики правового

[1] Потеева А.В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки // Арбитражные споры. 2021. № 2. URL: https://arbspor.ru/articles/484/ (дата обращения: 12.05.2023).

регулирования дистанционного (удаленного) участия в ПДоАП выявлены некоторые проблемы (преимущественно это мнимые и реальные пробелы), которые, предлагается устранить следующим образом:

1. В статью 29.14 КоАП РФ следует внести изменения в название указанной статьи и в ее текст, исключив словосочетание «в судебном заседании», заменив на словосочетание «в рассмотрении дела об административном правонарушении». Также в ст. 29.14 КоАП РФ следует предусмотреть процессуальные правомочия иных, чем судья, субъектов административной юрисдикции, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

2. Статью 29.14 КоАП РФ следует дополнить:

а) частью 1.1, устанавливающей процессуальный порядок присутствия граждан, не являющихся участниками ПДоАП;

б) частью 1.2, устанавливающей требование как о предельных сроках заявления ходатайства об участии в рассмотрении дела в онлайн-режиме, так и предельных сроках рассмотрения указанного ходатайства уполномоченным субъектом административной юрисдикции.

3. КоАП РФ следует дополнить ст. 29.15 «Участие в рассмотрении дела об административном правонарушении путем использования системы веб-конференции», которая должна регламентировать процессуальный порядок использования веб-конференции при рассмотрении дела об административном правонарушении и правомочия субъекта административной юрисдикции (судьи, органа, должностного лица), рассматривающего дело об административном правонарушении.

Полагаем, что указанные выше предложения по усовершенствованию норм действующего КоАП РФ, могут способствовать обеспечению процессуальной гарантии права на личное участие в ПДоАП и повышению качества работы и прозрачности деятельности субъектов административной юрисдикции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

2. Об обеспечения доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 2008. 26 декабря.

3. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3.

4. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций): постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) [первоначальный текст документа опубликован не был]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023)

5. По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко: постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023)

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 11.11.2015 № 87-АПГ15-10. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023)

7. Алехин, А.П. Административное право РФ: учебник / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий. М.: Зерцало-М, 2003. – 608 с.

8. Дерхо, Д.С. Видео-конференц-связь в судебном заседании / Д.С. Дерхо. СПС КонсультантПлюс, 2023. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.05.2023)

9. Демидов, В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации / В.В. Демидов. URL: https://www.vsrf.ru/files/11552/(дата обращения: 12.05.2023)

10. Максютин, М.В. Теория юрисдикционного процесса: учеб.-метод. пособие / М.В. Максютин. – М.: Изд-во Моск. психолого-социал. ин-та, 2004. 200 с.

11. Панкова, О.В. Административное правосудие и административная юстиция в контексте соотношения с правосудием по делам об административных правонарушениях и административной юрисдикцией / О.В. Панкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 135-139.

12. Потеева, А.В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки / А.В. Потеева // Арбитражные споры. 2021. № 2. URL: https://arbspor.ru/articles/484/ (дата обращения: 12.05.2023)

13. Шергин, А.П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса / А.П. Шергин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 140-147.

14. Шевченко, И.М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы / И.М. Шевченко // Российский судья. 2020. № 10. С. 7-12.

15. Шувалова, М. Электронное правосудие в России: новый этап / М. Шувалова. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 12.05.2023)

16. Sung H.-C. Can Online Courts Promote Access to Justice? A Case Study of the Internet Courts in China // Computer Law & Security Review. 2020. Volume 39. URL: https://www.sciencedirect.com (дата обращения: 12.05.2023)

Дата поступления: 14.05.2023

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.4
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_103

Маштаков И.В.

ЗАМЕЩАЮЩАЯ СДЕЛКА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Mashtakov I.V.

A SUBSTITUTE TRANSACTION IN THE PERFORMANCE OF A CONTRACTUAL OBLIGATION

Ключевые слова: *замещающая сделка; исполнение обязательства; неисполнение обязательства; ненадлежащее исполнение; расторжение договора; досрочное прекращение; возмещение убытков; первоначальный договор; аналогичный договор; кредитор; должник; причинно-следственная связь; разумный срок.*

Keywords: *replacement transaction; performance of an obligation; non-performance of an obligation; improper performance; termination of the contract; early termination; compensation for losses; original contract; similar contract; creditor; debtor; causal relationship; reasonable time.*

Аннотация: *актуальность представленной для исследования темы обусловлена отсутствием легального определения замещающей сделки в гражданском законодательстве Российской Федерации. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит только указания на возможность заключения аналогичного договора взамен прекращенного.*

В настоящей научной статье предметом исследования стали нормы ГК РФ, устанавливающие право кредитора на заключение замещающей сделки.

Цель исследования – выявить особенности правового понимания замещающей сделки на основе норм ГК РФ и её судебного толкования при исполнении обязательства.

При написании данной статьи были использованы общенаучные формально-логические методы исследования: анализ, синтез, обобщение; специальные методы: формально-юридический, а также сравнительно-правовой методы исследования, применяемые при характеристике и анализе основных положений ГК РФ в области правового регулирования замещающих сделок.

В работе анализируются отдельные статьи ГК РФ, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволяющие определить правовое назначение замещающих сделок и порядок их применения в гражданском праве.

В работе делаются выводы: о широком и узком понимании замещающей сделки, исходя из которого выводятся их определения, общие и отличительные признаки; о возможности использования в гражданском обороте варианта частичного замещения сделки; о преемственности в правовом регулировании замещающей сделки нормами ГК РФ; о целевом направлении совершенствования института замещающей сделки в гражданском законодательстве Российской Федерации.

Abstract: *the relevance of the topic presented for research is due to the lack of a legal definition of a substitute transaction in the civil legislation of the Russian Federation. The Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation) contains only indications of the possibility of concluding a similar contract to replace the terminated one.*

In this scientific article, the subject of the study was the norms of the Civil Code of the Russian Federation, establishing the right of the creditor to conclude a substitute transaction.

The purpose of the study is to identify the features of the legal understanding of a substitute transaction based on the norms of the Civil Code of the Russian Federation and its judicial interpretation in the performance of an obligation.

When writing this article, general scientific formal-logical research methods were used: analysis, synthesis, generalization; special methods: formal-legal, as well as comparative-legal research methods used in the characterization and analysis of the main provisions of the Civil Code of the Russian Federation in the field of legal regulation of substitute transactions.

The paper analyzes individual articles of the Civil Code of the Russian Federation, the guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, allowing to determine the legal purpose of substitute transactions and the procedure for their application in civil law.

The paper draws conclusions: about the broad and narrow understanding of the substitution transaction, based on which their definitions, common and distinctive features are derived; about the possibility of using the option of partial substitution of the transaction in civil circulation; about the continuity in the legal regulation of the substitution transaction by the norms of the Civil Code of the Russian Federation; about the target direction of improving the institution of the substitution transaction in the civil legislation of the Russian Federation.

Действующая долгое время в российском гражданском законодательстве статья 524 ГК РФ наглядно показывала и показывает до сих пор, как может применяться одна сделка взамен другой, чтобы обязательство, на исполнение которого рассчитывал кредитор, было, наконец, исполнено и ожидаемый кредитором правовой результат от первоначальной сделки, в конечном итоге, всё-таки был достигнут. Причём, правила ст. 524 ГК РФ сформулированы таким образом, что в качестве кредитора, имеющего право заключить сделку взамен расторгнутого договора, может выступить как поставщик, так и покупатель, в зависимости от того, кто из них не исполняет обязательство по отношению к другой стороне или исполняет его ненадлежащим образом, в результате чего поставщик вынужден продавать товар другому покупателю по более низкой цене или покупатель вынужден покупать товар у другого поставщика по более высокой цене (п.п. 1 и 2 ст. 524 ГК РФ).

В практической плоскости возникает вопрос о возможности распространения действия ст. 524 ГК РФ на договоры купли-продажи. В связи с этим, следует обратить внимание на то, что положения ст. 524 ГК РФ, содержащиеся в параграфе 3 главы 30 ГК РФ («Поставка товаров») являются специальными по отношению к положениям параграфа 1 главы 30 ГК РФ («Общие положения о купле-продаже»). А по общему правилу, только параграф 1 главы 30 может применяться к остальным параграфам этой же главы (п. 5 ст. 454 ГК РФ), но не наоборот. Тем более, что нигде в параграфе 3 главы 30 ГК РФ не сказано о распространении его правил на договоры купли-продажи. Можно предположительно рассуждать о применении положений ст. 524 ГК РФ к договорам купли-продажи по аналогии (ст. 6 ГК РФ),

однако существует судебная практика, которая относится к этому критически, как при нарушении договора продавцом (Постановление ФАС Центрального округа от 18.02.2005 № А35-351/03-С9), так и при нарушении договора покупателем (Постановление ФАС Поволжского округа от 26.08.2011 по делу № А65-28882/2010). Каких-либо иных оснований для характеристики ст. 524 ГК РФ в качестве общей для договоров купли-продажи мы не находим.

О том, что сделка взамен расторгнутого договора поставки характеризуется как «замещающая», указывалось в юридической литературе[1]. Применение правил, предусмотренных п.п. 1 и 2 ст. 524 ГК РФ, не является обязательным для сторон, поскольку для каждой из них замещающая сделка может оказаться экономически невыгодной или вообще недостижимой, например, вследствие того, что покупатель больше не найдёт такого поставщика из-за ограничения поставок товара подобного наименования и ассортимента. В свою очередь, поставщик может быть так завязан на долгосрочные поставки именно с конкретным покупателем, что искать другого окажется бесперспективным занятием. На подобного рода обстоятельства указывалось и в юридической литературе, когда предприниматель, соблазняющийся на замещающую сделку, вынужден идти на неоправданный для себя риск и «под свою ответственность»[2].

Положения ст. 524 ГК РФ практически развивают положения ст.ст. 75-76 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров[3], где используется формулировка «покупатель купил товар взамен или продавец перепродал товар», смысл которой также указывает на замещающий характер возможных сделок.

Помимо ст. 524 ГК РФ, о замещающем характере сделки всегда свидетельствовали правила п.п. 2 и 3 ст. 715 ГК РФ. Речь идёт о правах заказчика при исполнении подрядного обязательства, когда подрядчик не оправдывает ожидания заказчика настолько, что последнему предоставлено право расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков. Несмотря на то, что п. 2 ст. 715 ГК РФ напрямую не говорит о характере возмещения убытков именно в связи с замещающей сделкой, такой вывод становится очевидным, если заказчик после вынужденного расторжения договора обратиться в разумный срок к другому подрядчику и на случай спора в суде заказчик докажет, что сделка с новым подрядчиком имела острую необходимость только потому, что не исполнялась предыдущая сделка с прежним подрядчиком. В качестве оснований расторжения первоначального договора подряда в этом случае выступают такие нарушения со стороны подрядчика, когда он вовсе не приступает к работе либо приступив к ней, выполняет её настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным.

О более конкретном праве на совершение замещающей сделки говорит п. 3 ст. 715 ГК РФ, когда нарушение со стороны подрядчика связано уже не со сроком исполнения, а с качеством выполняемой работы и недостатки, допущенные подрядчиком, уже стали очевидны для заказчика. На случай игнорирования подрядчиком требований заказчика об устранении таких недостатков, заказчику предоставлено право на расторжение договора и право требовать, в связи с этим, возмещения убытков. Не трудно догадаться, что в таком случае большинство заказчиков вынуждены будут обращаться к другому подрядчику и заключать с ним замещающую сделку. Тем более, что сам п. 3 ст. 715 ГК РФ допускает именно такой вариант развития событий,

---

[1] Горлов В.А. Ответственность за нарушения условий договора международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2000. № 6. С. 12-14.

[2] Каримуллин Р.И. Отказ от предоставления или получения кредита // Право и экономика. 2000. № 6. С. 3-11.

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

используя формулировку «либо поручить исправление работ другому лицу за счет подрядчика».

В юридической литературе указывается на то, что п. 3 ст. 715 ГК РФ является специальным случаем применения общего правила, предусмотренного ст. 397 ГК РФ[1]. Данная норма говорит о праве кредитора в разумный срок поручить выполнение обязательства третьим лицам за разумную цену и потребовать от должника возмещения понесенных необходимых расходов и других убытков. Основанием применения такого права по смыслу ст. 397 ГК РФ выступает факт неисполнения обязательства со стороны должника. Видимо ничто не помешает кредитору применять это правило и в случае ненадлежащего исполнения обязательства должником, поскольку факт неисполнения обязательства в целом может складываться из множества фактов его исполнения ненадлежащим образом, что и приводит к недостижению цели исполнения обязательства в общем виде.

Следует обратить внимание на то, что ст. 397 ГК РФ напрямую не говорит о таком последствии реализации предусмотренного в ней права кредитора, как расторжение договора. Но в юридической литературе высказывается мнение, что какое-либо другое последствие реализации права по ст. 397 ГК РФ, как только расторжение договора, трудно себе представить[2]. Попробуем на этот счёт высказать свои сомнения по поводу однозначности такого утверждения.

На наш взгляд, задумка законодателя была изначально направлена не на такое кардинальное решение вопроса со стороны кредитора, как только расторжение договора. Видимо теоретически законодатель пытался оставить в формулировке ст. 397 ГК РФ поле для свободы выбора со стороны кредитора – расторгать или не расторгать договор. Приведённая ранее формулировка п. 3 ст. 715 ГК РФ «отказаться от договора подряда либо поручить исправление работ другому лицу» свидетельствует о том, что при наличии возможности сохранить договор подряда в целом, можно заключить с другим подрядчиком договор, например, на выполнение только части работ от того общего объёма, который предусмотрен первоначальным договором. Таким образом, заказчик решает проблему исправления недостатков от конкретного вида (части) работ, преследуя цель «проучить» неисправного подрядчика, показав ему пример надлежащего выполнения работ другим подрядчиком. Несмотря на практические трудности, которые могут возникнуть при конкуренции прав и интересов двух разных подрядчиков, теоретически такая ситуация представляется нам допустимой. Вопрос, будет ли в этом случае параллельная сделка подряда носить замещающий характер, можно оставить открытым, претендуя на применение такого положения, как «замещение части сделки» или «частично замещающая сделка».

Отталкиваясь от анализа ст.ст. 524, 715 и 397 ГК РФ, можно сделать вывод, что понятие «замещающая сделка» всегда имело место в нашем отечественном гражданском законодательстве, другое дело, что именно такая формулировка – замещающая сделка – использовалась в большей мере только доктринально, не имея чёткого легального закрепления.

Новую волну интереса к такого рода сделкам принесла вступившая в силу с 1 июня 2015 года статья 393.1 ГК РФ «Возмещение убытков при прекращении договора»[3], которая также, как и ранее указан-

[1] Южанин Н.В. Исполнение обязательства за счет должника // Нотариус. 2021. № 8. С. 30-33.

[2] Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330 - 333, 380 - 381, 382 - 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Архипова, В.В. Байбак, С.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1582 с.; С. 1139.

[3] Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

ные нами статьи 524, 715 и 397 ГК РФ, не использует напрямую выражение «замещающая сделка». Нормы ст. 393.1 ГК РФ регулируют правила возмещения убытков в зависимости от того, заключил или не заключил кредитор аналогичный договор взамен прекращенного договора. Вступление указанной статьи в силу вызвало большой ажиотаж в юридической литературе и выражение «замещающая сделка» стало использоваться гораздо чаще[1], выступая предметом не только научных дискуссий, но и судебного толкования[2]. Масло в огонь научных дискуссий подлило Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7[3], в котором аналогичная сделка взамен прекращённого договора прямо названа как «замещающая» (п.п. 11-14). Правда, в юридической литературе было сразу обращено внимание на непоследовательность применения терминологии в отношении правила ст. 393.1 ГК РФ, в частности, что статья использует выражение «аналогичный договор», а Пленум ВС РФ использует выражение «аналогичная (замещающая) сделка»[4].

Видимо ВС РФ исходил из того, что заключение замещающей сделки не обязательно предполагает документальное оформление соглашения сторон, поскольку, можно совершить конклюдентные действия, свидетельствующие, например, о желании приобрести аналогичные товары у другого продавца взамен неполученных от своего контрагента[5]. В связи с этим, представляется более правильным использовать выражение «совершение» замещающей сделки, а не её заключение, поскольку выражение «заключение» в большей мере подходит для договора, нежели для сделки. Но так, как Пленум ВС РФ использует выражение «заключение замещающей сделки», в наших рассуждениях мы будем придерживаться такой же терминологии.

Таким образом, следует признать, что выражение «замещающая сделка» по-прежнему, не имеет прямого законодательного закрепления, но рассматривается и квалифицируется в таком качестве в руководящих разъяснениях Пленума ВС РФ применительно к праву пострадавшей стороны на возмещение убытков. Поэтому, на сегодняшний день приходится выводить понятие замещающей сделки, исходя из представленных её характеристик в отдельных нормах гражданского законодательства и положениях Пленума ВС РФ.

О том, что ст. 393.1 ГК РФ не имеет прямой цели раскрывать понятие замещающей сделки, говорит то обстоятельство, что данная норма закона предусматривает для кредитора возможность возмещения так называемых абстрактных убытков, когда замещающая сделка вообще не заключалась и у кредитора есть право на реализацию такой возможности [6]. Говорить о заключении замещающей сделки как об обязанности приходится только в контексте обвинения кредитора в его недобросовестности, когда он способствует увеличению своих убытков, не используя право на замещающую сделку[7].

---

[1] Байбак В.В. Возмещение убытков при прекращении договора и вина кредитора // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 119-131.

[2] Витрянский В.В. Судебное толкование некоторых новелл об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение // Хозяйство и право. 2017. № 3 (Приложение). С. 3-48.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

[4] Соломин С.К., Соломина Н.Г. К вопросу о достоверности «нового» механизма возмещения убытков при прекращении договора // Закон. 2017. № 2. С. 114-120.

[5] Курин И.Ю., Подгайная А.И. Способы осуществления права на односторонний отказ от договора: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 51-56.

[6] Белов В.А. Особенности убытков слабой стороны в потребительском договоре: виды и способы расчетов убытков потребителя // Право и экономика. 2023. № 2. С. 44-53.

[7] Егоров А.В. Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от

Если рассуждать применительно к реализации права на возмещение убытков по ст. 393.1 ГК РФ, то первоначальный договор обязательно должен быть прекращён, причём досрочно. Об этом же говорит и ст. 524 ГК РФ, используя выражение «после расторжения договора». И только ст. 715 ГК РФ предполагает исправление работ за счёт подрядчика, не устанавливая условия обязательного расторжения договора подряда. Возникает вопрос, обязательно ли всё-таки для придания новой сделке статуса замещающей расторгать или считать прекращённой первоначальную сделку? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, зависит от того, какой смысл мы пытаемся вложить в понятие замещающей сделки с точки зрения ожидаемого от неё результата, желаемого последствия и достигаемой при этом цели её использования.

Если мы определяем замещающую сделку с позиции применения правила о возмещении убытков, то логично говорить о расторжении первоначального договора, иначе невозможно будет рассчитать свои имущественные потери, поскольку первоначальный контрагент не потерян ещё и сам. Если же мы пытаемся определить замещающую сделку как юридический факт, необходимый к наступлению взамен первоначальной сделки, не думая о возмещении убытков, то на наш взгляд, ничего не мешает заключению замещающей сделки и до расторжения первоначального договора или до его досрочного прекращения. Например, в рамках исполнения договора поставки «в настоящий момент суды чаще всего допускают взыскание убытков в виде превышения цены товара, даже если на момент заключения замещающей сделки первоначальный договор поставки не расторгнут»[1].

Следует обратить внимание на то, что ст. 393.1 ГК РФ говорит о праве кредитора, а не о его обязанности требовать возмещения убытков вообще. Если представить ситуацию, что кредитор не заинтересован взыскивать с первоначального должника убытки, но его интересует замещающая сделка постольку, поскольку ему она представляется наиболее перспективной и доходы от замещающей сделки с новым контрагентом более заманчивы, нежели с предыдущим партнёром. Ожидаемый результат кредитора от замещающей сделки в этой ситуации вполне может перекрыть первоначально ожидаемый результат[2]. Если смотреть со стороны покупателя, то новые поставки товара могут оказаться более высокого качества, чем прежние, что скажется на объёме их дальнейшей реализации. А если смотреть со стороны поставщика, то новый покупатель ранее не оплачиваемого товара по договору поставки может оказаться более платёжеспособным, например, на авансирование будущих поставок[3]. Таким образом, почему такую сделку, которая была заключена ещё до расторжения первоначального договора или его досрочного прекращения, нельзя назвать по своему ожидаемому результату, желаемому последствию и достигаемой цели использования замещающей? Каких-либо юридически оправданных препятствий для этого мы не наблюдаем.

По смыслу ст. 393.1 ГК РФ между расторжением старого договора и заключением нового должна быть установлена причинно-следственная связь, иначе есть риск считать новую сделку не замещающей, а самостоятельной. Замещающей сделкой может быть, например, подряд на выполне-

договора // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 28-65.

[1] Каблучков А. Как рассчитать убытки за некачественное исполнение договора // Юридический справочник руководителя. 2021. № 9. С. 11-22.

[2] Торкин Д.А. Взыскание убытков в виде неполученной прибыли в США // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 242-267.

[3] Косцов В.Н., Сирота А.Н. Запрет взыскания авансовых платежей: критический анализ складывающегося подхода // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 96-155.

ние тех же работ, но другим подрядчиком, приобретение тех же товаров у другого поставщика, аренда другого помещения взамен непереданного. В приведённых примерах мы не можем увидеть обязательности выполнения условия расторжения первоначального договора, а причинно-следственная связь между прежней и новой сделкой может не обязательно подтверждаться именно этим фактом. Связь между этими сделками имеет место хотя бы потому, что новая сделка достигает той же цели использования, влечёт те же желаемые последствия и ожидаемый результат, которые преследовала первоначальная сделка. Поэтому статус расторгнутости или прекращённости для первоначальной сделки, на наш взгляд, вовсе не обязателен. Ничто не мешает расторгнуть или досрочно прекратить первоначальные договорные отношения уже после заключения замещающей сделки. Более того, захочет ли кредитор по смыслу ст. 393.1 ГК РФ воспользоваться своим правом на возмещение убытков после заключения замещающей сделки, остается на его усмотрение. Если захочет, то ему необходимо расторгнуть предыдущий договор. Если не захочет, то нет необходимости его расторгать, потому что замещающая сделка его к этому не призывает сама по себе, к этому может призывать только желание возместить свои убытки с прежнего должника. В противном случае, нам пришлось бы рассуждать так: пока не расторгнут прежний договор, заключение взамен аналогичного не придаёт последнему статус замещающей сделки, но как только расторжение или досрочное прекращение состоится, то этот статус автоматически появляется. На наш взгляд, можно утверждать, что в таком случае (после расторжения прежнего договора) появляется не статус замещающей сделки у нового договора, а право, предусмотренное ст. 393.1 ГК РФ на возмещение убытков по факту уже ранее случившегося замещения.

Может показаться, что если не расторгнуть первоначальный договор, взамен которого заключена замещающая сделка, то теряется смысл самого замещения – возмещение убытков. Действительно, смысл замещения по ст. 393.1 ГК РФ состоит именно в этом. Поэтому, если рассматривать понятие замещающей сделки, у которой ожидаемый результат, желаемое последствие и достигаемая цель использования заключаются именно в возмещении убытков, то её определение должно содержать соответствующие признаки. Например, замещающей сделкой следует считать такую сделку, которая заключается взамен досрочно прекращённого договора вследствие его неисполнения или ненадлежащего исполнения со стороны должника и преследует цель возмещения кредитором убытков, возникших вследствие такой замены. Если же кредитор не преследует цель возмещения убытков или вовсе не желает расторжения первоначального договора, то замещающая сделка может быть определена более широко, например, как сделка, заключаемая кредитором вследствие нарушения условий первоначального договора должником, но преследующая цель достижения более очевидной для кредитора имущественной выгоды и позволяющая при этом сохранить первоначальный договор с прежним должником. Сохранение первоначального договора предоставляет первоначальному должнику шанс устранить последствия нарушений со своей стороны и доказать кредитору свою состоятельность для дальнейшего исполнения обязательства[1]. Ожидаемый результат и желаемое последствие от такой замещающей сделки для кредитора – простимулировать первоначального должника к надлежащему исполнению своего обязательства и недопущению в дальнейшем со его стороны нарушения всего спектра условий такого обязательства. Также следует обратить внимание на то, что в широком понимании замещающей сделки будет не уместно уже использо-

[1] Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex russica. 2016. № 8. С. 21-32.

вать слово «взамен», которое однозначно предполагает расторжение первоначального договора до или после замещающей сделки.

Вот здесь, на наш взгляд, как раз и применима формулировка п. 3 ст. 715 ГК РФ «отказаться от договора подряда либо поручить исправление работ другому лицу». Когда первоначальный подрядчик рискует потерять договор подряда в целом, он будет заинтересован в том, чтобы новый подрядчик не перехватил у него заказчика на весь объём выполняемых работ, а замещающая сделка с другим параллельным подрядчиком коснулась только той части работ, которые первоначальный подрядчик выполнил с недостатками. Поэтому уместно говорить о замещении новой сделкой не всей первоначальной, а только её части – «замещение части сделки» или «частично замещающая сделка». Таким же образом можно представить договор поставки, в котором покупателя перестало устраивать качество одного из комплектующих в поставляемом наборе технически сложного товара, например поршней для двигателя от автомобиля, вследствие чего покупатель заключил замещающую сделку с другим поставщиком именно только на данную позицию. Не желая терять рынок сбыта, первоначальный поставщик предпримет все необходимые меры, чтобы качество его товара сподвигло покупателя вернуть заказы на утраченную позицию в действующей комплектации, учитывая, что покупатель изначально и сам не был заинтересован в полном прекращении частично заменяемого договора поставки и полного разрыва отношений с первоначальным поставщиком[1].

Рассуждая далее о понятии замещающей сделки в узком смысле (имеющей целью прекращение договора и возмещение убытков), из буквального прочтения правил ст. 393.1 ГК РФ нельзя сделать однозначный вывод, что законодатель имел ввиду заключение аналогичного взамен прекращенного договора в строгой последовательности. Когда кредитор заключил аналогичный договор и когда произошло досрочное прекращение первоначального, по нашему мнению, принципиального значения не имеет. На наш взгляд, разрыв во времени независимо от последовательности расторжения прежнего договора и заключения замещающей сделки (и наоборот), может быть привязан к разумному сроку хотя бы потому, что кредитор при заключении замещающей сделки должен действовать добросовестно и разумно (п. 5 ст. 10 и п. 3 ст. 307 ГК РФ). Главное, чтобы сделка была заключена взамен неисполненного или ненадлежащее исполненного договора и предметы обоих договоров были сопоставимы. Это значит, что исполнение по новому договору должно быть аналогичным или похожим по исполнению с первоначальным договором. В частности, товары должны быть близкими по количественным, качественным и иным характеристикам[2].

Причинно-следственная связь, необходимая между первоначальным договором и замещающей сделкой, выражается главным образом ещё и в том, что первоначальный договор был прекращен в связи с нарушением обязательства, которое вызвало заключение этой замещающей сделки. Таким образом, момент прекращения первоначального договора не так важен. Замещающий договор можно заключить и до этого. Главное, чтобы впоследствии прекращение состоялось из-за нарушения обязательства должником (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7).

Такие выявленные признаки (условия) замещающей сделки в узком её понимании как сопоставимость предмета, разумный

---

[1] Фонотова О.В. Цепочки поставок в международном деловом обороте: правовая характеристика // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 157-165.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-7159 по делу № А40-49262/2018 // СПС КонсультантПлюс. 2023.

срок заключения и причинно-следственная связь между первоначальным и аналогичным договорами являются также актуальными и для замещающей сделки в широком понимании. Только нет главной цели использования – взамен первоначального договора с его предшествующим или последующим расторжением.

Для применения права на возмещение убытков по ст. 393.1 ГК РФ необходимо устанавливать, а потом ещё кредитору в суде доказывать, что цена нового договора разумна, поскольку должник с большей долей вероятности попытается доказывать обратное. Однако, даже если цена нового договора будет отличаться от среднерыночной, то это не значит, что он не замещающий. Тем не менее, если должник докажет, к примеру, что цена чрезмерно завышена по сравнению с текущей ценой на момент заключения сделки, суд может снизить размер возмещения (п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7). Данное правило, реализующее цель замещающей сделки в узком её понимании, не актуально для замещающей сделки в её широком понимании.

Возвращаясь к выработанным нами критериям отнесения сделки к замещающей при исполнении договорного обязательства, которыми главным образом являются ожидаемый результат, желаемое последствие и достигаемая цель использования такой сделки, мы таким образом подтверждаем позицию Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7, что заключение замещающей сделки до прекращения первоначального обязательства не влияет на обязанность должника по осуществлению исполнения в натуре и на обязанность кредитора по принятию такого исполнения (п. 13). И наоборот, позиция Пленума ВС РФ подтверждает наше отношение к характеристике статуса замещающей сделки, которая может быть заключена до расторжения или досрочного прекращения замещаемого договора или даже вообще не преследовать такой цели.

Таким образом, сохранятся первоначальное обязательство и это не мешает признавать новый договор замещающей сделкой, избегая его квалификации как отдельного самостоятельного обязательства. Причинно-следственная связь – нарушение условий первоначальной сделки – прочно удерживает статус замещающей сделки для последующего договора, он не будет самостоятельным, потому что в его заключении не было бы необходимости, если бы не такое указанное нарушение. Разъяснения Пленума ВС РФ также не заставляют кредитора расторгать первоначальный договор и после заключения замещающей сделки, ведь кредитор может воспользоваться правом на возмещение убытков в общем порядке на основании ст.ст. 393 и 15 ГК РФ, не используя специальные правила ст. 393.1 ГК РФ. Если же кредитор захочет использовать именно такие специальные правила возмещения убытков, то прекращение замещаемого договора неизбежно.

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Понятие «замещающей сделки» может быть сформулировано в зависимости от того, какую цель преследует кредитор от такой сделки.

Если кредитор преследует цель возмещения убытков по правилам ст. 393.1 ГК РФ, то замещающая сделка может быть определена, как сделка, которая заключается взамен досрочно прекращённого договора вследствие его неисполнения или ненадлежащего исполнения со стороны должника и преследует цель возмещения кредитором убытков, возникших вследствие такой замены.

Если кредитор не преследует цели возмещения убытков по правилам ст. 393.1 ГК РФ и не желает расторжения первоначального договора, то замещающая сделка может быть определена более широко, например, как сделка, заключаемая кредитором вследствие нарушения условий первоначального договора должником, но преследующая цель достижения более оче-

видной для кредитора имущественной выгоды и позволяющая при этом сохранить первоначальный договор с прежним должником.

2. Более широкое понимание замещающей сделки, выходящее за пределы правил, установленных ст. 393.1 ГК РФ, позволяет установить общие признаки с более узким пониманием такой сделки. Эти общие признаки выражаются в сопоставимости предметов замещаемой и замещающей сделки, разумности срока между моментами их заключения, а также в наличии причинно-следственной связи между первоначальным и замещающим договором, которая выражается в общих основаниях заключения замещающей сделки – неисполнении или ненадлежащем исполнении первоначального договора, сподвигающих кредитора обращаться к замещению. То есть, если бы не было нарушения первоначального договора, то и не было бы необходимости в его замещении.

Отличительные признаки между широким и узким пониманием замещающей сделки проявляются в том, что замещающая сделка в узком смысле преследует расторжение первоначального договора и возмещение убытков, а замещающая сделка в более широком понимании наделяет кредитора терпимостью по отношению к должнику и заключение сделки с другим контрагентом позволяет извлечь максимум очевидной выгоды от обоих сделок, сохраняя в первую очередь первоначальную.

3. Обращение к более широкому пониманию замещающей сделки позволяет сделать предложение о возможности использования в гражданском обороте варианта и, соответственно, понятия «замещение части сделки» или «частично замещающая сделка», когда кредитор оставляет шанс неисправному должнику восстановить свой статус основного или единственного контрагента. Данные понятия требуют отдельного осмысления и анализа в самостоятельном исследовании.

4. Проанализированные положения статей 524, 715, 393.1 и 397 ГК РФ позволяют говорить о некоторой преемственности в законодательном регулировании, на наш взгляд, ещё только нарождающегося полноценного гражданско-правового института замещающей сделки, развитие и совершенствование которого, по нашему мнению, в итоге должно двигаться в направлении, не связанном с достижением обязательной цели прекращения замещаемого договора и обязательным желанием обогатиться за счёт должника с помощью специальных правил о возмещении убытков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байбак, В.В. Возмещение убытков при прекращении договора и вина кредитора // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 119-131.

2. Белов, В.А. Особенности убытков слабой стороны в потребительском договоре: виды и способы расчетов убытков потребителя // Право и экономика. 2023. № 2. С. 44-53.

3. Витрянский, В.В. Судебное толкование некоторых новелл об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение // Хозяйство и право. 2017. № 3 (Приложение). С. 3-48.

4. Горлов, В.А. Ответственность за нарушения условий договора международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2000. № 6. С. 12-14.

5. Егоров, А.В. Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 28-65.

6. Каблучков, А. Как рассчитать убытки за некачественное исполнение договора // Юридический справочник руководителя. 2021. № 9. С. 11-22.

7. Каримуллин, Р.И. Отказ от предоставления или получения кредита // Право и экономика. 2000. № 6. С. 3-11.

8. Косцов, В.Н. Запрет взыскания авансовых платежей: критический анализ складывающегося подхода / В.Н. Косцов, А.Н. Сирота // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 96-155.

9. Курин, И.Ю. Способы осуществления права на односторонний отказ от договора: проблемы теории и практики / И.Ю. Курин, А.И. Подгайная // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 51-56.

10. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330 - 333, 380 - 381, 382 - 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Архипова, В.В. Байбак, С.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1582 с.

11. Соломин, С.К. К вопросу о достоверности «нового» механизма возмещения убытков при прекращении договора / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина // Закон. 2017. № 2. С. 114-120.

12. Торкин, Д.А. Взыскание убытков в виде неполученной прибыли в США // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 242-267.

13. Фонотова, О.В. Цепочки поставок в международном деловом обороте: правовая характеристика // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 157-165.

14. Южанин, Н.В. Исполнение обязательства за счет должника // Нотариус. 2021. № 8. С. 30-33.

15. Южанин, Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex russica. 2016. № 8. С. 21-32.

Дата поступления: 10.07.2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК: 343
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_114

Балафендиев А.М., Мифтахов А.М., Рамадан М. Д.

НАКАЗАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Balavendiev A.M., Miftachov A.M., Ramadan M. J.

PUNISHMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL LAW MEASURES

Ключевые слова: *уголовное наказание, юридическая природа, уголовно-правовое воздействие, мера уголовно-правового воздействия, освобождение от наказания, освобождение от уголовной ответственности.*

Keywords: *criminal punishment, legal character, criminal-legal impact, measure of criminal-legal impact, exemption from punishment, exemption from criminal responsibility.*

Аннотация. *В числе задач, стоящих перед законодателем, особой актуальностью привлекает внимание исследователей формирование правильной, логически и научно выдержанной структуры разрабатываемого акта; в сфере уголовного права это прежде всего относится к Уголовному кодексу как основному источнику данной отрасли. Учитывая сложность правил юридической техники доктрина пребывает в состоянии перманентного поиска оптимальных моделей уголовно-правовых конструкций – глубоко продуманная систематизация оказалась причиной удачной структуры действующего Уголовного кодекса РФ, однако на институциональном уровне целый ряд его положений требует пересмотра – связано это зачастую с большим количеством изменений и дополнений, приходящихся на последние годы его действия.*

Эволюция уголовного права предполагает последовательное расширение мер уголовно-правового воздействия – в первую очередь такому влиянию подвержен существующий в тот или иной исторический период перечень наказаний, после появляются меры, в существенных свойствах отличающиеся от критериев и признаков, ему присущих, в силу чего относить их к данной категории теория классификации не позволяет и формируется альтернативная система мер уголовно-правового воздействия. Отдельные из них оказываются за рамками уголовной ответственности и образуют самостоятельную группу, а современная доктрина, реагируя на потребности нового времени, занимается проблемой их систематизации.

В предлагаемой научной статье обобщены результаты многолетних исследований, авторы предлагают оригинальные подходы к решению обозначенной проблемы. Если система наказаний в целом формировалась в течение относительно длительного периода своего становления, то иные меры уголовно-правового характера, которые выделены в действующем в настоящее время уголовном законодательстве, не систематизированы должным образом, наблюдается потребность определения места и оставленных вне уголовной ответственности мер воздействия, природа которых иногда обнаруживает общность с теми или иными уголовно-правовыми институтами.

Abstract. *Among the tasks faced by the legislator is the formation of a correct, logically right and scientifically sustained structure of the developed act that attracts the attention of researchers*

with special urgency; in the field of criminal law, this primarily applies to the Criminal Code as the only source of this branch of law. Taking into account the complexity of the rules of legal technique, the doctrine is constantly searching for optimal models of criminal law construction. A properly revised systematization proved to be the reason for the successful structure of the current Criminal Code of the Russian Federation, but at the institutional level, a number of its provisions require revision; this is often due to the large number of changes and additions that occurred in the last years of its operation.

The evolution of criminal law implies a consistent expansion of measures of criminal law influence: first, the list of punishments existing in this or that historical period is subject to such an influence, then there appear measures that differ in essential properties from the criteria and features inherent in them, due to which the theory of classification does not allow referring them to this category, and an alternative system of measures of criminal law influence is formed. Some of them appear outside the framework of criminal responsibility and form an independent group, and modern doctrine, responding to the needs of the new time, is engaged in the problem of their systematization.

The proposed scientific article summarizes the results of many years of research, and the authors offer original approaches to solving the designated problem. If the system of punishments as a whole was formed during a relatively long period of its formation and other measures of criminal-legal nature, which are highlighted in the current criminal legislation, are not systematized properly, there is a need to determine the place and leave out of criminal responsibility measures of influence, the nature of which sometimes reveals commonality with those or other criminal-legal institutions.

Эволюционные процессы, как правило, характеризуются многосторонним, весьма сложным развитием актуальных, важных природных и общественных явлений при одновременном упрощении и последующей деградации невостребованных. В качестве специфического элемента системы регулирования общественных отношений уголовное право прошло многовековой пусть становления и в настоящее время выполняет свои функции посредством целого спектра мер воздействия на лиц, совершивших преступление[1] – как «классических», обладающих карательным характером, так и лишенных последнего, более мягких по воздействию, близких, по существу, к остальным социальным нормам (мерам). В этой связи понятие, социально-правовая природа, роль, значение и служебный функционал наказания, а также его соотношение с другими мерами уголовно-правового характера заслуживают специального исследования, поскольку их системность, иерархия, взаимосвязи и сочетание между собой в целом лежат в основе формирования структуры законодательства и эффективности в достижении его целей.

Оставаясь фундаментальной уголовно-правовой категорией, наказание продолжает выполнять роль важного ориентира для всех остальных мер уголовно-правового воздействия – цели и социальные функции, правила назначения и критерии индивидуализации и ряд других вопросов в законе определены именно для наказания[2]; ключевое ее значение подчеркивает и законодатель формулой «наказание и иные меры…». Признаваемая специалистами потребность в исследовании упомянутых вопросов возникла главным образом по причине неопределенности юридической природы некоторых уголовно-правовых инсти-

[1] Бакулин В.К. Контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний : монография / под ред. Ф.Р. Сундурова. – Москва : Проспект, 2021. – С. 12–14.

[2] Понятовская Т.Г. Концептуальные основы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права: монография. Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1996. – С. 17, 18 и др.

тутов (к примеру, условного осуждения, освобождения от наказания и др.) и в определенной степени в результате сходства отдельных признаков тех или иных уголовно-правовых мер с наказанием[1]. Так, например, многие исследователи приравнивают к ним условное осуждение[2]; вопросы вызывает находящая отражение в УК РФ позиция законодателя относительно сущности замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания[3]; конфискация имущества из перечня уголовных наказаний в усеченном виде переведена в разряд иных мер уголовно-правового характера; судебный штраф от штрафа как вида наказания отличается размерами и основанием применения, но по своей юридической сущности обнаруживает генетическое единство[4] – продолжать необходимости нет, поскольку научное и законодательное решение обозначенных вопросов способно разместить все упомянутые меры в рамках единой, вполне гармоничной системы на основе продуманной, не содержащей противоречий уголовно-правовой концепции.

Следует заметить, что как инструмент общественного воздействия (регулирования) наказание объективно обладает совокупностью качеств, обнаруживаемых в каждый отдельно рассматриваемый исторический период и находящих закономерное отражение в трудах современников. Отличаясь в некоторых деталях, позиции всех исследователей содержат относительно схожий ряд сущностных признаков, характеризующих наказание. Из наиболее ранних можно отметить работы Платона, Аристотеля, Беккарии, Монтескье и др. В унисон им сформированы положения российской дореволюционной доктрины, представленной в трудах И.Я. Фойницкого, Н.Д. Сергиевского, Г.И. Солнцева и некоторых др.[5] Собственно, и современная наука в целом признает все положения упомянутых авторов и ранних научных школ. Основными чертами наказания выступают его принудительный характер, правоограничения или причиняемое «страдание», связь с преступлением и общественное значение. Именно эти черты и обнаруживают исследованные правовые источники: такого рода упоминания о сути наказания содержали еще Соборное Уложение 1649г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1856г.; а Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919г. содержали определение наказания как меры принудительного воздействия, посредством которого власть обеспечивает порядок общественных отношений (ст. 7). В действующем УК РФ нашли закрепление признаки, определяющие его государственно-принудительный характер и применение к лицу, виновному в совершении преступления, а также лишение и ограничение прав и свобод последнего, предусмотренное положениями данного нормативного правового акта и то, что назначается оно приговором суда.

Между тем оно (наказание) достаточно давно не является единственным юридическим инструментом в данной сфере общественного бытия, в современном праве

---

[1] Хабибуллин Н.Э. Личность виновного и ее значение при индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового характера : монография / под науч. ред. М.В. Талан. – Москва : Проспект, 2023. – С. 5, 6, 8–9 и др.

[2] Галиуллин И.З. Условные меры уголовно-правового характера. Казань: Изд-во казан. ун-та, 2006. – С. 74.

[3] Халилов Р.Р. Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы: Дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2020. – С. 161–163.

[4] Рамазанов Е.Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2022 – С. 123.

[5] Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – Москва, 2000. – 462с; Сергиевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века : Исслед. Н.Д. Сергеевского, экстраорд. проф. С.-Петерб. ун-та. – Санкт-Петербург : А.Ф. Цинзерлинг, 1887. – XII, – С. 25–172; Солнцев Г.И. Российское уголовное право. Под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1820. – С. 11, 60, 70–72, 75–77 и др.

(как на доктринальном уровне, так и в законодательстве) находят признание и закрепление весьма многочисленные, разнообразные варианты реакции на социальные девиации, включая и преступления. Философская концепция, выступающая основой рассматриваемой формально-юридической структуры, предполагает сложное специально-правовое образование и учитывает наличие внутренних, конструктивных, и внешних – межинституциональных связей (а также и межотраслевых); наказание же занимает место в рамках определенного категориального ряда, объединённого общими чертами. Для их обозначения закон оперирует выражением «меры уголовно-правового характера», в связи с чем наука оказалась перед необходимостью установления их уголовно-правовой природы и специфики взаимосвязи с категорией наказание.

Вместе с этим сошла на нет весьма острая и длившаяся долгое время дискуссия о вертикальных связях последнего. Активно обсуждаемый специалистами вопрос – не исчерпывает ли наказание понятие и формы реализации уголовной ответственности – был завершен по существу именно вследствие закрепления, выделения в качестве субинститута и регламентации иных мер уголовно-правового характера – с принятием УК РФ 1996г. стало очевидным, что наказание не тождественно по объему и содержанию уголовной ответственности, оно выступает лишь его частью, компонентом; но при этом обострилась проблема отмеченного выше соотношения и у специалистов появились вопросы к названию и содержанию «иных мер». Задача, требующая ответа, непростая, как представляется на первый взгляд и выходит за рамки сугубо академической дискуссии – она связана с необходимостью надлежащей систематизации мер уголовно-правового воздействия, что в конечном итоге отражается на их эффективности, способности должным образом выполнять свою социальную функцию.

Доктрина в настоящее время не определилась с этим вопросом, исследователи предлагают различные модели формирования мер уголовно-правового характера (воздействия): разнятся позиции как в вопросе наименования, так и содержания. А.И. Чучаев и А.П. Фирсова подчеркивают, что в литературе как правило номинации «меры уголовно-правового воздействия» и «меры уголовно-правового характера» используются как синонимы[1]. При этом, пишут авторы, объективно первый вариант более удачен в связи с целостностью и полнотой обозначения отражаемого им правового явления и указанием на его правовую природу. М.Ф. Костюк, А.Н. Батанов, В.А. Посохова и Т.М. Калинина, придерживаясь противоположной позиции, в содержание иных мер включают те, что предусмотрены в разделе VI УК РФ и принудительные меры воспитательного воздействия[2]. Авторы опираются на достаточно убедительные аргументы, утверждая, что иные меры уголовно-правового характера, как и наказание, выступают формами реализации уголовной ответственности. Со ссылкой на С.Н. Братуся и некоторых других исследователей подчеркивают, что «ответственность есть исполнение обязанностей под принуждением», отмечают и ряд других характерных качеств.

Между тем, «принуждение к исполнению обязанности» не позволяет не только строго определенные институциональные рамки сохранить или обозначить – это межотраслевая правовая компонента и применяется далеко за границами отрасли (обратимся для примера к принудительному исполнению по суду того или иного предписания КоАП, осуществления родителем

---

[1] Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. – Москва : Проспект, 2015. – С. 27.

[2] Костюк М.Ф., Батанов А.Н., Посохова В.А., Калинина Т.М. Понятия и виды иных мер уголовно-правового характера : учебное пособие / М.Ф. Костюк, А.Н. Батанов, В.А. Посохова, Т.М. Калинина. – Москва : Проспект, 2011. – 320 с.

алиментных обязательств в отношении ребенка и пр.). А регламентированные гл. 15 УК РФ *принудительные* меры медицинского характера не могут быть применены специалистами в области юстиции и не являются частью/формой ответственности – лишь медицинский персонал имеет допуск к их осуществлению, который использует также не уголовно-правовые методы, а лечебные средства и препараты; цель их деятельности – поправить или улучшить здоровье пациента, а не исправление лица, совершившего преступление или восстановление социальной справедливости. И даже когда они сопряжены с наказанием, которое приводится в исполнение органами юстиции, они продолжают носить характер лечения. В Кодексе регулируются формально-правовые аспекты вопроса (основания применения, виды и пр.), но суть их остается медицинской.

Рассматривая проблему в данном ключе можно прийти к выводу о том, что аналогичное положение занимают и принудительные меры воспитательного воздействия – их природа близка к методам, применяемым в педагогике, а сущность – в части, предполагающей установление запретов, – не может быть соотнесена по характеру с правоограничениями, присущими системе наказаний: воспитание – позитивный процесс, творческий, направленный на формирование личности, поэтому с исправительными мерами, основанными на принуждении не преступать закон, нельзя усматривать единство и, собственно, ничего общего они не имеют с теми, что предусмотрены в рамках уголовной ответственности (по методам, специальности персонала, их применяющего, целям и пр.).

Расположение и первых, и вторых в общей массе иных мер уголовно-правового характера не может служить показателем явного, однозначного, недвусмысленного указания на их социально-правовую природу: в действующем УК РФ нет институтов, которые обнаруживали бы с ними генетическое родство и можно было бы предложить их переместить к смежным, более близким по существу мерам. Подобное может иметь место лишь при пересмотре основ систематизации уголовно-правовых институтов. Данный вопрос возникает и в отношении некоторых других положений закона: например, многие авторы обосновывают, что добровольный отказ по своей сути является основанием нереабилитирующего освобождения от уголовной ответственности[1], что объясняет причину размещения в разработанном ведущими, наиболее прогрессивными учеными Модельном Уголовном кодексе государств СНГ 1994 г. нормы о его правовых последствиях в одной главе с остальными положениями данного института. Аналогичные выводы можно встретить в теоретических изысканиях и трудах авторов, исследовавших уголовно-правовые иммунитеты и условное осуждение[2]. В главе 11 УК РФ в целом находят закрепление основания и виды освобождения от уголовной ответственности, которым не свойственны указанные черты – присущие мерам, накладываемым в рамках уголовной ответственности (принудительность, карательный, репрессивный потенциал и пр.). В то же время судебный штраф нашел место среди положений данной главы, хотя законодатель ориентирует при определении его размеров на основную меру – штраф как вид наказания, разновидностью которого он по существу и выступает; но размещены положения, его регламентирующие, среди иных мер уголовно-правового характера. Авторы, исследовавшие его правовую природу, считают его самостоятельным видом освобождения от наказания[3]. Однако трактовка судебного штрафа как освобождения (как от уголов-

[1] Уголовное право России. Общая часть / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2010. – С. 276; Баймакова Н. Место добровольного отказа от преступления в УК РФ // Мировой судья. – 2009. – № 4. – С. 18-20.

[2] Кибальник А.Г. Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности / Российская Юстиция. 2000. – № 8. – С. 34–35.

[3] Рамазанов Е.Р. Указ. соч. – С. 123, 124 и др.

ной ответственности, так и от наказания) – в то время как лицо несет бремя штрафных санкций, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ (ст. 104), – юридически некорректна. В литературе подчеркивается, что при регламентации судебного штрафа законодатель не учел различия в природе наказания и иных мер уголовно-правового характера, обнаруживаемого при рассмотрении через призму оснований, целей и правовых последствий применения. Такое положение, – пишет А.А. Гравина, – отражает тенденцию дальнейшей «девальвации» института уголовного наказания[1]. К аналогичным выводам о стирании грани между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера приходит и А.В. Шеслер, предлагающий включить в ст. 43 УК РФ признак, указывающий на карательный характер наказания[2]. При всем согласии в целом с аргументами автора все же заметим, что наличие карательной компоненты в наказании зависит не от названия, а от содержания правоограничений в конкретных его видах.

О девальвации ли наказания свидетельствует данное положение и приведенные выше обстоятельства? Эволюция уголовного законодательства предполагает постепенное расширение всего спектра методов и средств воздействия на лиц, преступающих закон, а также их регулятивного потенциала, и, соответственно, различие в целях, основаниях и условиях их применения, но это не должно служить фактором, способным нивелировать значимость наказания, выступающего одним из базовых категорий всей отрасли. Представляется контрпродуктивным подход, заключающийся в постепенном уравнивании социального и юридического значения наказания с остальными уголовно-правовыми мерами – его фундаментальное положение определяется сущностью уголовного права как инструмента охраны общественных отношений[3].

Как утверждает философия – все бытие, в том числе явления социальной жизни, заключены в парадигму двойственности, в которых в строго определенных соотношениях соотнесены позитивные и негативные стороны; квинтэссенцией последнего в праве выступает уголовное наказание. Данный вопрос выводит исследователей к весьма дискуссионной проблеме позитивного аспекта уголовного права – не углубляясь в нее отметим, что недаром законодатель при переводе в сферу уголовного права исключил позитивную компоненту из норм, функционирующих в их изначальной форме – закрепление в законе находят только положения, содержащие предписания об ответственности в случаях нарушения запретов. Становится очевидным и то, почему все остальные меры, остающиеся в уголовном праве в рамках уголовной ответственности, ориентированы на наказание, применяются для достижения его целей и носят вспомогательный характер; как и то, впрочем, что остальные меры лишены отрицательных, принудительных и репрессивных начал: вся дискуссия сводится, в конечном счете, к необходимости определения тех из них, что обладают обозначенными всеми исследователями качествами, кои классически должны быть присущи мерам уголовно-правового характера[4]; и остальных, «альтернативных», достаточных для разрешения социальных конфликтов в той или иной ситуации[5]. Сами социальные нормы

[1] Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. – № 11. – С. 103.

[2] Шеслер А.В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института ФСИН России. – 2019. – № 1 (38). – С. 84, 90–91 и др.

[3] Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 42–43.

[4] Балафендиев А.М., Калимуллина Я.Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием /А.М. Балафендиев, Я.Л. Калимуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 34–35, 67 и др.

[5] Сундуров Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф.Р. Сундуров. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – С. 41, 45–51, 53 и др.

вполне закономерно содержат определенное число вариантов негативного, репрессивного, карательного плана – в статье выше не случайно мы обозначили предшествующие доктринальные концепции и законодательные подходы, включая даже некоторые древние – на более ранних этапах это было выражено в правах потерпевшей стороны, поскольку доминировало частное начало, а позднее эти функции перешли к публичной власти – объективно наблюдается в каждый период развития общества часть девиаций, предполагающая на проявления таковых самые суровые по характеру ответные действия: именно эту роль принимает на себя наказание в отличие от всех иных уголовно-правовых, так сказать, «неклассических» мер. Общепризнанное и в целом правильное утверждение о мягкости социальных норм в рассматриваемом контексте не должно служить опровержением излагаемой нами позиции – последние всегда сохраняли и продолжают содержать в себе небольшой сегмент, заключающий в себе репрессивные начала. Для примера можно привести институт кровной мести – но поскольку в цивилизованном обществе и, соответственно, законодательстве подобного рода позиции не могут быть реализованы – не приемлют ни современная культура, ни правовое сознание общества, то в замену пришло уголовное наказание. В достаточно развитой системе единственным компонентом, разумеется, оно не может быть, но может и должно выступать ее стержнем; а остальные будут вторичными, ориентированными на его цели и содержание. Этот аспект проблемы и призвана решить доктрина.

Следовательно, проблема только в правильной трактовке сущности различных уголовно-правовых институтов, надлежащей их научной систематизации и соответствующем отражении разработанной в теории системы в действующем законодательстве. Изложенное позволяет считать, что выводы ряда исследователей о постепенном нивелировании особой роли наказания в уголовном праве и о том, что последняя объективно выступает одной из мер уголовно-правового характера нельзя считать верными, а такая тенденция, если она наблюдается в законодательстве, служит показателем возрастающей необходимости анализа всей системы мер уголовно-правового воздействия. В этом плане систематизация наказаний и регламентации его видов нареканий особых не вызывает, основной акцент в этих исследованиях требуется переместить на меры уголовно-правового характера (воздействия).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакулин, В.К. Контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний : монография / под ред. Ф.Р. Сундурова. – Москва : Проспект, 2021. – 208 с.
2. Баймакова, Н. Место добровольного отказа от преступления в УК РФ / Н. Баймакова // Мировой судья. – М., 2009. – № 4. – С. 18–20.
3. Балафендиев А.М., Калимуллина Я.Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 138 с.
4. Галиуллин, И.З. Условные меры уголовно-правового характера. Казань: Изд-во казан. ун-та, 2006. – 146 с.
5. Гравина, А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. – № 11. – С. 96–106.
6. Кленова, Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41–45.
7. Костюк, М.Ф. Понятия и виды иных мер уголовно-правового характера : учебное пособие / М.Ф. Костюк, А.Н. Батанов, В.А. Посохова, Т.М. Калинина. – Москва : Проспект, 2011. – 320 с.

8. Понятовская, Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права : монография / Т. Г. Понятовская ; Удмуртский государственный университет. - Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1996. – 231 с.

9. Рамазанов, Е.Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2022. – 247 с.

10. Сергиевский, Н.Д. Наказание в русском праве XVII века : Исслед. Н.Д. Сергеевского, экстраорд. проф. С.-Петерб. ун-та. – Санкт-Петербург : А.Ф. Цинзерлинг, 1887. – XII, – 300 с.

11. Солнцев, Г.И. Российское уголовное право. Под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1820. – 302с.

12. Сундуров Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф.Р. Сундуров. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 300 с.

13. Хабибуллин, Н.Э. Личность виновного и ее значение при индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового характера : монография / под науч. ред. М.В. Талан. – Москва : Проспект, 2023. – 144 с.

14. Халилов, Р.Р. Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы: Дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2020. – 216 с.

15. Уголовное право России. Общая часть / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2010. – С. 276.

16. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – Москва, 2000. – 462 с.

17. Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. – Москва: Проспект, 2015. – 320 с.

18. Шеслер, А.В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института ФСИН России. – 2019. – № 1 (38). – С. 84–96.

Дата поступления: 23.08.2023

УДК: 343
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_122

Балафендиев А.М., Хабибуллин Н.Э., Рамадан М. Д.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Balavendiev A.M., Chabibullin N. E., Ramadan M. J.

EXEMPTION FROM PUNISHMENT IN THE CRIMINAL LAW OF MUSLIM STATES

Ключевые слова: *континентальное право, уголовное право мусульманских государств, уголовная ответственность, уголовное наказание, виды наказания, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, смягчение наказания, амнистия, публичный интерес, частные начала в уголовном праве.*

Keywords: *The Continental law, criminal law of Muslim states, criminal responsibility, criminal punishment, types of punishment, exemption from criminal responsibility, exemption from punishment, mitigation of punishment, amnesty, public interest, private principles in criminal law.*

Аннотация. *Поступательное сближение правовых систем, являющееся составной частью процесса глобализации, в течение последних четверти века обнаруживает тренд все более активной конвергенции правовых институтов и даже целых отраслей. К европейской континентальной правовой семье всецело относится законодательство стран, представляющих различные части света и некоторых островных государств; а отдельные имплементировали разнородные комбинированные правоустановления. Вследствие общей ментальности народов, заселявших СССР и некоторых мусульманских государств, избравших единый курс строительства благополучного будущего, обозначив вектор совместного развития в политическом и экономическом, культурном и социально-правовом планах, сохраняется определенное сходство в регламентации вопросов уголовной ответственности и наказания, освобождения от ответственности и наказания и ряда других положений в законе, а также по дискуссионным проблемам в доктрине. В этой связи представляется полезным в сравнительно-правовом плане рассмотреть наиболее актуальные, неоднозначные, требующие повышения эффективности положения законодательства, к каким, в первую очередь, относятся предписания об освобождении от наказания: в одних случаях они предусматривают прекращение правоотношения, в других, наоборот, его продолжение, но в ином, позитивном ключе, не предполагающем негативного взаимодействия; закон содержит для каждого из его видов самостоятельное основание и собственную совокупность материальных и формальных условий и, соответственно, не зависящие от остальных уникальные социальные предпосылки. Сказанное демонстрирует необходимость исследований в этом направлении, предлагаемая же статья представляет собой постановку проблемы и общий ее обзор.*

Abstract: *The progressive convergence of legal systems, which is an integral part of the globalization process, over the past quarter of a century has revealed a trend of increasingly active convergence of legal institutions and even entire industries. The European continental legal family entirely includes the legislation of countries representing different parts of the world and some island States; and some have implemented heterogeneous combined legal regulations. Due to the common mentality of the peoples who inhabited the USSR and some Muslim states, who chose a*

single course of building a prosperous future, having designated the vector of joint development in political and economic, cultural and socio-legal plans, there is a certain similarity in the regulation of issues of responsibility and punishment, exemption from responsibility and punishment and a number of other provisions in the law; and controversial problems in the doctrine. In this regard, it seems useful in comparative legal terms to consider the most relevant, ambiguous provisions of legislation that require increasing the effectiveness, which primarily include prescriptions for release from punishment.: in some cases, they provide for the termination of the legal relationship, in others, on the contrary, its continuation, but in a different, positive way, not involving negative interaction; the law contains for each of its types an independent basis and its own set of material and formal conditions and, accordingly, unique social prerequisites independent of the rest. The above demonstrates the need for research in this direction, the proposed article is a statement of the problem and its general overview.

Юридическая доктрина, как в России, так и других странах на территории бывшего Советского Союза, признает институты освобождения от уголовной ответственности и наказания инструментами (методами) уголовно-правового воздействия, хотя на сегодняшний день дискуссию по поводу их природы считать завершенной едва ли будет правильным. Между тем, регулирующие схожим образом те или иные аспекты общественных отношений правоустановления могут быть совершенно различными по своей сущности – в зависимости от того, каковы нравственно-этическая ментальность и особенности формирования общества, его история; и от парадигмы, на которой выстраиваются общий регламент жизнедеятельности в социуме, структуры государственного устройства, политической, правовой, экономической систем и пр.[1] Целый ряд законодательных актов континентального права, собственно, как и Ближнего Востока, наказание от уголовной ответственности не отличают, институты освобождения от ответственности и от наказания не отграничивают, а предписания, по своей природе относящиеся к последним, трактуют как *смягчение* наказания; в то же время, система наказаний предусматривает методы (меры) воздействия, содержание которых в России регламентировано в административном праве или относится к гражданской сфере правоотношений (установление полицейского надзора, выдворение иностранного лица, запрет на пересечение границы с целью выезда из страны, лишение права на наследство, закрытие организации, лишение права собственности на печатное издание и многое др.)[2]. Уместно упомянуть и УК некоторых государств, в которых при весьма подробной детализации правил смягчения наказания совсем нет норм об освобождении от уголовного преследования или его прекращении (ст.ст. 66, 67, 68, 71, 72 УК Японии)[3]. Законы же в государствах с подавляющим числом исламского населения, бывшие в составе СССР, тяготеют в целом к общности правовой системы и не обнаруживают сколь-нибудь значимого различия; из них в сравнительно-правовом плане были рассмотрены нормы УК Узбекистана.

Рассматриваемое в рамках темы статьи уголовное право мусульманских государств основано в одном своем сегменте на шариате, в другом – на светской культуре и идеях, основанных на фундаменте старых традиций, что обусловливает сохранение и

[1] Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: Учебное пособие. М.: Статут, 2015. С. 10–15.

[2] Хантуш Салех Мехди Абдулла. Виды наказаний по уголовному праву Йеменской Республики и Российской Федерации (сравнительно-правовой аспект): Дис… канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 45.

[3] Уголовный кодекс Японии // costitutions.ru/?p=407// Время доступа: 27.08. 2023г.

наличие частного начала в ряде институтов, которые в остальном мире утрачены и перешли в сферу публичного права. В этой части степень вмешательства государства и общества в частную жизнь и общественные отношения, обеспечивающие жизнедеятельность в сфере, не имеющей отношения к публичному сегменту, уменьшается до минимума, особенно в сравнении с европейским законодательством; тогда как в другой его ипостаси – установленной шариатом и не подвергающейся обсуждению – предписания Корана и Сунны, заведомо принятые населением независимо от власти, – носят сугубо частный характер. Положения Корана можно условно подразделить на две части: первую, относящуюся к религии, отправлению обязанностей и пр. и вторую – к статусу и правам человека: это нормы, регулирующие взаимоотношения между людьми, говоря иначе – общественные отношения[1]. Такое положение – наличие двух самостоятельных блоков правоположений – предполагает и соответствующую структуру, находящую закрепление в уголовном праве исламских государств.

В этой связи в мусульманско-арабской уголовно-правовой доктрине наказание классифицировано посредством разделения на группы: «худдуд», «кисас» и «дийа» – собственно, не только наказания, но и самих преступных посягательств.

Первая, «худдуд», охватывает деяния, посягающие на ценности ислама, исходящие из положений Корана и Сунны – законодательные органы всех мусульманских государств закрепляют их в качестве объекта уголовно-правовой охраны. А.-К. Ауда и некоторые другие известные авторы, исследовавшие деяния данной категории, приходили к выводу о том, что предусмотренные за их совершение наказания ориентированы прежде прочего на предупреждение, по сути они представляют собой кару, возмездие; их специфика заключается в строго определенных санкциях и невозможности смягчения, замены одного наказания другим, учета характеристик личности и критериев, отражающих изменение (уменьшение, увеличение) общественной опасности[2]. Большинство отечественных специалистов по мусульманскому праву также придерживались аналогичной точки зрения[3], хотя находила она поддержку не у всех. В частности, другую точку зрения обосновывает С.А. Боронбеков, полагая, что главное назначение «худдуд» – защита ислама посредством очищения его от определенного рода преступлений[4]. В этой дискуссии представляется более корректной первая версия, поскольку таким образом «очищать» объект охраны едва ли возможно, а шариат сам по себе и есть свод строго определенных предписаний. Противоположность этой категории «кисас» – институт охраны частных интересов: как правило, он устанавливает ответственность за тяжкие преступления; «дийа» – следующая ступень в градации защиты частных интересов, она – аналог «виры» в древнерусском праве – уплата компенсации за «кровь», причиненный вред, оскорбление и пр.

Как правило, больше всего дискуссий связано со следующей категорией – «тазир»; она предусмотрена и в арабских правовых источниках, и в УК Исламской Республики Иран, который называет его «судебным взысканием» (ст. 12). Это подтверждает, что существенно отличающиеся от наказания «иные меры уголовно-правового характера» – как они именуются в УК РФ – также получили закрепление в законодательстве отдельных арабских государств; а по УК ИРИ находят свое выражение в этом самом «судебном взыскании» и «сдержи-

[1] Елаян Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права: учебное пособие. Махачкала, 2002. С. 4, 6 и др. // Studfile.net // Время доступа: 24.08. 2023г.

[2] Абдел-Кадер Ауда. Мусульманское уголовное право. Т. 1. Бейрут, 1983. С. 680.

[3] Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986. С. 183.

[4] Боронбеков С. А. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьба с экстремизмом в российском обществе. Рязань, 2004. С. 110.

вающих мерах» (ст. 12). В теории проанализированы основные черты категории мер, выступающих в качестве «тазир» – с одной стороны, это реакция на нарушение религиозных запретов, с другой – мера сугубо гражданского светского характера, направленная на исправление виновного.

«Основные черты наказания в точности корреспондируют его целям» – подчеркивает Мустафа Ахмад аз-Зарка[1]. По мнению С.А. Боронбекова «тазир» предусмотрен за «любой серьезный проступок, связанный с нарушением мусульманских запретов, смысл которых заключается в целом в мусульманской направленности, в частности, его правовых принципов и норм, защиту основных ценностей ислама»[2]. Сходную точку зрения высказывает М.И. Садагдара: «тазир» – это наказание, не предусмотренное шариатом, но которое судья по своему усмотрению применяет в качестве основного или дополнительного наказания»[3]. «Теория исламского уголовного права определяет «тазир» в качестве наказания, точно не установленного Кораном, Сунной и применяемого за совершение преступлений, которые могут затрагивать права частных лиц» – отмечает Л.Р. Сюкияйнен[4]. Известный исследователь Ахмед Фатхи Бахнаси определял «тазир» как наказание, которое применяется по усмотрению суда, вид и размеры его определяются исходя из тяжести преступления и обстоятельств его совершения, а также личности виновного[5]. Абдурахман Салман Саид подчеркивает, что данное «уголовное наказание исполняется публично, носит строго индивидуальный характер и не должно затрагивать прав и интересов других лиц»[6]. По мнению Али-Хасана Аль-Шарафи, уголовное наказание «тазир» не предполагает страданий и является следствием стремления государства к исправлению осужденного[7].

Некоторые мусульманские ученые предлагают различать социальную и юридическую природу наказаний категории «худдуд», «кисас», «дийа» и «тазир». Социальная природа связана с лишением свободы или ограничением трудовых, имущественных и иных прав осужденного, которые оказывают религиозно-исправительное воздействие на виновного в совершении преступления в процессе его исполнения. Юридическая природа наказания находит отражение в нормах уголовного и уголовно-процессуального права, но обусловленных требованиями Корана и Сунны[8]. По-нашему мнению, наказания категорий «худдуд», «кисас», «дийа» и «тазир» выполняют как правовую, так и социальную функции. С позиции юридической наказание – мера реализации уголовной ответственности; в социальном же аспекте оно не что иное, как средство защиты наиболее значимых социальных благ и общества в целом от преступных посягательств. При этом следует отметить и то, что тесная взаимосвязь не позволяет полной мере развести эти преступления как не соотносящиеся между собой, ибо все деяния, как и соответствующие наказания, в той или иной мере затрагивают интересы и общества, и государства, и частных лиц, и религии. Этим объясняется наличие некоторых норм, для европейского исследователя которые могут представлять некоторую неожиданность (к примеру, ст. 222 УК Марокко, предусматривающая уголовное наказание (в виде лишения свободы и штрафа) лицу, нарушившему пост в период месяца Рамадан).

---

[1] Мустафа Ахмад аз-Зарка. Введение в исламское правоведение, Т. 3. Дамаск, 1969. С. 613.

[2] Боронбеков С.А. Указ. соч. С. 110.

[3] См.: Мустафа Ахмад аз-Зарка. Указ. соч. С. 613.

[4] Сюкияйнен Л.Р. Указ. соч. С. 196.

[5] Ахмед Фатхи Бахнаси. Аль-джарина фикх аль-ислами. Бейрут, 1381. Х.С. 242−243.

[6] Абдул аль-Рахман Салман Саид. Комментарий к Уголовному кодексу Йеменской Республики – Аден, 2003. С. 260.

[7] Уголовное право Йеменской Республики. Общая часть / под ред. Али-Хасан Аль-Шарафи. Сана, 1995. С. 148.

[8] Махмуд Махмуд Мустафа. Уголовное право Египта. Общая часть. – Изд. 1-е. Дар-ал-нахата. Каир, 1997. С. 555.

Следует заметить, что правоустановления подобного рода не являются феноменом, который характеризовался бы постепенным уменьшением востребованности и актуальности в пользу светского права – последнее сосуществует меняясь, совершенствуясь, совместно с религиозными источниками, несущими неизменяемые догмы. Примером тому могут служить УК Республики Йемен, четко разделенный на два указанных блока, или для обеспечения полноты и всесторонности решения поставленной перед авторами задачи взятые для изучения УК различных государств: Ирака, Иордании, Сирии и Северной Нигерии – последний был исследован в рамках международного контроля за соблюдением прав человека ведущими учеными-правоведами по поручению Еврокомиссии и представлен в отчете профессора доктора Рууда Петерса (Амстердамский университет), или, наконец, УК Исламской Республики Иран, который вызывает научный интерес в связи с особым (шиитским) течением, распространенным среди населения целого ряда государств.

В этой связи определенная экспансия публичных начал в законодательство, особенно в уголовное, наблюдаемая в законодательстве государств континентального права, в значительно меньшей степени находит место в мусульманской системе – в современных источниках практически в той же мере, что и в средние века, сохранено право потерпевшей стороны выносить окончательное суждение (и решение суда связано с позицией потерпевшего) по итогам любого произошедшего социального конфликта, включая преступления. Разумеется, это относится к делам, в которых представлено лицо, потерпевшее от преступления. В случаях же, когда в качестве последнего выступает общество или государство, ситуация регулируется образом, аналогичным подходу, выраженному в УК современных европейских государств – хотя восточная социальная, государствообразующая и политологическая ментальность веками придерживается более строгих, если не сказать суровых правил в отношениях государство–общество–индивид; в данном случае налицо цивилизационные культурные и глобалистские тренды.

В рассматриваемом ракурсе проблема освобождения активно обсуждается учеными правоведами – а это, как известно, в значительной мере влияет на практику, поскольку мусульманская доктрина выступает действенным источником разрешения дел.

Помимо наказания лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, могут быть назначены иные меры уголовно-правового характера: принудительное лечение (ст. 104 УК Йеменской Республики), конфискация имущества (ст. 103), воспитательные меры и привлечение к труду (ст. 106) – последняя, как представляется, хоть и отнесена к иным мерам, может трактоваться как освобождение от наказания. Как и в европейской доктрине, некоторые виды освобождения подвергаются критике. К примеру, преступления категории «тазир» распределены по степеням и относящиеся к 7, 8 и 9 уровням в литературе не должны подпадать под освобождение, предусмотренное ст. 39 УК ИРИ, поскольку это противоречит ст. 110 Конституции Исламской Республики Иран – отмечается в литературе – речь идет об освобождении в связи с помилованием или амнистией по согласованию в Верховным лидером в случаях, когда лицо совершает позитивные посткриминальные действия и освобождается до вынесения судебного приговора, которым лицо было бы признано виновным[1]. Похожая по содержанию дискуссия относительно практически всех видов освобождения уже прошла в свое время и в российской доктрине, поэтому подвергать ее анализу необходимости нет. Но обращает внимание схожесть позиций в вопросах, относящихся к преступлениям категорий, располагающихся в законодательстве в раз-

[1] Юридическая наука и поддерживающая правовую помощь газета // Иран: Поддерживающая газета – среда, 17/09/2014.

делах, предусматривающих преступления и наказания (и освобождение), посягающих на права и интересы общества и индивидов (в светской ее части); притом в блоке законодательства, относящемся к «правам Аллаха (с.в.т.)», также предусмотрено освобождение от наказания – согласно коранническим текстам в случае совершения преступления у частного лица-потерпевшего возникает право на адекватный ответ, но рекомендуется прощение преступника. В этом случае закон регламентирует формы и процедуру возмещения ущерба, размеры и суммы компенсации и пр.

Поскольку некоторые уголовно-правовые институты в зарубежном праве трактуются и применяются несколько иначе, чем это предусмотрено УК РФ и российской доктриной, уместно привести их в более общем виде. Выше мы указывали на нормы йеменского уголовного законодательства, предусматривающего иные меры уголовно-правового характера, в числе которых привели привлечение к труду и воспитательное воздействие (что, по нашему мнению, по существу и представляет собой освобождение от наказания), в данном же случае можно сослаться на понимание условного осуждения как разновидности освобождения от наказания (тогда как мы склонны его относить его, наоборот, к иным мерам уголовно-правового характера) или разделения амнистии на общую и специальную, приближая ее к институту помилования.

В целом законодательство мусульманских государств содержит схожие основания и виды освобождения от наказания, что приводит к нецелесообразности рассмотрения их всех и позволяет ограничиться наиболее характерными. Уголовные кодексы Иордании и Сирии предусматривают в качестве оснований освобождения от наказания: смерть осужденного (виновного), амнистии (как общая, так и специальная), отказ потерпевшего от реализации своего права, истечение срока давности, условное осуждение и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания[1]. Иракское законодательство предусматривает освобождение от наказания при смерти осужденного, отказе потерпевшего от реализации права на привлечение виновного к уголовной ответственности, по амнистии (общей и специальной) и в связи с истечением сроков давности (ст.ст. 152–155 УК Ирака). УК ИРИ предусматривает отсрочку исполнения наказания (аналог условного осуждения – ст.ст. 25–28, 29, 30–32 и др.) и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст.ст. 38–40), амнистию и освобождение в связи с помилованием, освобождение от наказания по болезни (ст. 37), освобождение от ответственности в связи с возмещением ущерба и отказом потерпевшего от жалобы или иска (ст.ст. 22, 23), а также в связи с действиями, направленными на содействие раскрытию и расследованию преступления (изобличение участников, розыск имущества, добытого в результате преступления и др.), явкой с повинной лица и последующими посткриминальными позитивными действиями, по УК РФ характеризуемыми как деятельное раскаяние (ст.ст. 22 УК ИРИ и некоторые др.). Предусмотрены они разделом 2 УК с названием «Смягчение наказания» – указанными нормами суду представлено право как смягчить наказание, так и назначить иное, более мягкое, назначить «сдерживающие меры» или «меры судебного взыскания».

Если с освобождением в связи со смертью виновного общая картина ситуации не вызывает вопросов, то не так однозначно обстоят вопросы с остальными видами освобождения. Собственно, и в связи со смертью лица освобождение не является полным – оно обусловлено невозможностью непосредственного применения (например, лишить свободы), а другие наказания, такие как конфискация имущества или закрытие по суду учреждения (такой вид наказания предусмотрен в уголовных кодексах ряда мусульманских госу-

[1] Елаян Г.Ф. Указ. соч. С. 68.

дарств) подлежат исполнению в обычном порядке.

Тем не менее, данный вид освобождения носит неординарный характер, поскольку связан с отсутствием самого фигуранта преступления и отбывания назначенного наказания (соответственно, и освобождения) и случается это нечасто; другие виды более востребованы и заслуживают хотя бы беглого рассмотрения.

Освобождение по амнистии имеет два относительно самостоятельных аспекта – общий и специальный; последний, как упоминалось, весьма близок к помилованию, предусмотренному в ст. 85 УК РФ. Она применяется в отношении индивидуально определённого лица при наличии вступившего в силу приговора, решение в силу значимых обстоятельств, выступающих объективным основанием, принимается по представлению правительства главой исполнительной власти или Верховным лидером (в Иране – Аятоллой, в государствах Саудии – Королем, Султаном в Омане, а в Сирии и Йемене – Президентом). Общая же амнистия принимается самим законодательным органом в отношении индивидуально неопределенного круга лиц, совершивших преступления, перечисленные в акте об амнистии (ст.ст. 49 и 50 УК Иордании). По УК ИРИ решение о помиловании (данный судебный акт называет такое решение помилованием – по аналогии с УК РФ) по представлению главы судебной власти принимает/утверждает духовный руководитель государства (ст. 24 УК Ирана).

Аналогом освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, предусмотренным ст. 76 УК РФ, выступает освобождение от наказания в связи с отказом потерпевшего от реализации права привлечения виновного к ответственности – в связи с отсутствием в рассматриваемых уголовно-правовых источниках разделения на институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания все эти виды представлены как один общий, единый институт с одинаковыми правовыми последствиями. Данное основание освобождения закреплено в ст.ст. 52 и 53 УК Иордании, 22 и 23 УК Ирана. Оно в целом регламентирует схожие порядок и основания освобождения с положениями ст. 76 УК РФ за исключением одного обстоятельства – если по делу представлено несколько потерпевших решение принимается одно при их общем согласии.

Освобождение в связи с истечением сроков давности, выступая универсальным основанием освобождения от уголовной ответственности и наказания для всех правовых систем, знакомо и исследуемым правовым источникам. Сирийский законодатель устанавливает общий десятилетний срок и выше – удвоенный по отношению к размеру назначенного наказания – при условии, что он остается в промежутке между десятью и двадцатью годами; заслуживает внимания последовательность подхода – и при совершении уголовного проступка соблюдается удвоенный срок строго между пятью и десятью годами; двадцатипятилетний срок давности применяется к осужденным пожизненно и приговоренным к смертной казни (ст. 162 УК Сирийской Арабской Республики).

Как уже подчеркивалось, разновидностями освобождения от наказания считаются условное осуждение и условно-досрочное освобождение от наказания. При этом положения, их регламентирующие, также обнаруживают определенное сходство с аналогичными институтами, предусмотренными УК РФ. Ст. 55 УК Иордании содержит юридическое основание применения условного осуждения – если суд, назначив наказание в виде лишения свободы или арест (за проступки, наказуемые сроком до одного года), придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального его отбывания, оно (наказание) может быть условным; в этом случае устанавливаются соответствующие требования к поведению осужденного. Ст. 55 УК Иордании предписывает учитывать поведение и

возраст осужденного, смягчающие и отягчающие обстоятельства и позволяет определить испытательный срок до трех лет (по УК ИРИ от двух до пяти лет). Аналогичные предписания содержит УК САР, ст. 169 которого перечисляет требования: осужденному дается два года для возмещения ущерба (полностью или частично), если же совершено нарушение (проступок) – то 6 месяцев; виновный вправе воспользоваться поручительством иных лиц. Согласно предписаниям ст.ст. 25–26 УК ИРИ отсрочить на указанный срок наказание можно при назначении сдерживающих мер или судебных взысканий с установлением ряда обязанностей: обращение за лечением в соответствующее учреждение, запрет посещать определенные места или заниматься определенной деятельностью, запрет совершения недозволенных по религии поступков или, наоборот, несовершения обязательных по религии действий и некоторых др.

Поскольку по своей природе условное осуждение и условно-досрочное освобождение признаются элементами системы, образующей институт освобождения от наказания, они регламентированы смежными нормами. Ст. 172 УК САР предусматривает возможность условно-досрочного освобождения лица, отбывающего лишение или ограничение свободы при отбытии им двух третей срока назначенного наказания (но не менее девяти месяцев) при подтверждении успешности процесса его исправления; при этом весь оставшийся до истечения срока период оно находится под административным надзором (данное правило установлено ст. 175 УК САР). А ст. 176 предусматривает основания отмены условно-досрочного освобождения: при нарушении условий административного надзора или если освобожденный уклоняется от исполнения обязанностей, возложенных при условно-досрочном освобождении; а также если в оставшийся период будет совершено новое преступление или проступок. Лицо, осужденное к пожизненному лишению свободы, также может быть освобождено, но после фактического отбытия двадцати лет.

По УК ИРИ лицо может быть условно-досрочно освобождено при отбытии двух третей наказания, если оно осуждено за преступление, за которое законом предусмотрено наказание в виде тюремного заключения на срок более трех лет; если же менее этого срока – при отбытии не менее половины назначенного срока наказания (ст. 38). Статья 40 устанавливает, что освобождаемому устанавливается испытательный срок от двух до пяти лет. Условия освобождения схожие: характеристики личности осуждённого, его социальный статус и иные обстоятельства позволяют прийти к выводу о том, что освобождаемый не совершит нового преступления, притом он в меру возможностей возместил ущерб, причиненный преступлением и в процессе отбывания наказания доказывал исправление примерным поведением.

Выше отмечалось сходство регулирования рассматриваемых вопросов по УК мусульманских республик бывшего СССР. В изученном в рамках сравнительного анализа УК Узбекистана условное осуждение отнесено к освобождению от наказания наряду с условно-досрочным освобождением и заменой неотбытой части наказания другим, более мягким видом наказания (ст.ст. 72, 73, 74). Кроме этих видов в УК Узбекистана нашли закрепление освобождение вследствие истечения сроков давности исполнения наказания, освобождение в связи с деятельным раскаянием, утратой общественной опасности (аналог российского освобождения от наказания в связи с изменением обстановки) и с болезнью или утратой трудоспособности, на основании актов амнистии и помилования (ст.ст. 69–76)[1]. По причине схожести регулирования и ограниченности объема настоящей работы не усматривается целесообразности анализировать положения об освобождении от

[1] УК Узбекистана утвержден законом Республики Узбекистан № 2012-II от 22.09.1994г.// lex.uz/ docs/ 111457 // время доступа 27.08.2023г.

наказания по УК других постсоветских республик, тем более, что они достаточно подробно проанализированы в современной литературе[1].

Обращение к опыту регулирования освобождения от наказания упомянутых выше государств позволяет утверждать, что одним из наиболее заметных современных трендов является то, что в рамках постепенной гуманизации, вызванной глобальными процессами, в наиболее репрессивной сфере регулирования общественных отношений – в уголовном праве – постоянно апробируются различные альтернативные уголовно-правовые меры. Как справедливо подчеркивается в литературе, все больше и больше принципы гуманизма и справедливости определяют стратегию уголовной политики большинства современных государств. Та же известная своей «строгостью» нравов ИРИ допускает в общественной жизни значительные послабления в поведении населения (и в ментальности), что естественным образом формирует соответствующий посыл власти, отражаясь и на процессе принятия законов, и на судебной и иной практике. Признается всеобщей тенденцией сокращение числа приговоров, связанных с реальным лишением свободы, стремление заменить карательные меры превентивными, улучшить положение заключенных, минимизировать количество осужденных в исправительных учреждениях и др.[2] Имеются заслуживающие внимания положения в УК государств, разделивших в XX в. общую судьбу с Россией, законодательство которых в ряде положений восходит к истокам советского уголовного права. Отсюда вытекает то, что положения этих кодексов следует вдумчиво оценивать с точки зрения использования их в процессе дальнейшего совершенствования УК РФ. По справедливому замечанию А.Р. Гараевой, данная задача имеет непреходящий характер[3]. И ее постановка объясняется не только тем, что в законодательной регламентации отдельных норм УК РФ имеются неудачные решения – она обусловливается постоянно происходящими в мире и российском обществе изменениями, тем, что социальная жизнь расставляет новые акценты, вызывает необходимость оптимизации соответствующих решений при неизменности лишь общей концепции современного уголовного законодательства России: обеспечения безопасности человека, общества, государства и гуманизации уголовно-правовых мер воздействия на лиц, совершивших преступления.

---

[1] Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2022. С. 135–142; Рамазанов Е.Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2022. С. 129–130, 135 –138 и др.; Каримов А.М. Добровольное возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного преступлением (юридическая природа и уголовно-правовые последствия): Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2020. 83–203; Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 92–101.

[2] Галиуллин И.З. Условные меры уголовно-правового характера: вопросы теории, законотворчества и правоприменения: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 54.

[3] Гараева А.Р. Смягчение наказания как одна из форм поощрения позитивного поведения осужденного // Вести. Саратов. гос. акад. права. 2007. № 3. С. 195–198.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдел-Кадер Ауда. Мусульманское уголовное право. Т. 1. Бейрут, 1983. С. 680.
2. Абдул аль-Рахман Салман Саид. Комментарий к Уголовному кодексу Йеменской Республики – Аден, 2003. С. 260.
3. Ахмед Фатхи Бахнаси. Аль-джарина фикх аль-ислами. − Бейрут, 1381. Х. С. 242−243.
4. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2016.
5. Боронбеков С.А. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе. Рязань, 2004. 279 с.
6. Гараева А.Р. Смягчение наказания как одна из форм поощрения позитивного поведения осужденного // Вести. Саратов. гос. акад. права. 2007. № 3. С. 195–198.
7. Галиуллин И.З. Условные меры уголовно-правового характера: вопросы теории, законотворчества и право- применения: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007.
8. Елаян Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права: учебное пособие. Махачкала, 2002. // Studfile.net – 89 с.
9. Иванов Н.Г. Курс уголовного права. Общая часть: учебное пособие. Москва: Проспект, 2021. 784 с.
10. Каримов А.М. Добровольное возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного преступлением (юридическая природа и уголовно-правовые последствия): Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2020.
11. Махмуд Махмуд Мустафа. Уголовное право Египта. Общая часть. Изд. 1-е. Дар-ал-нахата. Каир, 1997. С. 555.
12. Рамазанов Е.Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2022.
13. Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве: Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2022.
14. Мустафа Ахмад аз-Зарка. Введение в исламское правоведение, Т. 3. Дамаск, 1969. 613 с.
15. Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: Учебное пособие. М.: Статут, 2015. 256 с.
16. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986. 256 с.
17. Уголовное право Йеменской Республики. Общая часть / под ред. Али-Хасан Аль-Шарафи. Сана, 1995. С. 148.
18. Хантуш Салех Мехди Абдулла. Виды наказаний по уголовному праву Йеменской Республики и Российской Федерации (сравнительно-правовой аспект): Дис… канд. юрид. наук. Казань, 2016.

Дата поступления: 23.08.2023

УДК 343.7
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_132

Дубовиченко С.В. Карлов В.П.

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК ХИЩЕНИЯ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Dubovichenko S.V. Karlov V.P.

SENIOR PURPOSE AS A SIGN OF THEFT IN THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW AND JUDICIAL PRACTICE

Ключевые слова: *корыстная цель, корысть, цель, мотив, хищение, признаки хищения, третьи лица.*
Keywords: *selfish goal, self-interest, goal, motive, theft, signs of theft, third parties.*

Аннотация: *в статье анализируется корыстная цель как признак хищения. В доктрине уголовного права и правоприменительной практике длительное время господствовало узкое понимание корыстной цели, которое отождествляло корыстную цель с личным обогащением виновного и связанных с ним лиц. Причиной написания статьи послужило изменение трактовки корыстной цели высшей судебной инстанцией, которое приводит возобновлению практики привлечения к ответственности так называемых третьих лиц, в пользу которых, как полагает высшая судебная инстанция, могут совершаться хищения с корыстной целью. Широкий подход к пониманию корыстной цели допускает ее при передаче похищенного имущества любым лицам. Авторы пытаются разобраться в правильности нового подхода. Обосновывается позиция, что широкий подход к корыстной цели лишает этот признак хищения предметной определенности и является способом правоприменительного исключения законодательного признака хищения. Обращается внимание на последствия такого толкования при разграничении преступлений против собственности и других составов преступлений. Авторы исходят из того, что корыстная цель как признак хищения отражает стремление к личному обогащению или обогащению иных лиц, в благополучии которых виновный лично заинтересован. Поэтому целью написания данной статьи является попытка выявить неоправданность позиции правоприменительной практики по расширению трактовки понятия корыстной цели.*
Abstract: *The article analyzes selfish purpose as a sign of theft. For a long time, the doctrine of criminal law and law enforcement practice was dominated by a narrow understanding of the selfish goal, which identified the selfish goal with the personal enrichment of the perpetrator and persons associated with him. The reason for writing the article was a change in the interpretation of the mercenary purpose by the highest court, which leads to the resumption of the practice of bringing to justice so-called third parties, in whose favor, as the highest court believes, thefts may be committed for mercenary purposes. A broad approach to understanding a selfish goal allows it when transferring stolen property to any persons. The authors are trying to understand the correctness of the new approach. The position is substantiated that a broad approach to a selfish goal deprives this sign of theft of substantive certainty and is a method of law enforcement to exclude the legislative sign of theft. Attention is drawn to the consequences of such an interpretation when distinguishing between crimes against property and other crimes. The authors proceed from the fact that a selfish goal as a sign of theft reflects the desire for personal enrichment or the enrichment of other persons in whose well-being the perpetrator is personally interested.*

Therefore, the purpose of writing this article is to try to identify the unjustified position of law enforcement practice to expand the interpretation of the concept of selfish purpose.

Исходя из Примечания 1 к ст.158 УК РФ обязательным признаком субъективной стороны хищения выступает наличие корыстной цели.

Подчеркиваем, что законодатель указывает именно на наличие корыстной цели, а не корыстного мотива. Мотив и цель понятия тесно связанные, имеющие сходные функции, но не тождественные. В уголовном законе часто используется термин «побуждение», которое можно рассматривать в качестве родового понятия и для мотива, и для цели. Используя такой термин, законодатель тем самым затушёвывает различие между мотивом и целью преступления. При всей схожести мотива и цели эти понятия нельзя отождествлять и уравнивать, как это делается зачастую на практике. Такое смешение противоречит волевой природе мотива и рациональной (интеллектуальной) природе цели преступления. Уголовное право эти категории не изобретает, а лишь выявляет, интерпретирует и дает им уголовно-правовую оценку.

В науке уголовного права и криминологии обосновывается позиция о возможности совершения хищения с корыстной целью, но без корыстного мотива[1]. Ярким литературным примером такого преступления является убийство, совершенное Родионом Раскольниковым в произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В действиях литературного персонажа больше усматривается мотив самоутверждения[2], а не корысти, но для его достижения ставилась цель совершения убийства и завладения чужим имуществом. Не исключено сочетание экстремистского мотива и корыстной цели, мести и корыстной цели. Мы допускаем в целом возможность сочетания корыстной цели с некорыстным мотивом, но представляется, что психологическая картина таких преступлений сложнее, чем упрощенное представление о них. Поведение человека, как правило, полимотивно, то есть сочетает множество различных и порой даже амбивалентных мотивов. В таких случаях вполне может быть доминирующим некорыстный мотив, а корысть проявлять в качестве подчиненного мотива преступления. Если продолжить пример с Раскольниковым, то корыстная цель не была доминирующей, а выступала в качестве второстепенной, что соотносилось с подчиненной ролью корыстного мотива. Совершение корыстных преступлений, в основе которых лежит мотив самоутверждения, характерно для несовершеннолетних преступников. Хищение является своего рода способом доказательства своей полноценности, собственно обогащение или обогащение соучастников в таком случае будет играть подчиненную роль. В таких случаях нельзя использовать правило квалификации по доминирующему мотиву или цели. Если в действиях лица доминирующим является нейтральные с уголовно-правовой точки зрения мотив или цель (как в случае примера с самоутверждением), а конструктивный или квалифицирующий признак мотива или цели будет играть подчиненное значение, то квалификация должна осуществляться по мотиву или цели, которая носит подчиненное значение. Правило квалификации по доминирующей мотивации следует применить, если конкурирующие мотивы или цели имеют равное уголовно-правовое значение.

В подавляющем большинстве при совершении хищения корыстные мотивы, выражающие стремление к обогащению,

[1] См.: Антонян Ю.М. Бессознательное в корыстном преступном поведении // Общество и право. 2015. № 2 (52). С.123

[2] См.: Дубовиченко С.В., Никульцева В.В. Родион Раскольников: "тварь я дрожащая или право имею?" // Вестник Московского информационно-технологического университета - Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 1. С. 55-61.

опосредуют наличие доминирующий корыстной цели.

Толковый словарь русского языка В. Даля определяет корысть как «страсть к приобретению, к поживе; жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыше» [1].

В основе поведения виновного лежат материальные потребности человека, удовлетворяя которые он совершает преступление. При этом он может стремиться получить какую-либо материальную ценность (деньги, имущество и т.д.) или намеревается избавиться от материальных затрат (уплаты долга, платежа алиментов, возврата имущества и т.д.)[2]. Избавление от затрат - характеристика корысти, лежащая за рамками хищения. Любое хищение включает изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц.

С уголовно-правовой точки зрения корысть – это мотив, в основе которого лежит стремление к получению материальной выгоды, к обогащению за счет другого[3] без затрат собственных усилий, то есть обогащение за счет чужого труда[4].

Корыстная цель характеризует «стремление виновного обогатиться, завладеть имуществом, на которое он не имеет права»[5]. Последнее необходимо особенно выделить, поскольку корысть приобретает низменный характер именно потому, что лицо пытается завладеть чужим имуществом вопреки социальным институтам, то есть, нарушая социально приемлемые практики получения имущества. Нет корыстных побуждений в том, что человек много работает и учится, чтобы стать богатым и успешным.

Для выяснения природы корыстной цели можно также обратиться к терминологии, использованной законодателем для характеристики незаконного изъятия чужого имущества: так, в основе слово «хищение» является однокоренным со словом «хищник», «хищный». В толковом словаре Д.В. Дмитриева очень точно указывается на значение слова «хищный», таким качеством обладает человек, который «нацелен на захват, присвоение чужой собственности, пренебрегает интересами других людей, коварен и жесток»[6]. Старославянская основа слова «хищный» – «хватать»[7]. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «хищный» означает «жадный, полный стремления овладеть кем-чем-нибудь»[8].

Таким образом, можно видеть на примере указанных родственных слов, что однокоренной с ними термин «хищение» семантически скрывает в себе захватническую (присвоительную) личностную цель, а законодатель в Примечании 1 к ст.158 УК РФ определяет ее общепринятым в уголовном праве термином, как корыстную цель. Происхождение слова корысть также соотносится по социальному смыслу с указанными выше словами.

Уместно для примера вспомнить героев таких произведений, как «Отверженные» Виктора Гюго, где главный герой (Жан Вальжан) угодил в тюрьму из-за хи-

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка // https://slovardalja.net/word.php?wordid=13922

[2] См.: Теплова Д.О. Корыстные цель и мотив как признаки хищения // Российский следователь, 2013, № 13 // КонсультантПлюс, Версия Проф. 2023 г.

[3] См.: Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: изд-во Казанского университета, 1982 - С.45, 46.

[4] См.: Миненок М.Г. Корысть: криминологические и уголовно-правовых проблемы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001 С.46; Якушин В.А. Мотивы и цели преступления: учеб. Пособие. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2016. - С.52.

[5] Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. 2023.

[6] Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / Под ред. Д.В. Дмитриева. - Москва : Астрель, 2003

[7] Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005.

[8] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им В.В. Виноградова. М.: «А ТЕМП», 2004 г. - С.862

щения хлеба из лавки для своей семьи ввиду полной безысходности своего положения, героя знаменитого польского фильма «Знахарь», который похитил медицинские инструменты для спасения жизни и т.д. – ни у кого из них не было корыстной цели и все они действовали в интересах третьих лиц.

Для чего необходимы литературные источники и чем они выгоднее отличаются от юридической практики? Дело в том, что художник, писатель, не связан интересами уголовной политики, он полнее выявляет природу преступления, ему интересна личность героя, тогда как правоприменитель часто, по различным причинам, проявляет тенденциозность в интересах, скажем так, завершенности юридического процесса.

Психологическая природа цели проявляется в ее функциях[1]. Функции цели конкретизируют и уточняют функции мотива преступления. Побудительная и смыслообразующая функция мотива реализуются во взаимосвязи мотива и цели преступления. Корыстная цель выполняет следующие функции: побудительную, стратегическую, регулирующую и контролирующую. Побудительная функция корыстной цели усиливает побудительную функцию мотива и придает ей большую предметность. Если корыстный мотив отражает стремление к обогащению, то корыстная цель определяет предмет способный удовлетворить эту потребность. Стратегическая функция корыстной цели придает системный характер действиям лица[2], направленным на достижение материальной выгоды. Цель в данном случае лежит в основе определения способов, путей и средств достижения необходимого результата. Цель формирует те общественно опасные последствия, которые охватываются предвидением лица. В зависимости от степени конкретизации цели умысел на хищение может быть определенным или неопределенным. Ярким примером системообразующего значения цели являются продолжаемые хищения. В таких хищениях цель соединяет тождественные преступные акты в единую цепь.

Контролирующая и регулирующая функции цели также определяются мотивом преступления. Контролирующая функция корыстной цели заключается в сопоставлении того результата, к которому стремится лицо, с фактически совершаемыми действиями. В случае отклонения в действиях срабатывает регулирующая функция цели и действия лица корректируются с учетом обстоятельств совершения преступления.

Самая очевидная форма для проявления корыстной цели – завладение чужим имуществом в свою пользу, то есть для личного обогащения. Вместе с тем, из понятия хищения следует, что оно может быть совершено не только в пользу виновного, но и других лиц. В таком случае, возникает вопрос, как установить наличие корыстной цели в действиях виновного, если в результате совершения хищения обогащается другое лицо?

В науке уголовного права установилось понимание, что о корыстной цели в таких случая можно говорить, если имущество передается тем лицам, с которыми виновный находится в близких, родственных, дружеских или имущественных отношениях. Иными словами, необходимо устанавливать факт наличия отношений личного характера между виновным лицом и выгодоприобретателем хищения. В таком случае обвиняемый стремится обогатить близких ему людей. Б.В. Волженкин так комментировал указанную ситуацию: «Считая себя обязанным в силу родственных, интимных, дружеских отношений делать им подарки, оказывать материальную помощь, субъект не желает расходовать

[1] См.: Якушин В., Дубовиченко С. Соотношение цели преступления с интеллектуальными моментами умысла // Уголовное право. 2006. № 6. С. 60-61.

[2] См.: Гилязев Ф.Г. Социально-психологические и криминологические аспекты вины. Уфа, 1978. С. 10.

свои личные средства, а делает это за счет чужого имущества»[1].

Сложнее оценить ситуацию, если чужое имущество передается юридическому лицу. В таком случае следует исходить из факта личной заинтересованности виновного в том, чтобы выгодоприобретателем стало именно данное юридическое лицо. Виновный заинтересован в экономически успешном (прибыльном) функционировании организации, поскольку с этим напрямую связано его материальное благополучие (в качестве совладельца, вкладчика, акционера, менеджера и т.п.).[2] К примеру, должностное лицо, организуя растрату в пользу юридического лица, рассчитывает в дальнейшем перейти на руководящую должность в этой организации или устроить на работу своих родственников.

Имеются некоторые особенности проявления корыстной цели в хищении, совершаемом в соучастии. В таком случае корыстная цель должна проявляться в стремлении к обогащению соучастников хищения. Основанием для вменения корыстной цели здесь будет наличие осведомленности о корыстной цели в действиях других участников группы при осознании того, что своими действиями лицо способствует реализации этой цели[3]. Сам соучастник может действовать, руководствуясь некорыстной целью, корыстная цель будет ему вменена исходя из субъективной совместности действий соучастников.

Подытоживая выше сказанное, можно констатировать, что о наличии корыстной цели в хищении свидетельствует:

1) личное обогащение виновного лица, то есть получение им имущественной выгоды, которая выражается в увеличении собственного имущества за счет чужого;

2) обогащение лиц, с которыми виновного связывают личные отношения (родственные, дружеские и проч.);[4]

3) обогащение соучастников хищения (при условии осознания корыстной цели в действиях других соучастников);

4) обогащение лиц, с которыми виновный находится в имущественных и деловых отношениях (трудовые, гражданско-правовые и проч.).

5) обогащение юридических лиц, в успешной экономической деятельности которых, имеется личная заинтересованность виновного лица.

При получении выгоды третьими лицами, в обогащении которых нет личной заинтересованности, то есть личностного смысла, действия лица не должны квалифицироваться как совершенные с корыстной целью.

Личностный смысл позволяет нам связать преступление и его цель с личностью преступника, так как именно эгоистический аспект личности преступника, его корыстная составляющая позволяет увидеть, на какой результат было направлено само преступление.

То есть, корыстная цель не может быть случайным результатом преступления, она диалектически и закономерно связана с личностью самого деятеля. И если правоприменитель не выявляет таких черт, а выявляет иные, в том числе альтруистические побуждения и результат их реализации, не приводящие к слиянию личности и результата, то говорить о корыстной цели преступления нельзя.

Перейдем к рассмотрению корыстной цели в судебной практике. Определение корыстной цели в судебной практике мы можем найти в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по де-

---

[1] Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 385.

[2] См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 298 - 299

[3] См.: Есаков Г.А. Корыстная цель в хищении и новое постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2018. N 1. С. 47 - 52.

[4] См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 153.

лам о мошенничестве, присвоении и растрате". В названной постановлении содержится следующее разъяснение: «обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен». В ранее действовавшем Постановлении Пленума ВС РФ от 27.12.2007 № 51 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" не уточнялся круг лиц кому может быть передано имущество, в нем было лишь указано о передачи имущества обладание другими лицами. Круг лиц никак не очерчивался. Таким образом, содержание признака корыстной цели в обновленном Постановлении №48 расширяет его границы. Аналогичную позицию мы видим в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ: «как растрата квалифицируются противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника, в том числе путем его передачи другим лицам, включая юридические, круг которых не ограничен соучастниками виновного и близкими ему лицами»[1].

Исходя из этого определения видно, что в судебном толковании признака корыстной цели определен более широкий набор признаков в сравнении с доктринальным толкованием. Мы можем выделить несколько признаков искомого понятия, опираясь на разъяснение Верховного Суда РФ:

а) изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу. Этот признак соответствует традиционному пониманию корыстной цели, связанному со стремлением к личному обогащению;

б) стремление распорядиться чужим имуществом как своим собственным. С одной стороны данный признак конкретизирует предыдущий, поскольку трудно представить себе обращение чужого имущества в свою пользу без распоряжения им по своему усмотрению, но с другой стороны, распоряжение может быть и без обогащения. Вспомним образ советского кинематографического Робин Гуда – Юрия Деточкина, который угонял автомобили у граждан с «нетрудовыми» доходами, а вырученные от продажи деньги переводил в детские дома. Он распоряжался чужим имуществом по своему усмотрению, но не получал никакого обогащения. Включение такого признака расширяет предметное содержание корыстной цели. И это не досужая выдумка, это квинтэссенция той социальной, следственно-судебной практики, выраженной средствами искусства, так как известно, что конструкцией, так называемых, хищений в пользу третьих лиц формулировались хронические пороки социалистической формы хозяйствования, а также репрессивной сущности существовавших длительное время законов. Представляется, что возрождать такую практику не следует.

в) стремление распорядиться чужим имуществом путем передачи другим лицам, круг которых не ограничен. Выше мы уже разбирали ситуации, когда происходит обогащение третьих лиц в результате совершения хищения. Напомним, что, согласно доктринальному толкованию, третьи лица, в чью пользу передается имущество, должны быть связаны с виновным, у него должна быть личная заинтересованность в обогащении других лиц. Однако, приведенное судебное толкование дезавуирует данный признак, поскольку допускает передачу имущества любому лицу, даже если это лицо никак с виновным не связано. Можно быть теперь уверенными, что Юрий Деточкин точно бы не ушел от современной юстиции. «Помощь» детским домам хорошо укладывается в границы современной интерпретации данного признака.

В доктрине уголовного права широкую трактовку корысти в своих работах

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)

предлагал А.Г. Безверхов[1]. Г. Борзенков предлагал исключить указание на корыстную из понятия хищения, заменив ее целью «завладения чужим имуществом или обращения с чужим имуществом, как со своим собственным»[2].

Таким образом, в судебной практике утвердился широкий подход к пониманию корыстной цели применительно к хищению чужого имущества путем мошенничества, присвоения или растраты, который заключается в распоряжении чужим имуществом как своим собственным. Хотелось бы особенно подчеркнуть то обстоятельство, что приведенное выше толкование признака корыстной цели дается применительно только к мошенничеству, присвоению и растрате, на что прямо указано в п.26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. Корыстная цель - это признак хищения в целом, а не отдельных его форм и понимание такого признака должно быть одинаковым для всех форм хищений. Однако, в п.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" закреплено, что «не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью» и здесь Пленум не указывает, что корыстная цель заключается в распоряжении чужим имуществом как своим собственным. Дело в том, что широкий подход к пониманию корыстной цели стирает границы между смежными составами преступлений против собственности, например, между угоном без цели хищения и кражей автомобиля. Управляя чужим автомобилем без цели хищения, угонщик распоряжается чужим имуществом как своим собственным, а значит, если следовать этой логике действует с корыстной целью. Невозможно также вменить составы уничтожения или повреждения имущества, поскольку эти действия также представляют собой формы распоряжения чужим имуществом как своим собственным. В судебной же практике изъятие имущества с целью его уничтожения не квалифицируется как корыстное преступление. Вменению подлежит ст.167 УК РФ. Такое решение продиктовано тем, что лицо чужим имуществом распоряжается, но это распоряжение не приводит к обогащению. Аналогично должны оцениваться ситуации, когда изъятое имущество передается иному лицу, в обогащении которого нет личной заинтересованности. Этот пример принципиально не отличается от изъятия с целью уничтожения, ведь ни для виновного, ни для связанных с ним лиц этого имущества больше нет. Оно находится в обладании других лиц.

Широкий подход к содержанию корыстной цели также серьезно может затруднить разграничение между хищениями и должностными преступлениями. К примеру, при нецелевом расходовании бюджетных средств (ст.285[1] УК РФ) должностное лицо по своему усмотрению расходует бюджетные средства, что дает основание расценивать эти действия как совершенные с корыстной целью и вменить ему растрату бюджетных средств.

Обратимся к анализу позиции судебной практики в отношении корыстный побуждений. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" корыстные побуждения понимаются как совершенные «в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)». Такое же разъяснение дается для ч.2 ст.228.1 УК РФ

[1] См.: Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Автореф. дис. . д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002. С.11.

[2] См. Борзенков Г. Признаки хищения в составе вымогательства // Законность. 2010. № 4. С. 19 - 24. // КонсультантПлюс, Версия Проф.

в п.22 в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами".

Такой же подход виден в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где корыстная заинтересованность – «стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.)». В этих позициях Верховный суд РФ исходит из того, что корысть требует получения выгоды для виновного или других лиц, а не просто распорядиться чужим имуществом как своим собственным или путем передачи имущества другим лицам, круг которых не определен.

Показательным примером еще одного корыстного преступления[1], где предусмотрена передача имущества другим лицам является получение взятки. В соответствии с ч.1 ст.290 УК РФ взятка может быть передана иному физическому и юридическом лицу. Здесь можно усмотреть сходство с передачей имущества в пользу других лиц как признаком хищения. Как понимается адресат передачи имущества при получении взятки? В соответствии с п.23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», предусмотрено, что «если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки». Такая точка зрения обусловлена тем, что передача вознаграждения иному лицу исключает корыстную заинтересованность получателя взятки, поскольку данное лицо или его близкие не извлекают личной выгоды.

Сходные признаки должны пониматься единообразно, нельзя вкладывать в содержание корысти различное содержание. Имущественная выгодна – это результат, к которому стремится лицо, для корысти этот результат связан с обогащением за счет чужого имущества, а распоряжение имуществом как своим собственным это характеристика действий лица, а не его побуждений. Как правильно обратил внимание Хилюта В.В. «широкое понимание корысти предопределяет не конечную цель виновного и направленность его действий, а цель действий преступника - изъятия или обращения, а проще говоря, завладения чужим имуществом. Следовательно, можно прийти к выводу, что всякое завладение чужим имуществом и есть хищение» [2].

Широкая трактовка корыстной цели выхолащивает содержание корысти из цели действий лица и является способом правоприменительного, то есть путем толкования исключения признаков преступления, предусмотренных законом. Мы не можем рассматривать это как пример расшири-

[1] См.: Яни П. Корысть как признак получения взятки // Законность. 2010. N 2. С. 22 - 28.

[2] См.: Хилюта В.В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. N 4. С. 93 – 102 // КонсультантПлюс, Версия Проф. 2023.

тельного толкования текста закона, скорее это похоже на применение уголовного закона по аналогии. В соответствии со ст.8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Отсутствие корыстной цели исключает вменение хищения чужого имущества.

Надо отметить, что Верховный суд РФ уже не первый раз пытается нивелировать признак корыстной цели. Напомним, что в соответствии с примечанием 1 к ст.158 УК РФ понятие «хищения» распространяется на весь кодекс, поэтому корыстная цель должна быть обязательна для всех видов хищения, находящихся за рамками главы 21 УК РФ. Однако, правоприменитель данное требование старается не замечать. Показательны два примера, оба они касаются специальных видов хищения, предусмотренных ст.ст.226 и 228 УК РФ. Так в п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) "О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств" сказано, что «под оконченным хищением… оружия… следует понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом». В этом определении ни слова не сказано о наличии собственной самой корыстной цели, строго говоря здесь вообще отсутствует большая часть признаков хищения, закрепленных в Примечании 1 к ст.158 УК РФ. В постановлении формулируется усеченное определение хищения оружия по сравнению с общей нормой. Мы не исключаем резонности такого похода, принимая во внимание особенность предмета хищения, однако, понятие «хищения», предусмотренного Примечанием 1 является общим для всего УК РФ и любое его изменение является прерогативой законодателя, а не правоприменителя. Признак корыстной цели можно здесь различить в упоминании намерения присвоить похищенное или передать другому лицу, а также распорядиться им по своему усмотрению.

Применительно к хищению наркотиков в п.23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" от всех признаков хищения осталось только «противоправное изъятие».

Есть также одно законодательное «но» - несоответствие, которое позволяет правоприменителю обходить молчанием вопрос о корыстной цели преступления: дело в том, что в статье 73 УПК РФ в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию, указан мотив преступления, но не указана цель преступления, поэтому правоприменитель вполне может считать свою задачу выполненной, если будет совмещать мотив с целью, а корыстной целью будет считать факт противоправного изъятия имущества.

Корыстная цель как признак хищения должна указывать на то, что, совершая хищение, лицо стремится к личному обогащению или обогащению иных лиц. Корыстная цель при обогащении иных лиц, может быть, только если виновный в этом лично заинтересован, поскольку иные лица состоят с виновным в личных, имущественных отношениях или являются соучастниками.

Если происходит отчуждение чужого имущества в пользу других лиц при отсутствии личных или имущественных отношений, то корыстная цель как обязательный признак хищения отсутствует. Изменение признаков хищения возможно только на законодательном уровне. Формулирование усеченных форм специальных видов хищения противоречит уголовному закону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонян Ю.М. Бессознательное в корыстном преступном поведении // Общество и право. 2015. № 2 (52).
2. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002.
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
4. Борзенков Г. Признаки хищения в составе вымогательства // Законность. 2010. № 4. // КонсультантПлюс, Версия Проф.
5. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.
6. Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: изд-во Казанского университета, 1982
7. Гилязев Ф.Г. Социально-психологические и криминологические аспекты вины. Уфа, 1978.
8. Дубовиченко С.В., Никульцева В.В. Родион Раскольников: "тварь я дрожащая или право имею?" // Вестник Московского информационно-технологического университета - Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 1.
9. Есаков Г.А. Корыстная цель в хищении и новое постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2018. № 1.
10. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005.
11. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. 2023.
12. Миненок М.Г. Корысть: криминологические и уголовно-правовых проблемы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им В.В. Виноградова. М.: «А ТЕМП», 2004 г.
14. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. М., 2001.
15. Теплова Д.О. Корыстные цель и мотив как признаки хищения // Российский следователь, 2013, № 13 // КонсультантПлюс, Версия Проф. 2023 г.
16. Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / Под ред. Д.В. Дмитриева. - Москва : Астрель, 2003
17. Хилюта В.В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. № 4. С. 93 – 102 // КонсультантПлюс, Версия Проф. 2023.
18. Якушин В., Дубовиченко С. Соотношение цели преступления с интеллектуальными моментами умысла // Уголовное право. 2006. № 6.
19. Якушин В.А. Мотивы и цели преступления: учеб. Пособие. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2016.
20. Яни П. Корысть как признак получения взятки // Законность. 2010. № 2.

Дата поступления: 31.07.2023

УДК: 343.3
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_142

Мирончуковская В.В., Полтавский Б.С.

МОЛОДЕЖНЫЙ И ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Mironchukovskaya V.V., Poltavsky B.S.

YOUTH AND ADOLESCENT EXTREMISM: THE MODERN CONTEXT

Ключевые слова: *экстремизм, радикализация, молодёжная среда, несовершеннолетние, глобализация, дискриминационное насилие, профилактика экстремизма, уголовная ответственность, национальная безопасность, социальные процессы.*

Key words: *extremism, radicalization, youth environment, minors, globalization, discriminatory violence, prevention of extremism, criminal liability, national security, social processes.*

Аннотация: *Проблема экстремизма затронула многие страны. Явление дискриминационного насилия имеет долгую и трагическую историю. Среди факторов, вызывающих особую озабоченность, можно отметить рост преступлений связанных с насилием на почве расовой, религиозной и национальной нетерпимости, деструктивной агрессии в обществе. В условиях современной неспокойной международной обстановки вновь на первый план выходит проблема радикализации отдельных элементов общества и их попыток вовлечь в это несовершеннолетних лиц и молодых людей только достигших совершеннолетия. В настоящее время профилактика экстремизма среди молодежи - это первоочередная задача государства, общества и образовательной сферы. Это сложная социально-психологическая проблема, которая в современных условиях стала актуальной для всех государств мира.*

Цель и задачи данного исследования раскрыть причины возникновения экстремизма и способы борьбы с ним рассмотреть особенности молодёжного дискриминационного насилия и необходимые меры профилактики среди несовершеннолетних и в молодёжной среде, а также осмыслить данный феномен, как в общем, так и конкретно в данной сфере.

Методологической основой работы являются совокупность общенаучных методов исследования, таких как анализ, сравнение, а также частно-научных методов: сравнительно-правовой, системно-структурный и т.д.

Результаты. В работе была поставлена проблема развития и совершенствования профилактики экстремизма в молодёжной и подростковой среде.

Вывод. В ходе исследования социально-правовой информации был осуществлен глубокий анализ проблем экстремизма среди молодых людей и профилактики данного явления в современной России.

Конфликт интересов: Автор заявляет отсутствие очевидных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией.

Abstract: *The problem of extremism has affected many countries. The phenomenon of discriminatory violence has a long and tragic history. Among the factors causing particular concern is the increase in crimes related to violence based on racial, religious and national intolerance, and destructive aggression in society. In the current turbulent international situation,*

the problem of radicalization of certain elements of society and their attempts to involve minors and young people who have just reached adulthood in this comes to the fore again. Currently, the prevention of extremism among young people is a priority task of the state, society and the educational sphere. This is a complex socio-psychological problem, which in modern conditions has become relevant for all countries of the world. The purpose and objectives of this study are to reveal the causes of extremism and ways to combat it, to consider the characteristics of youth discriminatory violence and the necessary preventive measures among minors and among young people, as well as to comprehend this phenomenon, both in general and specifically in this area. The methodological basis of the work is a set of general scientific research methods, such as analysis, comparison, as well as private scientific methods: comparative legal, systemic structural, etc. Results. The work raised the problem of developing and improving the prevention of extremism among youth and teenagers. Conclusion. During the study of social and legal information, an in-depth analysis of the problems of extremism among young people and the prevention of this phenomenon in modern Russia was carried out. Conflict of interest: The author declares that there are no obvious or potential conflicts of interest related to the publication.

Бурное развитие и становление экстремизма стало одним из негативных последствий, происходящих в последние несколько десятилетий социальных, экономических и политических изменений во всём мире. Распад СССР и как следствие – становление однополярного мира во главе с США, экономическая и общественная глобализации, цифровизация и информатизация общества, невиданный ранее рост компьютерных технологий, активная роботизация производства и другие глобальные события сделали наш мир как никогда прежде открытым, доступным, зависимым и уязвимым. Всё, что происходит на одном конце света, будет иметь последствия на другом и наоборот, угроза для одного государства или общества может выйти на международный уровень и затронуть другие общества и государства, как прямо, так и косвенно. Речь в данном случае не только про экстремизм, но его это касается ничуть не меньше, а может даже больше всего. Современные проблемы молодежной политики, радикализация молодежи и связанное с ней применение насилия становятся растущей проблемой, вызывающей озабоченность во всём мире.

Стоит отметить, что сам термин экстремизм появился в научной литературе ещё в XIX веке, хотя его активное использование началось только в XX веке. В переводе с латинского экстремизм переводится как «крайний» и трактуется в большинстве случаев, как поддержка радикальных деяний или взглядов имеющих деструктивную форму[1]. В своей сути он может включать в себя различные элементы, которые можно выделить в отдельные виды экстремизма: политический, националистический, религиозный, экологический, антиглобалистический, локальный, национальный, международный, молодёжный. С одной стороны, экстремизму, дано множество определений, как научных, так и юридических. С другой стороны, невзирая на то, что эта проблема у всех на слуху, единого термина так и не сформулировано. Несмотря на отсутствие унифицированного понятия экстремизма, существует несколько вариантов международных трактовок.

Первая закреплена в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1344 от 29 сентября 2003 г. под названием «Об угрозе демократии со стороны экстремистских партий и

[1] Кондратьева, С. И. Понятие и сущность экстремизма / С. И. Кондратьева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 42 (437). — С. 121-123. — URL: https://moluch.ru/archive/437/95572/ (дата обращения: 22.04.2023).

движений в Европе». Согласно данному документу «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма»[1].

Вторая закреплена в Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Согласно ей, «экстремизм – какое либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность»[2].

Как видно оба определения имеют общий посыл, но отличаются в своей трактовке и концентрируются на разных элементах. В первом пусть и есть уклон в политику, но оговаривается националистический элемент экстремизма, в то время как во втором упор идет исключительно на политическую сферу.

Если говорить об отечественном законодательстве, то определение, данное в Федеральном законе от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее 114-ФЗ) можно назвать более объёмным и включающим в себя множество элементов, хотя оно имеет сходство с трактовкой, закрепленной в Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г., что не удивительно, учитывая участие России в данной организации и ратификацию данной конвенции в 2003 году. Если кратко, то согласно ст. 1 указанного ФЗ экстремистская деятельность, она же экстремизм это: «Насильственное изменение основ конституционного строя; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда превосходства человека, нарушение прав и свобод человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии»[3]. Это далеко не вся деятельность, отнесенная к экстремистской, но уже исходя из указанного выше, можно заметить, что данное определение включает в себя не только политические, но и националистические, религиозные и другие элементы.

Отдельно стоит затронуть вопрос связи понятий экстремизма, радикализма и терроризма, т.к. и в законодательстве, будь то отечественном или международном, а также в научной литературе они идут рука об руку. В большинстве случаев терроризм считают одним из видов или крайней формой экстремизма, но в обоих случаях признаётся, что экстремизм понятие большее, чем терроризм и включает последний в себя. В России согласно п. 15 Указа Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года» закреплено, что «Крайним проявлением экстремизма является терроризм, который основывается на экстремистской идеологии»[4]. Одним из различий данных понятий является то что экстремизм в отличии от терро-

[1] Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе [Электронный ресурс]: Резолюция 1344 (2003). URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp (дата обращения 22.04.2023).

[2] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения 22.04.2023).

[3] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности». Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 22.04.2023).

[4] Указ Президента РФ от 29.05.2020 N 344 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года". Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. -URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения 22.04.2023).

ризма включает в себя не только действия насильственного характера, но иные элементы, не связанные с ними, но затрагивающие права и свободы граждан в негативном ключе. Также «экстремизм направлен на идеологическое (политическое) преобразование общества, тогда как терроризм используется для дестабилизации общества»[1]. В свою очередь радикализм отличается от экстремизма тем, что он предполагает наличие конкретных, чаще всего политических, социальных и экономических целей, для достижения которых используются крайние, т.е. экстремистские методы. Экстремизм не всегда может иметь конкретную цель. Поэтому экстремизм можно назвать практической формой радикализма.

Согласно заявлению Председателя Национального антитеррористического комитета (далее НАК), директора ФСБ Бортникова А.В. от 11 апреля 2023 года с момента начала Специальной Военной Операции (далее СВО) в России было выявлено и «предотвращено 118 преступлений террористической направленности, исполнителями которых являлись молодые люди и подростки, в том числе несовершеннолетние»[2]. Также в начале 2023 года представители МВД отчитались о том, что за январь 2023 года было зарегистрировано 157 преступлений террористического характера (на 12,1 % больше аналогичного периода 2022 года) и 134 преступления экстремистского характера (на 157,7 % больше аналогичного периода 2022 года)[3].

Помимо этого ещё до начала СВО наблюдалась тенденция роста числа преступлений экстремистской направленности, а также всё большее вовлечение в них молодёжи и несовершеннолетних, но именно события последнего года показали необходимость модернизации внутренней политики в данной сфере и совершенствования методов профилактики экстремизма. В настоящий момент с горечью приходится констатировать, экстремизм в молодёжно-подростковой среде характеризуют такие факторы как «увеличение числа противоправных деяний и количества лиц к ним причастных вовлечение в преступную деятельность все большего числа несовершеннолетних и малолетних, рост показателей тяжести преступных деяний»[4].

Но для того, чтобы профилактика экстремизма была эффективной, в том числе в молодежной и несовершеннолетней среде, стоит четко понимать, с чем нужно бороться. Существуют различные индивидуальные, межличностные, общинные и макросистемные факторы, которые могут склонить молодых людей к радикализации и применению насилия. Насильственная радикализация может произойти, когда молодежь находятся под влиянием этноцентрических или других идеологий и социальных явлений. При столкновении с потенциальной социальной изоляцией и маргинализацией по различным причинам, включая, более широкий политический контекст в стране и мире, бедность, безработицу и

[1] Осташев А. А. "Терроризм в современном мире: понятие, виды, причины и уголовная ответственность за содеянное" // E-Scio. - 2021. - №4(55). - С. 611-626. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-v-sovremennom-mire-ponyatie-vidy-prichiny-i-ugolovnaya-otvetstvennost-za-sodeyannoe (дата обращения 01.05.2023).

[2] Селиванова А. НАК: В России с февраля 2022 года предотвратили 118 терактов с участием молодежи // RG.RU. - 11.04.2023. - URL: https://rg.ru/2023/04/11/nak-v-rossii-s-fevralia-2022-goda-predotvratili-188-teraktov-s-uchastiem-molodezhi.html (дата обращения 01.05.2023).

[3] Сапожников А. В России на 160% за год выросло число экстремистских преступлений // Коммерсантъ. 04.03.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5861839 (дата обращения 01.05.2023).

[4] Акимова Г. В. К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - №2. - С. 23-29. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennyh-tendentsiyah-molodezhnogo-ekstremizma-v-rossii (дата обращения: 07.05.2023).

неполную занятость, инвалидность, недостаток образования, расизм, дискриминацию по признаку этнической принадлежности, происхождения, религии, сексуальной ориентации и т.д., у человека возникают в результате сомнения в своей социальной, национальной и этнической самобытности, а также чувства несправедливости и разочарования из-за ограниченных возможностей.

Лидеры и активисты радикальных политизированных структур отводят важную роль вербовочной работе среди молодёжи и несовершеннолетних в школах, учреждениях среднего и высшего профессионального образования, социальных сетях и группах[1]. Возраст участников различных молодёжных и подростковых экстремистских организаций и акций разнится от 18 до 30 лет для первых и от 14 до 17 для вторых. Бывают случаи вовлечения в экстремистскую деятельность и малолетних, в возрасте 12 и 13 лет, неспособностью которых нести ответственность пытаются воспользоваться злоумышленники, однако их участие остаётся минимальным и ограничивается пространством сети интернет.

Почему именно подростки и молодые люди в возрасте до 30-лет наиболее уязвимая категория к насильственному экстремизму? Как уже указывалось выше, данная категория лиц является наиболее подходящей для различного рода асоциальных элементов, стремящихся воспользоваться ими в своих корыстных целях. Они, т.е. молодое поколение, еще нестабильны в плане своих ценностей и установок, обладают особой чувствительностью к несправедливости и романтизируют опасные пути к успеху. Кроме того их поведение отличается девиантным характером и в большей степени построено на отрицании авторитета старших, противопоставлению себя обществу и как следствие игнорирование принятых в обществе норм морали, а также правил поведения.

Насилие как способ решения всех проблем, как на личном уровне, так и на уровне всего общества и государства, особенно притягателен для той части молодого поколения, которое считает себя обделенным и униженным. Именно поэтому важна профилактика молодёжного и подросткового экстремизма, поскольку они являются одной из самых важных и вместе с тем уязвимых категорий граждан. В свою очередь успешная профилактика возможна лишь при определении точных причин возникновения проблемы.

Существует огромное множество факторов, которыми можно объяснить рост молодёжного и подросткового экстремизма. Обозначим некоторые: упадок духовно-нравственных ценностей и социальных ориентиров; рост социальной напряженности в обществе, распространение радикальных настроений и идей, вызванных неудовлетворенностью молодого поколения своим материальным положением; влияние родителей, групп сверстников или авторитетных групп лиц-сторонников экстремистских убеждений; доступ экстремистских организаций к сети интернет и как следствие возможность пропагандировать свою деятельность, а также воздействие на психологические особенности молодого поколения[2]. Также нельзя не отметить и внешний фактор, т.е. воздействие враждебных иностранных разведок с целью дестабилизации России: «прежде всего, это спецслужбы стран НАТО и СБУ»[3].

[1] Гримальская С.А. Роль органов внутренних дел в предупреждении экстремизма в молодежной среде // Криминологический журнал. - 2020. - №1. - С. 25-26. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-preduprezhdenii-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 08.05.2023).

[2] Липская Л.А. Факторы распространения деструктивного поведения в подростковой среде // Социум и власть. - 2019. - №1 (75). - С. 53-59. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-rasprostraneniya-destruktivnogo-povedeniya-v-podrostkovoy-srede (дата обращения: 08.05.2023).

[3] Ваторопин А.С., Тепляков И.И. Молодежный экстремизм в России в контексте Специальной Военной Операции // Образование и право. - 2022. -

Молодое поколение во все времена, а особенно сейчас, в условиях современного, быстроразвивающегося мира, когда человек становится, предоставлен сам себе, часто сталкивается с проблемой - найти свое место и роль в обществе (смысл жизни). Именно поэтому они действуют более агрессивно, дерзко, и готовы пойти на любой риск, в отличии от старшего поколением, а отсутствие опыта стараются компенсировать готовностью испытать новые идеи или взгляды. Помимо этого в большинстве своем молодежь и особенно подростки характеризуются «биографической доступностью, то есть тем фактом, что у них меньше обязательств, чем у взрослых (работа, семейные обязанности, дети и т. д.)»[1]. Можно сказать, что они в меньшей степени ограничены социальными институтами, чем взрослые. Все эти факторы в совокупности способны склонить молодого человека к участию в экстремистской деятельности.

Недовольство молодежи в основном коренится во взаимосвязанных процессах социальной, экономической и политической изоляции. В то время как молодые женщины и мужчины ищут возможности для реализации своего потенциала, на них часто негативно влияют бедность, маргинализация, безработица и неполная занятость, а иногда оказывается, что им не хватает необходимой грамотности, способностей и навыков для преодоления этих проблем. Это делает их уязвимой мишенью для вербовки воинствующими экстремистскими группами, которые используют их разочарование и уязвимость. Группы воинствующих экстремистов используют в своих интересах эти проблемы, выдавая себя за агентов по расширению прав и возможностей: они успешно обеспечивают их личным (защита дела), материальным (трудоустройство) и психологическим (поиск статуса и приключений) вознаграждением. Принимая это во внимание, молодые люди являются ценными кадрами для продвижения радикализации, поскольку они знают об обидах своих сверстников, которые они часто разделяют и для некоторых из них насильственный экстремизм соблазнительный вариант. Растущая в настоящий период времени угроза вербовки молодежи экстремистскими и террористическими организациями, вновь актуализирует вопрос необходимости проведения масштабной системной работы по профилактике экстремизма.

Прежде всего, стоит отметить, что ранее упоминавшийся 114-ФЗ, в ст. 2 устанавливает ряд принципов, которых необходимо придерживаться соответствующим органам в процессе противодействия экстремистской деятельности. Таковыми являются: «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; законность; гласность; приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности»[2].

Также в данном Федеральном законе имеется отдельная статья посвященная профилактике экстремистской деятельности

№8. - С. 133-139. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-rossii-v-kontekste-spetsialnoy-voennoy-operatsii (дата обращения: 07.05.2023).

[1] Предупреждение и профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде: новые вызовы и угрозы: материалы круглого стола / Отв. ред. М. Х. Марданов, сост. С. Ю. Романов. - Уфа: Инеш, 2021. - 160 с.;

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности». Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 22.04.2023).

(ст. 5). Однако её положения ограничены возложением на соответствующие государственные и муниципальные органы обязанности по реализации и проведению «воспитательных, пропагандистских, мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности»[1]. Иными словами 114-ФЗ в данном случае обходится обобщённой констатацией, не давая четкого определения понятия «профилактика экстремизма», не конкретизируя, какими должны быть воспитательные и пропагандистские меры, а также не устанавливает конкретные органы и должностные лица которые должны быть ответственны за проведение подобных мероприятий. Все эти вопросы как бы оставляются за региональным, местным законодательством, а также подзаконным актам различных министерств, ведомств и должностных лиц.

Профилактику экстремизма в молодёжной и подростковой среде нужно понимать как целостную систему конкретных действий, которые должны быть направлены на: нахождение, устранение или ослабление условий возникновения экстремизма или его конкретных проявлений, как в рамках всей страны, так и на отдельных территориях; установление среди молодого поколения групп повышенного риска; поиск и нахождение потенциальных субъектов совершения экстремистских действий и оказание на них напрямую или через близких родственников корректирующего и сдерживающего воздействия[2].

На наш взгляд основными направлениями работы в данной сфере видятся следующие.

Во-первых, сокращение роста безработицы, как в общей прогрессии, так и конкретно среди молодых людей, также уменьшение социальной напряженности (экономические). Достижение поставленной цели возможно путем проведения активных экономических реформ целью которых должно быть сокращение расслоения населения, увеличение числа рабочих мест занятых в реальном секторе экономики, а также увеличение числа самих предприятий, ужесточение контроля за финансовыми рынками и т.д. Данные реформы должны учитывать нынешнюю специфику российской экономики, но при этом полагаться на советский опыт.

Во-вторых, повышение доступности бесплатного профессионального образования и его привлекательности для молодёжи. Для этого необходимо увеличение числа образовательных организаций, повышение бюджетных мест, а также улучшение системы поощрения студентов, расширение системы студенческих практик и введение льгот для работодателей, принявших на работу вчерашних студентов. В последнем случае будет также решаться и проблема трудоустройства

В-третьих, повышение степени взаимодействия образовательных учреждений и родителей на детей, повышение грамотности педагогического персонала в вопросах касающихся психологии и профилактики возможных правонарушений среди обучающихся. Между учителями и родителями должны быть установлены партнерские отношения, для эффективного осуществления общих целей воспитать ребенка в достойного гражданина, дать ему первичные знания, закрепить их, сформировать навыки для самостоятельного изучения и т.д. Образовательная организация должна быть посредником в этом взаимодействии. Отношения между учителями и родителями должны быть построены не на коллективной, а на индивидуальной форме, с постойной поддержкой контактов по любым возникающим нештатным ситуациям. Кроме того педагог должен быть сведущ в вопро-

[1] Там же.

[2] Довгяло В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки.- 2018. - №1. - С. 21-30. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede-1 (дата обращения: 08.05.2023).

сах семейного воспитания и понимать психологию ребенка.

В-четвертых, совершенствование образовательных программ по нравственному и патриотическому воспитанию детей и молодежи, повышение взаимоуважения между представителями различных национальностей и культур. Необходимо распространить практику применения внеурочных занятий «Разговор о важном» на студентов, пусть даже и немного в урезанной форме, учитывая особенности данной категории. Также необходимо совершенствовать данную программу, в её рамках должны также затрагиваться такие темы как недопустимость расовой, религиозной, национальной вражды, культивирование в молодёжной и подростковой среде терпимости.

В-пятых, должен проводиться постоянный мониторинг уровня религиозной, национальной толерантности общества в целом и молодёжи в частности, также мониторинг должен осуществляться и по другим, смежным сферам. Для эффективного противодействия возможным проявлениям экстремисткой деятельности у уполномоченных органов всегда должна быть чёткая и объективная картина тех или иных настроений в обществе.

Между тем стоит отметить, что профилактика должна проводится с учетом большого разнообразия в молодёжно-подростковой среде. Её можно разделить на несколько групп.

Первая группа это молодые люди, у которых еще не сформированы экстремистские взгляды. Таковых большинство. С такой группой работать проще всего, часто они уже занимаются социально-активной деятельностью. В отношении них профилактика должна заключаться в консолидировании и сохранении данного статуса.

Вторая группа это молодые люди, у которых уже начинает проявляться интерес к экстремистским воззрениям. В отношении них нужно действовать осторожно, поскольку они находятся в группе риска. Профилактика должна заключаться главным образом в воспитательной беседе с разъяснением возможных последствий.

Третья группа это молодые люди, которые уже прибегают к экстремизму, в том числе в его крайней форме-терроризму. В отношении них должен применяться комплексный правовой, политический и социально-экономический подход с сильным акцентом на процесс размежевания, реабилитации и реинтеграции. Обычно они настроены враждебно и придется применять принудительные меры.

Возникающие проблемы, связанные с экстремизмом и радикализацией, ведущими к насилию, высветили необходимость работы с молодежью с целью выявления и устранения коренных причин экстремизма и предотвращения их радикализации, а также укрепления жизнестойкости молодых людей, предотвращения маргинализации, поощрения равенства, акцентирования альтернатив и укрепления сплоченности сообщества в целом. Профилактика экстремизма не должна быть для галочки, необходим системный подход. Меры, направленные на профилактику дискриминационного насилия, должны донести подросткам и молодежи:

- необходимость уважать и защищать права любого гражданина, а также важность соблюдения законодательных норм;
- значение норм поведения, принятых в гражданском обществе;
- важность формирования толерантных настроений;
- неотвратимость наказания за экстремистскую деятельность в любых ее проявлениях;
- навыки безопасного поведения и самообороны в случае теракта.

На теоретическом уровне в России имеются методические рекомендации по вопросам профилактики экстремизма. В настоящее время необходимо активно их реализовывать в школах и других образовательных учреждениях. Организация курсов для преподавательского состава по профилактике экстремизма. Для студентов сред-

них и высших учебных заведений могут проводиться круглые столы или дискуссии на эту тему, с участием представителей правоохранительных органов.

Возможно проведение таких мероприятий, как классные часы на тему: "Профилактика экстремизма и терроризма" на которых могут быть рассмотрены правовые нормы и ответственность за их нарушение или всё это можно затронуть на ранее упоминавшихся «Разговорах о важном». Необходимо воспитывать у учащихся чувства уважения и терпимости к другим культурам, национальностям, религиям и убеждениям. Видится полезным взаимодействие с комиссией по делам несовершеннолетних, ее сотрудников можно приглашать на беседы с учащимися и родителями.

Конечно, работа в школах и других образовательных учреждениях важна, но не стоит забывать о роли семьи в этом процессе. Известный факт, что начальные убеждения и личностные качества ребенка формируются в семье. В связи, с чем учебным учреждениям и сотрудникам правоохранительных органов необходимо работать в тесном контакте с родителями, проводить профилактические беседы. На родительских собраниях, будет не лишним рассказать родителям о потенциальной опасности молодежных субкультур и неформальных организаций, мерах родительской ответственности за преступления несовершеннолетних детей, формах проявления агрессии у подростков и специфике формирования жизненной позиции и убеждений у подростков.

При проведении профилактических мер особое внимание стоит уделять детям из неблагополучных семей. Обычно выросшие в таких семьях чаще становятся преступниками или участниками экстремистских организациях, поскольку они «воспитываются лицами, страдающими алкоголизмом или наркоманией, а также ведущие асоциальный образ жизни»[1]. Еще одна категория риска, как ни странно, так называемая золотая молодежь. Связано это с тем, что они выросшие с «золотой ложкой» во рту и привыкшее поступать, так как им захочется, не воспринимают участие в экстремисткой деятельности, как что-то опасное, а скорее как веселое времяпрепровождение или способ разбавить рутину. Особая категория это юноши и девушки, имеющие психологические проблемы, связанные со склонностью к агрессии и неадекватной реакции происходящее.

Как уже говорилось выше очень часто несовершеннолетних вовлекают в экстремистскую деятельность путем убеждения, что за это им ничего не будет, т.к. они, мол не достигли 18 лет, а значит, не могут нести уголовную ответственность. Однако в реальности всё совсем не так. Согласно п.1. ст. 20 Уголовного кодекса РФ лицо несёт уголовную ответственность, если к моменту совершения преступления ему исполнилось 16 лет[2]. Более того, в случаях, предусмотренных п. 2 указанной выше статьи, к ответственности привлекаются даже несовершеннолетние, достигшие 14 летнего возраста, на что необходимо указывать при проведении различного рода профилактических мероприятий в школах[3]. К последним относятся в частности статьи за терроризм (ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, 207 и 361 УК РФ), а к первым статьи за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), диверсия (ст. 281) и другие. Наказания, предусмотренные за

---

[1] Наумчик А. С. Особенности и специфика проявления экстремизма в молодежной среде / А. С. Наумчик. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2022. - № 40 (435). - С. 131-133. - URL: https://moluch.ru/archive/435/95231/ (дата обращения: 08.05.2023).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. -URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 08.05.2023).

[3] Там же.

экстремистскую деятельность самые разнообразные от денежного штрафа и исправительных, принудительных работах, до лишения свободы.

Один из ключевых моментов, который необходим при проведении профилактики экстремистской деятельности, это донести до молодого поколения всю опасность подобных мероприятий, как для государства, для общества в целом, так и конкретно для самого себя. Кроме того, сами представители молодежно-подростковой среды должны быть задействованы в борьбе с экстремизмом, это просто необходимо как для достижения целей профилактики, так и для их собственной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе [Электронный ресурс]: Резолюция 1344 (2003). URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp (дата обращения: 22.04.2023).
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 22.04.2023).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. -URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.05.2023).
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности». Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 22.04.2023).
5. Указ Президента РФ от 29.05.2020 N 344 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года". Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения: 22.04.2023).
6. Акимова Г. В. К вопросу о современных тенденциях молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - №2. - С. 23-29. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennyh-tendentsiyah-molodezhnogo-ekstremizma-v-rossii (дата обращения: 07.05.2023).
7. Ваторопин А.С., Тепляков И.И. Молодежный экстремизм в России в контексте Специальной Военной Операции // Образование и право. - 2022. - №8. - С. 133-139. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-rossii-v-kontekste-spetsialnoy-voennoy-operatsii (дата обращения: 07.05.2023).
8. Гримальская С.А. Роль органов внутренних дел в предупреждении экстремизма в молодежной среде // Криминологический журнал. - 2020. - №1. - С. 25-26. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-preduprezhdenii-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 08.05.2023).
9. Довгяло В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки.- 2018. - №1. - С. 21-30. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede-1 (дата обращения: 08.05.2023).

10. Кондратьева, С. И. Понятие и сущность экстремизма / С. И. Кондратьева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 42 (437). — С. 121-123. — URL: https://moluch.ru/archive/437/95572/ (дата обращения: 22.04.2023).

11. Липская Л.А. Факторы распространения деструктивного поведения в подростковой среде // Социум и власть. - 2019. - №1 (75). - С. 53-59. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-rasprostraneniya-destruktivnogo-povedeniya-v-podrostkovoy-srede (дата обращения: 08.05.2023).

12. Наумчик А. С. Особенности и специфика проявления экстремизма в молодежной среде / А. С. Наумчик. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2022. - № 40 (435). - С. 131-133. - URL: https://moluch.ru/archive/435/95231/ (дата обращения: 08.05.2023).

13. Осташев А. А. "Терроризм в современном мире: понятие, виды, причины и уголовная ответственность за содеянное" // E-Scio. - 2021. - №4(55). - С. 611-626. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-v-sovremennom-mire-ponyatie-vidy-prichiny-i-ugolovnaya-otvetstvennost-za-sodeyannoe (дата обращения 01.05.2023).

14. Предупреждение и профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде: новые вызовы и угрозы: материалы круглого стола / Отв. ред. М. Х. Марданов, сост. С. Ю. Романов. - Уфа: Инеш, 2021. - 160 с.;

15. Сапожников А. В России на 160% за год выросло число экстремистских преступлений // Коммерсантъ. 04.03.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5861839 (дата обращения: 01.05.2023).

16. Селиванова А. НАК: В России с февраля 2022 года предотвратили 118 терактов с участием молодежи // RG.RU. - 11.04.2023. - URL: https://rg.ru/2023/04/11/nak-v-rossii-s-fevralia-2022-goda-predotvratili-188-teraktov-s-uchastiem-molodezhi.html (дата обращения: 01.05.2023).

Дата поступления: 23.08.2023

УДК: 341.14
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_153

Мишин А.В.

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ КАК МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Mishin A.V.

OBTAINING INFORMATION ABOUT CONNECTIONS BETWEEN CALLERS AND (OR) CALLER DEVICES AS A SECURITY MEASURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, противоправное воздействие, абоненты, абонентские устройства, информация, мера безопасности, следователь.*
Keywords: *criminal proceedings, illegal influence, callers, caller devices, information, security measure, investigator.*

Аннотация: *обеспечение безопасности участников производства по уголовному делу, в отношении которых осуществляется посткриминальное противоправное воздействие, служит эффективным средством содействия предварительному расследованию. Процесс обеспечения безопасности таких участников как защищаемых лиц должен включать в себя криминалистическое сопровождение.*

В статье даётся анализ позиций отечественных учёных относительно понятия и сущности получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Раскрываются криминалистические и процессуальные особенности производства рассматриваемого следственного действия, проводимого с целью выявления и нейтрализации противоправного посягательства на защищаемых лиц в ходе предварительного расследования.

Цель статьи заключается в научном исследовании понятия, сущности и практической значимости получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в досудебном производстве по уголовному делу, при котором применяются меры безопасности.

Основными методами достижения поставленной цели являются обобщение и сравнительный анализ теоретических взглядов и положений, позволившие сформулировать вывод о целесообразности признания следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, в качестве отдельной процессуальной меры безопасности в досудебном производстве.

Сформулированные положения и выводы могут найти применение в дальнейших научных исследованиях, посвящённых процессуальным мерам безопасности в уголовном судопроизводстве, а также в следственной практике.

Abstract: *ensuring the safety of participants in criminal proceedings against whom post-criminal unlawful influence is carried out serves as an effective means of facilitating the preliminary investigation. The process of ensuring the safety of such participants as protected persons should include forensic support.*

The article analyzes the positions of Russian scientists regarding the concept and essence of obtaining information about connections between callers and (or) caller devices. The article reveals the criminalistic and procedural features of the production of the investigative action under

consideration, carried out in order to identify and neutralize the unlawful encroachment on the protected persons during the preliminary investigation.

The purpose of the article is a scientific study of the concept, essence and practical significance of obtaining information about connections between callers and (or) caller devices in criminal proceedings in which security measures are applied.

The main method of achieving this goal is a generalization and comparative analysis of theoretical views and provisions that allowed us to formulate a conclusion about the expediency of recognizing the investigative action provided for in Article 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a separate procedural security measure in pre-trial proceedings.

The formulated provisions and conclusions can be applied in further scientific research on procedural security measures in criminal proceedings involving protected persons, as well as in investigative practice.

К актуальным проблемам науки криминалистики следует отнести проведение исследований, направленных на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой следователем. Совершенствование предварительного расследования напрямую связано с тактической оптимизацией производства следственных действий, тактических решений, приёмов и комплексов.

В настоящее время в специальной литературе особое внимание уделяется тактико-криминалистическому обеспечению следственных действий, при производстве которых решаются задачи по обеспечению безопасности участников процесса как защищаемых лиц[1]. К таким следственным действиям законодатель относит: допрос с присвоением псевдонима (в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 2 ст. 193 УПК РФ).

Важнейшей задачей следственных действий, проводимых с участием защищаемого лица, является установление и поддержание достаточного уровня его защищённости[2]. Представляется, что тактику указанных следственных действий, при которых в отношении защищаемого лица принимаются меры безопасности, следует считать основным компонентом криминалистического содержания процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства[3].

На наш взгляд, в ходе досудебного производства по уголовному делу безопасность защищаемого лица может быть обеспечена посредством *получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами*, имеющей значение для уголовного дела (ст. 186.1 УПК РФ). В этом случае, производство данного следственного действия можно рассматривать как способ решения задачи по обеспечению безопасности защищаемых лиц[4].

---

[1] Защищаемым лицом является участник производства по уголовному делу (свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве), подвергшийся посткриминальному противоправному воздействию со стороны преступника и его окружения.

[2] См.: Волчецкая Т.С., Войников В.В. Вопросы обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: ситуационный подход // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 3 / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2002. С. 64.

[3] См.: Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. докт. юрид. наук., проф. В.Н. Григорьева. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 112.

[4] См. об этом: Мишин А.В. Обеспечение безопасности участников досудебного производства по уголовному делу: тактическая задача и её

В части 1 статьи 186.1 УПК РФ устанавливаются общие основания принятия решения о проведении данного следственного действия: при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

Как показывает практика, преступники (угрозоносители) посредством абонентских устройств (пользовательского оборудования) осуществляют посткриминальное противоправное воздействие, как правило, на участников процесса, содействующих следствию, тем самым принуждая их к противодействию правосудию. В этой связи с учётом широкого использования современных средств телекоммуникаций при расследовании преступлений, связанных с посткриминальным посягательством на участников процесса, получение информации о конкретных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является достаточно востребованным следственным действием. При этом процесс получения такой информации носит как ретроспективный, так и перспективный характер.

По нашему мнению, информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – это криминалистически значимые для уголовного дела сведения об установленном контакте между конкретными устройствами связи на определённый момент времени.

Детализация абонентских соединений при расследовании указанной разновидности преступлений позволяет установить отдельные обстоятельства уголовного дела, связи подозреваемого (обвиняемого) с соучастниками преступления и иными лицами, выявить наличие признаков и характер противоправного воздействия, проявляющихся в голосовых и не голосовых (письменных) контактах угрозоносителя с защищаемым лицом, а также своевременно осуществить превентивные меры, обеспечивающие его безопасность. Вместе с тем, тактически важно, чтобы информация, полученная в ходе рассматриваемого следственного действия, проверялась и подтверждалась результатами других следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, выемки, допроса и др.)[1].

Практика показывает, что криминалистическое обеспечение рассматриваемого следственного действия имеет свои особенности, что объясняется тактико-организационными, а также процессуальными условиями его проведения.

Отметим, что в отдельных ситуациях расследования при решении задачи обеспечения безопасности защищаемого лица возникает необходимость в безотлагательном получении информации об абонентских соединениях. В этой связи стоит поддержать предложение Э.А. Багавиевой о предоставлении следователю в исключительных случаях возможности проведения данного следственного действия до вынесения судебного решения о разрешении его производства с последующим уведомлением суда и прокурора в течение трёх суток[2].

Думается, что в уточнении нуждается мнение В.Ю. Стельмаха об отсутствии необходимости проведения рассматриваемого следственного действия, «если преступное деяние совершено одним лицом и

решение // Вестник Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. № 4. Т. 2. Тольятти, 2017. С. 184-190.

[1] См.: Дерюгин Р.А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия и использование его результатов при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 136.

[2] См.: Багавиева Э.А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в системе уголовно-процессуальных действий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2023. С. 9.

характер преступления не подразумевает участие в его совершении других лиц»[1]. По нашему мнению, в этом случае получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами даёт возможность следователю выявить обстоятельства совершённого преступления, а при оказании посткриминального противоправного воздействия на участника процесса – своевременно выявить и нейтрализовать такое воздействие.

При криминалистическом обеспечении следственного действия «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» с целью исключения тактических и процессуальных ошибок необходимо уделить внимание его тщательной подготовке. На подготовительном этапе следует определить задачи, условия, техническое обеспечение и тактический потенциал данного следственного действия. Кроме того, необходимо заранее определить период времени, за который требуется получить указанную информацию.

Тактическое решение о производстве следственного действия с целью обеспечения безопасности защищаемого лица следователь принимает с учётом анализа сложившейся ситуации расследования, при которой осуществляется посткриминальное противоправное посягательство. Важно установить, что информация о входящих и исходящих сигналах конкретного соединения может содержать сведения, свидетельствующие об угрозе оказания подобного воздействия. Такие сведения могут быть получены непосредственно от защищаемого лица, а также на основании результатов ранее проведённых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При наличии сведений о противоправном воздействии на участника процесса следователь направляет копию решения суда о производстве следственного действия в соответствующую осуществляющую услуги связи организацию (ч. 3 ст. 186.1 УПК РФ).

Так, преступным сообществом под руководством К. на протяжении длительного времени совершались деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами с применением насилия или угрозой его применения (п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ). В результате посткриминального противоправного посягательства со стороны К. на лиц, причастных к совершению преступления, но впоследствии сотрудничавших со следствием, последние вынуждены были обратиться с заявлением о применении в их отношении мер безопасности. В ходе предварительного расследования было установлено, что все члены преступного сообщества для общения с К. во время и после совершения преступлений использовали мобильные телефоны и иные абонентские устройства. Полученная следователем информация о соединениях между абонентскими устройствами, принадлежащими указанным лицам позволила установить факты контактов, детализировать абонентские соединения (дату, время, номера абонентов, продолжительность соединений между абонентами и абонентскими устройствами, их количество и т.п.), а также принять превентивные меры по обеспечению безопасности лиц, в отношении которых со стороны К. оказывалось противоправное воздействие[2].

Для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами используется невербальный способ познания обстоятельств расследуемого дела (с помощью анализа материально зафиксированных знаков и сигналов).

Процесс получения информации об абонентских соединениях имеет негласный

[1] Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 14.

[2] Уголовное дело № 1-37/2022. Архив Советского районного суда г. Казани 2022 г.

характер. Сведения о таких соединениях сохраняются в базе данных операторов связи в облачных хранилищах центра их обработки и при необходимости могут быть востребованы следователем в режиме онлайн на зафиксированном материальном или облачном носителе информации. В соответствии с ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ, востребованная следователем информация предоставляется не реже одного раза в неделю. В целях оперативного решения тактической задачи выявления и преодоления посткриминального противоправного посягательства следователь может непосредственно участвовать при осуществлении сотрудником оператора связи технических действий по выбору и записи практически значимой информации.

Документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, должны предоставляться следователю на бумажном или электронном носителе в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который они предоставлены, и номера абонентов и (или) абонентских устройств. Полученные документы приобщаются к материалам уголовного дела в полном объёме на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранятся при условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность (ч. 6 ст. 181.1 УПК РФ).

По результатам осмотра документов, предоставленных оператором связи, следователь составляет протокол осмотра носителя полученной информации, в котором фиксируются сведения о:

– дате, времени соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

– номерах абонентов;

– количестве и продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

– абонентах, пользующихся услугами связи;

– номерах, месте расположения приёмопередающих базовых станций, а также зонах их действия;

– местонахождении (геолокации) абонента или абонентского устройства с фиксацией направления передвижений в определённое время.

После оценки детализации абонентских соединений указанные сведения должны быть использованы для установления лица, причастного к противоправному посягательству, реализуемому посредством электронных носителей информации.

Для снятия и копирования информации с материального носителя, а также консультаций по разъяснению технических терминов, целесообразно привлечь специалиста в области использования электронных устройств и технологий. В ходе проведённого нами анкетирования следователей следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации Поволжского региона 72% опрошенных указали на целесообразность помощи специалиста при производстве данного следственного действия.

Как видится, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не всегда позволяет идентифицировать конкретного пользователя, так как пользовательское оборудование в конспиративных целях может быть оформлено на чужое имя или принадлежать другому лицу. В таком случае личность пользователя может быть установлена в результате проведения иных следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий[1].

Следует полагать, что затруднительным представляется и установление точ-

[1] Порядок получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами при проведении оперативно-розыскных мероприятий регламентируется законодательством в сфере правового регулирования оперативно-розыскной деятельности.

ного местонахождения абонента, поскольку на приём сигнала могут влиять различные факторы (например, наличие помех, создаваемых базовыми станциями других операторов, расположение в зоне действия сети различных высотных металлоконструкций, сложный рельеф местности и др.).

Важно подчеркнуть, что в отличие от контроля и записи телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ), наложения ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ), при производстве рассматриваемого следственного действия данные о содержании соединения получены быть не могут. Вместе с тем, подобная информация может быть получена в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи». В этой связи, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие целесообразно проводить в рамках тактической комбинации или тактической операции для решения следующих задач расследования:

– установления личности угрозоносителя;

– выявления и нейтрализации противоправного посягательства на участника процесса;

– обеспечения безопасности защищаемого лица.

Результаты, полученные в ходе детализации абонентских соединений, влияют на выбор и приоритеты дальнейших следственных и иных действий.

В научной литературе высказывается мнение о том, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не в полной мере отвечает процессуальной природе следственных действий[1].

Так, О.Я. Баев отмечает, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следователь самостоятельно проводить не может, так как данное действие проходит «исключительно в негласном режиме»[2].

Б.Т. Безлепкин утверждает, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следует рассматривать лишь как квалифицированное предоставление документальных доказательств по требованию следователя[3].

С.Б. Россинский получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, контроль и запись телефонных и иных переговоров называет процессуальными комбинациями, под которыми понимает предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством комплексы определённых и взаимообусловленных следственных и иных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения[4].

По мнению В.В. Кальницкого, получение информации об абонентских соединениях является лишь предоставлением документальных доказательств по требованию

[1] См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 122; Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о контроле и записи переговоров как следственном действии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. Вып. 2 (25), 2016. С. 85.; Кальницкий В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: сборник статей. Омск: Омская акад. МВД РФ, 2016. С. 76-86.

[2] См.: Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). Науч.-практ. издание. М.: Прометей, 2017. С. 238.

[3] См.: Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2013. С. 80.

[4] См.: Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. С. 28.

органа, ведущего предварительное расследование[1].

Вместе с тем, многие исследователи, например Стельмах В.Ю., Дерюгин Р.А., Лапин Е.С., Юрина Л.Г. и др., утверждают, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является вполне самостоятельным следственным действием[2]. Мы поддерживаем позицию указанных авторов, так как:

во-первых, указанное действие имеет законодательную урегулированность, поисково-познавательную и удостоверительную направленность по обнаружению, собиранию, проверке и закреплению доказательств по уголовному делу, а полученные результаты могут непосредственно использоваться в процессе доказывания;

во-вторых, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами характеризуется предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедурой производства и оформления (в том числе составлением протокола следственного действия), что способствует достоверности полученных результатов.

Стоит отметить, что отдельные авторы предлагают получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами дополнить в систему судебных действий следственного характера, аргументируя это тем, что это станет дополнительной гарантией состязательности и равноправия сторон защиты и обвинения, средством получения новых доказательств и повышения качества их исследования[3].

Таким образом, полагаем, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следует рассматривать в качестве отдельной процессуальной меры безопасности и, следовательно, целесообразно дополнить в качестве таковой в часть 3 статьи 11 УПК РФ.

[1] См.: Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская Академия МВД России, 2016. С. 76.

[2] См.: Стельмах В.Ю. Указ. соч.; Дерюгин Р.А. Указ. соч.; Лапин Е.С. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.; Юрина Л.Г. Использование в доказывании по уголовным делам результатов контроля и записи переговоров // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Межвузовский сборник научных статей, 2004. Вып. 12.

[3] Стародумов С.В. Судебные действия следственного характера при расследовании уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 15.; Багавиева Э.А. Указ. соч. С. 117.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багавиева Э.А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в системе уголовно-процессуальных действий: автореф. Дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2023. 23 с.
2. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). Науч.-практ. издание. М.: Прометей, 2017. 478 с.
3. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2013. 279 с.
4. Волчецкая Т.С., Войников В.В. Вопросы обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: ситуационный подход // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 3 / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2002. С. 63-69.
5. Дерюгин Р.А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия и использование его результатов при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 226 с.
6. Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о контроле и записи переговоров как следственном действии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. Вып. 2 (25), 2016. С. 73-85.
7. Кальницкий В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: сборник статей. Омск: Омская акад. МВД РФ, 2016. С. 76-86.
8. Лапин Е.С. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 191 с.
9. Мишин А.В. Обеспечение безопасности участников досудебного производства по уголовному делу: тактическая задача и её решение // Вестник Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. № 4. Т. 2. Тольятти, 2017. С. 184-190.
10. Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. докт. юрид. наук., проф. В.Н. Григорьева. М.: Юрлитинформ, 2023. 168 с.
11. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. 40 с.
12. Стародумов С.В. Судебные действия следственного характера при расследовании уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 22 с.
13. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.
14. Уголовное дело № 1-37/2022. Архив Советского районного суда г. Казани, 2022 г.
15. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 183 с.
16. Юрина Л.Г. Использование в доказывании по уголовным делам результатов контроля и записи переговоров // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Межвузовский сборник научных статей, 2004. Вып. 12. С. 81-85.

Дата поступления: 22.08.2023

УДК 343.72
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_161

Некрасов А. П.

ЦИФРОВЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МОБИЛЬНЫХ СВЯЗЯХ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Nekrasov A. P.

DIGITAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES AS TOOLS OF CYBERCRIME IN SOCIAL NETWORKS AND MOBILE COMMUNICATIONS AND MEASURES TO COUNTERACT THEM IN THE CONTEXT OF THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Ключевые слова: *информационно-компьютерные технологии, мобильная связь, мошенники, хакеры аферисты, коммуникационные программы, персональные данные, судебно-следственная практика, фишинговые сайты, «Даркнет», аренда процессоров, масштаб преступлений, подбор звонков и их подмена, денежные переводы, усиление уголовной ответственности, предлагаемые меры противодействия мошенничеству, профилактика, информационные атаки, компьютерная безопасность.*

Keywords: *information and computer technologies, mobile communications, scammers, scammers, communication programs, personal data, forensic investigative practice, phishing sites, "Darknet", processor rental, scale of crimes, selection of calls and their substitution, money transfers, strengthening of criminal liability, proposed measures to counter fraud.*

Аннотация*: в настоящее время указанная тема злободневна и актуальна, т.к. в обществе назрела необходимость решения вопросов по купированию преступности и принятию срочных мер по предотвращению жульнических преступлений. В статье рассматриваются способы и методы совершения хищений имущества граждан мошенниками при помощи мобильной связи и различных цифровых и информационных компьютерных технологий. Раскрываются новые формы совершения преступлений, обращено внимание на сайты-клоны, которые на сегодняшний день заполонили интернет-пространство, «Даркнет», лживые сообщения о выплате бонусов, выдаче подарков, якобы распространяемые авторитетными фирмами и компаниями, магазинами. Интернет-преступления, посягательства, совершенные при помощи мобильной связи, а также информационных технологий достаточно трудно раскрываются правоохранительными органами. Исследователь предлагает усилить уголовную ответственность за мошеннические преступления путем увеличения сроков лишения свободы и перевода этого блока статей в категории исключительно тяжких и особо-тяжких по всем частям, т. к. злоумышленники только расширяют сеть таких опасных деяний и применяют все более и более изощренные методы обмана, некоторые из которых, невозможно выявить. В заключении сформулированы выводы и предложения, а также предложен ряд действенных мер по профилактике и предупреждению хакерских преступлений, которые на сегодняшний день является наивысшим социальным злом в обществе и от которого страдают ни в чем неповинные граждане.*

Abstract: *The article describes the methods and methods of fraudsters to commit embezzlement of citizens' property using mobile communications and various digital and information and computer technologies. The article reveals new forms of crimes committed by intruders, draws attention to clone sites, "Darknet", which today have flooded Internet sites. It also talks about false actions allegedly carried out by reputable firms and companies, as well as well-known brands of stores. The essence of the attackers and their main goal, illegal personal enrichment, is shown. The article also says that Internet crimes, as well as crimes committed over mobile communications, are very difficult to solve by law enforcement agencies and do not always achieve the desired goal. The article also proposes to strengthen criminal liability for fraudulent crimes by increasing sanctions in the form of imprisonment and transferring this block of articles to the categories of grave and especially grave. A number of effective measures are proposed to counteract this type of crime, which today is the highest social evil in society.*

Проблемы обеспечения безопасности при использовании современных технологий в настоящее время приобрели крайнюю актуальность. За последние годы число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло до масштабов, позволяющих говорить о них как об угрозе национальной безопасности[1].

В предыдущих статьях[2], опубликованных по результатам проведенных исследований, мы акцентировали внимание на беспрецедентных масштабах роста в Российской Федерации числа киберпреступлений, мошеннических действий с персональными данными, хакерских атак, направленных на обман разных слоев населения и хищение у них денежных средств. Жертвами аферистов, как показывает анализ заявлений в органы внутренних дел, чаще всего становятся женщины старше 30 лет. Это объясняется психологическими особенностями женщин, которые более эмоциональны, повержены стрессам и доверчивы. Они верят в честность, порядочность и справедливость сотрудников органов внутренних дел как представителей власти, которые в трудную минуту жизни всегда придут на помощь.

Хакерские атаки и мобильные звонки совершаются все чаще и чаще, и поток заявлений от потерпевших из года в год возрастает. Мошенники изобретают все более изощренные схемы жульничества, разрабатывают и совершенствуют тактику применения хитрых способов обмана в виде легенд и заманчивых предложений к жертвам преступлений. Злоумышленники научились подменять номера телефонов, с которых поступает звонок потенциальной жертве. Они звонят от имени дежурного ФСБ, дежурного ГУВД, работника следственного комитета, сообщают, что сын жертвы сейчас находится в дежурной части в одном из РОВД Самарской области, за якобы совершенное им преступления (ДТП) и для того, чтобы выпустить его из РОВД безнаказанно срочно нужно перевести денежные средства на указанные реквизиты, в противном случае сын жертвы

[1] В Генпрокуратуре заявили, что киберпреступность стала представлять угрозу нацбезопасности // ТАСС URL: https://tass.ru/obschestvo/11451173 (дата обращения: 24.05.2021).

[2] См. Некрасов, А. П. Разглашение персональных данных как инструмент преступных сделок в виде мошенничества / А. П. Некрасов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1, № 2(104). – С. 150-158. – DOI 10.51965/2076-7919_2023_1_2_150. – EDN UQYOTX.; Шишова, И. В. Взаимодействие уголовного права и цифровых технологий / И. В. Шишова, А. П. Некрасов // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Всероссийской научной конференции обучающихся и молодых ученых с международным участием, Самара, 22 апреля 2022 года. Том Часть 3. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 225-229. – EDN OVBNYA.

будет арестован. Удивительно, и люди верят такой информации вместо того, чтобы позвонить самому мнимому пострадавшему. Несомненно, после перевода денег мошенники скрываются, а номер, с которого поступил звонок, становится не доступен. Вместо того, чтобы обратиться срочно в правоохранительные органы, лица, имеющие прикосновенность к данному преступлению, идут на поводу у злоумышленников.

Исследования показали, что изощренных сценариев обмана и злоупотребления доверием становится все больше и больше, увеличивается количество пострадавших абонентов, но не все потерпевшие, как показали опросы граждан, обращаются в ОВД за помощью и защитой.

Отмечу, что мне тоже часто звонят мошенники и пытаются меня ввести в заблуждение, вывести меня из равновесия путем запугивания, оказания давления, то якобы по каким-то возбужденным уголовным делам по ст. 327 УК РФ в отношении меня, то со службы безопасности банков по поводу того, что мои личные сбережения хотят похитить и нужно срочно взять кредит в любом банке и перевести деньги на их реквизиты, то я выиграл большую сумму денежных средств, то у меня в налоговом органе по месту жительства имеется некая задолженность и нужно срочно ее оплатить на уже указанные мошенниками реквизиты и т.д.

Психологическое воздействие на человека оказывается с тем, чтобы он раскрылся перед злоумышленником и перевел деньги или взял кредит для них, это цель их преступной деятельности. Анализ и наблюдения (по материалам следствия) показали, что аферисты одной и той же жертве могут звонить неоднократно, если не систематически, используя технологии подмены телефонных номеров или отправки сообщений по ссылкам с фишинговых сайтов как ложных финансово-кредитных организаций, так и любых других известных компаний. И действительно, на первый взгляд все выглядит правдоподобно, многие могут поверить и, как не странно, верят злоумышленникам.

Предостерегаю, никогда не сообщайте свои паспортные данные и финансовые сведения, номера карт, трехзначный или четырёхзначный код с обратной стороны карты или СМС-код. Не верьте звонкам, исходящих от работников банков, кредитных организаций, настоящий работник никогда не будет звонить, у них есть масса способов общениями с Вами. Работникам банковской сферы категорически запрещено звонить кредитору и вести с ним диалог, на этот счет у представителей банков есть другие способы уведомления о задолженности.

Конституция РФ, а именно ст.71 гласит, что регулятором общественных отношений в нашем обществе является судоустройство, прокуратура, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. Это означает, что от имени государство уполномоченные на то органы вправе применить соответствующую норму права, если лицо совершило злодеяние, например, в виде мошенничества. Координация деятельности органов, отвечающих за информационную безопасность, в том числе и сети интернет, а также финансовое обеспечение по предупреждению преступлений находится в компетенции Правительства РФ.

В последнее время масса заявлений поступает в органы внутренних дел от интернет-пользователей, совершивших покупки на непроверенных сайтах. Категорически запрещено вводить свои личные и финансовые данные на сомнительных сайтах и переходить по ссылкам из сомнительных писем, которые предлагают Вам пройти опрос, получить какую-то выгоду, подарки, бонусы и т. д. Это опасно. Если, все-таки, вы стали жертвой мошенников, то немедленно заблокируйте карту с помощью мобильного приложения или позвоните срочно на горячую линию банка, телефон которого имеется на обратной стороне

карты. Далее, идите в полицию и напишите заявление о том, что с Вами произошло или нужно срочно идти в банк и тоже написать заявление о том, что вы с операцией по снятию денег не согласны. Театральные сцены расстройств и режиссерские данные нигде не помогут, и сочувствующих будет крайне мало. Работники банков и сотрудники правоохранительных органов как правило говорят, что клиенты мошенников сами виноваты, и это действительно так. Помните, что таких заявлений в государственных учреждениях очень и очень много и рассчитывать на успех не придется, поскольку раскрыть такие преступные деяния крайне сложно, а уж доказать тем более. Расследованное уголовное дело должно полностью состоять из неопровержимых доказательств, и только после этого направлено в суд. Безусловно, что переведенную аферистам сумму возмещать никто не будет, хотя есть такая категория граждан, которая рассчитывает все-таки на это. Все подобные деяния, рассматривающие в авторском произведении, предусмотрены ст.ст. 159,159–3, 159–6 УК РФ.

Совсем недавно в г. Тольятти Самарской области произошел вот такой, казалось бы, на первый взгляд обидный случай. Злоумышленник позвонил девушке и сообщил, что на ее имя мошенники пытаются оформить кредит и, что для спасения денег срочно необходимо взять в банке кредит и необходимо перевести их на безопасные счета по номеру телефона. Девушка, строго следуя указанием незнакомца, взяла в банке кредит и перевела по указанным реквизитам сумму в 600 000 рублей, после чего собеседник заблокировал телефон и был таков. Напомню, что сотрудники банковской сферы никогда не будут писать в мессенджерах, социальных сетях, не будут звонить и убеждать клиента совершить подобные действия.

Утечка персональных данных умышленно или в силу халатности определенных лиц, с различных юридических организаций или учреждений только повышает уровень совершения мошеннических преступлений. В основу этих нарушений лежит ФЗ-от 27.07.2006 г. № 152 «О персональных данных». Обработка персональных данных необходима для исполнения договоров, где все реквизиты работников хранятся в архиве, и работодатель без согласия работника не может обрабатывать его контактные номера телефонов, электронную почту и др. Отсутствие согласия работника на обработку персональных данных влечет за собой невозможность исполнения трудового договора.

Хищения в сети Интернет характеризуются высокой латентностью и низкой раскрываемостью, в том числе из-за возможности дистанционного совершения данных преступлений. Общая раскрываемость по данной категории дел составляет в среднем 20% (например, в 2022 году было раскрыто 94 942 дела)[1].

Говорить о ситуации, сложившейся в обществе с киберпреступностью, о непрекращающихся темпах ее роста, об усилиях и предполагаемых мерах, приходится уже на уровне Правительство РФ. Если, не предпринимать вообще никаких мер, то это станет угрожающим и дестабилизирующим фактором в обществе и, если эти преступные деяния не остановить, то мошенничество будет доминировать среди других видов преступлений. Мошенничество порождает такие виды преступлений как убийства, кражи, экстремизм, терроризм, незаконный оборот наркотических средств и другие виды опасных посягательств на общество. Обществу известно, что раскрываемость преступлений, связанных с информационно-коммуникационными технологиями в компьютерной сфере крайне низка, а вот динамика таких преступлений из года в год только увеличивается. Всплеск киберпреступлений для правоохранительных органов, да и для банковского сектора вполне понятен. Развитие искусственного интел-

[1] См. Официальный сайт МВД РФ за 2022 г. (Мошенничество в сети и судебная практика)

лекта, цифровизация общественных отношений, доступность информационных технологий охватила широкие слои населения, а сетью интернет пользуются 95 % граждан. Анализ составов киберпреступлений показал, что это в основном посягательства на хищение чужого имущества, а если конкретно, то хищение денежных средств, и это главная цель мошенников, независимо от методов их совершения. Способов похищение денежных средств с электронных кошельков немало, все их, конечно же, не перечислишь и говорить о профилактических мерах с экранов телевизоров, в сети интернет недостаточно, следовательно, на этот счет существует некий дисбаланс профилактических действий. Всем известно, что в сети интернет, на сайтах, а аккаунтах, в мессенджерах совершаются не только хищение денежных средств, но и сбыт, пересылка, производства наркотических средств, рекламируется и другая запрещенная продукция, что естественно противоречит здравому смыслу и интересам общества. Подобные виды преступной деятельности четко отслеживаются правоохранительными органами и раскрываются, а лица изобличаются и привлекаются к уголовной ответственности. Наряду с киберпреступлениями в некоторых сегментах сети интернет зафиксированы случаи вымогательств, угроз убийством, экстремистская деятельность и другие виды преступной деятельности, которые также успешно раскрываются работниками правоохранительных органов. Следовало бы информировать пользователей интернет-сайтов, что из года в год увеличивается число сайтов-клонов популярных фирм и компаний с жульническими предложениями в социальных сетях. В условиях пандемии и самоизоляции мошенники применяли все более изощренные схемы обмана, манипулируя сознанием и психологическим опытом для получения доступа к банковским реквизитам своих жертв. В разгар пандемии ОВД, следственный комитет были завалены заявлениями по киберпреступлениям и все только потому, что наши соотечественники довольно доверчивые граждане общества. Известны случаи, когда с Европейского сервера распространялась вирусная программа, которая автоматически перенаправляла пользователей на фишинговые сайты банков в интернете. На данных сайтах раскрывались конфиденциальные данные клиентов, а с серверов некоторых действующих кредитно-финансовых организаций, похищались секретные данные о банковской деятельности и, как результат, взламывались коды доступа к банкам и производились хищения денежных средств со счетов клиентов.

За 2022 г. каждое четвертое преступление в России происходит с использованием интернета. В конце января 2023 года Министерство внутренних дел (МВД) РФ обнародовало статистику по преступности в стране. В частности, в нее вошли показатели противозаконных действия с использованием информационных технологий. По данным Генеральной прокуратуры за 2022г. показатели киберпреступности в целом остались стабильными. Зарегистрировано на 27,6% меньше краж, но на 29% увеличилось фактов мошенничества с использованием электронных средств платежа, на 22,5% – криминальных деяний в сфере компьютерной информации. Отмечается, что правоохранительными органами больше на 20,9% зарегистрировано фактов сбыта наркотиков. Кроме того, увеличилось количество заведомо ложных сообщений об акте терроризма, в массиве которых 92,2% совершены дистанционно. Раскрываемость преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, возросла на 4,4%. Это свидетельствует о том, что, несмотря на предпринимаемые меры, снизить киберпреступность пока не представляется возможным[1].

Большинство россиян (82%) за последние месяцы сталкивались с попытками мошенничества. В апреле эта доля состав-

[1] См. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf

ляла 58%. Самые распространенные попытки мошенничества, с которыми встречался каждый второй – это предложения в интернете заработать на «инвестициях» (55%), а также звонки от сотрудников «банка» или «правоохранительных органов» (54%). Таковы результаты исследования Аналитического центра НАФИ[1].

Я уже выше затрагивал интересы фишинговых теневых компаний в сети интернет, хотелось бы более подробно остановиться на ней. Фишинг-это английская терминология (Phishing), пришедшая к нам в обществе в середине 90-х годах в то время, когда началась активно развиваться банковская сеть. Сегодня известно всем, что фишинговый сайт — это фальшивый сайт, это теневой сайт, не правдоподобный и созданный мошенниками, для обмана пользователей в сети интернет. Несмотря на это, пользователи интернета очень активно входят в него, видя в нем дешевые товары, прикрытые якобы акциями, скидками и делают различные покупки, заключают различные материальные сделки, предварительно оплачивая товар, но как результат становятся обманутыми. Надо сказать, что большая часть обманутых пользователей не идут и не бегут жаловаться в ОВД или органы прокуратуры как потерпевшие, осознают, что сами виноваты.

Все чаще мы слышим о теневом секторе интернет сети, так называемом «Даркнете», который скрыт от общего пользования. Общение в нем устанавливают между собой лично преданные участники в зашифрованном виде. Проникнуть в «Даркент» не так-то просто, даже при помощи специальных технологий, проблематично попасть туда и сотрудникам ОВД, так как участники этой теневой сети знают друг друга лично. Тем не менее, следственный комитет находит свои методы проникновения в теневой сегмент, где проводит операции по раскрытию хищений денежных средств. Возбуждено несколько уголовных дел за преступления с использованием «Даркнета», например, за сбыт наркотических средств, за незаконное получение сведений, составляющих банковскую тайну, за создание преступного сообщества, за сбыт запрещенных товаров и услуг и др. Удивительно, но в « Даркнете» можно даже встретить нарколаборатории по изготовлению синтетических наркотиков, сбывающих свой товар через интернет-магазины. Известны случаи, когда через сеть интернет дистанционно можно было бы пройти обучение производству и перевозке наркотиков и размещению их в тайниках в виде закладок. Конфиденциальность организаторов курсов гарантировалась, а оплата производилась с помощью электронных перечислений. Примечательно, что участники и пользователи Даркнет между собой общались через шифры и условные знаки, которые они все знали. Это говорит о том, что ими соблюдалась некая конспирация, что затрудняло их изобличение.

Известны случаи, когда работники банковской сферы занимаются мошенническими действиями при расчетно-кассовом обслуживании, где работник банка вытягивает купюры с пачки денег, а у клиента нет возможности пересчитать денежные купюры в каждой пачке внутри банка. Счетная машинка устроена таким образом дельцами, что она скрывает недостачу купюр и на первый взгляд циферблат счетной машинки показывает вроде как точную денежную сумму, но в действительности это обман. Недостача обнаруживается при перечете денег уже дома. В таком случае сложно доказать факт мошенничества со стороны работника банка, тем не менее вот такие манипуляции бывают. Встречаются случаи подмены настоящей валюты на фальшивые или на старые купюры, которые в первом случаи являются вещью криминала, во втором случае трудно реализовываемыми.

[1] Мошенники стали чаще атаковать россиян // Аналитического центра НАФИ URL: https://nafi.ru/analytics/moshenniki-stali-chashche-atakovat-rossiyan/ (дата обращения: 19.05.2023).

Научно-технический и цифровой прогресс в области компьютерных технологий, несомненно, только растет, а следовательно повышается и уровень компетентности злоумышленников, наряду с этим возрастает количества компьютерных атак, при чем, в последнее время такие, что поражают информационные ресурсы кредитно-финансовых организаций, государственных структур и известных компаний и фирм. Систематически от них страдает банковский сектор, а динамика по количеству и качеству распространение вредоносных программ с вирусами только совершенствуется и продвигается. Существенный урон такие вредоносные программы наносят оборонной промышленности, объектам топливно-энергетического комплекса, правоохранительной деятельности, властным структурам и другим объектам жизнедеятельности. Вышеназванные проблемы недавно обсуждались на координационном совещании руководителей правоохранительных органов в г. Москве. По его итогам намечен целый комплекс конкретных мероприятий по разработке новых методов и способов выявлений преступлений, связанных с информационными посягательствами, а также их безопасностью и предупреждениями. Поскольку данный вид преступной деятельности совершенствуется, мошенники не дремлют и придумывают все новые и новые методы хищений денежных средств. Так на территории нашего государства появляются целые преступные организации с процессами обучения преступным навыкам, имеющие жесткую конспирацию, где разрабатываются новые вирусные программы по проникновению и взломов секретных данных кредитно-финансовых организаций. Законодательному органу на наш взгляд, в целях защиты объектов государственного, частного и муниципального секторов от жульнических преступных посягательств следовало бы усилить уголовную ответственность за подобные преступные деяния.

По мнению исследователей, работников банковской сферы и правоохранительных органов, в системе ОВД, а также в следственном комитете необходимо создать подразделения из числа лиц, владеющих информационно-технологическими навыками по противодействию и защите государственных структур и объектов банковской деятельности, а также предупреждению подобного рода преступлений в отношении граждан. Несмотря на внедрения информационно-технологических программ по защите объектов государственных структур аферисты взламывают их, добывают секретную информацию и, впоследствии, похищают денежные средства с кредитно-финансовых организаций, отсюда следует, что их безопасная деятельность не имеет надлежащего и гарантированного уровня. Никто точно сказать не сможет, а какой же совокупный материальный ущерб от злоумышленников имеет общество в целом. Хотелось бы на этот счет услышать мнения, предложения специалистов из числа представителей служб безопасности банковской сферы, сотрудников правоохранительной деятельности по предупреждению хищений денежных средств на международной конференции по противодействию киберпреступлениям.

Представляет интерес опыт зарубежных стран по борьбе с киберпреступлениями. Анализ источников показал, что в европейском сообществе созданы единые государственные оперативные органы, ведущие борьбу с этим социальным злом, причем, во всех его видах. В Европе существуют, например, компании такие как «Master Gagd», «Pay Pal» и другие, ведущие активную борьбу со злоумышленниками в сфере компьютерных атак круглосуточно и поддерживающие безопасность общества и жизненно важных объектов. Одним из центральных мест по противодействию мошенничеству у них занимают специальные государственные органы. Они активно блокируют сетевое мошенничество в виде Фишинга, предотвращают рассылку электронных писем с просьбой передать им важную информацию, нейтрализуют пароли, номера

счетов и кредитных карт от имени банков или известных сетевых магазинов и т.д. Отметим, что специализированные органы успешно с этим справляются, ну а главная цель как я уже говорил фишинговых компаний это искусно обмануть жертву, убедить ее в необходимости передать какую-либо информацию и завладеть противоправным путем денежными средствами. Манипуляции до такой степени виртуальны, что жертвы, пообщавшись с аферистами, верят в их правдивость, порядочность и честность, что в большинстве случаях, нажимают на ссылку фальшивого сайта вместо ссылки настоящего сайта и выполняют все требования злоумышленников. Здесь возникает поневоле сам по себе вопрос: а можно ли было избежать обращения на фальшивые сайты? Для этого пользователю интернетом необходимо обращаться к правилам безопасности интернета. Одно из основных правил в сети интернет ни в коем случае, и ни при каких обстоятельствах пользователю сайтов, контентом, мессенджерам не следует сообщать свои личные пароли, PIN-коды и др. Еще раз напоминаем, что ни один банк, ни одна кредитно-финансовая организация не будет никогда просить личные данные интернет пользователя. Не следует также пользоваться на сомнительных сайтах никакой ссылкой, не откликаться на просьбы «подтвердить» или «восстановить». Помните, что фишинг - это сетевой мошенник, это тот человек, который является великолепным психологом, виртуально знает компьютерные технологии, зачастую, является разработчиком информационных программ, специалистом-IT, человеком знающий как работать с наивными лицами в интернет-сети. Особенно, пользователем следует быть осторожным в сети интернет, со своими персональными данными, при помощи которых аферисты снимают денежные средства с электронных кошельков (банковских карт), с банковских счетов, просят, а иногда и требуют перевести деньги на указанный номер под предлогом того, что если не переведете, то мошенники снимут их. Поразительно, у большинства злоумышленников это получается, некоторые пострадавшие считают и думают, что если они сейчас придут в ОВД и напишут заявление, то им возместят похищенную сумму, но ни государство, ни банки возмещать деньги не будут.

В настоящее время в РФ проводится профилактическая работа через средства массовой информации о том, что доверять свои сбережения никому не следует, на телефонные звонки мошенников отвечать отказом и не вести с ними никаких диалогов. Аналогичные меры предупреждения имеются в сети-интернет, тем не менее, невзирая ни на что, потерпевших от аферистов меньше не становится. Мы не знаем точное количество аферистов в информационном пространстве, но на наш взгляд только возрастает.

Учитывая, что мошенничество во всех его видах носит массовый характер, угрожает безопасности не только банкам, но и обществу, а также гражданам, а в некоторых случаях и жизненно-важным объектам рекомендуем законодателю усилить уголовную ответственность путем в ведения ряда санкций. Так предлагается в ст.159 УК РФ в санкциях всех ее частей увеличить штрафы в два раза, по ч. 1 ст.159 УК РФ лишение свободы увеличить с двух лет до пяти лет лишения свободы, следовательно, ч.1 этой же статьи исключить из категории преступлений небольшой тяжести, по ч. 2 этой же статьи с пяти лет лишения свободы до 6 лет лишения свободы, по ч.3 и 4 с восьми лет лишения свободы до двенадцати лет лишения свободы, по ч.6 этой же статьи , там где предусмотрена санкция в виде лишения свободы за хищение в виде мошенничества в крупном размере до шести лет лишения свободы, (не понятно почему до шести лет), предлагается ужесточить санкцию этой части от шести лет до двенадцати лет лишения свободы, а по ч.7, где мошенничество совершено в особо-крупном размере и предусматривает лишение свободы

до 10 лет лишение свободы, ужесточить санкцию этой же статьи от восьми лет до пятнадцати лет лишения свободы. Анализ этих преступлений уже сейчас показал, что злоумышленники в рамках действующей нормы и санкций в основном совершают тяжкие и особо-тяжкие преступления, а раскрывать и расследовать эту категорию преступлений довольно сложно и финансовом отношении затратно. Вот почему предлагается ужесточить наказания в виде лишения свободы. Законодателю рекомендуется пересмотреть альтернативные санкции всех частей и на наш взгляд исключить их, оставить только лишение свободы и принудительные работы и как исключение ужесточить систему штрафов в сторону их увеличения. Кроме того, предлагается отнести ст.159 УК РФ к категориям тяжким и особо тяжким преступлениям. Предлагается изменить все санкции по ст.159-6 УК РФ в сторону их увеличения в виде лишения свободы, шире применять институт принудительных работ в отношении этой категории осужденных, а альтернативные санкции исключить за ненадобностью и отнести данную статью в уголовном кодексе к категории тяжким и особо тяжким. Любой работник правоохранительных органов скажет, что хищения в виде мошенничества как преступления, раскрываются довольно сложно, особенно там, где злоумышленники совершают хищения при помощи различных изощренных компьютерных технологий, после чего искусно и умышленно теряют свои следы. Следует также учитывать, что все оперативно-розыскные мероприятия, проводимые сотрудниками по борьбе с мошенничеством, затратные, наукоемкие, требуют колоссальных усилий и терпения со стороны профессионалов. Безусловно, очень многие преступления в виде афер, сотрудниками правоохранительных органов не раскрываются, а раз так, то к злоумышленникам необходим новый подход с правовой точки зрения, а цель у нас, специалистов и правоведов, одна – это предупреждения подобных преступлений.

Кроме того, предлагается, в связи с этим, создать учебные группы в субъектах Российской Федерации при ГУВД (УВД) по обучению сотрудников ОВД противодействию аферистам. В учебных заведениях МВД РФ в вести в учебную программу дисциплину: «Информационно-технологические методы борьбы с мошенническими действиями в компьютерном секторе».

Специально подбирать кандидатов в ОВД, владеющих информационными технологиями, а также специалистов-IT.

На телевидение и в масс-медиа с ввести рубрику или передачи типа «Осторожно мошенники», хотя бы раз в неделю для того, чтобы информировать население городов и районов, а также сельских населенных пунктов о том, что есть такая категория злоумышленников.

На сегодняшний день некоторые сайты в интернете предлагают покупку различных информационных программ по защите личных данных. Программы внедряются, но также взламываются жульническим способом, поэтому вот как таковых действенных мер в интернет-сообществе пока нет. Нам представляется, что этот вопрос будущего, да и надо прямо сказать, что не каждый пользователь сети интернет сможет купить такую программу и правильно ей пользоваться. В перспективе, убежден, что законодатель прислушается к мнению общества и специалистов и введет повышенные ограничительные меры по всем видам мошеннических действий, поскольку динамика этих видов преступлений будет только возрастать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция Российской Федерации "Конституция Российской Федерации" от принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 Ст. 29, 71

2. Уголовный кодекс РФ с изменениями и дополнениями по состоянию на 4 октября 2020 г. ст.159, 159-3, 159-6[1]. Изд.» Эксмо», М.

3. Федеральный Закон Российской Федерации ""О персональных данных" от 27 июля 2006 № 152-ФЗ. с изм. и допол. в ред. от 06.02.2023 // КонсультантПлюсhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801

4. Постановление Правительства РФ от 16 марта 2009 г.№ 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций». URL: https://base.garant.ru/195117/(дата обращения: 24.05.2023).

5. Архив уголовных дел Следственного комитета 2023 г. Тольятти Самарской обл. URL://samara.sledcom.ru/news/5/?year=&month=&day=&type=main

6. Официальный сайт МВД РФ // МВД России URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 15.06.2023).

7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 15.06.2023).

8. Седых, Ю. Н. Мошенничество среди сотрудников банка / Ю. Н. Седых. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2012. — № 4 (39). — С. 169–171. — URL: https://moluch.ru/archive/39/4511/ (дата обращения: 16.02.2023).

9. О ситуации с киберпреступностью в России, причинах ее непрекращающегося роста, работе правоохранителей и о предлагаемых мерах. Интервью ТАСС начальника Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации Андрей Некрасов.16 февраля 2023 г.

10. В Генпрокуратуре заявили, что киберпреступность стала представлять угрозу нацбезопасности // ТАСС URL: https://tass.ru/obschestvo/11451173 (дата обращения: 24.05.2023).

11. Генпрокуратура: три четверти мошенничеств в России совершается онлайн // ТАСС URL: https://tass.ru/interviews/11435813 (дата обращения: 24.05.2021).

12. Некрасов, А. П. Разглашение персональных данных как инструмент преступных сделок в виде мошенничества / А. П. Некрасов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1, № 2(104). – С. 150-158. – DOI 10.51965/2076-7919_2023_1_2_150. – EDN UQYOTX.;

13. Шишова, И. В. Взаимодействие уголовного права и цифровых технологий / И. В. Шишова, А. П. Некрасов // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Всероссийской научной конференции обучающихся и молодых ученых с международным участием, Самара, 22 апреля 2022 года. Том Часть 3. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 225-229. – EDN OVBNYA.

Дата поступления: 30.06.2023

УДК: 343
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_171

Ораздурдыев А. М.

СОВМЕЩЕННЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Orazdurdiyev A. M.

COMBINED NORMS OF CRIMINAL LAW

Ключевые слова: *совмещенные нормы, составная норма, унинорма, предупредительная норма, восстановительная норма, регулятивная норма.*

Key words: *combined norms, composite norm, uninorm, preventive norm, restorative norm, regulative norm.*

Аннотация: *В статье рассматривается проблема совмещенных норм уголовного права. Таковыми являются нормы Особенной части Уголовного кодекса. Составные части совмещенных норм предлагается именовать унинормами или единичными нормами уголовного права. Совмещенная норма состоит из предупредительной и восстановительной нормы. Функцией предупредительной нормы является обеспечение соблюдения физическими лицами вступивших в законную силу уголовных законов. Функцией восстановительной нормы является обеспечение восстановления нарушенных общественных отношений путем применения наказания к лицам, совершившим преступления. Предупредительная норма действует беспрерывно. Восстановительная норма действует эпизодически. Она вступает в действие только при совершении индивидами уголовно-наказуемых деяний. При этом диспозиция предупредительной нормы преобразуется в гипотезу восстановительной нормы, санкция предупредительной нормы преобразуется в диспозицию восстановительной нормы. Предупредительная норма обнаруживается при прочтении официального текста уголовного закона. Восстановительная норма выявляется в результате коррекционного толкования уголовного закона.*

Abstract: *The article deals with the problem of combined norms of criminal law. These are the norms of the Special Part of the Criminal Code. The components of the combined norms are proposed to be called uninorms or single norms of criminal law. The combined norm consists of a preventive and a restorative norm. The function of the precautionary norm is to ensure that individuals comply with criminal laws that have entered into force. The function of the restorative norm is to ensure the restoration of disturbed social relations by applying punishment to persons who have committed crimes. The precautionary measure is in effect continuously. The restorative norm operates sporadically. It comes into effect only when individuals commit criminal acts. At the same time, the disposition of the preventive norm is transformed into the hypothesis of the restorative norm, the sanction of the preventive norm is transformed into the disposition of the restorative norm. The preventive norm is found when reading the official text of the criminal law. The restorative norm is revealed as a result of a corrective interpretation of the criminal*

В теории уголовного права бытует мнение, что каждая статья (часть статьи) Особенной части Уголовного кодекса содержит одну единственную норму[1]. При этом норму разделяют на три структурных

[1] Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М.: Изд-во МГУ, 1967. С.106 - 107.

элемента и выделяют в ней одну гипотезу, одну диспозицию, содержащую признаки одного состава преступления, и одну санкцию. Бытует также мнение, что каждая норма Особенной части способна выполнять различные функции в зависимости от того, применяется ли она к конкретному факту совершения преступления либо находится в состоянии бездействия (неприменения) или, говоря иначе - в состоянии соблюдения ее предписаний. Несмотря на то, что в момент применения нормы выполняется одна функция, а при соблюдении ее запретов – другая, защитники данной точки зрения усматривают во всех случаях действие одной уголовно-правовой нормы. Сторонниками многофункциональности уголовно-правовой нормы являются В.Д. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев и В.Д. Филимонов.

В.П. Малков также усматривает в статьях Особенной части одну единственную норму, но в отличие от первых придает этой норме способность выполнения одной единственной функции. Если первая группа авторов в структуре уголовно-правовой нормы усматривают три элемента – гипотезу, диспозицию и санкцию, то В.П. Малков выделяет в ней только два элемента: гипотезу и диспозицию. По его мнению, ту часть уголовно-правовой нормы, которую в теории уголовного права принято называть диспозицией, следовало бы именовать гипотезой, так как в этой части нормы дается описание условия ее действия. Ту же часть нормы, которую именуют санкцией, следовало бы называть диспозицией, так как в ней предусматривается само правило поведения сторон с указанием их прав и обязанностей. Описываемое в диспозиции правило поведения «сводится к праву и обязанности суда назначить виновному наказание и обязанности виновного отбыть его и праву требовать, чтобы наказание было назначено в пределах, предусмотренных нормой права»[1]. Анализируемая точка зрения ограничивает возможности уголовно-правовой нормы выполнением одной лишь карательно-регулятивной, восстановительной функции и не оставляет места выполнению ею охранно-предупредительной функции. Иначе говоря, концепция автора выделяет в Особенной части УК только один вид уголовно-правовой нормы – регулятивную, не называя, однако, ее таковой.

Иную позицию занимает первая группа авторов. По мнению В.Д. Филимонова, нормы, «предусматривающие ответственность за совершение конкретных преступлений, выполняют предупредительную и восстановительную функции уголовного права. Эти функции противостоят друг другу. Восстановительная функция осуществляется путем применения к лицам, совершившим преступления, уголовной ответственности и таким образом вступают в силу после того, как предупредительная функция в конкретных условиях обнаруживает свою несостоятельность. Напротив, если предупредительная функция достигает своей цели, потребность в осуществлении восстановительной функции в конкретных случаях отпадает»[2]. Такая точка зрения возлагает на норму уголовного права функцию, которую, если исходить из словесного изложения нормы в статье Особенной части УК, она выполнить не в состоянии. Все дело в том, что текст уголовного закона показывает не все содержание нормы права. В том виде, в каком она изложена в статье Особенной части норма способна выполнить только предупредительную функцию. Чтобы выполнить регулятивно-восстановительную функцию норма уголовного права в самой диспозиции должна содержать указание на

[1] Малков В.П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974. С.79-80.

[2] Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С.18.

правило поведения ее адресатов, которому должно соответствовать подлежащее регулированию общественное отношение, возникшее в связи с совершением лицом преступления. Для этого в норме должны быть указаны право суда применить наказание к лицу, совершившему преступление, и обязанность лица подчиниться этому праву, право лица требовать применения наказания в соответствии с нарушенным им законом и обязанность суда подчиниться этому праву. Однако норма сформулирована совсем иначе. Текст закона ограничивается предупреждением об ответственности лиц в случае совершения указанного в нем преступления. Запрет на совершение преступления сформулирован не в виде правила поведения сторон, а в форме угрозы применением конкретных видов и размеров наказаний. Иначе говоря, норма своим предписанием выполняет задачу предупреждения совершения преступления, преследуя тем самым цель удержания граждан от нарушения ее заповеди. О выполнении восстановительной функции закон не говорит ровным счетом ничего.

В тот момент, когда предупредительная функция обнаруживает свою несостоятельность, перестает действовать не сама функция уголовного права, а норма, выполнявшая эту функцию. Уголовный закон при этом продолжает работать. И в тот момент, когда норма прекращает выполнять предупредительную функцию, вступает в силу не восстановительная функция, а проявляет себя норма, выполняющая эту функцию, так как возникло новое отношение, основанное на новом юридическом факте и требующее изменения прав и обязанностей сторон, существовавших в законе до совершения лицом преступления.

Уголовный закон, содержащий эти нормы, в обоих случаях не прекращает своего действия. «Эксплуатируя» каждую норму по очереди, уголовный закон с помощью предупредительной нормы обеспечивает соблюдение ее предписаний, а когда последняя нарушена, он вводит в действие восстановительную норму, с помощью которой приступает к регулированию возникшего отношения. Таким образом, уголовный закон для соблюдения его предписаний приводит в действие предупредительную норму и в случае нарушения ее предписаний приводит в действие восстановительную норму. Обе эти нормы образуют ткань единой составной нормы, которая и является атрибутом уголовного закона. Каждая из этих норм, входя в состав уголовного закона, выполняет только одну функцию, обусловленную ее природой и назначением, каждая из этих норм содержит своих адресатов и характерную для них совокупность прав и обязанностей. Общее содержание уголовного закона может иметь как одну норму (в статьях Общей части УК), так и множество норм (в статьях Особенной части УК). Поэтому и следует констатировать, что многофункциональность – свойство, характерное для уголовного закона в случаях, когда в нем предусмотрено несколько уголовно-правовых норм.

Позиции многофункциональности норм уголовного права придерживаются В.Д. Прохоров, Н.М. Кропачев и А.Н. Тарбагаев. По мнению теоретиков, структура уголовно-правовой нормы может быть представлена в виде двух аспектов в зависимости от адресатов нормы и функции, выполняемых нормой: в аспекте позитивном и в аспекте ретроспективном. Позитивный аспект нормы проявляется тогда, когда при условиях, указанных в ее гипотезе, адресату – физическому лицу, запрещено совершать противоправное действие, образующее диспозицию нормы, во избежание определенных нормой последствий, составляющих ее санкцию. Ретроспективный аспект нормы проявляется в том случае, когда при условии нарушения требований, указанных в норме, и образующих ее гипотезу, второй ее адресат, каковым является судебный орган, применяет к виновному меры наказания, указанные в диспозиции нормы. «Уголовно-правовая норма, - делают вывод авторы, - едина в функциях:

охраняя, она регулирует и, регулируя – охраняет»[1]. Во-первых, если уж говорить об аспектах, то позитивному аспекту может противостоять не ретроспективный, а негативный аспект. Ретроспективному аспекту противостоит перспективный аспект. Во-вторых, если одна из функции перестает работать, норма, выполняющая эту функцию, не может продолжать своей действие, так как с момента совершения лицом преступления появляется новый юридический факт, который в полном составе обновляет и адресатов нормы, и существовавших при возникновении первого юридического факта прав и обязанностей сторон.

Дело в том, что вопреки существующим мнениям статьи Особенной части Уголовного кодекса состоят не из одной нормы, а из двух, которые в отдельности можно называть унинормами или единичными нормами. Приставка «уни» (“unus”, “uni”) в переводе с латинского означает «единый», «один»[2]. Первая из норм, образующих общую составную норму, адресована гражданам, вторая – судебным органам. Первая предупреждает о недопустимости нарушения запрета на совершение преступления, вторая – карает за нарушение установленного в первой запрета. Первая выполняет охранно-предупредительную функцию, вторая – карательно-регулятивную или, как выражается В.Д. Филимонов, восстановительную функцию. Охранно-предупредительной функция называется потому, что норма уголовного права, определяя признаки запрещенного деяния и указывая на виды и размеры наказаний за его совершение, предупреждает лиц, склонных к нарушению установленных запретов, о возможном применении наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Уголовно-правовая норма, одним своим существованием уже напоминает стража порядка, стоящего на грани дозволенного и недозволенного, и предупреждающего лиц о применении оружия в случае перехода этой грани. Охранительный характер функции выражается в обеспечении функционирования существующих общественных отношений путем предупреждения граждан о наказании при нарушении установленного правопорядка. Орудием охранно-предупредительной функции является угроза применением наказания, ярко выраженная в санкциях норм Особенной части Уголовного кодекса. Карательно-регулятивной функция называется потому, что при совершении лицом преступления возникает новое отношение, которое начинает регулироваться нормами уголовного права путем реального применения к лицу, совершившему преступление, мер уголовно-правового воздействия. Эти две нормы находятся в совмещенном состоянии и образуют единую комплексно-составную уголовно-правовую норму.

Первая норма состоит из диспозиции и санкции, вторая – из гипотезы и диспозиции. Диспозиция первой (предупредительной) нормы формулируется в виде установления прав и обязанностей, направленных на воздержание граждан от совершения преступления путем определения признаков конкретного состава преступления. На примере нормы, устанавливающей запрет на убийство, диспозиция нормы читается в том виде, в каком она изложена в тексте закона (например, в части первой ст. 105 УК): «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку». Сама диспозиция еще не устанавливает запрета. Формула запрета вырисовывается при соединении диспозиции с санкцией. Запрет – это образец позитивного поведения, смысл которого выявляется при чтении диспозиции вместе с санкцией. Запрет в данном случае будет звучать в виде шестой библейской заповеди: «Не совершай убийства» («Не убий»). Санкция предупредительной нормы указывает на последствие нарушения установленного

[1] Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. С.43.

[2] Словарь иностранных слов. Изд. 10-е, стереотипное. М.: «Русский язык», 1983. С.514.

правила поведения, выражающееся в применении наказания к лицу, совершившему преступление. Читается санкция так, как она изложена в части первой ст. 105 УК: «…наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового». Стало быть, в том виде, в каком норма сформулирована в законе, она является предупредительной (охранительной или охранно-предупредительной). Это очень важно подчеркнуть, так как уголовный закон, выполняя задачу охраны вверенных ему ценностей, указанных в части первой ст. 2 УК, острие своего карающего меча, прежде всего, направляет на лиц, еще не определившихся в выборе жизненных позиций, еще не нашедших ответа на вопрос: жить ли им по официальным законам или по «законам» иного мира, нормы которых созданы не парламентариями, а прошедшими школу тюремной жизни криминальными авторитетами. Говоря иначе, вводя уголовные законы в действие, государство, прежде всего, стремится предупредить совершение преступлений, чем наказывать за уже совершенные преступления. Поэтому предупредительная норма в своем действии всегда опережает карательно-регулятивную норму.

Вторая уголовно-правовая норма (регулятивная, карательно-регулятивная или восстановительная) вступает в действие вслед за нарушением предписаний предупредительной нормы. Введение в действие карательной нормы означает, что предупредительная норма не справилась с поставленной задачей по отношению к данному субъекту в данном случае. Читается она методом небольшой корректировки диспозиции предупредительной нормы, при которой происходит изменение изначальной направленности смысла нормы. Теперь острие нормы направлено не на предупреждение лиц, склонных к нарушению ее запретов, а на реагирование к нарушенным запретам. Текстуальный вид нормы преобразуется так, что диспозиция предупредительной нормы превращается в гипотезу карательно-регулятивной нормы, а санкция предупредительной нормы – в диспозицию регулятивной нормы. Диспозиция регулятивной нормы формулируется в виде установления в ней прав и обязанностей, направленных на регулирование возникшего в связи с совершением преступления общественного отношения, которое именно в силу этого становится активным уголовным правоотношением[1]. Гипотезой регулятивной нормы является условие в виде совершения лицом конкретного преступления. Гипотеза регулятивной нормы, на примере запрета на убийство, после произведенной корректировки читается так: «Если совершено убийство, то есть лицо умышленно причинило смерть другому человеку, …». И дальше следует диспозиция: «…суд назначает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, а лицо, признанное виновным в совершении убийства, обязано подчиниться мере наказания». Таким образом, санкция карательно-регулятивной нормы вложена в ее диспозицию и является средством реализации содержащегося в ней правила поведения. При этом диспозиция первой нормы совмещается с гипотезой второй нормы, санкция первой нормы совмещается с диспозицией второй нормы. Двойной – предупредительно-карательный характер – имеют нормы, помещенные в каждой части статей Особенной части уголовного кодекса. Если статья разделена на пункты, то двойным характером обладает каждый пункт соответствующей части статьи.

Составной характер нормы Особенной части свидетельствует о закрепленности в ней двойного правила поведения участников общественных отношений, каждое из которых выполняет отведенную ему законодателем функцию. При этом предупреди-

[1] Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С.9.

тельная норма показана открыто, регулятивно-восстановительная «прикрыта» санкцией предупредительной нормы и выявляется только при возникновении юридического факта, способного открыто показать ее содержание. Охранно-предупредительная норма не находится в действии, она выполняет функцию охраны общественных отношений, будучи в состоянии бездействия, т.е. неприменения. Норма воздействует исключительно на позитивные общественные отношения и исключительно своим существованием. Поэтому не приходится говорить о том, что норма в таком состоянии выполняет какую-либо очевидную регулирующую функцию. Поведение участников общественного отношения постоянно соизмеряется с наличием нормы, угрожающей применением наказания в случае отклонения поведения от указанной нормы и диктующей для обеспечения общественного отношения определенные юридические права и обязанности, целью которых является воздержание граждан от совершения преступления. В этом и выражается вся «регулирующая» роль нормы уголовного права в состоянии покоя. Отсюда, если имеющуюся норму Особенной части кодекса скроить на части, то окажется, что она состоит из двух взаимосвязанных норм, имеющих различные права и обязанности сторон, применяемых последовательно каждая к своему общественному отношению, которое является предметом ее приложения, реагирования, охраны и регулирования, причинно обуславливая проявление друг друга в объективной действительности. С этой точки зрения нельзя утверждать, что норма Особенной части Уголовного кодекса едина как при выполнении предупредительной, так и при выполнении регулятивной функции, что, будучи единой в своей основе, норма будто бы выполняет две функции: регулятивную и охранительную[1], предупредительную и восстановительную[2]. Разумеется, это не так. Суждение подобного рода было бы верным, если бы адресаты нормы, содержание прав и обязанностей и общественные отношения, на которые воздействует норма при выполнении каждой функции, оставались бы неизменными. При неизменности элементов нормы правильным было бы утверждение о наличии одной уголовно-правовой нормы в статьях Особенной части УК. Но когда элементы нормы меняются с изменением выполняемой функции единство нормы – явление только кажущееся.

В самом деле, проследим момент перехода нормы из состояния соблюдения в состояние применения. Что при этом происходит? Прежде всего, происходит смена адресатов нормы. Если при соблюдении нормы адресатами являлись, с одной стороны, государство в лице его законодательного органа, принявшего уголовный закон, с другой – все без исключения лица, вменяемые и достигшие возраста уголовной ответственности, обязанные отвечать за нарушение запретов, то при применении нарушенной уголовно-правовой нормы орган законодательной власти уступает место правоприменительным органам, лица же, соблюдающие уголовный закон, заменяются лицами, нарушившими его. Со сменой адресатов происходит смена прав и обязанностей сторон, образующих правило поведения. Вместо позитивного правила, основанного на соблюдении предписаний закона, вступает в действие негативное правило, основанное на нарушении этих предписаний. Если в момент соблюдения уголовного закона государство имело право требовать от граждан выполнения требований уголовно-правовой нормы, которому соответствовала обязанность другой стороны соблюдать эти нормы, а граждане имели право требовать осуществления за

[1] Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. С.40, 43, 60-61.

[2] Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С.21.

ними контроля в соответствии с порядком, установленным законом, которому корреспондировала обязанность государства осуществлять надзор не выходя за рамки закона, то при нарушении запрета, содержащегося в норме уголовного закона, государство наделяется правом применить меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, и обязанностью применить эти меры в строгом соответствии с законом, а граждане, совершившие преступления, наделяются обязанностью подчиниться мерам уголовно-правового воздействия и правом требовать их применения в соответствии с нормами закона. Возникновению прав и обязанностей предшествуют соответствующие юридические факты, их порождающие. Состоянию соблюдения нормы права предшествует юридический факт в виде придания закону юридической силы, состоянию применения уголовно-правовой нормы предшествует событие в виде совершения лицом преступления. Что же остается от изначальной нормы, которая выполняла предупредительную функцию? Ровным счетом ничего.

Уголовно-правовая норма в том виде, в каком она описана в статьях Особенной части УК, не может выполнять различные функции, подстраивая содержащееся в ней правило поведения под каждую из этих функций. С позиции защитников многофункциональности правовой нормы последняя меняет свое содержание всякий раз, когда меняется выполняемая самой нормой функция. Если для выполнения новой функции меняется юридический факт, требующий изменения адресатов нормы, изменения прав и обязанностей ее адресатов, что, по сути, означает изменения правила поведения, содержащегося в норме, то это фактически ведет к изменению самой нормы. На место одной нормы приходит другая с другими адресатами, с другими правами и обязанностями сторон и с другим юридическим фактом, порождающим другое отношение между адресатами, которое нуждается уже не в соблюдении нормы, а в регулировании этого отношения. При нарушении заповедей изначальной нормы последняя с запасом нарушенных прав и обязанностей становится непригодной для регулирования вновь возникшего отношения на почве совершенного преступления. Регулирование этого отношения должно осуществляться другой нормой с иными субъектами и с иным содержанием прав и обязанностей субъектов. Ведь каждая норма потому и называется нормой, что она содержит одно единственное правило поведения с неизменной совокупностью прав и обязанностей сторон. Если допустить сохранность изначальной нормы при изменении всех ее компонентов, то это уже будет не нормой, а стихийным и узаконенным произволом, где норма меняет свое содержание и адресатов каждый раз, когда возникает новый юридический факт.

Как первая, так и вновь вступившая в действие норма являются составными частями - унинормами одной целой нормы. Обе эти нормы заложены законодателем в содержании общей составной нормы. Первая часть этой нормы читается в той редакции, которая буквально содержится в тексте закона – в статье Особенной части УК. Эта норма иначе называется охранно-предупредительной, так как единственной функцией, адекватной имеющемуся в ней правилу поведения, которую она способна выполнять, является функция охраны общественного отношения путем предупреждения лиц, склонных к причинению вреда этому отношению, об ответственности в случае несоблюдения требований нормы. Вторая унинорма выводится логическим путем – путем небольшой переформулировки текста закона. Сам факт переформулировки предупредительной нормы означает формулировку новой – регулирующей нормы; говоря иначе, из содержания закона выводится правило поведения и условия применения второй нормы. Называется она карательно-регулятивной или восстановительной нормой.

Отсюда, ***нормой уголовного права*** следует понимать соединение в одном общем нормативном акте правила поведения, состоящего из прав и обязанностей сторон по воздержанию граждан от совершения преступлений, выполнение которых осуществляется при определенных, указанных в законе условиях, императивность и превентивность которого обеспечиваются силой государственного принуждения, с правилом поведения, устанавливающим должное или возможное поведение правоохранительных органов, проявляющее себя при совершении лицом преступления, для применения к нему мер уголовно-правового воздействия с целью восстановления нарушенного порядка охраняемых общественных отношений. Так выглядит совмещенная норма Особенной части уголовного права, которая ***соблюдается*** при отсутствии факта совершения преступления и ***применяется*** при наличии факта совершения преступления. Первая часть определения раскрывает содержание предупредительной нормы, вторая часть – содержание восстановительной нормы. Часть статьи Особенной части УК, в которой дается описание признаков состава преступления, подразумевает позитивное правило поведения по воздержанию уголовно-ответственных лиц от совершения преступления. Та же часть статьи, в которой указаны виды и размеры наказаний, назначаемых судом в случае совершения лицом преступления, содержит правило поведения, раскрывающее содержание восстановительной нормы, выявляемое логическим путем в случае возникновения негативного отношения, вызванного совершением преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967.
2. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон. М.: Изд-во МГУ, 1967.
3. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. М.: Госюриздат, 1961.
4. Ковалев, М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974.
5. Козаченко, И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987.
6. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
7. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: Изд-во МГУ, 1981.
8. Малков, В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982.
9. Малков, В.П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974.
10. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960.
11. Ораздурдыев, А.М. Норма уголовного права, ее понятие, основные черты и структура. – В кн.: Ораздурдыев А.М. Проблемы Общей части науки уголовного права. Ашхабад, 1991.
12. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989.
13. Словарь иностранных слов. Изд. 10-е, стереотипное. М.: «Русский язык», 1983.
14. Филимонов, В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
15. Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.

Дата поступления: 09.06.2023

УДК: 343
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_179

Титов С.Н.

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Titov S.N.

THE GENESIS OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN RUSSIA

Ключевые слова: *уголовно-правовая охрана, интеллектуальная собственность, авторские права, привилегия, наказание, генезис законодательства.*
Key words: *criminal law protection, intellectual property, copyright, privilege, punishment, genesis of legislation.*

Аннотация: *настоящая статья посвящена генезису уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Под генезисом при этом понимается появление и первоначальное развитие этого правового института. Актуальность такого исследования обусловлена важностью понимания социальных условий, определяющих факторов появления норм об ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Это понимание необходимо для адекватной модернизации уголовно-правового воздействия на общественные отношения в изменяющихся социально-экономических условиях (возрастание роли инноваций в экономике, взрывное развитие информационных технологий, появление систем искусственного интеллекта и т.д.).*

Целью работы является исследование процесса появления и первоначального развития уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности и определение главного концептуального подхода, лежащего в ее основе.

Основой методологии исследования является историко-генетический метод, рассматривающий предпосылки, условия их появления и первоначальной эволюции, причем как собственно юридические, так и экономические, политические и прочие.

Автор приходит к выводу, что в основе развития законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности (в том числе уголовного законодательства) в нашей стране лежит утилитаристская концепция, в соответствии с которой положения закона в области интеллектуальной собственности должны быть направлены на увеличение благосостояния сообщества. Также автором исследованы первые источники уголовного права, касающиеся интеллектуальной собственности и дана их уголовно-правовая характеристика.

Abstract: *this article is devoted to the genesis of the criminal law protection of intellectual property. In this case, the genesis is understood as the emergence and initial development of this legal institution. The relevance of such a study is due to the importance of understanding the social conditions that determine the emergence of norms on liability for infringement of intellectual property rights. This understanding is necessary for an adequate modernization of the criminal law impact on social relations in changing socio-economic conditions (the growing role of innovation in the economy, the explosive development of information technology, the emergence of artificial intelligence systems, etc.).*

The purpose of the work is to study the process of emergence and initial development of the criminal law protection of intellectual property and to determine the main conceptual approach underlying it.

The basis of the research methodology is the historical-genetic method, which considers the prerequisites, conditions for their appearance and initial evolution, both legal and economic, political and others.

The author comes to the conclusion that the development of legislation in the field of intellectual property protection (including criminal law) in our country is based on a utilitarian concept, according to which the provisions of the law in the field of intellectual property should be aimed at increasing the welfare of the community. The author also studied the first sources of criminal law relating to intellectual property and gave their criminal law characteristics.

Применительно к юриспруденции генезис (греч. génesis) представляет собой возникновение и первоначальное развитие правового явления. Основой методологии исследования таких явлений является историко-генетический метод, рассматривающий предпосылки, условия их появления и первоначальной эволюции, причем как собственно юридические, так и экономические, политические и прочие.

Ценность такого исследования в отношении появления уголовно-правой охраны интеллектуальной собственности несомненна. Сегодня соответствующие общественные отношения стремительно изменяются. Этому способствует прогресс науки и технологий, взрывное развитие средств обработки и передачи информации, появление систем искусственного интеллекта, изменение экономических моделей, где все большее значение приобретают инновации и информационные технологии.

Уголовное право должно адекватно реагировать на эти обстоятельства, поскольку они непосредственно связаны с изменением как объектов уголовно-правовой охраны (например, появлением объектов, создаваемых системами искусственного интеллекта), так и механизмов преступного поведения (колоссальным увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий). Для грамотного выстраивания системы уголовно-правового воздействия в этих условиях необходимо понимать социальные условия возникновения уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, превалирующие фактор, определяющие ее характер.

История правовой охраны интеллектуальной собственности не так молода, как может показаться. Первые упоминания о ней относятся к Древней истории. Есть свидетельства, что один из первых известных литературных источников о защите интеллектуальной собственности датируется 500 годом до н.э. В современности первым статутом современного авторского права является Статут Анны 1710 года, который предоставил автору защиту, предоставив авторские права на четырнадцать лет с возможностью продления, если автор был еще жив[1].

Для древнего права нормы об интеллектуальной собственности не были типичными. В Стэнфордской философской энциклопедии подтверждается, что ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме не было правовых институтов в области интеллектуальной собственности[2]. Первые

[1] Moore, Adam and Ken Himma, "Intellectual Property", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).

[2] Moore, Adam and Ken Himma, "Intellectual Property", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).

нормы были связаны с выдачей грантов, привилегий и монополий. Даже после появления печатного станка Гутенберга случаи охраны авторских произведений были единичны.

В западной философии права обоснование интеллектуальной собственности имеет свою историю. Без привязки к хронологии философских изысканий можно выделить две основные теории, обосновывающих институты интеллектуальной собственности – локковская теория трудовой собственности и утилитаристское обоснование.

В своем знаменитом «Трактате о государственном правлении» Дж. Локк излагает следующий тезис. Человек является владельцем своего тела и своего труда. Когда человек вкладывает часть своего труда в бесхозный предмет, труд и предмет становятся неразделимы и в силу этого предмет переходит в собственность человека[1].

Подобный подход оказал сильное влияние на правоприменение. В литературе содержится описание дела 1769 года Миллар против Тейлора, в котором судья Мэнсфилд Си Джей обосновывал право автора ссылками на справедливость – труд автора должен получать вознаграждение[2].

Концепция не свободна от критики. В частности, ее противниками указывается на то, что идея смешивания труда бессвязна – действия нельзя смешивать с объектами[3]. Другой аргумент касается процесса создания интеллектуального продукта. Дело в том, что автор результата интеллектуальной деятельности не в состоянии создать его «на пустом месте». Он всегда пользуется существующими знаниями в соответствующей области науки, культуры, которые выработаны не им. И при определении прав на результат интеллектуальной деятельности всегда нужно учитывать общественный интерес. Питер Драхос, кроме того, указывает на чрезмерную неопределенность труда как основы для теоретического обоснования прав собственности[4].

Между тем, локковская концепция имеет немало сторонников[5], поскольку право человека на нечто, созданное его руками, является очевидным, а объем, территория действия, степень исключительности и сроки могут быть отнесены к предметам соглашений и компромиссов.

Более распространенной является утилитаристская концепция[6]. Идея ее заключается в том, что нормоположения в области интеллектуальной собственности должны быть направлены на увеличение благосостояния сообщества. Автор, создавая продукт интеллектуального труда, для его последующего эффективного использования должен в той или иной степени обладать монопольным правом на него. В противном случае возможность использовать этот результата получат субъекты, не сделавшие никакого инвестиционного вклада в него. Последняя ситуация способна привести к тому, что в конечном итоге потенциальные создатели интеллектуальных продуктов не будут иметь реальных стимулов к этой деятельности. В итоге получаем вывод о том, что в целях максимизации благосостояния сообщества разумно закрепление

---

[1] Дж. Локк. Избранные философские произведения. Том 2. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1960. С. 19

[2] Drahos Peter, A philosophy of intellectual property: The Australian National University, 2016. P. 32.

[3] Moore, Adam and Ken Himma, «Intellectual Property». The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition). Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).

[4] Drahos Peter, A philosophy of intellectual property: The Australian National University, 2016. P. 83

[5] Moore, Adam and Ken Himma, «Intellectual Property». The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition). Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).

[6] Moore, Adam and Ken Himma, «Intellectual Property». The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition). Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).

исключительного права на интеллектуальную собственность. Это стимулирует к инновациям. Как отмечал Д. Мюллер, там, где существует рента, можно ожидать, что будет существовать поиск ренты[1]. Д. Мокир отмечает, что предприниматели, новаторы и амбициозные люди будут пытаться сделать свое состояние и славу там, где они считают вознаграждение наиболее многообещающим, и институты общества определяют, где эти усилия будут наиболее полезными и прибыльными[2].

В исследовании, опубликованном Кейсовским университетом Западного резервного района (США) в 2006 году, исследуется история появления первых патентных законов в Венеции, Англии и США. Авторы приходят к выводу, что первой задачей патентного права во всех трех случаях было ограничение стремления к монопольной прибыли обладателей привилегий, поскольку если это стремление не может быть ограничено, для общества убытки начинают преобладать над выгодами[3].

Несмотря на логичность данной аргументации, она также не осталась без критики. Утверждается, что любые ограничения использования интеллектуальной собственности способны препятствовать инновационной деятельности[4].

Между тем, последний аргумент не может быть безоговорочно принят. Действительно, очевидно, что свободное распространение интеллектуальной собственности расширило бы сферу применения ее конкретных объектов. Однако для подобного шага необходимо, чтобы был предложен настолько же эффективный механизм стимулирования авторов, а он на сегодняшний день отсутствует.

Европейское законодательное регулирование интеллектуальной собственности было ориентировано на решение следующих задач: учёт значимости личного вклада автора в созданный им объект интеллектуальной собственности и обеспечение защиты исключительного права с позиции стимулирования автора к созданию новых интеллектуально передовых продуктов за счет эксклюзивной возможности их монетизации, а также снижение правовых барьеров в ограничении использования объектов интеллектуальной собственности.

Российское право, в том числе его публично-правовая часть, вслед за европейским правом исторически было направлено на решение этих задач. В 19 веке формируются научные представления об интеллектуальной собственности как объекте защиты. Предлагаются два понятия: овеществленный результат интеллектуального труда или же интеллектуальный результат без привязки к материальному объекту соответственно[5].

Искажения текстов при переписывании являлись проблемой, с которой государство пыталось бороться, в том числе методами правовых запретов. В 1551 г. на Стоглавом Соборе был установлен категорический запрет на искажение текстов при переписывании[6]. Данное свидетельство говорит о двух важных обстоятельствах.

---

[1] Mueller, Dennis C. Public Choice II. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. P. 245.

[2] Mokyr Joel. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton University Press. 2002.P. 287.

[3] Nard, Craig Allen and Morriss, Andrew P., Constitutionalizing Patents: From Venice to Philadelphia. Case Western University School of Law. 2006. Faculty Publications. P. 310.

[4] Moore, Adam and Ken Himma, «Intellectual Property». The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition). Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).

[5] Калмыков П.Д. О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России: Рассуждение орд. проф. Имп. С.-Петерб. ун-та, д-ра прав П.Д. Калмыкова, чит. на публ. акте Унив. 8 февр. 1851. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1851.

[6] Стоглав // Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т. 2 / отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. С. 241–403.

Во-первых, о направленности правового воздействия в первую очередь не на охрану интересов авторов, а на ограждение аудитории читателей от искажений текстов, во-вторых, о переходе с охраны материального носителя на охрану нематериального объекта.

Эта проблема была распространена не только в России. Отмечается, что 1522 г. Эразм Роттердамский писал, что злоумышленники продают перепечатанные с экземпляров издателей книги по сниженным ценам, причиняя тем самым существенный ущерб добросовестным издателям, ввиду чего было предложено формирование «краткосрочных привилегий», которые позволят хотя бы окупить расходы, связанные с изданием книги[1].

Еще до появления институтов интеллектуальной собственности отдельные объекты охранялись государством посредством привилегий. Последняя решает задачу установления контролируемого государством баланса между стимулированием индивидуальной экономической деятельности и инновационным развитием общества. Исследования правовой природы привилегий представляет интерес для настоящего исследования в той мере, в какой оно показывает направленность правового воздействия государства на общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, социально-экономические предпосылки соответствующих институтов.

Привилегия (лат. privilegium) – исключительное право пользования чем-либо, предоставляемое кому-либо в отличие от других[2], исключительное право в ремеслах и промыслах; личное право, преимущество[3].

В зависимости от содержания правомочий, содержащихся в привилегии, можно выделить несколько периодов развития этого института.

Первый период место с 1700 год (выдача Я. Тесенгу жалованной грамоты о печати географических карт[4]) по 1812 год (издание манифеста о привилегиях[5]). Практика выдачи привилегий была начата Петром I и продолжена Екатериной Великой. Они предоставлялись иностранным подданным Гартунгу, Вейбрехту и другим для организации типографий на территории России[6].

На этом этапе привилегии, выдаваемые в России, имели некоторые особенности по сравнению с похожими документами в Европе. Во-первых, они были персонифицированы, выдавались конкретному субъекту. Во-вторых, в отличие от большинства привилегий в странах Европы, российские привилегии не ограничивались сроком. В-третьих, и это самое главное, в привилегиях не оговаривалось конкретное произведение. Они распространялась на деятельность издателя в целом[7].

До 1816 года издателям не требовалось согласие последнего для осуществления издательской деятельности[8]. Привиле-

---

[1] Табашников И.Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России: Литературная собственность, ее понятие, история, объект. Исследование. Т. 1. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878.

[2] Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 12 т. Т. 9. М.: Мир книги, 2003. С. 374.

[4] Ильницкий К.О. Привилегии и жалованные грамоты на воспроизведение и распространение произведения по законодательству России и Великобритании // Приволжский научный вестник. 2011. N 2 (2). С. 61–65.

[5] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 32 (1812 - 1814). № 25143. С. 355–356.

[6] Кирсанова Е.Е. Значение системы привилегий в процессе формирования исключительных прав на литературную собственность // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 66–74. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

[7] Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001.

[8] Антонова А.В. Исторические аспекты развития авторского права царской России // История государства и права. 2014. N 19. С. 17–21.

гии, таким образом, никак не оберегали прав автора[1]. Это обстоятельство соответствует европейскому правовому регулированию. Авторы, желающие ограничить перепечатывание своих произведений, получали привилегию как издатели[2].

В литературе также отмечается, что привилегии на воспроизведение и распространение произведений первоначально носили экономический характер и лишь потом стали законодательным механизмом защиты прав авторов[3].

Таким образом, привилегии в том виде, в котором они существовали на первоначальном этапе, могут рассматриваться как предшественники исключительных прав лишь с большой натяжкой. Они представляли собой персонифицированное право на осуществление определенной деятельности, выдача которого обуславливалась политическими и экономическими интересами государства, стоящими перед ним задачами на конкретном этапе общественного развития.

Второй период развития института привилегий связан с принятием в 1812 году манифеста о привилегиях. Привилегия представляла собой свидетельство о собственности на произведение[4]. Привилегии удостоверяли право на использование изобретения или открытия.

Манифест подчеркивает, что привилегия не устанавливает авторства или открытия. Она имеет под собой опровержимую презумпцию принадлежности их человеку, получившему ее. Вплоть до оспаривания и отмены, привилегия дает ее обладателю исключительное право использования открытия или изобретения.

В этом отношении манифест можно сравнить с первыми законами Европы в области патентного права, которые появились еще в 15 веке. Однако здесь нужно обозначить важное обстоятельство, говорящее о политико-правовой природе привилегий на этом этапе.

Патентный закон 1474 г., принятый в Венеции, считается прообразом современного патентного права. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что этот закон совершенно четко обозначает цель его принятия – стимулирование изобретательской деятельности для развития экономики государства.

Манифест 1812 года начинается преамбулой, гласящей, что он направлен на примирение выгод изобретателя с общественной пользой. В Манифесте, таким образом, ясно прослеживается направленность на компромисс охраны интересов изобретателя и общественного интереса в инновациях. Эта же концепция видна и в содержащихся в Манифесте положениях, в которых сочетаются запреты использования изобретения лицами, не имеющими привилегии, и, к примеру, механизмы оспаривания этой привилегии. На современном этапе об этом балансе говорится в преамбуле Договора ВОИС по авторскому праву[5].

Важной особенностью авторского права России, свойственной почти на всем пути его исторического развития, была тесная связь с цензурным законодательством,

---

[1] Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. Доступ из СПС КонсультантПлюс

[2] Kostylo J. From Gunpowder to Print: The Common Origins of Copyright and Patent // Privilege and property: essays on the history of copyright / Ed.: Ronan Deazley, Martin Kretschmer, Lionel Bently. Open Book Publishers, 2010. P. 31.

[3] Ильницкий К.О. Привилегии и жалованные грамоты на воспроизведение и распространение произведения по законодательству России и Великобритании // Приволжский научный вестник. 2011. N 2 (2). С. 63.

[4] Манифест от 17 июня 1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» // Доступ из СПС Гарант. URL: http://base.garant.ru/58102449/#ixzz71KsXNT5q (дата обращения: 22.07.2021)

[5] Договор ВОИС по авторскому праву (Вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (Подписан 20.12.1996) // Бюллетень международных договоров. 2016. N 12. С. 4–11.

которое родилось в России значительно раньше[1].

Третий период развития института привилегий связан с первой четвертью XVIII века, которая характеризовалась возрастанием значения правовых механизмов в политике государства[2]. Стремление к общему благу в сочетании с патерналистским отношением к подданным, концентрацией в руках императора всей полноты власти и искренней верой в силу законов привело не только к «законодательному буму», но и практике создания законов буквально «на каждый случай»[3].

В этот же период начинается научное исследование вопросов уголовно-правового воздействия. В российской уголовно-правовой науке сложилось два основных подхода к пониманию уголовного права и его роли в регулировании общественных отношений.

Согласно первому подходу, уголовное право представляет собой лишь санкционирующую, наказывающую отрасль. Ее роль заключается в охране правил, установленных другими отраслями. Соответственно, самостоятельного регуляторного значения нормы уголовного права не имеют. Уголовное право рассматривается лишь как санкция. По выражению Н.Д. Сергиевского, преступник не может нарушить уголовный закон. Она нарушает иное положение, на которое в уголовном законе есть ссылка[4].

Согласно второй позиции, уголовное право выполняет регуляторную функцию. У Уголовного права имеется своя сфера действия, где работают установленные им правила поведения[5].

Позднее появляется несколько иная трактовка уголовного права как регулирующей отрасли со специфическим предметом регулирования. Эта концепция развита в работах А.А. Пионтковского: «…меры борьбы с физико-социальными факторами преступной деятельности затрагивают разнообразные стороны общественной жизни – политическую, экономическую и проч.…; уголовной догматике регуляцией этих отношений заниматься не за чем; она занимается только регуляцией отношений, возникающих по поводу непосредственной борьбы с индивидуальным фактором преступной деятельности»[6].

Разделяя последнюю позицию, рассмотрим основные вехи развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности в нашей стране. Нужно сказать, что в отличие от стран Европы, до середины 19 века такого института в России вовсе не существовало. Между тем, рыночные отношения в этой области, оборот объектов интеллектуальной собственности уже развивался.

Первая кодификация российского уголовного законодательства была осуществлена с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, поскольку до этого кодексы носили межотраслевой характер[7].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года[8] впервые

---

[1] Антонова А.В. Исторические аспекты развития авторского права царской России // История государства и права. 2014. № 19. С. 17 - 21.

[2] Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: учебное пособие. М., 2010. С. 23–25.

[3] Цит по: Мирошниченко Н.В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дисс. … д-ра юрид. н. М., 2015. С. 42.

[4] Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. \ Часть Общая. СПб., 1896. С. 47.

[5] Гених Н.В. Проблема предмета и метода уголовного права в трудах российских юристов XIX и начала XX вв. // Общество и право. 2010. № 1(28). С. 136.

[6] Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. С. 4, 5, 14, 15.

[7] См.: Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.). М.: Ун-т пр-ры РФ, 2019. С. 77–78

8 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Петергофъ. Типография Второго

появились нормы об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности. Анализ норм этого законодательного акта позволяет заключить, что во многом он предвосхищает, или лучше сказать, лежит в основе действующего законодательства. Отметим основные моменты, характеристики норм этого акта о преступлениях против интеллектуальной собственности, значимые для настоящего исследования.

Первое. Объективная сторона соответствующих деяний описана технически ясно и в целом соответствует подходу современного законодателя – это присвоение авторства и незаконное использование.

Второе. Уголовный закон брал под свою охрану принадлежность автору и оборот практически всех объектов интеллектуальной собственности, которые тогда признавались законом, в частности произведения словесности, науки, искусств или художеств, музыкальные сочинения, и т.д. (ст. 2195–2197); изобретения, клеймы и знаки продукции и др. (ст. 1788–1790).

Третье. Интеллектуальная собственность не была представлена как единый объект уголовно-правовой охраны. Нормы об этих преступлениях рассматривались в разных контекстах, были направлены, судя по близким деяниям, на охрану разных отношений, что сказалось на их расположении: от раздела об охране собственности до раздела об охране общественного благочиния. Конкретно: статьи 2195–2197 отделения IV «О присвоении ученой или художественной собственности» гл. IV «О присвоении и утайке чужой собственности» раздела XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» предусматривали ответственность за нарушение авторских прав, а статьи 1788–1790 отделения I «О нарушении Уставов фабричной и заводской промышленности» гл. XIV «О нарушении Уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» раздела VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» – за нарушение прав на средства индивидуализации и секреты производства.

Четвертое. Анализ структуры правовой регламентации и санкций соответствующих статей показывает, что общественная опасность посягательств на интеллектуальную собственность оценивалась на уровне посягательств на собственность. К примеру, кража вещей частных лиц влекла наказание в виде лишения всех особенных личных или по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылкой или наказания розгами и отдачей в исправительные арестантские роты на срок от одного года до двух лет (ст. 2154). Схожее наказание влекло присвоение авторства – лишение всех особенных лично или по состоянию присвоенных прав и преимуществ, ссылка в одну из отдаленных губерний, заключение на срок от шести месяцев до одного года или отдача в рабочий дом на время от одного года до двух лет.

Пятое. Составы преступлений предусматривали ответственность за незаконные действия в отношении объектов интеллектуальной собственности без указания на то, что правообладателю при этом причиняется определенный урон. Иными словами, размер деяния или размер последствий не являлись конструктивными признаками составов и не определяли криминализацию.

Последующие редакции Уложения не поменяли сколь бы то ни было существенно нормы о преступлениях против интеллектуальной собственности.

В 1911 году было введено в действие Уложение 1903 года[1], в котором содержа-

Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1845.

[1] Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, предоставленное Минюстом в Государственный совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета. СПб., 1904.

лись нормы об охране авторских прав (статьи 620–622), которые располагались в главе «О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения». Такое расположение свидетельствует о характере этих посягательств как посягательств на имущество, поскольку эти статьи соседствуют с нормами именно об имущественных преступлениях.

Диспозиции и санкции статей мало чем отличались от предшествующих статей Уложения 1845 года. Статья 620 предусматривала ответственность за использование без законных оснований произведений литературы, музыки или искусства, статья 621 – за нарушение привилегий на изобретение и прав на воспроизведение заявленных в установленном порядке заводских, фабричных и ремесленных модели или рисунка, статья 622 – за нарушение прав автора на сбыт своих произведений.

Представляется, что единственная значимая трансформация, наглядно проявившаяся в Уголовном Уложении 1903 г., заключалась в устранении излишней казуистичности уголовного закона[1].

Подводя итог исследованию истории развития законодательства и уголовно-правовой теории в области уголовно-правового обеспечения охраны интеллектуальной собственности, формулируем следующие выводы.

1. Историко-генетический метод исследования исторического материала позволяет заключить, что в основе развития законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности (в том числе уголовного законодательства) в нашей стране лежит утилитаристская концепция, в соответствии с которой положения закона в области интеллектуальной собственности должны быть направлены на увеличение благосостояния сообщества.

Представляется, что этот основной концептуальный подход должен учитываться на современном этапе при модернизации уголовного законодательства в области интеллектуальной собственности, в частности, при решении вопросов о расширении перечня охраняемых объектов интеллектуальной собственности, об охране объектов, создаваемых искусственным интеллектом и т.п.

2. Нормы об уголовной ответственности за посягательства против интеллектуальной собственности, впервые сформулированные в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, были сгруппированы в соответствии с представлениями об объекте посягательства. Из чего можно сделать вывод, что характер общественной опасности преступлений против интеллектуальной собственности не понимался законодателем единым, что свидетельствует о главенстве утилитаристской концепции охраны интеллектуальных прав, которые не рассматривались как объект посягательства. В качестве последнего мыслился порядок, установленный законодателем в той или иной области хозяйствования.

3. Размер ущерба от нарушения интеллектуальных прав не определял дифференциацию уголовной ответственности и не был конструктивным признаком состава преступления, а лишь базой для определения размера компенсации, денежных обязательств нарушителя. Основными обстоятельствами, связанными с установлением уголовной ответственности, выступали способ совершения деяния и предмет, например, привилегия, художественное произведение.

[1] Мирошниченко Н.В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дисс. … д-ра юрид. н. М., 2015. С. 64–65.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Moore, Adam and Ken Himma. «Intellectual Property». The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/intellectual-property/ (дата обращения: 25.04.2023).
2. Дж. Локк. Избранные философские произведения. Том 2. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1960. 532 с.
3. Drahos Peter, A philosophy of intellectual property: The Australian National University, 2016. 257 p.
4. Mueller, Dennis C. 1989. Public Choice II. Cambridge: Cambridge University Press. 518 p.
5. Mokyr, Joel. 2002. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton University Press. 384 p.
6. Nard, Craig Allen and Morriss, Andrew P., Constitutionalizing Patents: From Venice to Philadelphia. Case Western University School of Law. 2006. Faculty Publications. P. 223–321.
7. Калмыков П.Д. О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России: Рассуждение орд. проф. Имп. С.-Петерб. ун-та, д-ра прав П.Д. Калмыкова, чит. на публ. акте Унив. 8 февр. 1851. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1851. 93 с.
8. Табашников И.Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России: Литературная собственность, ее понятие, история, объект. Исследование. Т. 1. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. 568 с.
9. Ильницкий К.О. Привилегии и жалованные грамоты на воспроизведение и распространение произведения по законодательству России и Великобритании // Приволжский научный вестник. 2011. № 2 (2). С. 61–65.
10. Кирсанова Е.Е. Значение системы привилегий в процессе формирования исключительных прав на литературную собственность // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 66–74.
11. Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 688 с.
12. Антонова А.В. Исторические аспекты развития авторского права царской России // История государства и права. 2014. № 19. С. 17–21.
13. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. 552 с.
14. Kostylo J. From Gunpowder to Print: The Common Origins of Copyright and Patent // Privilege and property: essays on the history of copyright / Ed.: Ronan Deazley, Martin Kretschmer, Lionel Bently. Open Book Publishers, 2010. 450 p.
15. Ильницкий К.О. Привилегии и жалованные грамоты на воспроизведение и распространение произведения по законодательству России и Великобритании // Приволжский научный вестник. 2011. № 2 (2). С. 61–65.
16. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 338 с.
17. Мирошниченко Н.В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дисс. … д-ра юрид. н. М., 2015. 480 с.
18. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1896. 434 с.
19. Гених Н.В. Проблема предмета и метода уголовного права в трудах российских юристов XIX и начала XX вв. // Общество и право. 2010. № 1(28). С. 134–139.
20. Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. Ярославль: Типо-Литография Э. Г. Фальк. 24 с.
21. Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.). М.: Ун-т пр-ры РФ, 2019. 384 с.

Дата поступления:17.06.2023

УДК: 343.5
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_189

Южиков А.А.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВАНДАЛИЗМА

Yuzhikov A.A.

ON THE QUESTION OF THE CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF VANDALISM

Ключевые слова: *вандализм, общественный порядок, общественное место, хулиганские побуждения, экстремистская направленность, осквернение, уничтожение, повреждение, квалифицирующий признак, состав преступления.*

Keywords: *vandalism, public order, public place, hooligan motives, extremist orientation, desecration, destruction, damage, qualifying feature, corpus delicti.*

Аннотация: *актуальность данного исследования состоит в том, что функционирование любого государства невозможно без обеспечения и поддержания общественного порядка. Общественный порядок является важнейшим критерием оценки благосостояния всех общественных отношений в стране. Его обеспечение происходит и посредством уголовно-правовой защиты.*

Уголовный кодекс РФ, стоящий на страже данных общественных отношений, закрепил в главе 24 - «преступления против общественной безопасности» раздела IX - «преступления против общественной безопасности и общественного порядка» состав преступления – вандализм, который, по непосредственному объекту своего преступного посягательства, непосредственно относятся к преступлениям против общественного порядка.

Однако, на наш взгляд, требуется совершенствование законодательной конструкции данного состава и пленарных разъяснений по ряду его признаков.

Это определяет цель исследования, которая состоит в выработке положений для правильной и точной квалификации данного преступления и разграничений его от схожих составов преступлений.

Для достижения данных целей использовалась совокупность основных методов познания: всеобщий диалектический, совокупность общенаучных методов исследования, например сравнение положений уголовного закона, разъяснений Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, анализ определенных норм УК РФ.

В результате проведенного нами исследования вандализма были сделаны обобщающие выводы о необходимости разъяснения понятий – «осквернение и общественное место», была установлена необходимость замены понятия – «порча», на – «повреждение и или уничтожение». Предлагается исключение из состава одного из квалифицирующих признаков и дополнение его другими. Проведенное нами исследование состава вандализма может в дальнейшем использоваться для совершенствования УК РФ в целях оптимизации борьбы с данными преступными проявлениями.

Abstract: *The relevance of this study lies in the fact that the functioning of any state is impossible without ensuring and maintaining public order. Public order is the most important criterion for assessing the well-being of all social relations in the country. It is also ensured through criminal law protection.*

The Criminal Code of the Russian Federation, which guards these social relations, enshrined in Chapter 24 - "crimes against public security" of Section IX - "crimes against public security and public order" the corpus delicti - vandalism, which, according to the direct object of its criminal encroachment, directly relates to crimes against public order.

However, in our opinion, it is necessary to improve the legislative structure of this composition and plenary explanations on a number of its features.

This defines the purpose of the study, which is to develop provisions for the correct and accurate qualification of this crime and distinguish it from similar crimes.

To achieve these goals, a set of basic methods of cognition was used: universal dialectical, a set of general scientific research methods, for example, a comparison of the provisions of the criminal law, explanations of the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, analysis of certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation.

As a result of our study of vandalism, generalizing conclusions were drawn about the need to clarify the concepts of "desecration and public place", the need to replace the concept of "damage" with "damage and or destruction" was established. It is proposed to exclude one of the qualifying features from the composition and supplement it with others. Our study of the composition of vandalism can be further used to improve the Criminal Code of the Russian Federation in order to optimize the fight against these criminal manifestations.

Сложности в борьбе с вандализмом, как и с другими преступлениями против общественного порядка, обусловлены тем, что в отличие от всех остальных составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, они имеют не только уголовно-правовой характер, а также социальный и даже воспитательный. Эти преступления являются порождением асоциальных взглядов личности на отношение к обществу, государству, а самое главное, к самому себе и своему месту в обществе. В современном мире, данный состав, по всем законам цивилизованного мира, уже давно должен был уйти в прошлое, как пережиток времени.

Социальные и воспитательные государственные меры, всевозможные правовые государственные и общественные институты, призванные обеспечить становление воспитательного процесса граждан, уважительного отношения, как к обществу, так и к самому себе, уже должны были свести к минимуму преступления данной направленности.

Согласно статистическим данным за последние три года количество зарегистрированных в России актов вандализма снизилось на 12%, в 2022 году было зафиксировано 2163 таких преступления, в 2021 году — 2507, в 2020 году — 2640. Чаще всего за вандализм привлекались лица от 18 до 24 лет[1].

В Астрахани, вандализм, является достаточно распространенным видом преступлений.

Так, в конце августа 2019 г., после очередной поломки логотипа сердца на знаке «Я люблю Астрахань» в сквере Гейдара Алиева, было принято решение демонтировать данный памятник. 12.11.2019 г., в администрации Астрахани состоялось заседание молодёжного координационного совета по вопросам борьбы с вандализмом на улицах города.

19.11.2019 г., в областном центре по поручению губернатора Игоря Бабушкина создана специальная рабочая группа по борьбе с вандализмом и псевдограффити[2].

06.02.2020 г., было зафиксировано, только в центральной части областного центра, поломки и уничтожения более 70%

[1] Сборник состояние преступности в России https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762

[2] Официальный сайт Администрации МО г. Астрахань. http://astrgorod.ru/news-type/vandalizm

новых контейнерных площадок. Перед натиском уличных хулиганов не устояли даже антивандальные остановки общественного транспорта.

29.06.2021 г., в обновленном парке имени В.И. Ленина в Трусовском районе вандалы повредили беседку. Неизвестные разгромили бетонные колонны ограждения конструкции. Новая беседка не простояла и года[1].

21.07.2022 г., детская площадка за Лебединым озером, стилизованная под объекты нефтяной промышленности заметно пострадала от рук вандалов. Уникальные конструкции исписали граффити и поломали, некоторые из них вырвали с основанием, порезали канаты веревочных лестниц[2].

На официальном сайте администрации города Астрахани есть раздел посвящённый актам вандализма в нашем городе, что подчеркивает актуальность борьбы с данными преступлениями. Однако, в администрации, под акты вандализма подводят любые противоправные деяния, совершенные в общественном месте, причинившие ущерб городу.

Так, 29.05.2022 г., были повреждены деревья на Лебедином озере, популярном месте отдыха Астраханцев. Три японские софоры пострадали от рук вандалов. Острым ножом со стволов срезали кору и раскидали ее рядом. В результате чего данные деревья погибли, что привело к значительному ущербу. Как сообщили специалисты муниципального предприятия «Зеленый город», деревья были закуплены городскими властями за пределами региона специально для украшения Лебединого озера[3]. Однако, несмотря на похожесть с вандализмом, данные деяния таковыми не являются, а лица их совершившие будут привлекаться к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений, которая отличается от вандализма, как по предмету преступного посягательства, так и более широкого места ее совершения. Предметом преступления при вандализме являются здания, сооружения и имущество, а в ст.260 УК РФ – деревья, кустарники, лианы.

Вандализм, как состав преступления, появился только с момента принятия действующего уголовного закона, и до сей поры отсутствовал в законодательстве нашей страны. Однако описанные в его диспозиции деяния, конечно же, совершались в истории развития государства. Только назывались они иначе и подпадали под квалификацию по другим статьям уголовного законодательства, например: уничтожение или повреждение имущества, хулиганство и др.

Вандализм опасен не только нарушением общественного порядка, но и причинением вреда чужому имуществу.

По законодательной конструкции вандализм схож с хулиганством. Их объединяет не только факт нахождение в общей главе УК РФ и расположение одной нормы рядом с другой, но и общее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», в котором разъясняются вопросы их разграничения и квалификации.

Одним из основных различий этих смежных составов преступлений является предмет преступного посягательства и обстановка совершения преступления. При хулиганстве, лицо показывает всю свою грубость и отрицательное отношение к нормам морали и правилам социального общежития. Оно противопоставляет себя всему окружающему миру, показывая свою преступную мотивацию при совершении своих хулиганских действий. Хулиганство,

[1] Официальный сайт УМВД АО https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/16975677/

[2] Официальный сайт Администрации МО г. Астрахань https://astrakhan.aif.ru/incidents/criminal/vandaly

[3] Официальный сайт Администрации МО г. Астрахань https://astrakhan.aif.ru/incidents/criminal/vandaly

как правило, совершается открыто, в присутствии и в отношении людей, в то время как вандалы, как правило, действуют тайно и направляют свою преступную энергию на имущество. Дополнительным объектом вандализма могут выступать общественная нравственность и собственность.

Рассмотрение объективной стороны исследуемого явления привело к выводу, что она выражается в активных действиях, а именно в осквернении зданий или иных сооружений; в порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Законодательная конструкция вандализма выражена формальным составом, предусматривающим окончания деяния с начала осуществления перечисленных в диспозиции деяний.

Анализ субъективной стороны позволяет сделать вывод о наличии прямого умысла, основанного на осознании лицом результата осуществляемых им деяний.

Субъектом вандализма будет являться физическое вменяемое лицо, достигшее 14 летнего возраста, а вот за схожее с ним и более опасное преступление как хулиганство, предусматривает ответственность с 14 летнего возраста только за квалифицирующий и особо квалифицирующий его состав.

Ряд авторов указывают на проблему законодательного конструирования диспозиции данной нормы в части указания на общественное место только в таком альтернативном ее деянии - как порча имущества, предполагая, что осквернение зданий или иных сооружений, согласно диспозиции, возможно и не в общественных местах[1]. Нам видится, что это всего лишь некое несовершенство законодательного конструирования нормы, в котором уточнение на место совершения преступления указали только в одном из альтернативных ее деяний. Сам факт отнесения вандализма к преступлениям против общественного порядка указывает на место его совершения – общественное место. Однако, само понятие «общественное место» нигде не нашло своего законодательного разъяснения, и представляет собой, не что иное, как пробел в законе. Возникает вопрос, будет ли акт вандализма, если данные оскверняющие действия произошли хоть в общественном, открытом для всеобщего посещения, месте, однако являющимся всегда безлюдным, заброшенным? Полагаем, что в этом случае состав вандализма будет отсутствовать.

Также вызывает ряд вопросов указание в статье на такие оценочные и самое главное не нашедшие своего законодательного разъяснения, понятия как осквернение и порча. Особенно интересным нам видеться указание на осквернение, факт которого предполагает во-первых, возникновения умысла у виновного лица именно на это, а не на что другое, во вторых – восприятие и оценка этого факта как оскорбительного и безнравственного другими гражданами и обществом в целом. Как справедливо, на а взгляд указывает Шевченко А.А., что общественная нравственность, как объект уголовно-правовой охраны, намного шире перечисленных в главе 25 УК РФ преступлений[2]. Общественная нравственность, как совокупность восприятия общепринятых в обществе моральных ценностей, культуры, сложившихся традиционных правил поведения, также является объектом уголовно-правовой охраны, как и сам общественный порядок.

Само по себе осквернение, как описано в научной литературе, выражается в умышленных действиях лица по нанесению на здания и сооружения каких либо непристойных, оскорбляющих

[1] Например: Шурухнов В.А. Расследование вандализма: учебное пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. – 112с.; Алетин Р.А. Проблемы квалификации вандализма//Пробелы в Российском законодательстве. – 2015. - №4. – С.222.

[2] Шевченко А.А. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-nravstvennost-kak-obekt-ugolovno-pravovoy-ohrany-1

надписей, рисунков, предметов и т.п. В результате осквернения причиняется вред данному имуществу. Однако здесь присутствует еще и эстетическая, художественная сторона вопроса, которая может разделить мнение общества на два лагеря. Например, надпись или рисунок, пусть даже и не оскорбительного характера, выполненные художественно, но в неуместном для этого месте (элитная новостройка, здание администрации) одними гражданами может посчитаться оскверняющими и причинившее вред зданию, а другими нет, а сам «художник» может придерживаться вообще другой точки зрения. Наличие таких оценочных признаков, особенно отсутствие их разъяснения в законе, всегда отрицательно влияет на правильную квалификацию преступлений.

Если рассматривать смежные с вандализмом составы преступлений, то признаку - осквернение он схож со ст. 244 УК РФ. Отграничением указанных составов будет являться предмет преступного посягательства, которым в анализируемом составе выступает – любое сооружение, а в ст. 244 УК РФ - место захоронения.

Если рассматривать такой признак вандализма, как порча имущества, то в теории уголовного права, это любое действие, направленное на то, чтобы повредить или уничтожить чужое имущество, привести его в непригодное для использования состояние.

Понятие «порча», указанное в составе вандализма, на наш взгляд, требует законодательного разъяснения или замены на более понятные и чаще применяемые при законодательном конструировании понятия, а именно на – «повреждение или уничтожение». Например, в ст.244 УК РФ, схожей с вандализмом норме, наряду с осквернением мест захоронений, указано и на их уничтожение или повреждение. Также совершение вандализма данным способом сближает его с составом преступления, предусмотренного статьей 167 УК РФ, в котором закреплен факт уничтожения или повреждения имущества, без указания на его порчу. Отличие данных составов прослеживается не только по их расположению в разных разделах кодекса, и как следствии объектах уголовно правовой охраны, но и месту их совершения и размеру причиненного ущерба. В составе вандализма, имеется конкретизация на место его совершения, а именно: - «в общественном транспорте и ином общественном месте». Место совершения преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ в диспозиции не конкретизировано, что подразумевает его расширительное толкование. В вандализме отсутствует указание на размер причиненного при порче ущерба, в расчет будет браться только условия малозначительности, в то время как в ст. 167 УК РФ имеются указания на значительность ущерба или иных тяжких последствий. Позволим себе не согласиться с мнением Бохан А.П., который в своей работе указывает, что уничтожение или повреждение имущества при ст.167 УК РФ происходит публично, в присутствии людей, а вандализм хоть и в общественном месте, но в отсутствии людей или преступник полагал, что его никто не видит[1]. Позволим предположить, что данные факты или их отсутствие, на квалификацию указанных преступлений не влияют и не могут служить разграничением этих составов преступлений.

Схожим с вандализмом составом является и ст. 243.4 УК РФ, которая также указывает способ ее совершения как - уничтожение либо повреждение воинских захоронений и иных объектов памяти погибшим при защите Отечества. Отличие с вандализмом просматривается по предмету преступного посягательства. Использование единой терминологии, при конструирова-

[1] Бохан А.П. Уголовно - правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений//Юридические науки. – 2015. - №9. – С.119.

нии норм Особенной части УК РФ будет, на наш взгляд, способствовать более правильной их квалификации.

В ч. 2 ст. 214 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступления группой лиц, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данное закрепление, идентично признаку ст. 213 УК РФ и выступает обстоятельством, затрудняющим их разграничение. Более того, вандализм, с данным квалифицирующим признаком, является совершенным из *хулиганских* (курсив наш. Ю.А.) побуждений согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45.

Интересным нам видеться факт того, что вандализм, с данным квалифицирующим признаком, имеет и экстремистскую направленность. Об этом свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, в котором разъясняются вопросы квалификации вандализма по данному признаку, а также разграничения его со ст.282 УК РФ и ряда других схожих преступлений.

В пункте 11 указанного Постановления говориться, что если в процессе акта вандализма, выраженного в осквернении зданий или сооружений по указанным мотивам, будут совершены деяния, закрепленные в ст.282 УК РФ, то в данном случае необходима квалификация и по данной статье. Но на наш взгляд, в этом случае, можно обойтись и без совокупности со ст. 282 УК РФ, потому что наличие данного квалифицирующего признака вандализма и как следствие экстремистского его мотива охватывает, и возбуждение ненависти и вражды и унижение достоинства. Или наоборот, учитывая наличие специальной по отношению к вандализму норме, а именно статьи 282 УК РФ, исключить из ст. 214 УК РФ данный квалифицирующий признак, что позволит исключить проблемы квалификации.

Квалифицирующий признак вандализма, предусматривающий его совершение только группой лиц, вызывает у нас определенную озабоченность. В то время как в схожем с ним составе хулиганства данный признак вообще не закреплен, однако наличествуют и группа лиц по предварительному сговору, и организованная группа. Отсутствие в составе вандализма данных форм группового совершения преступлений является, на наш взгляд, определенным пробелом, требующим скорейшего законодательного регулирования путем включения их, в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака.

Трудности в противодействии вандализму, как и другим преступлениям против общественного порядка, обусловлены тем, что в отличие от всех остальных составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, они имеют не только уголовно-правовой характер, а также социальный и даже воспитательный.

Осуществляя работу по недопущению нарушения общественного порядка, необходимо уделять должное внимание профилактическим мерам, направленным на предостережение от возможных актов вандализма. Это и активизация патрулирования в общественных местах правоохранительными органами, а также приданными к ним общественными формированиями, установление видеонаблюдения с предупреждающими о нем табличками в видных местах и т.д.. Учитывая тот факт, что согласно статистическим данным чаще всего за вандализм привлекались лица от 18 до 24 лет[1], необходимо активизировать воспитательную и разъяснительную работу в школах, средне-специальных и высших образовательных заведениях.

Резюмируя проведенное нами исследование, необходимо, на наш взгляд, преду-

[1] Сборник состояние преступности в России https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762

смотреть закрепление в уголовном законодательстве, с дальнейшим толкованием, таких понятий как - осквернение и общественное место.

На основании результатов проведенного анализа уголовно-правовой характеристики вандализма, его квалифицирующих обстоятельств, представляется необходимым редактировать статью 214 УК РФ для соответствия его фактическим реалиям:

«Статья 214. Вандализм

1. Вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений в общественном месте, повреждение или уничтожение имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, -

наказывается…

2. Те же деяния, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору,-

наказываются…

3. Те же деяния, совершенные организованной группой,-

наказываются…

Проведенный нами анализ уголовно-правовой характеристики вандализма позволил нам выявить и рассмотреть ряд проблем как в законодательной конструкции, и как следствие в вопросах разграничения его со смежными составами преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонян, Е.А. Криминология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «юриспруденция» / под ред. С. В. Иванцова, Е. А. Антонян. - 5-е изд. перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. - 319 с.

2. Авдеев, М.А. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений / М. А. Авдеев // Актуальные проблемы государства и права. - 2019. - Т. 3. - № 9. - С. 66-75.

3. Агапов, П.В. Прокурорский надзор в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики (часть 1) / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев, В. Н. Смыслова, Е. С. Стешич // Юристъ-Правоведъ. - 2021. -№ 1(96). - С. 57-62.

4. Агапов, П.В. Противодействие новым деструктивным проявлениям в информационно-коммуникационном пространстве / П. В. Агапов, М. В. Ульянов, Н. В. Сальников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. -2021. - № 3(83). - С. 86-92.

5. Алиев, Х.К. Уголовно-правовые аспекты вандализма // Современное право. 2012. № 2. С. 94.

6. Алиев, Х.К. Вандализм среди несовершеннолетних // Современное право. 2011. № 10. С. 148.

7. Борисов, С.В. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности / С. В. Борисов, А. П. Дмитренко, В. А. Осипов, Е. А. Русскевич. - М.: Юриспруденция, 2012. - 120 с. 3.

8. Борисов, С.В. Проблемы квалификации преступлений экстремистского характера: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России, 2009. – 96с.

9. Бохан, А.П. Уголовно - правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений//Юридические науки. – 2015. - №9. – С.119.

10. Иванов, С.А. Квалификация вандализма по объективной стороне преступления / С. А. Иванов, М. А. Матинян, Л. В. Рябова // Пробелы в Российском законодательстве. - 2018. - № 5. - С. 160-1638.

11. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография / Н. Г. Кадников. - М.: Юриспруденция, 2020. - 288 с.2.

12. Колоколов, Н., Пашутина О. Вандализм в XXI веке: проблемы правового регулирования // История государства и права. 2005. № 8. С. 62.

13. Магомедов, А., Макаренко М. Разграничение вандализма и уголовно наказуемого хулиганства // Уголовное право. 2006. № 4. С. 71.

14. Налимов, Ю.Д. Квалификация вандализма, совершенного по экстремистским мотивам / Ю. Д. Налимов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2021. - Т. 11. - № 4. -С. 100-110.

15. Налимов, Ю. Д. Критерии отграничения вандализма от малозначительного деяния / Ю. Д. Налимов // Актуальные проблемы государства и права. - 2021. - Т. 5. - № 19. - С. 486-499.

16. Налимов, Ю.Д. Общественное место как конструктивный признак объективной стороны вандализма / Ю. Д. Налимов // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2020. - Т. 11. - № 3.- С. 297-301.

17. Налимов, Ю.Д. Соотношение признаков субъекта преступления и личности преступника, совершившего вандализм / Ю. Д. Налимов // Криминологический журнал. - 2022. - № 1. - С. 46-49.

18. Пашутина, О.С. Вандализм: понятие и виды его проявлений // Общество и право. 2008. № 2. С. 56.

19. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 499 с.

20. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 1 : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 556 с.

21. Шеслер, А. В. Вандализм, совершенный группой лиц / А. В. Шеслер, О. А. Беларева // Lexrussica (Русский закон). - 2017. - № 8 (129). - С. 112-118.

22. Willemse H. M. Crime analysis and prevention: perspectives from experience in the Netherlands // Security Journal. 1993. V. 4. № 4. P. 193—204

Дата поступления: 30.05.2023

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК: 341
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_197

Карлов В.П.

ВОСЬМОЕ МАРТА - ПРАЗДНИК ИЛИ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИНАМИ СВОИХ ПРАВ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, РЕАЛЬНОСТЬ

Karlov V.P.

THE EIGHTH OF MARCH IS A HOLIDAY OR A DAY FOR WOMEN TO PROTECT THEIR RIGHTS: POLITICS, LAW, REALITY

Ключевые слова*: гендерное равенство, защита прав женщин, стереотипы, международные акты, социальная роль*
Keywords*: gender equality, protection of women's rights, stereotypes, international acts, social role*

Аннотация: *С каждым годом возрастает роль женщин в обществе, однако, несмотря на усилия, предпринимаемые международным сообществом, национальным обществом и государством по обеспечению прав и интересов женщин в современном мире, которые заключаются в законодательной, просветительской и в воспитательной деятельности, гендерного равноправия до настоящего времени не достигнуто. Более того, процесс выравнивания имеет неравномерный и искривленный и характер, тем более что, сохранению неравенства способствуют не только недостатки в законодательстве. В сохранении статус-кво в не меньшей, а, может быть, и в большей степени имеют значение глубоко укоренившиеся мировоззренческие и социальные стереотипы и предрассудки, которые способствуют консервации создавшегося порочного положения. Цель статьи: выявить предпосылки и факторы различного генезиса, которые способствуют формированию таких стереотипов, классифицировать их, чтобы впоследствии усилиями общества и государства, в том числе, путем законодательного воздействия, способствовать их преодолению в обществе и, тем самым, раскрытию женского потенциала во всех цивилизационных аспектах, раскрепощению и позитивной реконструкции социальных ролей в обществе.*

Abstract: *The role of women in society is increasing every year, however, despite the efforts made by the international community, national society and the State to ensure the rights and interests of women in the modern world, which consists in legislative, educational and educational activities, gender equality has not yet been achieved. Moreover, the process of equalization has an uneven and curved character, especially since it is not only any shortcomings in legislation that contribute to the preservation of inequality. No less, and perhaps even more, deeply rooted ideological and social stereotypes and prejudices are important, which contribute to the preservation of the current vicious situation. Therefore, the author of the article set a goal to identify those prerequisites and factors of various genesis that contribute to the formation of stereotypes, classify them, so that later, through the efforts of society and the state, through legislative influence, to help overcome them in society and, thereby, the disclosure of women's*

potential in all civilizational aspects, emancipation and positive reconstruction of social roles in society.

Смотрел я из окна на Москву и на протяжении всех тех километров, которые сделал трамвай, я видел одно: 95 процентов всех проходящих женщин нагружены какой-нибудь тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелее ее груз. Только молодые попадаются порою с пустыми руками. Но их мало. Так плохо организована добыча провизии, что каждая «хозяйка» превратилась в верблюдицу

Корней Чуковский.
Дневник. 4 марта, 1932

В России в соответствии со ст. 112 Трудового кодекса РФ[1] 8 марта отнесено к праздничным дням и именуется Международным женским днем.

Что скрывается за этим титулом, каково реальное содержание этого символа, в Трудовом кодексе Российской Федерации не раскрывается, как не объясняется, почему он отнесен к праздничным дням. Между тем, установлению этого дня в качестве праздничного предшествовало, кроме известных исторических предпосылок, которых в этой статье мы непосредственно не касаемся, и юридическое воплощение идей о равноправии женщин в актах международного права. Прежде всего, имеется ввиду Устав ООН 1946 года и Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году, многие положения которой впоследствии были развиты в других актах международного права, участником большинства из которых Российская Федерация также является.

Надо сказать, что в России (ранее в РСФСР) этот день не был обойден вниманием, например: «В РСФСР этот день отмечался в качестве официального праздника с 1919 года. В первые годы советской власти он носил название "Международный день работниц". С конца 1920-х годов стал именоваться Международным женским днем. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года эта дата была объявлена нерабочим днем. После распада Советского Союза праздник продолжает официально отмечаться в России и является нерабочим днем согласно Трудовому кодексу РФ от 30 декабря 2001 года (был введен в действие с 1 февраля 2002 года)»[2].

Однако, какого-либо политико-правового значения и содержания символа социального прогресса данный праздничный день не приобрел, напротив, за прошедший исторический период он стал воплощением некоего снисходительно-романтизированного отношения к женщине, вне какого-либо юридического контекста, так как какой-либо политической активности в этот день не проявляется, все ограничивается торжественными мероприятиями и поздравлениями официальных лиц различного уровня. Само содержание солидарности - день работниц - трансформировалось в гендерный титул – день женщин, выводя за его смысловое значение вопросы социально-политического порядка, то есть, сводя значение этого дня к неким особенностям женщин как биологических существ.

16 декабря 1977 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция A/RES/32/142 «Участие женщин в укреплении международного мира и безопасности и в борьбе против колониализма, расизма, расовой дискриминации, иностранной агрессии и оккупации и всех форм ино-

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023)

[2] Смитюк Ю. История Международного женского дня/ ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/13990827

странного господства», в которой и было предложено закрепить в законодательстве, в соответствии с обычаями и традициями стран-участниц, день 8 марта как день борьбы за права женщин и международный мир. Обращаю внимание, что речь шла о дне борьбы за права. Ибо, как говорил мыслитель и правовед Рудольф Иеринг в своем произведении «Цель в праве»: «Прочность, обеспеченность права есть дело рук самого народа, она есть благо, которое не дается историей даром и приобретается путем трудной борьбы»[1].

Кстати, по старому стилю этот день приходится на 23 февраля, который, как известно, тоже является праздничным в России, но имеет иное содержание и адресуется другой гендерной группе населения. Однако День защитника Отечества имеет более выраженное обозначение содержание, при этом он предопределяет и роль женщин как социальной группы, к которой адресуется определенное политико-этическое долженствование. Вот такая символическая отсылка получается.

Какая же связь закрепленного в трудовом законодательстве дня 8 марта в качестве праздничного с многочисленными актами международного права, какие коннотации этот день порождает?

К сожалению, обширная деятельность, которую ведет Организация объединенных наций в лице своих различных органов, практически неизвестна в России. Точнее, она известна лишь достаточно узкому руководящему слою, который активизирует принятие каких-либо планов и решений, связанных с формальной реализацией указанной активности международных органов, но которыми основанная масса населения, в том числе женская гендерная группа, мало интересуется.

Так, в качестве одного из таких документов выступает т.н. Национальная стратегия действий в интересах женщин, пересматриваемая и принимаемая раз в несколько лет. В России таких документов было утверждено пока только два, последний из них - Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы». Касаясь многих важных аспектов обеспечения равноправия женщин в Российской Федерации, данная Стратегия, тем не менее, оставляет без внимания самый важный и самый существенный, как оказалось, аспект реализации идеи равноправия женщин: преодоление гендерных предрассудков и стереотипов, препятствующих формированию адекватной общественной психологии, адекватного правосознания, а именно в этих пластах общественного сознания в основном и лежат корни проблем реального обеспечения прав женщин, а также без внимания остаются источники возникновения этих стереотипов, которые и является этими глубинными пластами, которые являются социально значимыми. Есть и бытовые, эстетические стереотипы, но они не играют значимой роли в формировании общественной среды и ее настроений.

Эта позиция, то есть представления о роли и значении социальных стереотипов, находит свое подтверждение в научном юридическом дискурсе, например: «Запрет дискриминации по признаку пола является одним из основополагающих принципов современного конституционного и международного права. В то же время на сегодняшний день в сфере реализации данного принципа в России существует множество проблем, часть которых берет начало в тексте российской Конституции и получает развитие в практике Конституционного Суда Российской Федерации»[2].

Далее автор продолжает, развивая и обосновывая свою мысль: «…не только

[1] Иеринг, Рудольф. Цель в праве. Т. 1 / [соч.] Рудольфа фон-Иеринга ; пер. В. Р. Лицкого [и др.] ; под ред. В. Р. Лицкого. - СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. - [2], II, VIII, 412 с.

[2] Подоплелова О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка "особого отношения"? // "Сравнительное конституционное обозрение", 2018, № 3

российское законодательство, но и позиции Конституционного Суда по делам о дискриминации остаются **скованными стереотипами о гендерных ролях, в частности стереотипами о якобы общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода и преимущественном осуществлении матерями ухода за детьми**... Сложившиеся и повторяющиеся подходы и аргументы Суда не только приводят к консервации ограничения прав самих женщин, **но сказываются также на возможностях реализации конституционных прав мужчинами**. В таких условиях практика Конституционного Суда фактически **легитимирует патриархальные установки и препятствует развитию общества на условиях гендерного равенства»[1].**

Мы бы предложили следующую классификацию негативных факторов в различных пластах общественного сознания и общественной практики, в социокультурной архаике, которые препятствуют полной реализации женщинами своих способностей:

Биологический природный фактор: доминирование мужчин в социально-политической и профессиональной сферах обусловлено биологическим фактором силы, этот естественный физический фактор опосредованно формирует среду, в которой мужчина как более сильное (а также - быстрое, ловкое, устойчивое и т.п.) существо выдвигается на первый план, женщинам предлагается подчинение - повиновение тому экзистенциальному проекту жизни, который предлагается мужской доминантой, реализуемую через институты власти (в прошлом году СМИ облетел видеосюжет, в котором, в одном из Петербургских отделов полиции, сотрудник ДПС, в результате словесных разногласий с сотрудницей уголовного розыска специальным приемом кладет ее на пол, демонстрируя свое реальное гендерное превосходство).

Для этого выясним этимологию слова власть, которую предлагают словари:

Владычество, господство, держава, **сила**; могущество, полномочие, право (полное); престол, царство.

Бразды правления. "Конечно, Царь, сильна твоя держава" (А.С. Пушкин). Все дело в его руке. Власти, правительство, начальство, администрация, управление, управа. Власть предержащие.

Ср.: Главенство, Сила, Право и Начальник. См.: господство, господствовать, право, сила быть во власти кого-либо, быть под властью, власти, во власти, иметь под властью, иметь под своею властью, давать полную власть, ни в чьей-либо власти, превысить власть, предоставлять полную власть, у власти...[2]

Таким образом, можно рассматривать силу и власть как полноценные синонимы, этот и другие словари указывают, что синонимом слову власть является слово сила, они несут в себе широкий спектр вариаций возможностей навязывать свою волю.

Социализирующий фактор: с момента начала дошкольного воспитания и образования и позднее происходит первичная дифференциация, определяющая роль женщины в семье и обществе. Далее происходит вторичная социализация в последующих учебных заведениях и социальных институтах, специфическая дифференцирующая профессионализация, уводящая в реальности женщин на периферию социального процесса. Женщин, ставших, например, капитанами судов, летчиками, министрами – наперечет. Миф о возможностях женщин к самореализации поддерживают в искусстве еще со времен СССР художественные фильмы «Светлый путь», «Член правительства», «Весна», «Москва слезам не верит» и т.п., в реальности персонажи этих фильмов как были, так и остаются исключениями в социальной практике.

Социальный факторный пласт: сложившаяся примитивная стратификационная структура общества ориентирована

[1] Там же.

[2] https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/18467/власть

на патриархальный уклад, это, в свою очередь, обусловлено недостаточной урбанистической развитостью и структурой общественного производства, так как женщина принуждается данным укладом к выполнению традиционной роли источника воспроизводства населения, субъекта ухода за детьми и воспитания детей, женщины также вытеснены на периферию предпринимательства, где сосредоточен экономически и социально активный слой.

Педагогический фактор: исходя из социальной структуры, транслируемых из поколения в поколение представлений, с детства внушается мысль о подчиненной роли женщины и ее особой ответственности за семью, за успешность супруга в социальной жизни, о вторичности ее личности и способностей к самореализации, в том числе используются превратно понимаемые религиозные догматы и прямые предрассудки и суеверия.

В знаменитом фильме Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» квинтэссенция неравенства выражена во фразе жены барона «Мужчину после развода называют свободным, а женщину брошенной», что, безусловно, отражается на самооценке женщины, ее психическом здоровье и психологическом благополучии, ведь в этой формулировке подразумевается некая вина женщины.

Фактор профессиональной детерминации: дальнейшая проекция роли женщины в жизни общества формируется под влиянием указанных выше факторов. Женщина вытесняется на периферию общественной жизни, а именно в сферу ведения домашнего хозяйства, воспитания, образования, медицины, в сферу оказания услуг, не говоря уже о специальностях в сфере производства, где она не имеет возможности принимать значимые решения и эффективно участвовать в управлении обществом и государством. В органах власти женщины, в основном, занимают низовое и среднее положение, исключения, как известно, лишь подтверждают правило.

Экономический фактор: этот фактор является едва ли ключевым в рассматриваемой классификации, так как высвобождение женщины в сферу активной социальной жизни происходит при инвестиционном типе организации географического и социального пространства, тогда и возникает стратификационное разнообразие и конкуренция равных возможностей. В России пока доминирует добывающий тип экономики, при котором востребована, в основном, сила, то есть мужская гендерная группа, которую обслуживает женская группа.

Демографический фактор: известно, что население России имеет гендерную диспропорцию, в стране образовался, если можно так выразиться, избыток женщин. В результате складывается парадоксальная ситуация, когда общественные настроения требуют присутствия силы в жизни общества, рождают культ силы и придают ей определенную ценность, делегируя силе, то есть власти, многие свои права. При этом ценность женского участия вследствие указанного переизбытка нивелируется, но происходит это именно в силу низкого присутствия женщин в ключевых социально-политических практиках. Эта ситуация - дань архаичному укладу общества.

Отсутствие гражданского общества: недостаточный демократизм общественно-политического устройства не предоставляет женщине возможностей для самореализации, отсутствуют необходимые институции, формирующие демократическое равноправное пространство.

Сфера духовной жизни: в важнейшем пласте социального взаимодействия, в церковной жизни, духовных практиках, женщины остаются невостребованными, их присутствия в среде высшей и средней церковной иерархии не отмечается, с трудом было восстановлено монашество после долгих лет забвения (в СССР женские монастыри были полностью ликвидированы в 1938 году).

Таким образом, формируется парадоксальная ситуация так называемого особого положения женщин, при которой создаются предпосылки для подрыва реального гендерного равенства.

«Особое положение женщины», обусловленное якобы ее социальной ролью, обусловлено также физиологией женщины, разрушает правовую идеологему гендерной солидарности и равенства и создает непродуктивную квазиконкуренцию полов, которая оборачивается дискриминацией противоположной гендерной группы и возвращается женщине с разрушительным противодействием в виде семейного насилия. Кроме того, такое особое положение реально сужает возможности женщины, что хорошо показано в статье автора цитируемого в данной статье, которая проанализировала более 600 судебных актов Конституционного Суда России и выявила эту порочную тенденцию в укреплении и, даже, создании порочных социальных стереотипов.

Автор указанной статьи подводит итог: « … социологические исследования показывают весьма значительный раскол по вопросу об участии женщин в политике. Так, опросы выявляют снижение количества граждан, которые одобрительно смотрят на участие женщин в политике (66% опрошенных в 2017 году), и пропорциональный рост на 10% числа граждан, негативно относящихся к этому тренду (30% опрошенных в 2017 году). Социологи связывают такое изменение в общественном мнении с влиянием гендерных стереотипов и укреплением консервативных установок в обществе»[1].

Тем самым мы приходим к выводу, что зачаточное состояние гражданского общества непосредственно связано с так называемым женским вопросом, гендерные стереотипы препятствуют созданию эффективной социальной среды, способствующей самореализации женщин, которые не хотят замыкаться в пространстве семьи, имею свой потенциал развития в различных сферах.

Чтобы не потонуть в статистических данных, весьма успешно камуфлирующих суть проблемы и скрывающих реальное положение женщины в обществе, автором составлен примерный перечень позиций, в которых мы не видим женщину и, в которых, она является реально ущемленной или ограниченной, а также отдельные мнения по преодолению этой ситуации (основана на личных наблюдениях автора):

Защита от всех форм семейного насилия не обеспечена (законодательно не определено и не закреплено)

Защита от домогательств во всех сферах жизнедеятельности (имеется в виду противодействие злоупотреблению служебным положением) – т.к. отсутствуют реальные механизмы противодействия в отраслевом законодательстве, а уголовно-правовые запреты при отсутствии таких механизмов практически неэффективны.

Должна быть реальная защита от дискриминации при отказе в приеме на работу с подробной регламентацией обоснования причин отказа.

Отраслевые соглашения о равной оплате труда мужчин и женщин отсутствуют.

Могут быть расширены возможности труда на дому для женщин.

Могут и должны предоставляться дополнительные и экстренные отпуска для женщин (за счет государственного социального страхования) - кстати, ранее в Федеральном законе «Об основах законодательства об охране здоровья граждан в Российской Федерации» существовала норма о предоставлении кратковременного (три дня) отпуска по состоянию здоровью, без оправдательных документов и вне гендерных различий, однако впоследствии она была исключена

[1] Цит. по Подоплелова О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка "особого отношения"? // "Сравнительное конституционное обозрение", 2018, № 3

Должны быть обеспечены квоты на доступ женщинам к государственной и муниципальной службе, в том числе к военной службе, в правоохранительных органах и т.п., на представительство в политических органах власти, особенно к руководящим должностям.

Должен быть обеспечен квотированный доступ к поступлению в мореходные, летные и космические учебные заведения.

Право на прерывание беременности нуждается в законодательном закреплении, а не в подзаконном регулировании, которое изменяется в упрощенном порядке.

Необходима подробная регламентация оснований и порядка применения полицией физической силы к женщинам на публичных мероприятиях.

Должно быть обеспечено обязательное оборудование раздельных мест общего пользования(туалеты) во всех публичных местах, устройство и оборудование специальных комнат(для решения иных проблем).

Может быть введен запрет на применение наказания в виде лишения свободы к женщинам за преступления небольшой и средней тяжести.

Отсутствуют учреждения по социальной адаптации для женщин после отбывания ими наказания в местах лишения свободы.

Мы также согласны с указанным выше автором, которая предлагает следующие выводы в отношении обеспечения надлежащего юридического дискурса, раскрывающего содержательные аспекты гендерного равноправия:

«…более адекватной цели обеспечения гендерного равенства может считаться концепция содержательного равенства, сфокусированная на обеспечении равенства результатов…искоренение гендерных стереотипов не просто охватывается концепцией содержательного равенства, а лежит в основе ее целеполагания. Однако, несмотря на то, что данная концепция по своей природе призвана, в конечном итоге, решать проблему, в том числе, социальных установок, вызывающих неравенство, гендерные стереотипы, на наш взгляд, фактически все же представляют для нее некоторую опасность. Эта опасность заключается в потенциальной возможности завуалированного применения стереотипов для логической подмены особых мер, направленных на достижение **фактического равенства**, действиями по адаптации законодательства **к особым нуждам женщин**, связанным с материнством. В конечном итоге такие адаптационные действия начинают восприниматься как определенного рода **привилегии,** в то время как на практике они никогда не будут способны обеспечить равенство»[1].

Эта позиция отчасти подтверждается и в нормативных документах: так, в Национальной стратегии на 2017-2022 г. основными причинами гендерного неравенства женщин называются следующие:

«Препятствиями для более полной реализации женщинами всего комплекса их прав и свобод являются сложившиеся в обществе представления о социальной роли женщины, которые отрицательно сказываются на самореализации и развитии индивидуальности женщин, препятствуют свободному выбору ими профессии и образа жизни и создают барьеры на пути достижения фактического равноправия женщин и мужчин как в общественно-политической, так и в социально-экономической жизни.

В соответствии с этими представлениями наиболее значимыми социальными ролями женщины признаются роли домохозяйки и матери, а профессиональные и карьерные достижения остаются второстепенными»[2].

---

[1] Подоплелова О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка "особого отношения"? // "Сравнительное конституционное обозрение", 2018, № 3

[2] Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 N 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы»

Между тем, в Национальной стратегии на 2023-2030 гг. указанные выше причины подверглись значительной редукции и звучат теперь следующим образом: «Сохраняются барьеры занятости для женщин, обусловленные стереотипными представлениями о социальных ролях мужчин и женщин. Женщины имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию»[1].

Обратимся к другим сферам законодательного регулирования.

Так, российское семейное законодательство (СК РФ) ограничивается установлением режима совместной собственности супругов, в соответствии с правовыми положениями о котором супруги имеют равные права на такое имущество, а отступление от принципа равенства могут допускаться в исключительных случаях, и это несмотря на то, что, как правило, при разводе супругов дети остаются проживать и воспитываться с матерью (не учитывается и труд женщины в совместном хозяйстве, в том числе, при совмещении с профессиональной деятельностью), а на вторую половину могут быть возложены лишь алиментные обязательства, печальная практика по выплате которых тоже известна.

Также препятствуют гендерному равенству и положения семейного законодательства о том, что при разделе совместного нажитого имущества не учитывается объекты, полученные в дар и по другим безвозмездным сделкам. Между тем, такие дарения и отчуждения во время семейной жизни супругов зачастую и производятся в связи с тем, что у близкого родственника, лица, имеется семья, супруг. Однако российское позитивное правопонимание не учитывает эти институционные аспекты, то есть существование естественно-правовых практик вне позитивного законодательства.

Между тем, недавно в Испании суд встал на сторону женщины и постановил взыскать с бывшего мужа утраченный женщиной заработок за период супружества, которых она могла бы получить, не будучи занятой в домашнем хозяйстве, за 25 лет брака[2].

Там же в Испании женщинам разрешили брать кратковременный отпуск в связи с болезненными менструациями, а компенсировать потерю заработка женщине будет служба государственного социального обеспечения[3].

Также в Испании, по сообщениям СМИ, готовится законопроект об обеспечении равно доступа женщинам к государственным постам.

Мы также согласны с автором указанной выше статьи в следующих выводах: «…гендерные стереотипы являются одной из ключевых проблем в реализации принципов равенства и запрета дискриминации по признаку пола, в том числе на конституционном уровне. Эти принципы никогда не будут иметь полноценного воплощения на практике, если их применение будет находиться под влиянием сложившихся в обществе представлений о социальных ролях женщин и мужчин»[4].

Поскольку мы выяснили, что основным фактором, деформирующим социально-гендерное равновесие, является природный биологический фактор силы, который затем трансформируется в социально - политические институты государства, в ментальную архаику, то следует принять меры к тому, чтобы ослабить влияние этого фактора, одним из способов которого является насыщение так называемых силовых (отметим опять тождество понятий сила и власть, это много говорить о расстановке сил и их влияния в обществе) институтов

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 N 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы»

[2] Telegram Политика страны, 8 марта 2023 года

[3] Telegram Лента дня, 17.02.2023 года

[4] Подоплелова О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка "особого отношения"? // "Сравнительное конституционное обозрение", 2018, № 3

государства руководящим слоем женщин, а также содействовать усилению гражданского общества и ослаблению указанных институтов, их влияния присущими им методами и способами, в большей степени отдавая предпочтение саморегулятивным институциям.

При этом необходимо констатировать, что, в результате возникла ситуация, в которой выученная социальной роль, обставленная политико-правовыми институтами, в которой женщинам их права не очень-то нужны. Вот какова сила социальных стереотипов.

Таким образом, проблема социальных стереотипов в отношении роли и возможностей женщины в обществе гораздо серьезнее, так как такие стереотипы представляют собой устойчивые паттерны, формирующие мужское и женское, гражданское мировоззрение на самых ранних этапах гендерной социализации, которые укрепляются и надстраиваются правом, институтом и институциями и с трудом потом поддаются деконструкции.

Главная идея гендерного равенства – не формальное закрепление прав и обязанностей в законодательстве, а достижение такого баланса прав и интересов и реальных практик, когда негативные факторы будут купироваться солидарными гендерными усилиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023)
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022)
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)
5. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971)
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)
7. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (Принята 07.11.1967 Резолюцией 2263 (XXII) на 1597-ом пленарном заседании 22-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)
8. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств, утв. 24.09.1993)
9. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) По делу обжалуется отказ национальных властей в предоставлении трехлетнего отпуска по уходу за ребенком. По делу нарушены требования статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.
10. Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы»
11. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы»
12. Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 13.05.2021) «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными

условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.08.2019 № 55594)

13. Подоплелова, О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? // Сравнительное конституционное обозрение, 2018, № 3 СПС Консультант Плюс

14. Смитюк, Ю. История Международного женского дня / ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/13990827

15. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под. ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/18467/власть

16. Telegram Политика страны, 8 марта 2023 года

17. Telegram Лента дня, 17.02.2023 года

Дата поступления: 17.05.2023

УДК: 341.1/8
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_207

Микаэлян Р.С., Травин А.В., Евграфова И.В.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПУТИ РЕШЕНИЯ

Mikaelyan R. S., Travin A.V., Evgrafova I.V.

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION IN THE FIELD OF MARITIME ACTIVITIES. SOLUTIONS.

Ключевые слова: *анализ, проблематика, нормативно-правовая база, Российская Федерация, Европейский Союз, морская деятельность, пути решения, экономическое становление, транспорт.*

Keywords: *analysis, problems, regulatory framework, Russian Federation, European Union, maritime activities, solutions, economic development, transport.*

Аннотация: *Данная статья освещает анализ проблематики нормативно-правовой базы Российской Федерации и Европейского Союза в сфере морской деятельности. Авторы исследуют недостатки и расхождения в законодательстве обеих сторон, которые могут возникать при осуществлении морских операций и взаимодействии между Россией и Европейским Союзом. В статье представлены основные проблемные аспекты, такие как различия в подходах к морской безопасности, экологическому законодательству, управлению морскими ресурсами и другим аспектам морской деятельности. В заключение авторы предлагают несколько путей решения проблемы, включая гармонизацию нормативно-правовой базы, установление диалога и сотрудничества между Россией и Европейским Союзом, а также обмен опытом и передачу лучших практик в области морской деятельности.*

Abstract: *This article highlights the analysis of the problems of the regulatory framework of the Russian Federation and the European Union in the field of maritime activities. The authors investigate the shortcomings and discrepancies in the legislation of both sides that may arise during the implementation of maritime operations and interaction between Russia and the European Union. The article presents the main problematic aspects, such as differences in approaches to maritime safety, environmental legislation, management of marine resources and other aspects of maritime activities. In conclusion, the authors propose several ways to solve the problem, including the harmonization of the regulatory framework, the establishment of dialogue and cooperation between Russia and the European Union, as well as the exchange of experience and the transfer of best practices in the field of maritime activities.*

История политического и экономического становления Европейского союза (далее – ЕС) неразрывно связана с историей развития российского государства. В течение десятков лет Россией налаживались и осуществлялись взаимосвязи как с ЕС в целом, так и с каждым европейским государством в отдельности. Российская Федерация (далее – РФ) заинтересована в процессе

взаимовыгодного сотрудничества с ЕС, позволяющего достичь свои стратегические задачи и приоритеты, и обеспечивающего динамичное развитие экономик каждой из сторон взаимодействия.

Появление нового актора на международной арене в 1993 году явилось формой ответа европейских стран на современные глобальные задачи, решить которые на уровне одного государства не представляется возможным. Европейский союз представляет собой наднациональное образование, реализующее функцию интеграции европейских государств. Целями ЕС являются:

– мирное сосуществование европейских государств;

– защита и безопасность участников ЕС;

– экономическое и социальное объединение интересов;

– продвижение так называемой «европейской концепции» развития общества.

Правовой основой функционирования ЕС стали такие договоры, как:

– Римские договоры, на основании которых были учреждены Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергетике (Евроатом) в 1957 году;

– Единый Европейский Акт (1986 г.);

– Договор о Европейском Союзе (1992 г.);

– Договор в Ницце (2001 г.)[1].

Основополагающим документом, регулирующим отношения России и ЕС, является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, заключенное на о. Корфу (Греция) 24 июня 1994 г., вступившее в законную силу в 1997 году. Часть норм данного документа предусматривает общие принципы взаимодействия ЕС и РФ в сфере функционирования морского транспорта и использования морских ресурсов. Так, согласно ст. 39 Соглашения «…в отношении морского транспорта Стороны обязуются эффективно применять принцип беспрепятственного доступа к международному рынку и транспортным перевозкам на коммерческой основе…»[2].

Необходимо отметить, что после вхождения Крыма в состав РФ в 2014 году, отношения России и ЕС постепенно приближались к кризисной точке. На сегодняшний день взаимодействие РФ и ЕС приобрело характер откровенного противостояния, что не может не сказываться на нормативно-правовом регулировании их деятельности во всех сферах, в том числе, и в морском секторе.

В современных реалиях трудно переоценить значение морских путей для торговли и перевозки различных грузов посредством морского транспорта. Перевозки грузов посредством морского транспорта в пределах юрисдикции ЕС регламентируются актуальными и по сей день Гаагскими правилами 1924 г., Гаага-Висбийскими правилами 1968 г., Роттердамскими правилами 2008 года[3].

Россия присоединилась к Гаагско-Висбийским правилам в 1999 году, однако проблемой, волнующей отечественных правоведов, стал тот факт, что данный документ до сих пор не имеет официального перевода на русский язык. Отсутствие унифицированного подхода к категориально-понятийному аппарату Правил затрудняет их применение при возникновении спорных вопросов, где

[1] Official website of the European Union. URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/the-parliament-and-the-treaties/treaty-of-rome (дата обращения 02.06.2022).

[2] Федеральный закон от 25.11.1996 N 135-ФЗ «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами - членами, с другой стороны» // Собрание законодательства РФ. 20.04.1998. № 16. Ст. 1802.

[3] Official website of the International Maritime Committee. URL: https://comitemaritime.org/wp-content/uploads/2018/05/Travaux-Preparatoires-of-the-Hague-Rules-and-of-the-Hague-Visby-Rules.pdf (дата обращения 02.06.2022).

стороной конфликта является морское судно под российским флагом.

Следует отметить, что большая часть стран ЕС также ратифицировала Гаагско-Висбийские правила, положения которых применяются в английском международном морском праве. При этом необходимо помнить, что английская судебная практика в сфере морских перевозок в морских акваториях ЕС оказывает большое влияние на разрешение конфликтных ситуаций, поскольку большинство морских перевозчиков избирают в качестве применимого морское право Великобритании.

Особенностью российского нормативного регулирования морского судоходства является тот факт, что Россия не распространяет действие Гаагско-Висбийских правил на каботажное плавание, в отличие от морского права Великобритании, что порождает некоторые разночтения при возникновении правовых споров.

Примечательно, что в силу специфики транспортной политики Евросоюза морской транспорт наделен особым правовым статусом. В частности, в соответствии с решением суда Евросоюза по делу «Комиссия против Франции» № 167/73, именно морской транспорт исключен из сферы общей транспортной политики ЕС, что означает приоритет правового регулирования сферы морского судоходства национальным законодательством участников ЕС[1].

Как в морской деятельности ЕС, так и в мировой международной практике применяются различные виды перевозок грузов морским транспортом:

– внутренние морские перевозки;

– внешние морские перевозки с целью импорта и экспорта товаров;

– международные морские перевозки с сообщением между портами стран-членов ЕС и портами сторонних государств.

Также по регулярности морских международных перевозок в ЕС и РФ различают трамповое (нерегулярное) и линейное (регулярное) судоходство.

Коносамент играет важнейшую роль в осуществлении перевозок грузов морским транспортом: данный документ является доказательством заключения договора перевозки, а также принятия груза к перевозке. В России правовое регулирование статуса коносамента осуществляется различными правовыми актами. Например, Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации[2], некоторыми актами Федеральной налоговой службы Российской Федерации (письмо Федеральной Налоговой Службы от 21 августа 2009 года за № ШС-22- 3/660 «О направлении систематизированных материалов по документированию операций при транспортировке товаров»)[3].

В сложившейся морской практике российскими судами при трамповом судоходстве используется так называемый чартер, а при линейном – линейный коносамент. Следует отметить, что четкой единой правовой регламентации структуры, содержания коносамента на федеральном уровне в российском праве нет.

А.Г. Калпин указывал, что «линейный коносамент выполняет следующие основные функции: служит одним из документов, оформляющих договор перевозки груза в линейном судоходстве; служит распиской судовладельца в приеме груза к перевозке; является товарораспорядительным документом, ценной бумагой, т.е. таким документом, владение которым дает право его держателю распоряжаться грузом и требовать его выдачи в порту назначения.

[1] Official website of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61973CJ0167 (дата обращения 05.06.2022).

[2] Кодекс торгового мореплавания // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. N 18. Ст. 2207.

[3] Письмо Федеральной Налоговой Службы от 21 августа 2009 года за № ШС-22- 3/660 «О направлении систематизированных материалов по документированию операций при транспортировке товаров // Документы и комментарии. № 20. 2009.

Функции коносамента морских перевозок в акваториях стран ЕС

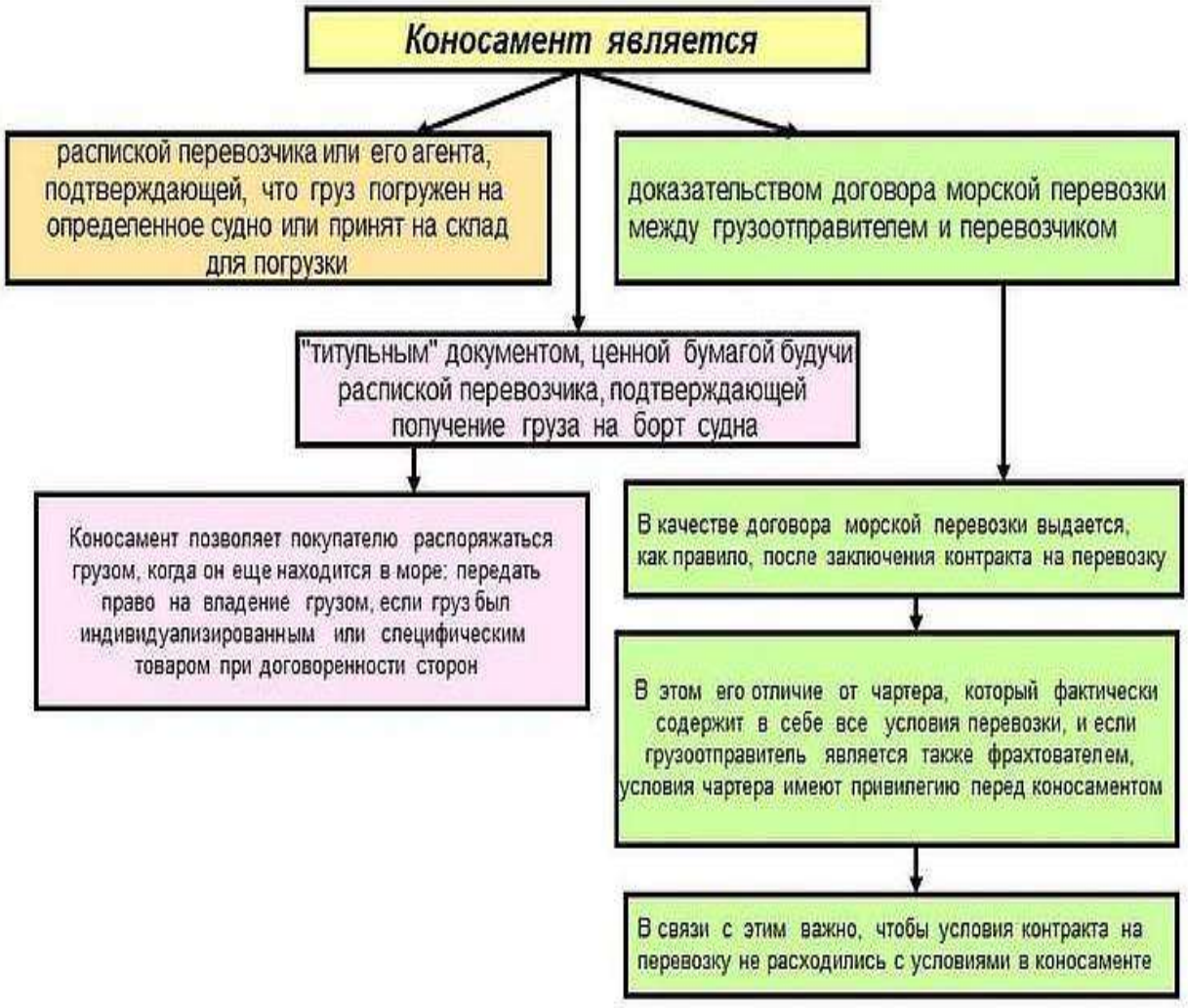

Рисунок 1. – Функции коносамента при осуществлении морских грузоперевозок в акваториях ЕС

Чартерный коносамент нельзя признать документом, оформляющим договор фрахтования, так как условия такого договора содержатся в другом документе— чартере»[1].

Функции коносамента при осуществлении морских грузоперевозок в акваториях ЕС наглядно раскрыты в схеме 1. Международным документом, который регулирует статус коносаментов грузоперевозок, осуществляемых судами РФ в сфере юрисдикции ЕС, является Конвенция ООН о морской перевозке грузов, заключенная в Гамбурге 31 марта 1978 г.[2] Следует отметить, что, хотя Конвенция не была ратифицирована РФ, используемая в ней дефиниция коносамента морских перевозок используется в отечественной арбитражной практике – например, в постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 августа 2008 г. № КА-А40/7483-08 по делу № А40-61398/07-4-342[3], в

[1] Калпин А.Г. Договоры фрахтования судна. Чартер и коносамент. М.: В/О «Мортехинформреклама», 1988. С. 21.

[2]Official website of Unated Nation. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/mediadocuments/uncitral/en/hamburg_rules_e.pdf(дата обращения 06.06.2022)

[3] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 августа 2008 г. № КА-

постановлении Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 ноября 2004 г. № А56-13000/04[1].

Отдельно стоит упомянуть о некоторых правовых проблемах в международном праве при заключении чартера, представляющего собой договор фрахтования морского судна для выполнения рейса или на определенное время, поскольку положения о линейном коносаменте императивно урегулированы Гаагско-Висбийскими правилами, применяемыми в акваториях ЕС, а так называемый чартер – нет.

Следует отметить, что одной из проблем, существующих в морских грузоперевозках, осуществляемых Россией через морские зоны под юрисдикцией Евросоюза, является отсутствие унификации и взаимной интеграции морского права ЕС и российских норм в сфере морского судоходства.

По мнению авторов, международные нормы, действующие в сфере морских грузоперевозок в зоне ответственности ЕС, необходимо имплементировать в российское законодательство. Необходимо осуществить переход от фрагментарного подзаконного регулирования положений о морских коносаментах и чартерах, являющихся важнейшими документами при осуществлении морских перевозок, к единой, системной правовой регламентации на федеральном уровне.

Несомненно, что эффективность сферы морских перевозок зависит от скорости передвижения грузов и своевременности документооборота между отправителем и получателем грузов. Альтернативой бумажному коносаменту, обеспечивающей мгновенное взаимодействие между участниками морских перевозок, является электронный коносамент.

С 1990 года Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс», применяемые в морских акваториях ЕС, предусматривали нормы о совершении морских перевозок с помощью электронных документов[2]. В этом же году были приняты Правила Международного морского комитета для электронных коносаментов[3]. В указанную организацию входит в целом 145 стран-участниц, в том числе, большинство стран Евросоюза. Данные правила применяются в морских зонах ответственности ЕС. Стоит отметить, что Правила носят рекомендательный характер и их применение добровольно для участников морских перевозок.

Правила Международного морского комитета для электронных коносаментов регламентируют электронный документооборот в морских перевозках на международном уровне, однако они не лишают возможности участников правоотношений взаимодействовать иными методами. Указанным документом электронный коносамент приравнен к бумажному, также предусмотрено соответствие реквизитов бумажного и электронного коносаментов.

Правила предусматривают также урегулирование вопроса безопасности при передаче электронных данных. Так, держателю электронного коносамента передается уникальный код, обеспечение секретности которого ложится не только на перевозчика, но и на отправителя груза. Данная мера призвана исключить несанкционированную передачу груза третьим лицам.

Очевидно, что вопросы применения электронного коносамента в зонах морских акваторий ЕС урегулированы международными актами, чего нельзя сказать о российском законодательстве. В Кодексе торгового мореплавания РФ

А40/7483-08 по делу № А40-61398/07-4-342 // СПС «Консультант плюс»

[1] Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 ноября 2004 г. № А56-13000/04 // СПС «Консультант плюс»

[2] Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 1990» // СПС «Консультант плюс»

[3] Правила Международного морского комитета для электронных коносаментов 1990 г. // СПС «Консультант плюс»

нормы, детально регламентирующие использование электронного коносамента, отсутствуют. Стоит отметить, что в российском гражданском законодательстве предусмотрена возможность совершения электронной подписи. Более детально вопросы электронной подписи урегулированы Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[1], однако специальных требований к электронному коносаменту с учетом специфики морских перевозок данный закон не предусматривает.

По мнению авторов, успех морских перевозок в зоне ответственности ЕС зависит от конкурентоспособности российских морских судов, что, в свою очередь, коррелируется со скоростью взаимодействия участников торговых отношений. Очевидно, что электронный документооборот способствует упрощению административных процедур, а значит, скорейшей доставке груза.

Стоит отметить, что Евросоюз активно внедряет цифровую логистику в транспортной сфере, в том числе, и в морских грузоперевозках. Основной тенденцией в данной сфере является применение информационных технологий, и этот аспект требует принятия новых и обновления старых правовых институтов в российском морском праве. Приходится констатировать, что российским законодателем фактически проигнорирована практика морских перевозок в акваториях ЕС с использованием электронного морского коносамента, что представляется ошибочной правовой стратегией, не способствующей национальному успеху в сфере осуществления торговой деятельности с ЕС во вполне осязаемом будущем международной цифровой экономики.

Автор полностью согласен с мнением заместителя министра экономического развития С. Шипова, который отметил, что «цифровое законодательство» в России должно быть создано максимум в ближайшие пять лет — это максимальное время, которое у нас есть. Потом догнать [технологии] будет практически невозможно»[2].

Анализируя правовые пробелы в сфере морских перевозок в зоне ответственности ЕС, нельзя не упомянуть проблему нормативного регулирования так называемых мультимодальных морских перевозок, представляющих собой перевозку одного груза несколькими видами транспорта. При этом могут использоваться как несколько видов морского транспорта, так и сочетание морского и других видов транспорта.

Данная проблема приобрела особенное значение в свете усиливающегося санкционного давления на Россию со стороны ЕС и закрытия портов стран ЕС для морских судов России, что вызывает необходимость поиска новых способов формирования логистических цепочек перевозки грузов.

На уровне ЕС вопрос мультимодальных морских перевозок урегулирован Конвенцией ООН «О международных смешанных перевозках грузов», Роттердамскими правилами, «Терминологией комбинированных перевозок», разработанной Организацией объединенных наций и применяемой в отношении морских перевозок в акваториях ЕС[3]. Примечательно, что мультимодальная перевозка осуществляется при наличии единого транспортного документа.

В морских перевозках в акваториях Евросоюза применяются, как правило, два подхода к мультимодальным морским перевозкам. Первый подход к заключению международного соглашения о перевозке

[1] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2036.

[2] Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/4479532 (дата обращения 07.06.2022).

[3] Terminology on Combined Transport) // United Nations Economic Commission for Europe. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/wp24/documents/wp24-00-1r.pdf (дата обращения: 07.06.2022).

грузов включает полную ответственность одного перевозчика перед владельцем груза с правом предъявления регрессных требований к другому перевозчику, на участке ответственности которого грузу был причинен ущерб. Второй подход подразумевает ответственность каждого перевозчика перед грузовладельцем. Недостатком первого подхода являются разные нормативные требования при сочетании разных видов транспорта. Второй подход вызывает затруднения в связи с тем, что определить, на каком именно участке перевозки был причинен ущерб грузу, зачастую довольно проблематично. Учитывая имеющийся опыт правоприменения, составители Роттердамских правил в ст.1 предусмотрели правовые особенности мультимодальных морских перевозок, в том числе, с сочетанием морского и иных видов транспорта. Данная концепция получила название «Море плюс»[1].

Глава 5 Правил предусматривает, что перевозчик ответственен за любое повреждение груза, если истец докажет, что утрата, повреждение или задержка или же вызвавшее их или способствовавшее им событие или обстоятельство имели место в период ответственности перевозчика, в понятие которого входит период с момента получения перевозчиком груза для перевозки и заканчивающийся в момент сдачи груза, получивший название «от двери до двери»[2].

В российском законодательстве отсутствует понятие мультимодальных перевозок, что представляется в корне неверным. Беспрецедентные санкции Евросоюза в отношении РФ повлекли за собой изменения логистических цепочек международных морских поставок грузов, в связи с чем необходимо решать проблему правовых пробелов в российском законодательстве в отношении подобного вида перевозок.

[1] Калпин А.Г. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской перевозке грузов (Роттердамские правила) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 89.

[2] Official website of the European Union. URL: https://www.euro-marine.eu/“rotterdam-rules” (дата обращения 07.06.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калпин А.Г. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской перевозке грузов (Роттердамские правила) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 89.
2. Official website of the European Union. URL: https://www.euro-marine.eu/“rotterdam-rules” (дата обращения 07.06.2022).
3. Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/4479532 (дата обращения 07.06.2022).
4. Terminology on Combined Transport) // United Nations Economic Commission for Europe. URL: https://www. unece.org/fileadmin/DAM/trans/wp24/documents/wp24-00-1r.pdf (дата обращения: 07.06.2022).
5. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 1990» // СПС «Консультант плюс»
6. Правила Международного морского комитета для электронных коносаментов 1990 г. // СПС «Консультант плюс»
7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2036.
8. Official website of Unated Nation. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/mediadocuments/uncitral/en/hamburg_rules_e.pdf (дата обращения 06.06.2022)
9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 августа 2008 г. № КА-А40/7483-08 по делу № А40-61398/07-4-342 // СПС «Консультант плюс»
10. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 ноября 2004 г. № А56-13000/04 // СПС «Консультант плюс»
11. Кодекс торгового мореплавания // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. N 18. Ст. 2207.
12. Письмо Федеральной Налоговой Службы от 21 августа 2009 года за № ШС-22- 3/660 «О направлении систематизированных материалов по документированию операций при транспортировке товаров // Документы и комментарии. № 20. 2009.
13. Калпин А.Г. Договоры фрахтования судна. Чартер и коносамент. М.: В/О «Мортехинформреклама», 1988. С. 21.

Дата поступления: 20.06.2023

УДК: 341.1/8
DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_215

Никитенко С.В.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ

Nikitenko S.V.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE

Ключевые слова: *искусственный интеллект, медицинское право, медицинское вмешательство, автоматизированная обработка данных, научно-технический прогресс, риски развития искусственного интеллекта, автономные системы, ответственность искусственного интеллекта*

Keywords: *artificial intelligence, medical law, medical intervention, automated data processing, scientific and technological progress, risks of artificial intelligence development, autonomous systems, liability of artificial intelligence*

Аннотация: *искусственный интеллект, являясь одной из передовых технологий четвёртой промышленной революции, приводит к трансформации отношений во всех сферах жизни общества, включая здравоохранение и право. Являясь высокоэффективным инструментом за счёт автономности своей работы и способности к обучению, ИИ способен как улучшить качество, оперативность оказания и доступность медицинской помощи, так и породить серьёзные проблемы социально-экономического, этического и правового характера, что указывает на необходимость обеспечения контроля за развитием и использованием алгоритмов.*

Создание системы контроля требует разработки специального международно-правового режима ИИ, а также адаптации к условиям цифровизации уже существующих правовых институтов и процедур, таких как получение информированного согласия на медицинское вмешательство, обработка сведений о здоровье, контроль за обращением медицинских изделий, деликтная ответственность за вред, причинённый алгоритмами и др. Однако, на данный момент отсутствует целостное правовое регулирование ИИ (как международное, так и внутригосударственное), которое находится на этапе становления, в то время как специальный правовой режим ИИ медицинского назначения вовсе отсутствует.

Настоящая работа содержит анализ состояния действующего международно-правового регулирования использования ИИ в медицине, включая исследование взаимосвязи научно-технического прогресса и права, основ регламентации научно-технических достижений в здравоохранении, специальных принципов регулирования интеллектуальных технологий и механизмов обеспечения безопасности ИИ. Автором обозначены существующие и перспективные направления международного сотрудничества и совершенствования правового регулирования с целью создания эффективного правового режима безопасных интеллектуальных технологий медицинского назначения.

Abstract: *artificial intelligence, being one of the advanced technologies of the fourth industrial revolution, leads to transformation of relations in all spheres of society, including health care and law. Being a highly effective tool due to its autonomous nature and learning ability, AI is*

able both to improve the quality, efficiency and accessibility of medical care, and to generate serious problems of socio-economic, ethical and legal nature, which indicates the need to ensure control over the development and use of algorithms.

The setting up of a monitoring framework requires the development of a special international legal regime for AI, as well as the adaptation to the digitalization of already existing legal institutions and procedures, such as informed consent to medical intervention, processing of health information, control over the circulation of medical devices, tort liability for harm caused by algorithms, etc. However, at the moment there is no comprehensive legal regulation of AI (both international and domestic), which is at the stage of formation, while there is no special legal regime of AI for medical purposes at all.

This paper contains an analysis of the current state of international legal regulation of the use of AI in medicine, including a study of the relationship between technological progress and law, the regulatory framework of scientific and technical advances in health care, special principles of intellectual technology regulation and mechanisms to ensure the safety of AI. The author outlines the existing and promising areas of international cooperation and improvements in legal regulation to create an effective legal regime of safe intellectual technologies for medical purposes.

Развитие и распространение новых технологий, включая искусственный интеллект (далее – ИИ), приводит к структурной перестройке мировой экономики, которая переводится на новую технологическую основу, что было отмечено в Концепции внешней политики РФ, утверждённой 31.03.2023. Усложнение общественных отношений, вызванное развитием интеллектуальных технологий и научно-техническим прогрессом (далее – НТП) в целом, а также возникновение новых и трансформаций существующих видов деятельности приводят к необходимости их правового оформления[1]. Оставаясь вне правового поля, научные открытия и технические достижения способны не только созидать, но и разрушать, создавая риск причинения вреда жизни и здоровью, систематического нарушения прав, усугубления технологического разрыва между странами, а также монополизации рынка интеллектуальных разработок. Борьба с обозначенными проблемами, которые носят глобальный характер, невозможна силами отдельных государств и международных организаций, в связи с чем, международно-правовое регулирование имеет особое значение. Только международное право способно обеспечить объединение материальных, организационных, финансовых, трудовых, интеллектуальных ресурсов отдельных стран для обеспечения комплексного развития технологий и решения проблем, вызванных распространением ИИ в медицине. Вместе с тем, в настоящее время международно-правовое и внутригосударственное регулирование ИИ носит фрагментарный характер[2], а правовой режим ИИ медицинского назначения и вовсе практически отсутствует.

Приступить к международному нормотворчеству следует уже сегодня, поскольку дальнейшее бездействие приведёт к усугублению технологического неравенства, невозможности сближения национальных правопорядков, несовместимости технических решений, разработанных в различных государствах, и методик лечения, связанных с использованием инноваций, что может сделать невозможным применение ИИ-систем в трансграничных от-

[1] Афанасьева Л.А. Научно-технический прогресс и расширение сферы действия международного частного права // Международное частное право: Современные проблемы / Отв. ред. М.М. Богуславский. М.: Теис, 1993. С. 428.

[2] Willems A., Kamau M. Of Binding Provisions and Trust Marks; Roadmap to a Global Legal Framework for the Digital Economy // Legal Issues of Economic Integration. 2019. Vol. 46. № 3. P. 226.

ношениях, а также международный обмен медицинскими товарами и услугами. Несогласованное нормотворчество государств, международных организаций и интеграционных объединений способно затруднить разработку подконтрольного и безопасного ИИ, что обуславливает необходимость разработки источников международного права, которые бы заложили основу для гармонизации уже существующего и выработки нового, последовательного и непротиворечивого внутригосударственного регулирования отношений, осложнённых ИИ.

Таким образом, разработка единого правового режима использования ИИ-технологий, основанного на системе специальных правовых принципов, адаптация существующих правовых институтов, регулирующих медицинское вмешательство, защиту персональных данных и контроль за обращением медицинских изделий, а также активизация международного сотрудничества крайне актуальны, поскольку способны обеспечить технологическое развитие и внедрение в медицинскую практику безопасного и подконтрольного ИИ.

Цель представленного исследования заключается в определении основных направлений международного сотрудничества и положений международно-правового регулирования использования ИИ в медицине. Для достижения данной цели автором был проанализирован массив действующих источников международного, интеграционного и внутригосударственного права, а также обобщены наиболее распространённые позиции правовой доктрины. Настоящая работа содержит подходы к решению ряда основных проблем, возникающих при международно-правовом регулировании ИИ, в т.ч. затронуты общие вопросы международного публичного права, которые, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике, а именно: взаимодействие НТП и международного права, основы вторжения в сферу здоровья человека и место правового регулирования ИИ в системе международного права.

Проблемы использования достижений НТП впервые стали предметом специального рассмотрения в 1968 г. на Международной конференции по правам человека в Тегеране, по итогам которой 13.05.1968 было принято «Воззвание Тегеранской конференции». В документе затрагиваются вопросы соотношения НТП и прав человека, а также отдельно указывается, что научно-технические достижения не только открывают широкие перспективы для социально-экономического и культурного прогресса, но также ставят под угрозу осуществление прав и свобод, в связи с чем, потребуют постоянного внимания (п. 18). Позднее, Генеральная Ассамблея ООН 19.12.1968 приняла Резолюцию № A/RES/2450 (XXIII) «Права человека и НТП», в которой обращалось внимание на то, что сами открытия не могут быть положительными или отрицательными, поскольку главным фактором является способ их использования.

Такая двойственная природа результатов НТП (созидательная и разрушающая) закономерным образом требует установления специального правового регулирования, которое должно быть направлено, с одной стороны, на предотвращение и минимизацию негативных последствий технологического развития, с другой – на создание условий для дальнейшего прогресса, что в целом вытекает из функций права как регулятора общественных отношений[1]. Единственной на сегодняшний день попыткой формирования основ международно-правового регулирования НТП является Декларация ООН об использовании НТП в интересах мира и на благо человечества от 10.11.1975, в которой были изложены такие принципиальные положения, как: предотвращение использования результатов НТП в ущерб правам и свободам человека,

[1] Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. С. 27-28.

международному миру и безопасности; использование научно-технических открытий на благо человечества в целях экономического и социального развития народов; недопущение дискриминации и обеспечение равного доступа всех слоёв населения к благам науки и техники; международное сотрудничество в целях использования результатов НТП на благо человечества.

Планировалось, что на основе Декларации 1975 г. будет разработана конвенция, которая так и не была принята, что обусловлено сложностью вопроса о необходимом уровне защиты, который могут обеспечить государства. Выработка единых нормоположений в рассматриваемой области в целом осложняется технологическим неравенством и различными возможностями государств по внедрению научно-технических достижений. Дополнительным фактором, осложняющим регламентацию использования результатов НТП, является ригидность правового регулирования, которое, в большинстве случаев, не успевает отражать изменения в общественных отношениях в связи с развитием науки и техники[1].

Расширение круга международных отношений в сфере охраны здоровья, вызванное НТП[2], привело к необходимости регламентации использования биотехнологий (клонирование, генная инженерия) и новых технологий медицинского назначения (в т.ч. информационных), что нашло отражение в Резолюции ВОЗ № WHA60.29 от 23.05.2007. Однако, каждая технология медицинского назначения затрагивает уникальный круг проблем, что привело к принятию ряда узкоспециальных международно-правовых актов, не образующих системы норм, регулирующих использование достижений НТП при вторжении в сферу здоровья человека. Примерами таких актов являются Всеобщая декларация ООН о геноме человека и правах человека от 11.11.1997, Дополнительный протокол от 28.11.2008 (CETS № 203) к Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 04.04.1997 (далее – Конвенция Овьедо 1997 г.), Соглашение о международной системе по сотрудничеству в области трансплантации почек «Интертрансплант» от 11.12.1980 и др.

Закономерным образом ИИ требует решения собственного круга вопросов (обеспечение прозрачности принятия решений, учёт особенностей привлечения к ответственности и т.д.). Медицинское применение интеллектуальных технологий имеет собственную специфику в части осуществления контроля за обращением ИИ-систем на пострегистрационном этапе, обеспечения совместимости форматов данных и др. Однозначно определить круг вопросов, подлежащих регламентации, невозможно в связи с постоянным развитием технологий: к их урегулированию можно будет приступить лишь после выявления порождаемых ими правовые проблемы. Однако, на наш взгляд, специфика различных технологий не препятствует формированию общего международно-правового регулирования результатов НТП. Прежде всего, на данную область отношений распространяются основные принципы международного права, которые, по мнению М.И. Лазарева, могут в целом служить критерием правомерности использования научно-технических достижений[3]. Во-вторых, ряд общих нормоположений относительно научно-технического

[1] Бахин С.В. Влияние новых технологий на современное международное частное право (Глава 5) // Современное международное частное право в России и Евросоюзе. Кн. первая: монография / под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. С. 106-138.

[2] Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права : монография. М.: Междунар. отношения, 1981. С. 14-15.

[3] Лазарев М.И. Международное право и научно-техническая революция // Советский ежегодник международного права, 1978. М.: Наука, 1980. С. 44, 47, 48.

сотрудничества государств был закреплён в упомянутой Декларации 1975 г.

Наконец, международно-правовое регулирование использования достижений НТП в медицине, безусловно, должно опираться на действующие международные договоры, закладывающие правовые основы вторжения в сферу здоровья, которые несмотря на их значительный объём до сих пор не образовали отдельную отрасль международного права[1]. Препятствием к формированию отрасли является рассредоточенность правовых норм об охране здоровья по различным отраслям и институтам действующего международного права, что указывает на необходимость принятия в будущем фундаментального международного договора в данной сфере. Тем не менее, анализ международно-правового регулирования позволяет вывести следующие принципы использования технологий в здравоохранении:

1. Ответственность государств за здоровье своих народов (преамбула Устава ВОЗ, ст. V Алма-Атинской декларации от 12.09.1978);

2. Уважение прав, основных свобод и достоинства человека, включая право на обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья (преамбула Устава ВОЗ, п. 1 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966, Всеобщая декларация ООН о геноме человека и правах человека 1997 г.);

3. Переход к всеобщему охвату медико-санитарными услугами (пп. «d» п. 2 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., ст. II Алма-Атинской декларации 1978 г., Резолюция ВОЗ № WHA67.23 от 24.05.2014);

4. Обеспечение безопасности вторжения в сферу здоровья человека (ст. 3, 5 и 25 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948, ст. 2, 7 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., преамбулы Устава ООН и Устава ВОЗ)[2];

5. Сотрудничество государств, поощрение свободного обмена научными знаниями и информацией в областях биологии, генетики и медицины (преамбула Устава ВОЗ, ст. 19 Всеобщей декларации ООН о геноме человека и правах человека 1997 г., ст. 18 Международной декларации ООН о генетических данных человека от 16.10.2003, пп. 7 п. 1 Резолюции ВОЗ № WHA62.12 от 22.05.2009, п. 1 Резолюции ВОЗ № WHA60.29 от 23.05.2007)[3].

Отметим, что при реализации данных нормоположений мы неизбежно столкнёмся с трудностями, обусловленными различными возможностями государств в обеспечении равного уровня своего здравоохранения (в данном контексте, следует обратить внимание на формулировки п. 1 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). По данной причине, говорить сегодня об общих стандартах в сфере здравоохранения преждевременно. Однако, очевидно, что межгосударственные отношения в сфере охраны здоровья должны иметь единую правовую основу, позволяющую осуществлять международное сотрудничество, необходимость усиления которого показал COVID-2019.

Координация и согласование нормотворчества различных участников международных отношений в сфере здравоохранения является одной из важнейших задач в настоящее время. Отношения, связанные

[1] Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы: монография. М.: Научная книга, 2014. С. 68; Бартенев Д.Г. Право на охрану здоровья в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Бартенев Дмитрий Геннадиевич. СПб., 2006. С. 41-49.

[2] Бахин С.В. Научно-технический прогресс в области медицины и международно-правовая защита прав человека: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Бахин Сергей Владимирович. СПб., 1990. С. 137-140.

[3] Бартенев Д.Г. Указ. соч. С. 30-49.

с использованием ИИ, сегодня рассматриваются множеством суверенных и несуверенных акторов с различной компетенцией, что порождает реальный риск бессистемной разработки противоречивой совокупности норм в области ИИ без образования целостной системы. Текущее состояние правового регулирования интеллектуальных технологий с неизбежностью ставит вопрос о координации нормотворчества, которая сегодня отсутствует.

Так, Всемирной медицинской ассоциацией принят ряд резолюций, посвящённых вопросам гуманного использования медико-биологических достижений, в т.ч. ИИ (например, Заявление ВМА по дополненному интеллекту в медицинской помощи от 2019 г.). В рамках Совета международных медицинских научных организаций была создана Рабочая Группа XIV по ИИ в фармаконадзоре. Международный форум регуляторов медицинских изделий занимается гармонизацией стандартов, касающихся обращения медицинских изделий, в т.ч. ИИ-систем. С этой целью была создана рабочая группа «Медицинские ИИ устройства», которая по итогам своей работы в 2022 г. приняла технический регламент № IMDRF/AIMD WG/N67 «Медицинские устройства с поддержкой машинного обучения: ключевые термины и определения».

На уровне межгосударственных организаций вопросы использования достижений НТП при вмешательстве в сферу охраны здоровья человека рассматривались в рамках ВОЗ (Резолюции № WHA60.29 от 23.05.2007, № WHA66.24 от 27.05.2013, № WHA71.7 от 26.05.2018 и др.), ЮНЕСКО (Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ от 24.11.2021), Всемирного союза электросвязи (документы Фокус-группы № FG-AI4H «ИИ для здоровья»), Всемирной торговой организации (Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15.04.1994, Соглашение ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам от 15.04.1994) и ВОИС (Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и ИИ № WIPO/IP/AI/2/GE/20 от 13.12.2019), конвенционных органов по защите прав человека (Общая рекомендация Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации в № 36 (2020) о предупреждении расового профилирования со стороны сотрудников правоохранительных органов и борьбе с ним от 24.11.2020).

Регламентация отдельных аспектов использования ИИ (в т.ч. в медицине) осуществляется также специальной комиссией в рамках ЕС (см. Резолюцию ЕС № 2015/2103(INL) от 16.02.2017 «О правилах гражданского права в области робототехники», проект Регламента ЕС о гармонизированных правилах по ИИ от 16.05.2023), множеством отдельных государств (Россия[1], США[2], Великобритания[3] и др.) и неправительственных организаций (например, IEEE[4]). По данной причине, на наш взгляд, сегодня актуальным является вопрос не об учреждении новой специализированной международной организации или расширении компетенции уже суще-

[1] См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] См.: Blueprint for an AI Bill of Rights [Electronic resource] // The White House, USA: [website]. Washington, 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/ (дата обращения: 30.05.2023).

[3] См.: National AI Strategy: Guidance [Electronic resource] // Government of the United Kingdom: [website]. London, 2021. 22 September. Last updated: 18.12.2022. URL: https://www.gov.uk/government/publications/national-ai-strategy/national-ai-strategy-html-version (дата обращения: 30.05.2023).

[4] См.: AIS Standards [Electronic resource]: Artificial Intelligence Systems Standards of IEEE Standards Association // IEEE SA: [website]. URL: https://standards.ieee.org/initiatives/artificial-intelligence-systems/standards/ (дата обращения: 30.05.2023).

ствующих объединений, но о создании отдельного международного органа для координации нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере использования ИИ по типу Комиссии ООН по праву международной торговли (в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 7 и 22 Устава ООН).

В предмет международно-правового регулирования использования ИИ в медицине, по нашему мнению, попадают отношения, связанные с производством, введением в гражданский оборот, транспортировкой, хранением, продажей, эксплуатацией, обслуживанием и выводом из эксплуатации алгоритмов; отношения трансграничного обмена ИИ-технологиями и данными; отношения по обеспечению безопасности использования ИИ при оказании медицинской помощи и обработке данных. Создание правового режима технологий следует начать именно с формирования публично-правовых начал (обеспечение сотрудничества и безопасности), без которых систематизация правовых институтов не представляет возможной[1].

Международно-правовое регулирование использования ИИ в медицине должно учитывать особенности оказания медицинской помощи, социально-экономические последствия цифровизации, технические аспекты работы ИИ, правовые принципы регулирования достижений НТП и основы их использования в здравоохранении, а также объективные закономерности функционирования права как регулятора общественных отношений (его внутренние и внешние пределы[2]). Сама совокупность международно-правовых норм, регламентирующих использование ИИ в медицине, является межотраслевой, в связи с чем не может быть выделена в качестве отрасли или правового института международного права, но представляет собой комплекс отдельных правовых норм в рамках уже существующих международно-правовых институтов и процедур, обуславливающих специфику использования ИИ. Тем не менее, анализ нормативных актов международного, интеграционного и внутригосударственного права позволяет обобщить следующие нормоположения, которые могут выступить основой специального международно-правового регулирования использования ИИ:

1. Принцип прозрачности (п. 40 Рекомендации ЮНЭСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 г., п. 1.3 и пп. «b» п. 1.4 Рекомендации Совета ОЭСР по ИИ от 22.05.2019, Приложения к Резолюции ЕС № 2015/2103(INL) от 16.02.2017). Направлен на обеспечение объяснимости ИИ и реализуется по трём направлениям: организационном (доступ к информации, обеспечение участия в принятии решений), техническом (доступ к исходному коду) и содержательном (полнота, достоверность и доступность информации об алгоритме)[3];

2. Принцип управления рисками (п. 25, 53, 64 и 133 Рекомендации ЮНЭСКО об этических аспектах ИИ 2021 г., п. 10, 23, 53 Резолюции ЕС № 2015/2103(INL) от 16.02.2017). Включает в себя: оценку рисков безопасности через мониторинг угроз причинения вреда охраняемым человеческим ценностям, правам и законным интересам; оценку рисков защищённости ИИ-систем; минимизацию обнаруженных рисков; управление рисками на основе согласия;

3. Принцип информированного согласия. Выражает автономию человека, который на основе сведений о технологии, руководствуясь собственными интересами и опытом, принимает информированное

[1] Бахин С.В. Влияние новых технологий на современное международное частное право. С. 106-138.

[2] Дмитрик Н.А. Пределы цифрового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество и право. 2018. № 3. С. 50-57.

[3] Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 157-160.

и добровольное решение о возможности и способе взаимодействия с ИИ[1];

4. Принцип безопасного использования. В рамках принципа предполагается не только предотвращение причинения вреда жизни, здоровью, имуществу и правам человека, но также обеспечение защищённости самого ИИ (п. 27 Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ 2021 г., п. 1.4 Рекомендации ОЭСР по ИИ 2019 г.).

Содержание правового режима ИИ в большей мере предопределяется объёмом его правосубъектности. Решение данной проблемы главным образом зависит от подконтрольности технологии человеку: осуществление контроля над алгоритмом закономерным образом не приводит к возникновению у него какой-либо субъектности. С точки зрения теории права отсутствуют препятствия для признания субъектом права ИИ-систем, которые обладают юридической волей (способны к автономной мыслительной деятельности) и являются обособленными, т.е. могут принимать окончательные решения без контроля человека[2]. По данной причине, на наш взгляд, с учётом социально-экономических, культурных и политических факторов конкретного национального правопорядка ИИ могут быть признаны субъектами особого рода, объём правосубъектности которых должен быть динамичным в зависимости от области их применения и уровня технологического развития. Признание такой усечённой правосубъектности ИИ позволит организовать полностью автономный процесс оказания медицинской помощи. Вместе с тем, существующие ИИ-системы медицинского назначения требуют контроля со стороны человека, а вопрос об их правосубъектности является преждевременным. Существующие алгоритмы медицинского назначения являются объектами права: компьютерными программами и медицинскими изделиями.

Анализ источников международного права и юридической доктрины показывает, что основной целью правового регулирования интеллектуальных технологий является обеспечение безопасности их использования, которая достигается, по нашему мнению, за счёт (1) надлежащей реализации процедуры получения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и обработку персональных данных, (2) создание системы контроля качества алгоритмов в рамках режима обращения медицинских изделий и (3) закрепление эффективного механизма деликтной ответственности за вред, причинённый интеллектуальной системой[3].

Процедура получения информированного согласия на медицинское вмешательство должна быть адаптирована к условиям цифровизации здравоохранения (см. Резолюцию ВОЗ № WHA58.28 от 25.05.2005). Техническая сложность алгоритмов и непрозрачность механизма принятия ими решений порождает проблемы надлежащего формата, доступности и объёма информации о медицинском вмешательстве, которая должна быть доведена до пациента. Анализ применимого правового регулирования (ст. 6 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека от 19.10.2005, ст. 5 Конвенции Овьедо 1997 г. и Дополнительного

[1] Рассолов И.М., Чубукова С.Г. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в сфере правовой защиты генетической информации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1 (60). С. 87.

[2] Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрлингвистика. 2018. № 7-8. С. 39; Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 20; Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 116.

[3] Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 169.

протокола к ней от 25.01.2005 (CETS № 195)) показал, что указанные вопросы в настоящее время не решены, и в целом – отсутствует обязанность сообщать об использовании ИИ в процессе вмешательства.

Учитывая прямую взаимосвязь между получением информированного согласия и состоянием здоровья пациента, а также соблюдением его прав и законных интересов, надлежит закрепить процедуру получения согласия применительно к вмешательству с использованием ИИ, которая должна включать меры по: (1) обеспечению прозрачности алгоритмов, включая предоставление актуальных метрик; (2) предоставлению полной информации о цели, последствиях вмешательства, вероятности осложнений в зависимости от способа вмешательства (с использованием ИИ и без такового); (3) информированию пациента о результатах диагностики и оказанного ранее лечения[1]. Наиболее очевидной мерой, которая требует правовой регламентации, является получение информированного согласия на использование алгоритмов при осуществлении конкретного медицинского вмешательства.

Исключения из правила о необходимости получения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (ст.ст. 6-9 Конвенции Овьедо 1997 г., ст.ст. 10-12 и 14 Дополнительного протокола к ней от 27.11.2008) являются проработанными и не требуют изменений в связи с использованием ИИ. Однако очевидно, что в сфере регулирования ИИ рано или поздно придётся столкнуться с конкуренцией личных и общественных интересов. По нашему мнению, интересы общественной безопасности здесь будут превалировать при условии соблюдения критериев допустимости вмешательства, которые закреплены в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и ст. 26 Конвенции Овьедо 1997 г.

Другим направлением обеспечения безопасности ИИ выступает защита персональных данных, разновидностью которых являются сведения о здоровье. Сама природа интеллектуальных технологий, для создания и работы которых необходимы большие объёмы информации, противоречит принципам минимизации и целевого характера обработки данных, действующих в данной сфере. По данной причине, государства уделяют проблеме обеспечения конфиденциальности данных значительное внимание (см. Резолюцию ВОЗ № WHA58.28 от 25.05.2005 и ст. 10 Конвенции Овьедо 1997 г.).

На данный момент уже действует ряд международно-правовых актов, регламентирующих порядок обработки персональных данных с использованием современных технологий. Сведения о состоянии здоровья признаются особой категорией персональных данных согласно положениям Конвенции Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера от 28.01.1981 (далее – Конвенция ETS № 108), Протокола к ней от 10.10.2018 (далее – Протокол CETS № 223), а также Регламента ЕС № 2016/679 от 27.04.2016 «О защите физических лиц при обработке персональных данных…» (далее – GDPR), что обязывает операторов принимать дополнительные организационно-технические меры, обеспечивающие повышенную защиту таких данных. Автоматизированная обработка данных, как особая процедура, также нашла отражение в источниках международного и интеграционного права (к примеру, в ст. 2 Конвенции ETS № 108).

Анализ нормативных источников (п. 4 ст. 22 GDPR и Протокола CETS № 223) позволяет выделить общее: принятие решений, которые могут повлечь для человека юридические последствия или оказать на него существенное влияние, на основе автоматизированной обработки особых кате-

[1] Киселева А.Ю. Применение искусственного интеллекта в здравоохранении: аспекты медицинского права // Медицинское право: теория и практика. 2020. Т. 6. № 2 (12). С. 30.

горий данных допускается только при согласии субъекта или по причине «особого общественного интереса» такой обработки (защита основ конституционного строя, здоровья, обеспечение безопасности государства и др.). Проблема формы, объёма и содержания предоставляемой субъекту информации для согласия на автоматизированную обработку данных разрешается перечислением сведений о процессе обработки и её результатах, включая сведения об автоматизированном принятии решений, логической схеме алгоритма, а также значимости и предполагаемых последствиях обработки (пп. «f» п. 2 ст. 13 GDPR).

Закрепляя случаи обработка персональных данных без согласия, действующее международно-правовое регулирование стремится установить надлежащий баланс между конкурирующими правами и ценностями, такими как неприкосновенность частной жизни, охрана жизни и здоровья (пп. «b» п. 2 ст. 9 Конвенции ETS № 108, пп. «c» п. 2 ст. 9 GDPR), свобода обращения информации для научных целей (п. 3 ст. 9 Конвенции ETS № 108, пп. «b» п. 1 ст. 5 и п. 2 ст. 89 GDPR). Цель защиты публичных интересов, а также необходимость принятия дополнительных организационно-технических мер защиты в целом обозначается необходимым условием для любого вмешательства в неприкосновенность частной жизни (пп. «a» п. 2 ст. 9 Конвенции ETS № 108, п. 2 ст. 9 и ст. 23 GDPR). Особенно детально урегулирован вопрос обработки персональных данных для научных целей (п. 159 преамбулы и ст. 85 GDPR) и требования к обеспечению защиты персональных данных (ст. 7 Конвенции ETS № 108).

Однако существующая нормативно-правовая база не безупречна: виден необоснованный приоритет охраны жизни и здоровья над конфиденциальностью и умаление права субъекта контролировать свои персональные данные. Так, пп. «h» п. 2 ст. 9 GDPR допускает обработку данных без согласия в медико-профилактических целях, в целях оказания медицинских и медико-социальных услуг. Очевидно, что данное положение ставит под сомнение необходимость получения согласия на обработку данных практически при любом виде медицинского вмешательства. Согласно позиции законодателя, обеспечение прав субъекта обеспечивается в таком случае благодаря сохранению врачебной тайны (п. 3 ст. 9 GDPR). Однако указанное исключение создаёт широкие возможности для злоупотреблений, в т.ч. для обработки необезличенных медицинских данных пациента даже после того, как было отозвано согласие[1]. В данной части условия обработки данных без согласия требуют корректировки.

В настоящее время, эффективность существующего регулирования в сфере обеспечения конфиденциальности в большей мере зависит от интенсивности правоприменения и распространения более совершенных программных мер по обнаружению и пресечению угроз для обработки персональных данных. Предусмотренные законодательные и организационно-технические меры достаточны и могут обеспечить защиту персональных данных в той степени, в которой безопасность таких данных не зависит от технологического «соперничества» способов несанкционированного доступа и защиты информационных систем.

Контроль качества ИИ медицинского назначения осуществляется в рамках режима обращения медицинских изделий, который предполагает прохождение технических и клинических испытаний, государственную регистрацию изделий, требования к содержанию технической и эксплуатационной документации, а также особые правила производства, оборота, хранения, транспортировки, настройки, эксплуатации, технического обслуживания и утилизации. Прохождение указанных процедур и со-

[1] Фохт О.А. Анализ принятых поправок к Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных» // Врач и информационные технологии. 2011. № 5. С. 56-59.

блюдение требований обеспечивает допуск безопасных алгоритмов к применению в медицинской практике. Режим обращения медицинских изделий, использующих элементы ИИ, предметом международно-правового регулирования в настоящее время практически не является и регламентируется каждым государством отдельно. Однако в редких случаях интеграционными объединениями осуществляется унификация регулирования в данной области (см. Соглашение ЕАЭС о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий от 23.12.2014 и Регламент ЕС № 2017/745 от 05.04.2017).

Действующее правовое регулирование не учитывает обучаемость ИИ, благодаря которой алгоритм может изменять показатели своей эффективности и стать небезопасным в течение жизненного цикла[1]. В связи с этим, правовой режим по обращению медицинских изделий может быть усовершенствован через введение механизма оценки эксплуатационных параметров и технического обслуживания ИИ-систем на пострегистрационном этапе[2]. В целях обеспечения безопасности следует также закрепить принцип protection by design, суть которого заключается во встраивании в алгоритм программных мер и ограничителей, направленных на предотвращение причинения вреда. Особое внимание следует уделить разработке требований к обучению ИИ (что также нашло отражение в Заявлении BMA по дополненному интеллекту в медицинской помощи 2019 г.): данная процедура в настоящее время остаётся вне правового регулирования. Анализ научной литературы позволяет обобщить ряд правил (данные из каждого компонента датасета должны быть взаимно-репрезентативными, необходимо обеспечить проведение нескольких независимых тестов на основе датасетов разных составителей[3] и др.), однако этот вопрос подлежит отдельному исследованию.

На наш взгляд, основой для международно-правового регулирования в области контроля за обращением алгоритмов могут послужить национальные стандарты серии ГОСТ Р 59921.* (к примеру, ГОСТ Р 59921.1-2022 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 1. Клиническая оценка»), посвящённые исключительно особенностям обращения медицинских ИИ-систем. Несмотря на необходимость дальнейшего совершенствования процедур, закреплённых в данных документах, их содержание охватывает ключевые этапы разработки ИИ-систем с учётом основных особенностей технологии.

Проблема ответственности за вред, причинённый ИИ, в настоящее время не разрешена: в источниках международного права отсутствует какая-либо унифицированная концепция деликтной ответственности. Редкие попытки разрешить данный вопрос заключаются в применении по аналогии существующих составов деликтов, таких как причинение вреда источником повышенной опасности или вследствие недостатков товара (см. Резолюцию ЕС № 2015/2103(INL) от 16.02.2017, Директиву Совета ЕС № 85/374/ЕЭС от 25.07.1985). Вместе с тем, данные составы деликтов не учитывают специфику технологии (её автономность) и не могут применяться в области медицины, предполагающей оправданный ущерб.

С учётом текущего уровня технологического развития единственно верным является возложение юридической ответственности именно на человека, которому алгоритм подконтролен. Об этом неоднократно упоминается в Резолюции ЕС № 2015/2103(INL) от 16.02.2017, Рекомендации Совета ОЭСР по ИИ 2019 г. и Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ 2021 г. В здравоохранении как области

[1] Киселева А.Ю. Указ. соч. С. 32.
[2] Там же. С. 33.
[3] Collins G.S., Moons K.G.M. Reporting of artificial intelligence prediction models // The Lancet. 2019. № 393 (10181). P. 1577-1579.

повышенной социальной значимости, где ценой ошибки выступает жизнь и здоровье человека, к профессиональным участникам неизбежным образом должны предъявляться более строгие стандарты ответственности, в т.ч. принцип персональной ответственности врача за последствия решений, принятых в автоматизированном порядке.

Специальный состав деликта за вред, причиненный ИИ, должен быть основан на объединении составов генерального деликта и принципа управления рисками (см. п. 53 и 54 Резолюции ЕС № 2015/2103(INL) от 16.02.2017) в случаях, когда вину конкретного лица установить невозможно или такой вред не является противоправным. Основанием для привлечения к ответственности следует рассматривать причинение вреда в результате несоблюдения требований в рамках контроля за обращением медицинских изделий, в т.ч. правил производства, продажи, эксплуатации и обслуживания интеллектуальных систем. Медицинский работник привлекается к ответственности на основании принципа управления рисками при одновременном соблюдении следующих условий: (1) не нарушены правила в рамках режима обращения медицинских изделий; (2) причинитель вреда и потерпевший действовали добросовестно; (3) причинитель вреда принял на себя риск причинения вреда в рамках профессиональной презумпции, и (4) потерпевший не согласился с риском причинения вреда в рамках процедуры предоставления согласия на медицинское вмешательство[1].

Международное сотрудничество играет важнейшую роль в регулировании использования ИИ в области медицины и обеспечения его безопасности. Особое значение сотрудничества подчёркивается в преамбуле Устава ВОЗ, согласно которой «здоровье всех народов … зависит от самого полного сотрудничества отдельных лиц и государств». Главной целью международного сотрудничества в области ИИ должна стать минимизация рисков причинения вреда и нарушения прав человека, к которым может привести бесконтрольное развитие технологий. Для достижения данной цели большое значение имеет разработка системы технических стандартов (см. Резолюцию ВОЗ № WHA66.24 от 27.05.2013).

Унификация информационно-обменных процессов, масштабирование баз данных и обеспечение совместимости информационных сетей локального, регионального и национального уровней являются одной из основных задач международного сотрудничества в области охраны здоровья[2], на что также указывает ВОЗ (в Резолюции № WHA71.7 от 26.05.2018). Ключевое значение имеет стандартизация формата, каталогизации и хранения данных, внедрение общедоступных систем поиска, индексации и проверки качества наборов данных. За основу международных стандартов в данной области могут быть взяты уже существующие и активно используемые в медицинской практике протоколы DICOM, HL7 и профили IHE. Вместе с тем, следует с осторожностью относиться к существующей тенденции локализации данных через установление национальных ограничений для их трансграничного движения[3].

Не менее важным направлением является международное сотрудничество в области интеллектуальной собственности. Трудоёмкость создания прогностических моделей ИИ и баз данных обуславливает необходимость установления баланса между интересами правообладателей и общества (обеспечение здоровья, НТП и конкуренции), чему будет способствовать

---

[1] Никитенко С.В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156-174.

[2] Морозов С.П., Переверзев М.О. Обзор текущего состояния и основных требований к PACS-системам // Врач и информационные технологии. 2013. № 3. С. 19.

[3] Willems A. Op. cit. P. 238.

установление национального режима и режима наибольшего благоприятствования (такой подход реализован в Соглашении ТРИПС 1994 г.). Для содействия кооперации и создания венчурных предприятий с иностранным участием следует усовершенствовать институт совместного владения интеллектуальной собственностью[1] и предпринимать меры по снижению административных барьеров для обеспечения её охраны[2]. Разработкам также будет способствовать усовершенствование технических средств защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и расширение сферы использования инклюзивных механизмов регулирования (лицензии Creative Commons, свободное программное обеспечение, принудительное лицензирование и режим общественного достояния)[3].

В области ИИ на первый план выходит техническое и финансовое сотрудничество государств, без которого создание безопасных алгоритмов будет крайне затруднено. Реализация принципов международного медицинского права и основ регулирования НТП предполагает усиление международного сотрудничества между развитыми и развивающимся государствами в целях сокращения технологического разрыва между ними, увеличения охвата населения медико-санитарными услугами и улучшения их качества. В целях увеличения объёмов оказания высокотехнологичной медицинской помощи государствам следует наладить обмен опытом правоприменения, установить преференциальный правовой режим инновационных разработок, повысить цифровую грамотность и развивать телекоммуникационную инфраструктуру.

Необходимость регламентации отношений, связанных с использованием ИИ в медицине, ставит перед нами вопрос об источниках международного права, наиболее соответствующих специфике предмета регулирования. Высокая динамика общественных отношений, вызванная НТП, обуславливает необходимость выбора международно-правовых инструментов, обеспечивающих гибкость и устойчивость правового регулирования. По нашему мнению, принятие в ближайшем будущем международно-правового акта, содержащего обязанности государств в области использования ИИ – маловероятно. Наиболее реальным видится создание международного модельного закона, декларации и международных стандартов.

Мы надеемся, что настоящее исследование позволит усовершенствовать правовой режим использования интеллектуальных технологий, который закреплён в действующих источниках международного, интеграционного и национального права, а также поможет в решении проблем в области медицины, вызванных появлением искусственного интеллекта – прообраза нового участника общественных отношений, способного значительным образом повысить качество, своевременность оказания и доступность медико-санитарных услуг, а также усилить межгосударственное сотрудничество в области охраны здоровья на благо всего человечества.

---

[1] Кайснер Э., Раффо Д., Вунш-Винсент С. Робототехника: прорывные технологии, инновации, интеллектуальная собственность // Форсайт. 2016. Т. 10. № 2. С. 23.

[2] Бахин С.В. Влияние новых технологий на современное международное частное право. С. 106-138.

[3] Городов О.А., Егорова М.А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 10-11.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов, В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157-170.
2. Афанасьева, Л.А. Научно-технический прогресс и расширение сферы действия международного частного права // Международное частное право: Современные проблемы / Отв. ред. М.М. Богуславский. – М.: Теис, 1993. – С. 418-429.
3. Бартенев, Д.Г. Право на охрану здоровья в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Бартенев Дмитрий Геннадиевич. – СПб., 2006. – 193 с.
4. Бахин, С.В. Влияние новых технологий на современное международное частное право (Глава 5) // Современное международное частное право в России и Евросоюзе. Кн. первая: монография / под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. – М.: Норма, 2013. – С. 106-138.
5. Бахин, С.В. Научно-технический прогресс в области медицины и международно-правовая защита прав человека: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Бахин Сергей Владимирович. – СПб., 1990. – с. 269.
6. Васильев, А.А. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ / А.А. Васильев, Д. Шпоппер, М.Х. Матаева // Юрлингвистика. – 2018. – № 7-8. – С. 35-44.
7. Габов, А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 105-122.
8. Гаджиев, Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 15-30.
9. Городов, О.А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России / О.А. Городов, М.А. Егорова // Право и цифровая экономика. – 2018. – № 1. – С. 6-12.
10. Дмитрик Н.А. Пределы цифрового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество и право. – 2018. – № 3. – С. 47-58.
11. Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права : монография. – М.: Междунар. отношения, 1981. – 167 с.
12. Кайснер, Э. Робототехника: прорывные технологии, инновации, интеллектуальная собственность / Э.Кайснер, Д. Раффо, С. Вунш-Винсент // Форсайт. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 7-27.
13. Киселева, А.Ю. Применение искусственного интеллекта в здравоохранении: аспекты медицинского права // Медицинское право: теория и практика. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 29-38.
14. Лазарев, М.И. Международное право и научно-техническая революция // Советский ежегодник международного права, 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 41-71.
15. Морозов, С.П. Обзор текущего состояния и основных требований к PACS-системам / С.П. Морозов, М.О. Переверзев // Врач и информационные технологии. – 2013. – № 3. – С. 17-29.
16. Никитенко, С.В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 1. – С. 156-174.
17. Никитенко, С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 2 (98). – С. 151-163.
18. Рассолов И.М. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в сфере правовой защиты генетической информации / И.М. Рассолов, С.Г. Чубукова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2021. – № 1 (60). – С. 83-90.

19. Фохт, О.А. Анализ принятых поправок к Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных» // Врач и информационные технологии. – 2011. – № 5. – С. 56-59.
20. Черниченко, С.В. Контуры международного права. Общие вопросы : монография. – М.: Научная книга, 2014. – 592 с.
21. Явич, Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М.: Госюриздат, 1961. – 172 с.
22. Collins G.S., Moons K.G.M. Reporting of artificial intelligence prediction models // The Lancet. – 2019. – № 393 (10181). – P. 1577-1579.
23. Willems A., Kamau M. Of Binding Provisions and Trust Marks; Roadmap to a Global Legal Framework for the Digital Economy // Legal Issues of Economic Integration. – 2019. – Vol. 46. – № 3. – P. 225–246.

Дата поступления: 10.07.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балафендиев А.М.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Kard.111@inbox.ru
Balavendiev A.M.,
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: Kard.111@inbox.ru

Благов Юрий Владимирович
Волжский университет имени В.Н. Татищева, г. Тольятти, Россия
Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Россия
Кандидат педагогических наук
E-mail: yuri-blagov@mail.ru
Blagov Yuri Vladimirovich
Volzhskiy University after V.N. Tatishchev, Togliatti, Russia
Volga Region State University of Service, Togliatti, Russia
PhD in Pedagogy
E-mail: yuri-blagov@mail.ru

Гогин Александр Александрович
Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия
Доктор юридических наук, доцент
E-mail; gana46@.ru
Gogin Alexander Alexandrovich
Togliatti State University, Togliatti, Russia
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: gana46@.ru

Дубовиченко Сергей Викторович
Московский финансово-юридический университет, г. Москва, Россия
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: dubovichenko.s@mfua.ru
Dubovichenko Sergey Viktorovich
Moscow Financial and Law University, Moscow, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: dubovichenko.s@mfua.ru

Евграфова Ирина Владимировна
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

Evgrafova Irina Vladimirovna
St. Petersburg State Maritime Technical University, St. Petersburg, Russia
PhD in Pedagogy, Associate Professor
E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

Карлов Вадим Петрович
Волжский университет имени В.Н. Татищева, г. Тольятти, Россия
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: karlov.urist@yandex.ru
Karlov Vadim Petrovich
Volga University named after V.N. Tatishcheva, Togliatti, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: karlov.urist@yandex.ru

Кафаров Анар Джамил оглы
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Аспирант
E-mail: 1anar@mail.ru
Kafarov Anar Djamil ogly
People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia
postgraduate student
E-mail: 1anar@mail.ru

Косолапов Михаил Федорович
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
e-mail: kosolapov_mf@mail.ru
Kosolapov Mikhail Fyodorovich
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov, Russia
PhD in Law, Associate Professor
e-mail: kosolapov_mf@mail.ru

Маштаков Игорь Владимирович
Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zavet4@rambler.ru
Mashtakov Igor Vladimirovich
Togliatti State University, Togliatti, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: zavet4@rambler.ru

Микаэлян Роман Самвелович
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Аспирант
E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

Mikaelyan Roman Samvelovich
St. Petersburg State Maritime Technical University, St. Petersburg, Russia
Graduate student
E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

Мирончуковская Виктория Викторовна
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: bosfor4878@mail.ru
Mironchukovskaya Victoria Viktorovna
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
PhD in Philosophy, Associate Professor
E-mail: bosfor4878@mail.ru

Мифтахов Айдар Масхутович
Российский государственный университет юстиции (Казанский филиал), г. Казань, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Kpdolina@mail.ru
Miftachov Aidar Maschutovich
Russian State University of Justice (Kazan Branch), Kazan, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: Kpdolina@mail.ru

Мишин Андрей Викторович
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Доцент
E-mail: av-mishel@mail.ru
Mishin Andrey Viktorovich
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Associate Professor
E-mail: av-mishel@mail.ru

Некрасов Александр Петрович
Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Самара, Россия
Доктор юридических наук, профессор
E-mail: nekrasov.aleksandr@mail.ru
Nekrasov Alexander Petrovich
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Samara, Russia
Doctor of Law, Professor
E-mail: nekrasov.aleksandr@mail.ru

Никитенко Сергей Викторович
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
преподаватель-исследователь
E-mail: sergeynikitenko12@gmail.com

Nikitenko Sergey Viktorovich
Saint Petersburg State University, St. Petersburg
teacher-researcher
E-mail: sergeynikitenko12@gmail.com

Ораздурдыев Ашир Мовлямович
Пенсионер, г. Москва, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ashirbeyavukat@mail.ru
Orazdurdiyev Ashir Movlyamovich
Retired, Moscow, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: ashirbeyavukat@mail.ru

Панкратова Майя Евгеньевна
Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: pankratova.mayya@gmail.com
Pankratova Maya Evgenievna
Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: pankratova.mayya@gmail.com

Пестова Татьяна Павловна
Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия
Кандидат юридических наук
E-mail: pestovatp@susu.ru
Pestova Tatyana Pavlovna
South Ural State University (national research university)? Chelyabinsk, Russia
PhD in Law
E-mail: pestovatp@susu.ru

Полтавский Богдан Сергеевич
Центральный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», г. Воронеж, Россия
магистрант
E-mail: leonard9696@mail.ru
Poltavskiy Bogdan Sergeevich
Russian State University of Justice, Voronezh, Russia
master's student
E-mail: leonard9696@mail.ru

Рамадан Мохаммед Джами
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Соискатель
E-mail: Kafedra.ksu@yandex.ru

Ramadan Mochammed Jami
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Graduate student
E-mail: Kafedra.ksu@yandex.ru

Рашева Наталья Юрьевна,
Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Россия
председатель Общественной палаты Мурманской области
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: anyta_us@mail.ru
Rasheva Natalia Yurievna,
Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia
Chairman of the Public Chamber of the Murmansk Region
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: anyta_us@mail.ru

Семенова Марина Сергеевна
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия
Аспирант, преподаватель кафедры теории и истории государства и права
E-mail: marinakonisheva95@gmail.com
Semenova Marina Sergeevna
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
Graduate student, lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
E-mail: marinakonisheva95@gmail.com

Титов Сергей Николаевич
Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: s.n.titov@yandex.ru
Titov Sergey Nikolaevich
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: s.n.titov@yandex.ru

Травин Александр Владимирович
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru
Travin Alexander Vladimirovich
St. Petersburg State Maritime Technical University, St. Petersburg, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

Федорова Анна Николаевна
Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
заведующая кафедрой «Гражданское право и процесс»
E-mail: civil@tltsu.ru
Fedorova Anna Nikolaevna
Togliatti State University, Togliatti, Russia
PhD in Law, Associate Professor
Head of the Department of Civil Law and Procedure
E-mail: civil@tltsu.ru

Фофанова Анна Юрьевна
Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Россия
Кандидат экономических наук
E-mail: n.p.fofanova@mail.com
Fofanova Anna Yurievna
Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia
PhD in Economic
E-mail: n.p.fofanova@mail.com

Хабибуллин Наиль Эрикович
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: *Nail.kpfu@gmail.com*
Khabibullin Nail Erickovich
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: Nail.kpfu@gmail.com

Южиков Александр Александрович
Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: aleksandr_yuzhik@mail.ru
Yuzhikov Alexandr Alexandrovich
Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: aleksandr_yuzhik@mail.ru

Научный журнал

В Е С Т Н И К

Волжского университета

имени В.Н. Татищева

Уважаемые коллеги!

Готовятся к выпуску очередные номера научного журнала **«Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева».**

Сводная форма журнала делится на три группы научных специальностей:

5.1. Право

5.2. Экономика

5.9. Филология

Редакция журнала принимает научные статьи по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.5. Международно-правовые науки

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.2.4. Финансы

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Основные требования к содержанию статей: актуальность, новизна, качество.

Редакция журнала просит авторов руководствоваться нижеприведенными требованиями к оформлению рукописей.

1. К статье прилагается: название, Ф.И.О. авторов, ключевые слова и аннотация на русском и английском языках.

2. Авторы нумерацию страниц не производят. Текст статьи представляется в электронном и печатном вариантах с помощью компьютерного набора в редакторе Word. Формат бумаги А4, поля: справа и слева 2,0 см, сверху 2,0 см, снизу 2,0 см, абзацный отступ 1 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер 12 пт, через 1 интервал.

3. Сноски: постраничные, нумерация сквозная, размер шрифта – 10 пт, междустрочный интервал - одинарный.

4. Библиографический аппарат должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.1 - 2003.

5. Сведения об авторах:

- набираются шрифтом размера 12 пт;

- содержат Ф.И.О. каждого из авторов (шрифт жирный), место работы автора в именительном падеже, ученая степень, звание, должность автора, контактную информацию (почтовый индекс, адрес, e-mail, телефон).

6. Ориентировочный объем статьи 8-12 стр. машинописного текста, формата А4. Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо.

Контакты редакции журнала:

E-mail: vestnik@vuit.ru (право и экономика);

E-mail: vestnikfn@vuit.ru (филология)

Сайт: http://vuit.ru/science/vestnik/index.php (о журнале)

http://vuit.ru/science/vestnik/rules.php (требования к оформлению статей)